МИР В ВОЙНАХ

МАРТИН БОРМАН

«СЕРЫЙ КАРДИНАЛ» III РЕЙХА

Павел Пяленко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мартин Борман — одна из самых таинственных и страшных личностей в истории третьего рейха. Главный кабинетный убийца творил свои преступления, не выходя из-за письменного стола. Его влияние ощущалось повсюду: похоже, его опасался даже Гитлер. И недаром: в самой цитадели третьего рейха зрел замысел «рейха четвертого». Судьба Мартина Бормана, серого кардинала XX века, — в центре этого документального повествования.

- Павленко Павел Петрович
  - От автора
  - Через хаос
  - Прощание с Мекленбургом
  - В «коричневом доме» (начало восхождения)
  - В «коричневом доме» (ближе к фюреру)
  - В новой ипостаси
  - На службе у диктатора
  - В свите фюрера
  - Усердно работая локтями
  - Против христиан и евреев
  - Гроза над Европой
  - За «жизненное пространство»
  - Партийная канцелярия
  - За первенство среди равных
  - Шаг за шагом
  - «Комитет трех»
  - Секретарь фюрера
  - «Четвертый рейх»
  - Агония
  - Из небытия
  - Примечания
  - Иллюстрации
- notes
  -

Павленко Павел Петрович
Мартин Борман: «серый кардинал» третьего рейха

От автора

Предрассветная мгла еще не рассеялась над долиной Эльзаса, а колонны германских пехотных частей уже выступили к Кольмару навстречу войскам западных союзников антигитлеровской коалиции. Легкая дымка утреннего тумана скрывала раскинувшиеся на склонах гор виноградники. Лишь кое-где угадывались силуэты строений — то ли развалины древних замков и крепостей, то ли дома местных крестьян-виноделов, то ли недавно построенные укрепления. На исходе лета вермахт начал подготовку к предстоящей битве: к тому времени стало ясно, что наступление войск союзников во Франции остановить не удастся, и третий рейх приступил к лихорадочному возведению оборонительной «линии Зигфрида» близ рубежей Германии.

Через Кольмар — крепость, исстари пользовавшуюся заслуженной славой и превратившуюся в живописные развалины еще во времена юности Жанны д'Арк, — пролегла дорога от военного аэродрома в Страсбург, по которой мимо шагавших навстречу батальонов ранним утром 10 августа 1944 года несся черный «мерседес». Прохладный ветер отчаянно трепал укрепленные на капоте штабного автомобиля флажки СС со свастикой, свидетельствовавшие о высоком ранге пассажира. Последний же, занятый мыслями о предстоящем совещании, совершенно не обращал внимания на восхитительные пейзажи, которыми природа щедро наделила благодатный эльзасский край.

Директор промышленной корпорации «Гермадорф и Шенбург» доктор Шейд, удостоенный почетного звания [4] обергруппенфюрера СС, въехал в Страсбург, едва первые прямые лучи солнца упали на крыши домов. Названия улиц — французские, магазинов — немецкие: за многие века Эльзас и Лотарингия, многократно переходившие от Франции к Германии и обратно, стали двуязычными. Штабной «мерседес» медленно пробрался по узким улицам старинного города к гостинице «Мезон Руж», где должна была состояться встреча Шейда, уполномоченного Мартина Бормана, с представителями крупнейших промышленных и финансовых корпораций третьего рейха. Рейхсляйтер НСДАП напутствовал своего посланца словами: «Надо понимать, что победить в этой войне невозможно. Поэтому лидерам германской экономики следует сохранить свои капиталы, дабы впоследствии вернуться и восстановить прежние позиции. Итогом этой встречи должны стать шаги, которые

определят послевоенное будущее Германии».

Такой вывод Мартин Борман сделал в конце 1943 года, когда рухнули стратегические планы главарей третьего рейха, надеявшихся заставить Москву вступить в переговоры. В конце 1942 года стало очевидно, что Германии явно не хватало ресурсов для ведения длительной войны против Советского Союза. Поэтому Гитлер, во-первых, планировал создать мощный военный кулак вблизи украинско-российской границы и взять реванш за сокрушительное поражение под Сталинградом, полагая, что крупная победа летом 1943 года позволит ему закрепиться на рубеже Украины.

Во-вторых, шеф гестапо Генрих Мюллер уже более полугода вел небывалую по масштабам радиоигру, стремясь посеять раздор в стане союзников по антигитлеровской коалиции. Гестаповцам удалось раскрыть широкую сеть (более ста агентов и шесть радиопередатчиков) советской разведки, деятельность которой охватывала несколько европейских государств, оккупированных фашистской Германией. Гитлер и Борман надеялись рассорить русских с их западными союзниками. Они полагали, что подозрительность первых заставит американцев и англичан поспешить с открытием второго фронта. В 1943 году вермахт располагал значительными силами в Западной Европе и мощной, глубоко эшелонированной противовоздушной обороной. Нацистские главари [5] не без основания полагали, что им хватит сил сбросить десант противника в океан.

В-третьих, существенное значение имел тот факт, что германский флот успешно вел битву за Атлантику, нанося сокрушительные удары по караванам судов, осуществлявших поставки в Советский Союз техники по ленд-лизу. Узнав о существовании кодированной прямой связи между Вашингтоном и Лондоном, Борман поручил Мюллеру сформировать внутри гестапо особый отдел дешифровки, занимавшийся исключительно этой проблемой. Рейхсляйтер НСДАП финансировал все необходимые исследования из партийного фонда и не жалел средств на создание техники, которая позволяла бы незамедлительно получать сверхсекретную информацию, известную лишь высшему политическому и военному руководству США и Великобритании. В итоге немецким техникам удалось создать столь необходимый дешифратор, и в 1942 году среди холмов на побережье Голландии был построен специальный радиокомплекс, позволявший вести перехват и дешифровку сообщений западных союзников.

Расчеты Гитлера зиждились на том, что после провала второго фронта Рузвельт и Черчилль проиграют выборы в своих

странах и на смену им придут менее решительные политики. Итогом стал бы развал коалиции. Потеряв поддержку союзников и встретив непреодолимую оборонительную систему на подходах к Украине, Сталин, по их мнению, должен был согласиться на переговоры, в результате которых Гитлер планировал оставить за собой Прибалтику, Украину и Белоруссию. Передышка позволила бы расправиться с англичанами и накопить силы для нового рывка на Восток.

Однако германское контрнаступление под Курском полностью провалилось и превратилось в новое сокрушительное поражение. Один из арестованных советских агентов сбежал и, добравшись до законсервированного передатчика, сообщил в Москву о провале разведывательной сети и о радиоигре Мюллера, — планы рассорить союзников пошли прахом. Англичане же, столкнувшись с чрезвычайной оперативностью германских субмарин, топивших даже [6] конвои, несколько раз резко менявшие курс согласно вновь поступавшим приказам, догадались о наличии станции радиоперехвата и сумели обнаружить ее. В 1943 году расположенный в Голландии радиокомплекс был уничтожен в результате массированного налета британской авиации.

«Теперь уже никто не согласится на мирные переговоры с нами», — заключил Гитлер в конце 1943 года.

К тому времени Борман уже заручился согласием крупнейших германских промышленников и финансистов в осуществлении плана подготовки «четвертого рейха» — плана послевоенного возрождения Германии. Он изолировал Гитлера от своих главных конкурентов и бдительно оберегал свое привилегированное положение при фюрере. Поняв, что будущее не сулит хозяину благоприятной перспективы, Мартин Борман приступил к закладке фундамента собственного рейха. Талантливый организатор и опытный финансист, он намеревался взять реванш в послевоенной битве на финансовом фронте. К лету 1944 года были определены основные методы маскировки германских капиталов и каналы перевода их за рубеж. Главенствующую роль партии и лично Мартина Бормана никто не ставил под сомнение, ибо только этот человек, сконцентрировавший в своих руках всю реальную власть в государстве, мог по собственной воле решать, кого вознаградить наибольшим набором прав и привилегий для подготовки к «жизни после смерти». Его проект сулил гигантам вроде империй Круппа и «И. Г. Фарбениндустри» радужные перспективы в послевоенной Европе.

Конечно, многие крупнейшие корпорации могли сберечь

значительную часть своих богатств и без поддержки Бормана. Несмотря на закон об ограничении экспорта капитала, они умудрялись так закамуфлировать свои операции, что являлись фактическими владельцами многих фирм и банков в нейтральных государствах. Формально во главе подобных фирм стояли граждане этих стран, но реально контрольные пакеты акций (или предприятия целиком) принадлежали германским корпорациям. Особых успехов на этом поприще добилась «И. Г. Фарбениндустри». Президент последней Шмиц стал личным консультантом Бормана [7] в подобных операциях и получил почетное звание «тайного советника» НСДАП.

После покушения на жизнь Гитлера (20 июля 1944 года) рейхсляйтер НСДАП решил, что медлить более недопустимо: при значительно возросшей вероятности возникновения непредсказуемых осложнений темпы экспорта германского капитала были явно недостаточными, следовало резко усилить эту кампанию. Согласно приказу Бормана, Шейд объявил на совещании в Страсбурге о том, что отныне закон о запрете экспорта капиталов не распространяется на флагманы германской экономики. Кроме 750 зарубежных фирм, куда НСДАП осуществляла перекачку денег централизованным образом, каждой корпорации следовало самостоятельно организовывать подобные «убежища» в нейтральных государствах. Филиалы германских фирм за рубежом предстояло преобразовать в предприятия, формально принадлежавшие гражданам этих стран (например, в Скандинавии наиболее известными из таковых являлись «Сименс» и «Бош»). «Отмытые» таким образом капиталы под видом инвестиций нейтральных государств поступали на международный финансовый рынок и шли даже на вложения в американские фирмы (путем приобретения акций на бирже Нью-Йорка).

Почти неизвестный широкой общественности Германии, тщательно скрывавшийся в тени фюрера, рейхсляйтер НСДАП Мартин Борман сконцентрировал в своих руках почти все рычаги реальной власти. Руководство страной он осуществлял через подчиненных ему местных партийных лидеров — гауляйтеров, формально обладавших определенной долей независимости от центральных органов. Став доверенным слугой фюрера, Борман умело воспользовался возможностью от его имени управлять деятельностью министров. Узурпировав право готовить доклады для Гитлера по всем вопросам не только партийного, но и государственного управления, рейхсляйтер НСДАП тонко манипулировал фюрером, терпеливо добиваясь своих целей. В итоге Мартин Борман стал могущественнейшим серым

кардиналом в истории XX века: действуя от имени нацистского вождя, он почти никогда не брал на себя персональную ответственность [8] за принятие решений, вынуждая других руководителей издавать и подписывать нужные ему приказы и законы. Лишь изредка его виза, свидетельствовавшая об одобрении партией тех или иных действий, появлялась на документах государственного и политического значения. Обычно на его формальной поддержке настаивали в тех случаях, когда речь заходила о бесчеловечной политике геноцида в отношении «низших рас» (даже такие отъявленные палачи, как Гиммлер, Гейдрих и Эйхман, стремились разделить с кем-нибудь ответственность за ужасные преступления). Главный кабинетный убийца, творивший свои преступления, не выходя из-за письменного стола, никогда не видел воочию никого из миллионов своих жертв, представавших перед его взором лишь в виде безликих цифр в отчетах подчиненных.

Восхождение подобных личностей к вершинам власти в разные эпохи складывается по-разному, но всегда таит в себе угрозу человечеству. Трудно сказать, кто и где, укрывшись под сенью неизвестности, вновь вынашивает сегодня замыслы о мировом господстве и готовит новые беды всей планете.

Эта книга — об одной из самых таинственных и страшных личностей в истории третьего рейха — Мартине Бормане. Его совсем не знали в стране, но влияние партайгеноссе ощущалось повсюду. Похоже, его интриг опасался даже Гитлер. Его имени не было в списках казненных и заключенных в тюрьму по приговору Нюрнбергского трибунала. Его вообще потом нигде не было... Борман исчез. Растворился вместе с миллионами партии. [9]

Через хаос

Юноше еще не исполнилось и девятнадцати лет, а он уже сумел достаточно хорошо разобраться в ситуации, чтобы не опасаться за последствия столь решительного поступка. Конечно, в прежние времена, когда подобное считалось позором и свежи были в памяти победы, следовавшие одна за другой, и торжествующие толпы маршировали по улицам, распевая патриотические песни; когда об успехах возвещали звоны колоколов и экстренные выпуски газет; когда он, как и все его сверстники, торопил время, мечтая поскорее получить диплом и записаться добровольцем в армию, — тогда ему грозил бы расстрел.

Теперь же неизбежность окончательного поражения не вызывала сомнений, а император Вильгельм II бесславно сбежал в Голландию. Измученная непосильным бременем долгой войны на два фронта, некогда могущественная Германия оказалась на грани банкротства и голода. Страну раздирали политические конфликты, забастовки, стачки, вооруженные схватки. Отчаявшимся безработным, армия которых насчитывала более трех миллионов человек, подолгу не удавалось обеспечить себя хоть каким-то питанием. Совсем скоро в страну должен был хлынуть мощный людской поток: с окончанием войны сотни тысяч молодых мужчин вернутся к гражданской жизни, к которой они в большинстве своем совершенно не [10] подготовлены, ибо многие ушли на фронт прямо со школьной скамьи и к девятнадцати-двадцати годам умели только воевать.

Мартин Борман — а речь идет именно о нем — оказался в армии летом 1918-го, когда достиг призывного возраста. Примечательно, как быстро и полно молодой человек уразумел разницу между теорией юношеского патриотического идеализма и практикой армейского претворения в жизнь этих самых идей. Усатые сержанты сверхсрочной службы, в лагерях для обучения рекрутов переделывавшие «гражданскую размазню в настоящего человека», умели внушить, что сообразительный парень знает, когда и как потрафить начальству, — этот урок он постиг в совершенстве и усвоил на всю жизнь. Полученные навыки Мартин немедленно и успешно применил на практике: уклонился от передовой, устроившись «полировщиком» (то есть денщиком) офицера службы тыла.

Со свойственными ему тщательностью и последовательностью Мартин оценивал свои ближайшие перспективы — ближайшие, ибо окончательное поражение

Германии несомненно было не за горами. Адская мясорубка передовой — как, впрочем, вообще военная служба в армии проигравшей стороны — не сулила ни славы, ни успешной карьеры. Он имел представление о реальном положении дел в стране и избрал план действий, которые позволили бы ему неплохо устроиться даже в этих трудных условиях. Проходив в солдатской шинели семь месяцев и умудрившись в военное время ни разу не опалить ноздри едкой горечью пороха, Мартин снял военную форму и дезертировал в январе 1919 года, как только вооруженные отряды захватили Берлин и свергли социалистическую республику.

Тут стоит отметить, что так поступал всякий, кто не был обременен чувством боевого товарищества, не возвел долг перед отечеством в ранг абсолюта и не хотел [11] рисковать своей жизнью, участвуя в бойне, ставшей к тому времени бессмысленной. Для Бормана важно было уйти не слишком рано — он дождался того времени, когда дезертирство стало даже встречать сочувствие у населения. Но он и не медлил, стараясь попасть в первую волну беглецов и раньше других обеспечить себе приличное место. Мартин имел некоторое преимущество даже перед теми, кто ушел раньше, — ведь другие просто спасали себе жизнь, и им еще предстояло выработать способы устройства своего гражданского бытия. Борман же сразу взялся за реализацию заранее подготовленных задумок.

* * *

Решив не возвращаться к многочисленной семье в дом отчима, Мартин устроился на годичные курсы по подготовке... специалистов сельского хозяйства! Действительно, прежде он был исключительно городским жителем. Действительно, никто из его родственников не занимался сельским хозяйством. Действительно, эта сфера деятельности была для него совершенно незнакомой. И — существенная деталь! — в школе он не отличался рвением в учебе, проявляя некоторый интерес только к математике (эти способности отмечались учителями, укорявшими его за прохладное отношение к естественным наукам и полное пренебрежение к литературе, языкам и искусству). Но если Мартин Борман ставил перед собой какую-то цель, то, обладая недюжинной работоспособностью и невообразимым упорством, шел к ней, преодолевая все препятствия, в том числе и те, которые крылись в нем самом.

Почему же он избрал своим поприщем сельское хозяйство?

Да потому, что вполне здраво рассудил: именно в городах максимальный уровень безработицы; именно в города устремляются люди, потерявшие [12] место, ибо, согласно распространенному мнению, где много людей — там много работы не только на производстве, но и в сферах услуг, коммунального хозяйства и т. д.; кроме того, все тянулись в города, памятуя о тяжелых условиях жизни сельских наемных рабочих. Многие батраки в Германии ютились в жалких лачугах, не обеспечивавших элементарной защиты от непогоды. Зимой зачастую приходилось держать открытой дверь, поскольку в этих хижинах не было ни окон, ни дымоходов. Чад от очага выходил только через дверной проем, а низом по ледяному каменному полу в помещение вползала стужа. Здесь число больных туберкулезом и детская смертность были намного выше, чем в любой другой социальной группе. Сельские рабочие оказывались в условиях более ужасной нищеты, чем бедняки в ночлежках больших городов.

Но съестные продукты не произрастали в городе. А в тяжелые времена, когда многие жили впроголодь, близость к сельской ниве, плоды которой неизбежно росли в цене, обеспечила бы сообразительному и оборотистому малому вполне достаточное пропитание. Он мог бы думать не только о хлебе насущном, но и о дальнейшей карьере.

Понимая, что в таких условиях конкуренция за место в сельском хозяйстве будет не очень острой, Борман сделал еще один вывод, который не приходил в голову многим другим: надо сразу устраиваться на должность квалифицированного управленца, дабы миновать тяжкую участь наемного рабочего. Не обладая даже элементарной грамотностью, оставаясь грубым, неотесанным мужланом, Мартин отличался не только упорством и терпением, но и большими амбициями. Тяжелый физический труд, не суливший радужных перспектив, был не для него! Итак, первым делом следовало приобрести соответствующее образование. [13]

После года напряженной учебы Мартин окончил курсы и достаточно хорошо представлял себе все аспекты многоплановой практической работы управляющего сельскохозяйственным предприятием, с блеском освоил финансовую сторону административной деятельности, справедливо считая ее универсальной для всех отраслей. И это при том, что низкий уровень грамотности до поступления на курсы затруднял ему даже оформление простейшего контракта при устройстве на работу!

Впрочем, молодой человек хорошо понимал, что знания сами

по себе не гарантируют безбедного существования: они принесут свои плоды лишь в том случае, если его услуги будут востребованы. И потому — в девятнадцать-то лет! — он уже ПЛАНИРОВАЛ использование человеческих пристрастий. Чтобы устроиться на службу к крупному землевладельцу, следовало понять, что в нем самом (кроме знаний) могло заинтересовать юнкера{1}. По-видимому, тогда Мартин сделал этот анализ по наитию, еще не имея привычной, отработанной схемы действий. Однако все его шаги свидетельствуют о том, что уже в те годы ему доставало прозорливости. Крупные землевладельцы в большинстве своем происходили из старых аристократических семей. В условиях острой ситуации в стране, как отметил Мартин, люди такого сорта не могут не вспомнить о влиятельности предков и постараются поддержать традиции рода активным участием в делах политических. Поэтому Борман счел необходимым запастись соответствующим политическим багажом. Причем националистические взгляды консерваторов были ему близки, ибо происхождение и окружение сделали его монархистом.

Кроме того, он был вполне обычным представителем своего поколения. Поражение в войне, оккупация [14] части германской территории и условия Версальского договора не могли не оставить след в душе молодого парня, вызвав к жизни вполне понятное чувство оскорбленного национального достоинства, которое способно оправдать любое проявление национализма. Поэтому еще в годы учебы на сельскохозяйственных курсах Мартин вступил в студенческую националистическую организацию «Объединение против засилия евреев»{2} — молодежное отделение Германской национальной народной партии (ДНФП).

Имея на руках диплом сельскохозяйственного колледжа и партийную рекомендацию — немалые козыри по тем временам, — молодой человек довольно быстро нашел в предместьях Мекленбурга крупное поместье с вакантным местом управляющего. На испытательный срок он получил приличное жилье и трехразовое питание. Подобным условиям в те времена позавидовали бы миллионы людей.

Неизвестно, смог бы Борман крестьянствовать сам или нет. Но он сразу занял руководящее положение, и в его подчинении находились многочисленные работники обширного поместья. Причем Мартин приобщился к сельскому хозяйству в тот самый момент когда крестьянство провозгласили источником благосостояния страны, цитаделью немецкой культуры и хранителем германских традиций.

Центральная усадьба находилась в имении Герцберг, в пятнадцати километрах к северу от маленького городка Пархим. Владельцу поместья, Герману Эрнсту Вильгельму фон Трайенфельзу, принадлежало здесь 800 гектаров земли. Кроме того, он имел 370 гектаров угодий близ Мушвица, а во владении его отца оставалось еще около двух тысяч гектаров. Таким [15] образом, в собственности этой семьи находились земли, эквивалентные примерно семидесяти пяти фермам средних размеров.

Крестьяне не испытывали к Борману симпатий, но признавали, что молодой управляющий не обсчитывал и не обманывал их. Мартин оказался прирожденным бюрократом: начиная карьеру и желая утвердиться в этой должности, он дотошно выполнял все обязательства перед работниками, строго соблюдая финансовую дисциплину там, где затрагивались интересы поместья в целом и его хозяев и работников в частности. Впрочем, он наживался на другом: прокручивал без надлежащего оформления сделки с продуктами питания и спекулировал, используя инфляцию. У него обнаружился настоящий талант во всем, что касалось денег. В ту эпоху многое делалось неофициально, и нелегальным бизнесом занимался каждый, кому подворачивался удобный случай.

В одном из отчетов Борман указал, что заплатил штраф три тысячи марок (в те годы сильно девальвированных) «за нарушение декрета о сельском хозяйстве». Проще говоря, его схватили с поличным во время осуществления одной из нелегальных сделок. Тем не менее Герман фон Трайенфельз был полностью удовлетворен деятельностью своего предприимчивого работника. В августе он объявил Борману об окончании испытательного срока и назначил его управляющим имением Герцберг, поручив заботам энергичного молодого человека весь комплекс работ в поместье. Более того, Мартину позволялось оставлять себе в качестве премии часть прибыли, если доход от сделки заметно превышал ожидаемые результаты (то есть если удавалось не только заключить выгодную сделку, но и осуществить ее нелегально, избегая налогов и оплаты лицензий). Борман оказался мастером в подобных делах. [16]

Несмотря на то что управляющий исправно и справедливо выплачивал заработную плату, батраки поместья ненавидели его за чрезмерное высокомерие, грубость и властные манеры. К тому же он не пропускал ни одной юбки. Внешне Борман напоминал бычка: невысокий и плотный, коренастый, с широкими и мощными округлыми плечами, с крупной круглой головой (обычно слегка склоненной вперед) на короткой бычьей шее; для

своего возраста он был толстым и имел заметный живот. Короткие пальцы напоминали связку сосисок. При большом весе Мартин, однако, оставался подвижным и проворным, поспевал везде, а быстрые глазки ничего не упускали и могли опалить неугодного холодным пламенем. Черные волосы росли по всему телу, торчали из-под рукавов и из-за воротничка сорочки, покрывали даже пальцы. Столь буйная растительность нравилась многим женщинам, которые прощали ему пренебрежительное отношение и грубость, успокаивая себя тем, что это — проявление мужественности. В целом в его внешности не было каких-то ярких отличительных черт, и на улицах многолюдного города за двадцать минут можно было встретить двадцать таких борманов.

* * *

Тот факт, что после нескольких недель пребывания в Герцберге молодой управляющий фермы вступил в местное отделение ДНФП, выражавшей интересы крупных землевладельцев, свидетельствует не столько о его убеждениях, сколько о быстроте, с какой он адаптировался к новому окружению и политическим пристрастиям своего хозяина. Впрочем, уже с девятнадцати лет Борман не причислял себя к сторонникам Веймарской республики, и ему не приходилось лицемерить, поддакивая фон Трайенфельзу, который поносил власти, называя министров «красными» изменниками, [17] а государственный уклад — еврейской республикой.

Молодому человеку, желавшему устроить свою жизнь, новый режим мог предложить только весьма неопределенное будущее. Поражение в войне, тяжелые условия мира, банкротство экономики, голод, растущие цены, черный рынок — все эти беды (и ответственность за наследство, доставшееся от прежнего режима) навалились на тех, кто взял в руки управление государством. Министры Веймарской республики были недостаточно могущественны, чтобы исправить ситуацию своими силами. Так, при необходимости применения военной силы — например, когда надо было подавить восстание «спартаковцев», разгромить революционеров Верхней Силезии или Баварскую советскую республику, — им приходилось обращаться за помощью к фрейкорпам{3}, которые поначалу во всем поддерживали правительство.

Еще раньше Борман провел несколько дней у матери и имел возможность собственными глазами увидеть лидеров нового

правительства, назначенных Национальным собранием: коротышку Фридриха Эберта, [18] который из владельца пивной превратился в президента Германии, канцлера Филиппа Шейдемана с манерами изрядно постаревшего франта и заплывшего жиром Маттиаса Эрцбергера. Подобные личности не производили вдохновляющего впечатления на молодежь.

Герман фон Трайенфельз утверждал, что немцы пойдут не за этими жалкими «Schlappschwanze»{4}, а за настоящим мужчиной, который способен командовать, управлять и сможет твердой рукой наладить законность и порядок. При установившейся системе одни ждали указаний из «зала абсурда» в рейхстаге, другие подчинялись требованиям своей партии, а старые консерваторы, объединившиеся теперь под вывеской ДНФП, с головой ушли в сочинительство законов.

Первое выступление против республики в середине марта 1920 года потерпело фиаско. «Бригада Эрхардта» под предводительством лейтенанта военно-морских сил Германа Эрхардта на время изгнала законное правительство из Берлина в Штутгарт. Правительство националистов возглавил бывший глава управления землеустройства Вольфганг Капп, который объявил себя рейхсканцлером и распустил Национальное собрание, вознамерившись восстановить монархию.

Следует упомянуть о человеке, который прилетел в Берлин на ветхом военном самолете, чтобы присоединиться к путчу Каппа. Впрочем, тогда его никто не знал и не мог знать. Кому, кроме кучки мюнхенских националистов, в марте 1920 года был известен художник по имени Адольф Гитлер? За шесть месяцев до этого он был представителем от рейхсвера на митинге, проведенном германской рабочей партией, а теперь выступил с первой речью перед огромной аудиторией. Но год спустя, летом 1921-го, юнкера на [19] севере Германии не могли уже игнорировать его. Вскоре Гитлер стал председателем быстро разраставшейся и чрезвычайно активной политической партии.

Однако затем всеобщая забастовка парализовала страну и смела путчистов. Уже в 1920 году фрейкорпы оказались под запретом.

Страстные дебаты по поводу неудачи этой акции еще продолжались в доме фон Трайенфельзов, когда там появился Борман. В Мекленбурге повстанцы действовали особенно успешно. Они сместили местную администрацию с помощью рейхсвера и фрейкорпов, поддержку которых обеспечил известный всем в округе влиятельный деятель. В то время этот человек отсутствовал, поскольку руководил жестокой расправой над восстанием «красных» в Руре. Лейтенант Герхард Россбах был

типичным молодым офицером, военной карьере которого положили конец поражение Германии и условия Версальского договора. Ему выпало в течение нескольких последовавших лет оказывать решающее влияние на судьбу Мартина Бормана, хотя последний — человек абсолютно невоенный и бюрократ по складу характера — не имел ничего общего с искателем приключений, возглавившим объединение военизированных отрядов.

Однако в «период борьбы» (так члены НСДАП называли время до прихода партии к власти в 1933 году) для приобретения необходимой репутации и обеспечения партийной карьеры огромное значение имел стаж пребывания во фрейкорпах. Решив связать свое будущее с националистическим движением, Борман искал способ присоединиться к организации боевиков, хотя отнюдь не рвался участвовать в уличных стычках, драках и перестрелках. Так или иначе, он определил свой выбор и ждал теперь удобного случая сделать очередной серьезный шаг, необходимый для националиста с большими амбициями. [20]

* * *

Сельские рабочие, многие из которых трудились здесь годами, начинали понимать, что работодатели их обманывали: при редких выдачах заработка из-за галопирующей инфляции деньги заметно обесценивались к моменту их получения. Помещики же хранили продукцию в амбарах, и она с каждым днем дорожала. Многие покидали поместья, другие стали бунтовать. Тогда землевладельцам пришла идея дать на своих землях приют бойцам фрейкорпов. Они полагали, что эти подразделения с готовностью согласятся на такое предложение, ибо стычки с коммунистами и приграничные инциденты остались в прошлом, и правительство не только тяготилось их содержанием, но и побаивалось, памятуя, что некоторые отряды оказали поддержку путчу 1920 года. Землевладельцы сочли своим «патриотическим долгом» сохранить вооруженные банды националистов на случай непредвиденной опасности (намек на возможность революционных выступлений «красных»). А до того времени боевики могли бы выполнять сельские работы и обеспечивать защиту поместий от выступлений революционно настроенных бездельников, воров и мародеров. Однако отряды Россбаха из боевых дружин превратились в вооруженные формирования без определенных целей, и лишь отдельные подразделения принимали активное участие в негласной борьбе

против коммунистов и в проведении саботажа на предприятиях Рура, оккупированного Францией и Бельгией. В итоге ни фрейкорповцы, ни помещики не были довольны результатами этого шага. Землевладельцы вскоре поняли, что их новые помощники предпочитают охотиться за юбками и пить шнапс, а не выполнять полезную работу.

Удобный случай вполне комфортно устроиться во фрейкорпе подвернулся Борману в 1922 году, когда [21] было принято решение разместить в Герцберге пятнадцать бойцов Россбаха. Они отказались поселиться в бывшей конюшне, и владельцев домов в ближайших окрестностях попросили обеспечить им постой. Официально движение фрейкорпов было запрещено федеральным правительством, как представляющее угрозу для государства, и тогда просто изменили его название, ничего не меняя по сути. Штаб движения по-прежнему находился в Берлине, а местное бюро — в Мекленбурге. После очередного запрещения название вновь изменили — теперь организация Россбаха получила вывеску «Союз сельскохозяйственного профобучения». Бывший полковник Герман фон Трайенфельз, возглавлявший местных правых радикалов, решил посодействовать размещению людей Россбаха в окрестностях Пархима и поручил это дело своему способному молодому управляющему.

Так Мартин Борман приобрел первый опыт полулегальной деятельности, притом сам он ничего противозаконного не совершал. В его обязанности входило обеспечивать связь со штабом ассоциации и доводить приказы начальства до отдельных групп, рассредоточенных в сельских районах. Он также распоряжался деньгами общей кассы своего отряда, которые удерживал из выплат Россбаха и хранил на банковском счете. Эта штабная деятельность обеспечила ему определенный авторитет среди рядовых фрейкорповцев. Дополнительный вес ему придавал тот факт, что он работал у фон Трайенфельза, связанного с руководством партии националистического толка.

Эту партию в 1922 году основали люди, считавшие ДНФП недостаточно радикальной. В их число входили депутаты рейхстага Рейнольд Вулле и Альбрехт фон Граефе, Теодор Фрич и писатель Артур Динтер (впоследствии гауляйтер НСДАП в Тюрингии). Играя на высокой инфляции, девальвации марки, возраставшем страхе перед коммунистами и большевиками [22] и негодовании общества, оскорбленного оккупацией Рура французами, партия быстро набирала сторонников в северных округах Германии. На юге и в Саксонии она уступала Гитлеру и его НСДАП (национал-социалистская немецкая рабочая партия). Внешне партии поддерживали дружеские отношения — Гитлер не

оспаривал позиции партии свободы на севере (в большинстве этих областей НСДАП была попросту запрещена). Однако втайне они пытались схватить друг друга за горло. Граефе и Вулле считали Гитлера и его баварских соратников папистами, антипруссаками и подражателями итальянского фашизма. Гитлер же высмеивал политических слепцов-идиотов, реакционеров и фанатиков с севера.

В этих условиях управляющий поместьем предпочел разделить убеждения своего хозяина, хотя заметил, что НСДАП менее косна в идеологическом отношении. Не прошел мимо его внимания и ловкий прием лейтенанта Россбаха (тот после серии запретов в конце концов разместил свой штаб в Берлин-Ванзее, замаскировав его под «Германское информационное бюро»), который состоял одновременно в обеих партиях, уверенный, что одна из них непременно окажется у власти. На самом деле, конечно, не было резкого разграничения между группами, объединениями и прочими формированиями крайне правых. Все они запасались оружием, рисовали свастики на касках и распевали разные стихи на одну и ту же старую мелодию британских мюзик-холлов.

* * *

Борману стоило немалых трудов держать в узде людей Россбаха, разместившихся в окрестностях Пархима. По признанию командира штутгартского отряда Вильгельма Кохлааса, «в ряды идейных борцов, стремившихся сделать что-нибудь полезное для отечества, [23] затесалось немало мошенников, аферистов и негодяев». Эти люди избивали и обворовывали друг друга; в их казармах нередко разыгрывались дикие сцены ревности и измен на почве гомосексуализма.

В феврале 1923 года в группу Россбаха в Герцберге с просьбой о зачислении обратился некто Кадов. Он представился школьным учителем, возглавлявшим молодежную группу партии свободы в Висмаре, и имел соответствующие рекомендации. Двадцатитрехлетний рекрут назвался бывшим лейтенантом и украсил форму никогда не принадлежавшими ему знаками отличия (впрочем, фрейкорповцы не имели обыкновения спрашивать у соратников документы, подтверждавшие право на ношение боевых наград). Однако вскоре он настроил против себя других членов отряда, поскольку занимал у них деньги, но долги не возвращал. Командир роты Георг Пфайфер доложил об этом Борману. Совет в составе хозяина поместья Бруно Фрике, Германа

фон Трайенфельза и Бормана постановил изгнать Кадова. Тут случилось новое ЧП: перед уходом Кадов уговорил кассира поместья выдать ему аванс на всю группу в размере тридцать тысяч марок — сумма, равная шестичасовому заработку рабочего-металлурга, — и обещал разнести деньги товарищам, но исчез вместе с деньгами.

Когда инцидент с Кадовым приобрел криминальный оттенок, Борман настолько разъярился (ведь дело касалось денежных вопросов, которые находились в его ведении и в которых он не терпел нарушений и беспорядка), что попросил кассира организации партии свободы в Пархиме немедленно сообщить, когда Кадов появится в этих местах в следующий раз, чтобы получить с него долги. Названная причина служила лишь поводом, ибо сумма была ничтожно мала и уменьшалась с каждым днем вследствие инфляции. Как утверждал Борман впоследствии, у него сразу зародились серьезные подозрения, [24] что Кадов шпион и предатель. Впрочем, тем самым он лишь добавил последний штрих к умелой маскировке, призванной скрыть тонко рассчитанную фальсификацию.

Дело в том, что в разгар отчаянной политической борьбы крайне радикальные группировки националистов не гнушались убийствами. Бывая в штабе россбаховцев, Борман слышал о методах расправы с противниками и предателями и видел, каким почетом окружены те, кто осуществлял подобные акции. Объявив Кадова предателем и организовав убийство, он мог не только отомстить{5} за обман, но и повысить свой авторитет в движении. Следовало рассчитать все так, чтобы обвинение не вызвало сомнений и расправа была осуществлена чужими руками (Мартин предпочитал не заниматься «грязной работой» и оставаться «чистым» перед законом), а в движении стало бы известно о проявленном им умении разоблачать врагов и организовывать сложные операции.

* * *

Послевоенная неразбериха обострила противостояние политических сил в Германии. В городах то и дело завязывались жестокие стычки; порой вспышки уличных боев охватывали целые области.

Борман слышал, что предатели обычно представали перед импровизированным судом в стиле так называемого «Feme»{6} (эта процедура была усовершенствована во времена преобразования фрейкорпов в «черный рейхсвер» и негласно

практиковалась в регулярной [25] армии). Обуреваемый желанием отомстить за покушение на деньги, которые были для него святая святых, он вознамерился сфабриковать такой же процесс и против Кадова.

«Вот как это начиналось, — писал один из участников расправы над Кадовом двадцать лет спустя, незадолго до того, как его самого казнили поляки. — Суд «Feme» — это самосуд в духе традиций древних германцев. Каждого предателя ждала смерть. Многих предателей казнили именно таким образом». Автор этих строк — Рудольф Ганс Гесс, некогда учившийся на католического священника, а к моменту описываемых событий ставший сельским рабочим в имении Ногухоф близ Пархима и вступивший в россбаховский фрейкорп.

Борман раскинул в Пархиме западню, и Кадов угодил в нее. 31 марта 1923 года он явился к функционеру партии свободы Тео фон Хаарцу, затем зашел к кассиру Масолле и попросил выдать деньги на поездку в Рур для борьбы против французской оккупационной армии. Наличных ему выдали немного, но в достаточной мере напоили шнапсом. Его уже качало, когда он покинул кабинет Масолле и, перейдя через улицу, зашел в гостиницу «Луизенхоф», в которой традиционно собирались местные землевладельцы и россбаховцы. Масолле направил к россбаховцам курьера с соответствующим известием. Он также попытался уведомить Бормана по телефону, но не смог дозвониться и поехал к нему на мотоцикле, который сломался по дороге. Тогда кассир взял напрокат велосипед, оставив в залог неисправный мотоцикл; он крутил педали оставшиеся пятнадцать километров и к вечеру добрался до Герцберга.

Обратный путь оказался гораздо проще и быстрее. Борман распорядился заложить охотничий конный экипаж и вызвал командира роты Георга Пфайфера и еще двух россбаховцев. К тому времени, когда экипаж [26] прибыл в город, бар был полон, а большинство посетителей уже изрядно «приняли на грудь». Масолле и приехавшие с ним боевики объявили выпивку за свой счет. Тем временем в бар потихоньку вошел толстяк в надвинутой на глаза шляпе и прошел в дальний угол, ненадолго задержавшись возле Кадова, который лежал на диване в пьяном беспамятстве. Сев спиной к принявшимся за угощение посетителям, он незаметно кивнул Пфайферу. Кадов даже не почувствовал, как россбаховцы, стараясь не привлекать внимания разгулявшейся публики, рылись в его карманах. Недолгий обыск позволил обнаружить членский билет молодежной коммунистической группы, русские рубли и подозрительные записи. Один из россбаховцев подошел к толстяку и тихо

отчитался. У того в глазах вспыхнула искра жестокой радости — повод есть! Не допускавшим возражений тоном он негромко отдал распоряжения. Затем его рука скользнула в карман плаща и извлекла оттуда небольшой увесистый предмет, который перекочевал в карман россбаховца, немедленно покинувшего своего собеседника. Так и не заказав спиртного, не привлекая к себе внимания, толстяк вышел и свернул за угол, исчезнув в темноте безлюдной улицы.

Когда около полуночи хозяин гостиницы объявил о закрытии заведения, россбаховцы предложили очухавшемуся Кадову продолжить развлечения в кофейне в компании хорошеньких женщин. Двое россбаховцев затащили его в экипаж и усадили между собой, Пфайфер и Гесс сели напротив, а еще двое молодцов заблокировали дверцы. Когда они выехали на дорогу на Шверин, немного протрезвевший Кадов понял, что город остался позади. Он попытался выскочить, но к его виску приставили пистолет. Через несколько сотен метров они взялись за него — сначала в экипаже, избивая кулаками, тыча палками и резиновыми дубинками, а затем выпихнули на луг. [27]

Удары сыпались со всех сторон — вшестером на одного. Наслаждаясь мучениями «предателя», россбаховцы сломали ему руки и ноги. Потом Гесс отломал кленовую жердь и со всей силы ударил жертву по голове — чтобы не кричал. Затем жертву забросили в ящик для багажа и прикрыли сверху плащом. Далее отправились только трое — они приехали в имение Нойухоф. Посовещавшись, решили закончить дело и зарыть тело в лесу. Один из россбаховцев перерезал Кадову горло перочинным ножом, а двое других всадили в голову по пуле. По возвращении экипаж отмыли от крови и уничтожили все следы пребывания в нем Кадова, а труп зарыли в сосновой рощице.

Ранним утром Борман узнал от Пфайфера о случившемся. Он позвонил руководителю областной организации национальной народной партии и заявил, что события якобы разворачивались не так, как планировалось. Впоследствии на суде Борман заявлял, что хотел лишь проучить Кадова, задать ему хорошую трепку. Но, очевидно, не это стало главной темой телефонных переговоров: в убийстве оказалось слишком много соучастников. Решили распустить слух, будто Кадов уехал из города на первом утреннем поезде.

В сопровождении Пфайфера Борман отправился в имение Нойухоф, чтобы предупредить всех, кто оказался вовлеченным в эту историю. Однако дисциплинированный Гесс уже сообщил по партийной линии, то есть Масолле, об убийстве Кадова, и теперь следовало изменить сценарий. Борман распорядился, чтобы все

причастные к делу побыстрее исчезли из этих мест.

Через пару дней, не посоветовавшись с Борманом, два участника происшествия заявились в партийный штаб в Шверине и попросили подыскать им где-нибудь жилье. Их направили в поместье на острове Пель, где один из них, Бернхард Юрих, сразу ввязался [28] в потасовку. Юрих, прежде проходивший лечение в берлинской клинике для душевнобольных, явно не подходил для хранения каких-либо секретов. Однажды под покровом тумана и темноты он покинул остров и скитался до 22 июня 1923 года, когда — то есть через три недели после кровавой расправы — его приютили в редакторской конторе берлинской ежедневной газеты социал-демократов «Форвертс». Там, дрожа от страха, как загнанный зверь, он поведал о происшествии в Пархиме.

* * *

Полиция откопала тело Кадова, и суд Мекленбурга возбудил следствие. Шесть убийц, включая Юриха, оказались за решеткой, но тот, кто задумал и организовал дело, пока оставался в тени. Мекленбургский суд трактовал события как драку между собутыльниками, которая привела к трагическому исходу, и квалифицировал дело не как политическое, а как уголовное. Если бы все так шло и дальше, никто не узнал бы о роли Бормана. Однако в июле член Верховного суда Людвиг Эбермайер перевел дело под «Закон о защите республики». В результате оно оказалось в юрисдикции лейпцигского суда. Мартин Борман был арестован и заключен в тюрьму города Шверин, а затем переведен в Лейпциг. Годы спустя в статье, опубликованной в августе 1929 года в газете «Фелькишер беобахтер», он писал, что его перевозили под усиленной охраной. Конвоиров подобрали особенно строгих и злобных, поскольку незадолго до этого крайне правые устроили побег лейтенанта Эрхардта из тюремной камеры. Были приняты все возможные меры безопасности, но Борман и его сотоварищи «даже не думали о побеге, поскольку совершенно не считали себя неправыми и верили, что заслужили не наказание, а награду». [29]

Столь самонадеянное утверждение означает, что казнь Кадова стала заслуженной карой «предателю», и в 1929 году Борман мог позволить себе вполне определенно высказать подобное мнение. Когда в Кракове казнь Рудольфа Гесса была делом уже решенным, последний откровенно сформулировал то, что Борман только подразумевал: «В то время мы твердо верили, что предатель заслуживает смерти. Коль скоро ни один

германский суд не вынес бы такого решения, мы приговорили его сами, следуя неписаному закону древних германцев, и сами привели приговор в исполнение».

Но летом 1923 года Борман чувствовал себя не столь уверенно, как писал в упомянутой статье. Тюремная жизнь очень угнетала его, и впоследствии он описывал это время в очень мрачных тонах: в ожидании суда пришлось облачиться в тюремные лохмотья и забыть о всех прежних удобствах, включая свежую сорочку каждый день; отсчет часов мучительно долгими ночами; первая возможность побриться — лишь после восьми дней заключения; запрет на прогулку в тюремном дворе. По-видимому, он преувеличивал, ибо Рудольф Гесс, который в то же время находился в той же тюрьме, отмечал, что к политическим заключенным относились «со всей возможной предупредительностью».

В конце сентября Бормана — единственного из арестованных по этому делу — выпустили из тюрьмы. На допросах в Лейпциге он продемонстрировал «добрую волю», подтвердив все, что не вызывало сомнений: он распорядился поколотить Кадова, приказал подготовить экипаж, посоветовал убийцам скрыться. По возвращении в Герцберг он представил себя ловкачом, которому удалось выкрутиться из лап следователей, тщетно старавшихся уличить его в соучастии в убийстве. Все восторженно похлопывали его по спине, виски и шнапс текли в «Луизенхофе» рекой. Пусть полиция [30] и суд надрываются в безрезультатных потугах — «осталось недолго терпеть»!

Поход на Берлин и конец республики казались неотвратимыми. Движение запрещенных фрейкорпов приобрело небывалый размах. Одним из поводов тому послужила казнь французскими оккупантами Рура{7} россбаховца Лео Шлагетера (за умышленный саботаж), вызвавшая взрыв протеста и резкий рост национализма. Возмущение было направлено также и против республиканского правительства, не предпринимавшего никаких мер для освобождения оккупированных земель и изменения позорного для Германии положения и безропотно терпевшего оскорбительные выпады французов.

1 октября 1923 года в Кюстрине, в сотне километров от столицы, майор Бруно Эрнст Бухрукер из «черного рейхсвера» приказал своим дружинам осуществить путч. Но ликование было недолгим, поскольку их блокировали регулярные войска. В Гамбурге, Тюрингии и Саксонии коммунисты стали вооружаться, готовясь к восстанию. Теперь государству понадобился бы каждый «правый», способный держать в руках винтовку, и оно перестало разоружать неудачливых путчистов.

Тем временем тревога сгустилась в воздухе над Мюнхеном. Даже местные власти готовы были поддержать путчистов, выступавших против Берлина, поэтому сюда съехались вояки всех мастей и рангов, включая Россбаха и стратега первой мировой войны генерала Эриха Людендорфа, которого высоко ценили северяне из национальной народной партии.

События, происшедшие в Мюнхене 9 ноября 1923 года, хорошо известны: дилетантская революция [31] Гитлера в стиле музыкальной комедии потерпела фиаско. Из-за его поражения для националистов северных областей Германии настали трудные времена, но более всего их тревожили мысли о том, что оказался упущенным, возможно, последний шанс для решающего удара. Большинство крайне правых организаций были запрещены. Произошли аресты многих членов фрейкорпов и других вооруженных формирований, причем почти все их склады оружия были обнаружены. Через четыре дня после ареста Гитлера (его схватили в городишке Уффинг, где он скрывался в усадьбе своего друга Ханфштенгля) произошло событие, которое немцы сочли чудом и которое поумерило пыл многих радикалов: бешеная пляска инфляции вдруг прекратилась. С середины ноября рентмарка сменила обесценившуюся марку. Цены и оклады неожиданно стабилизировались.

12 марта 1924 года Мартин Борман предстал перед лейпцигским судом вместе с остальными обвиняемыми. В ходе длившихся четыре дня слушаний он играл роль простачка, который по складу характера был далек от яростных баталий. Как молодой человек, любивший свое отечество, он стремился принести ему пользу и был счастлив помочь своему хозяину Герману фон Трайенфельзу в его политической деятельности, но ничего противозаконного при этом не совершал. Словом, на суде Борман последовательно придерживался принципа «я вам ничего не скажу — вы ничего не докажете».

Единственным раскаявшимся среди обвиняемых был Бернхард Юрих, показания которого могли развеять туман в этом деле. Однако он ничего не знал об истинных причинах и планах, поскольку — по приказу Пфайфера — присоединился к россбаховцам уже в баре. К тому же остальные обвиняемые в один голос утверждали, что Борман не ездил с ними в Пархим и распоряжений об убийстве не давал. [32]

«Те, кто знал, хранили молчание, — писал впоследствии Рудольф Ганс Гесс. — Когда в ходе слушаний мне стало ясно, что мой товарищ, задумавший это дело, может быть разоблачен, я взял вину на себя, и его освободили еще в ходе допросов». Остается лишь подчеркнуть, что он не назвал имени

подстрекателя (то есть Бормана) даже накануне неотвратимой казни. Подобную преданность Борман ценил и помнил, всегда держал в поле зрения верных себе людей. Тому же Гессу он «доверил» осуществление планов «обезлюживания» восточных территорий, поручив проведение массовых убийств в крупнейших концентрационных лагерях. (За преступления, совершенные в должности коменданта концлагеря в Освенциме, Гесс был приговорен поляками к повешению.)

Портной Генрих Крюгер, который после второй мировой войны поселился в Гамбурге, в те времена жил в Пархиме и своими глазами видел пьяные кутежи россбаховцев в «Луизенхофе». Вместе со своим товарищем в ночь убийства он был в баре, и они видели, что Борман в ту ночь туда приходил. По словам Крюгера, один из россбаховцев показал Борману бумаги, обнаруженные в карманах пьяного Кадова: «Я видел, как Борман вытащил из своего кармана пистолет и передал его россбаховцу». В то время Крюгер не стал сообщать об этом в полицию, ибо ему не хотелось нарываться на неприятности накануне сдачи экзамена на получение профессии портного.

Даже если судьи и подозревали, что за преступлением кроется гораздо больше, чем удалось выяснить, это не повлияло на итоговый вердикт. С одной точки зрения, приговор можно считать очень суровым. После разоблачения ряда убийств «Feme» общественность требовала максимальной строгости. Но в психологическом отношении политические убийства стали тогда привычным явлением. С другой стороны, [33] судьи опасались, что тщательное расследование может привести к разглашению некоторых государственных тайн. Все правительства после революции 1919 года использовали националистические полувоенные формирования, которые официально были вне закона, ибо их существование противоречило Версальскому договору. Поэтому господа в красных мантиях больше склонялись к снисхождению. Своему решению они вывели следующее обоснование: «В момент совершения преступления обвиняемые находились в состоянии крайнего раздражения. Следовательно, убийство Кадова не было запланировано заранее».

Таким образом, суд объявил смерть Кадова не результатом приговора «Feme», а всего лишь непредумышленным убийством.

Суд постановил также: «в пользу обвиняемых следует отнести тот факт, что большинство из них молоды; прежде они не привлекались к суду и не имели судимостей; они сражались на войне и не только рисковали жизнью, но и потеряли прежнюю работу; к тому же в момент совершения преступления они были не вполне трезвыми». Наконец, их неприязнь к Кадову не была

беспричинной, поскольку они полагали, что разоблачили «коммунистического шпиона и предателя». Поэтому суд объявил, что убийство «было совершено не из низких побуждений».

Несмотря на столь трогательное проявление симпатии, про Бормана судьи не забыли. В упомянутой статье 1929 года Борман называл их «немцами особого рода», политические воззрения которых стали причиной изначального предубеждения против обвиняемых. Только одного из судей он мог причислить к лагерю националистов, но и тот оказался иудой.

«Казалось, что все происходившее под видом правосудия было не более чем фарсом, и мне приходилось [34] сдерживать себя, чтобы не выкрикнуть это ученым господам в мантиях. После долгих четырех дней суда, нас всех приговорили к большим срокам заключения», — писал он впоследствии. Шесть обвиняемых действительно получили большие сроки. Так, убийца, орудовавший ножом, получил двенадцать лет каторги; Гесс — десять лет; Юрих — пять с половиной. Борман же отделался лишь годом тюрьмы. Предоставил охотничий экипаж — значит, соучастник, но не убийца (тем более что поручал лишь поколотить Кадова). Пытался помочь преступникам замести следы — значит, укрыватель. Причем суд изложил предъявленное ему обвинение чуть ли не в похвальных выражениях, отмечая, что он действовал, «движимый чувством товарищеской взаимовыручки и любовью к партии». Таким образом, судьи обеспечили ему поистине замечательную партийную характеристику.

В то же самое время после неудавшейся аферы Адольф Гитлер предстал перед мюнхенским судом, который проявил столь же сочувственное понимание. Гитлер тоже утверждал, что действовал только из любви к отечеству. Борман следил за этим процессом по газетам с великим интересом, хоть и с грустью — прежде всего потому, что у национал-социалистов, которым он уже явно симпатизировал, имелись конкуренты. Поскольку НСДАП оказалась вне закона, а Гитлер очутился за решеткой, члены национальной народной партии стали без помех набирать сторонников в бывших вотчинах гитлеровской партии.

После оглашения приговора судья Верховного суда Эбермайер испросил разрешения суда на арест Бормана, находившегося еще на свободе. В противном случае он мог избежать осуществления приговора, стоило ему лишь добраться до Баварии, где «разыскиваемые» наподобие Россбаха или Эрхардта исчезали бесследно. [35]

Защитник Бормана Карл Сак заявил протест. Он принадлежал к числу выдающихся адвокатов того времени, и его услуги

оплачивались явно не из средств управляющего поместьем. Мекленбургские землевладельцы пошли на такие расходы — значит, на то были достаточно серьезные причины. Аргументы Сака подействовали на судей, и они отвели запрос о немедленном аресте Бормана. Тогда Эбермайер разыграл последнюю карту, воспользовавшись своим правом накладывать арест непосредственно в зале суда. Так Борман оказался в одном фургоне с подельниками. Понимая, что долго не увидят свободы, они стали распевать свои «дерзкие патриотические песни», когда фургон ехал по улицам города. Позднее Борман любил рассказывать, что у жителей Лейпцига «перехватывало дыхание от изумления».

Впрочем, Мартин не очень расстраивался, поскольку понимал, что, отбыв всего год в тюрьме и став «гонимым за веру», получит право говорить о своей принадлежности к числу избранных — к гвардии испытанных «старых борцов». [36]

Прощание с Мекленбургом

Поскольку предварительное заключение засчитывалось в срок наказания, после вынесения приговора 17 марта 1924 года Бормана ждали всего одиннадцать месяцев монотонной тюремной жизни. Политические заключенные имели право на отдельные камеры и могли заниматься своими делами в рамках тюремных порядков, строгость которых ограничивалась для них обязательным трудом.

«Я должен был склеивать коробки из картона и бумаги для сигарет, лекарств, конфет, которые приходилось делать даже для кооператива социал-демократического потребительского союза», — вспоминал Борман впоследствии. Дневная норма — полторы тысячи коробок. За некачественную продукцию или невыполнение норматива наказывали штрафными работами. Впрочем, Мартин постарался с толком провести период отлучения от активной деятельности. Важнейшим событием, вдохновившим его на неустанную работу над собой, стал мюнхенский «пивной путч» Гитлера. Бесславно провалившееся выступление, напоминавшее фарс в духе дешевых мюзик-холлов, Борман расценил как готовность бороться за власть любыми средствами. На таких стоило сделать ставку! Борман с удовольствием констатировал, что не прогадал с выбором.

Кроме того, осенью 1923 года правительство расправилось с основными революционными очагами [37] левых сил: войска заняли Саксонию и Тюрингию и сместили местные администрации (там власть находилась в руках коммунистов), а также подавили восстание гамбургских рабочих, которое возглавлял Эрнст Тельман. 23 ноября 1923 года компартия Германии была запрещена. Впрочем, после путча в опале оказалась и НСДАП. Однако это обстоятельство не обескуражило Мартина, поскольку власти весьма снисходительно относились к выпадам национал-социалистов и не собирались ограничивать деятельность других партий подобного толка.

По утверждению Бормана, «преимущество пребывания в тюрьме состоит в том, что примитивный ежедневный труд не отвлекает человека от размышлений и у него есть возможность уяснить собственные воззрения и идеи, особенно политические». Кроме того, ему представился удобный случай познакомиться с находившимися в заключении единомышленниками и завести новые связи, которые могли пригодиться в будущем. Он заинтересовал сотоварищей тем, что вскоре должен был выйти на волю и мог выполнить их поручения, если таковые имелись.

Именно в тюрьме Борман ознакомился с «25 тезисами» Гитлера, в которых тот в 1920 году сформулировал программу своей партии.

Впрочем, наладить контакты с внешним миром оказалось делом несложным, ибо многие молодые конвоиры разделяли царившее в стране стремление к решительным переменам и нередко выполняли просьбы политических заключенных. Так, о предварительных итогах выборов 4 мая 1924 года Борман узнал той же ночью и порадовал своих соратников сообщением об успехе — пусть пока скромном — коалиции националистических сил, завоевавших в парламенте тридцать два места из четырехсот двадцати семи.

Молодой человек, которому исполнилось двадцать четыре года, прежде не задумывался над философским [38] осмыслением своих политических принципов и теперь попытался сделать критическую самооценку. В итоге размышлений Борман всякий раз возвращался к выводу, что ему не в чем раскаиваться — разве только в том, что оказался достаточно глуп, чтобы попасть за решетку. Излишняя разборчивость в средствах ни к чему, если ставка — спасение отечества. В итоге он четко сформулировал ряд принципов, которых решил твердо придерживаться в будущем: никогда не брать на себя ответственность за спорные решения; ни в коем случае не оставлять следов своего участия в чем бы то ни было; всегда помнить об интересах тех, кто мог быть полезен, и никогда не забывать о тех, кто мог навредить.

Борман составил для себя отчетливое представление о том, какой должна стать его отчизна: большой, богатой и могущественной, главенствующей над всеми другими народами, гарантирующей каждому немцу богатство, власть и уважение. Первый шаг на пути к процветанию — изгнание «ноябрьцев» (тех, кто пришел в правительство после перемирия 1918 года) и разгром левых! Позже Борман написал в типичном для нацистов напыщенном стиле:

«Тюрьма нас не сломила — наоборот, там мы окрепли; она не приучила нас любить так называемую республику и ее лидеров, но углубила и усилила любовь к своей стране, взрастила ненависть ко всем, кто полагает, что им позволено жульничать и обманывать народ».

Даже в тюрьме Мартин продолжал следить за своей спортивной формой. Нет, серьезные занятия спортом никогда не входили в его планы. Но воспитание в духе философии Ницше и неотевтонства поддерживало в нем стремление соответствовать формуле «в здоровом теле — здоровый дух». Конечно, внешне он отнюдь не напоминал «белокурую бестию», да и не считал красивую внешность преимуществом мужчины. По его мнению,

мужчине надлежало обладать [39] значительной физической силой, духовной твердостью и достойной половой потенцией. Женщине отводилась роль подруги, необходимой для удовлетворения естественных сексуальных потребностей и продолжения рода. Физические недостатки мужчин и проявления сентиментальности вызывали у Бормана чувство отвращения и брезгливости. Словом, он не пренебрегал занятиями спортом, имел навыки в борьбе и гребле, со школьных лет любил лодочные походы. При явной склонности к полноте Мартин действительно обладал физической мощью и был удивительно проворен.

* * *

Борман вышел на свободу в феврале 1925-го. Следователь счел необходимым предупредить молодого человека, что ему следует поразмыслить о будущем и порвать с агрессивными партиями националистического толка. Но предприимчивому парню не терпелось взяться за дело, и уже на следующий день Борман, по его словам, «отправился колесить по стране, выполняя просьбы товарищей, оставшихся в тюрьме». Деньги на поездки шли из Мекленбурга: Борман без труда сагитировал землевладельцев немного раскошелиться на нужды брошенных за решетку бойцов (своих личных накоплений, сделанных до суда, Борману тратить не понадобилось). Конечная остановка — Герцберг. Здесь за ним сохранили прежнюю должность. Верность за верность — таково правило.

Дополнительной наградой Борману стала новая победа на амурном фронте. Если прежде Эренгард фон Трайенфельз (урожденная баронесса фон Мальцах) была для него добрым другом и наставницей, на примере семейных преданий о дворцовых интригах преподавшей ему науку успешной карьеры, то в период следствия по делу Кадова он приобрел в ее глазах [40] почти романтический ореол таинственного иезуитских дел мастера нового времени. Из тюрьмы Мартин возвратился полным сил и энергии, готовым к активной борьбе, а хладнокровия и расчетливости ему было не занимать. Молодой мужчина, способный добиться большого успеха, всей своей внешностью олицетворявший непобедимое упорство и целеустремленность, с лихвой окупавшие его грубость и резкость, стал вдвойне симпатичен представительнице аристократического рода. Мартину было около двадцати пяти лет, Эренгард исполнилось тридцать пять, а ее мужу — сорок пять. К тому же Герман фон Трайенфельз с головой ушел в политику, много ездил по стране и

уделял мало внимания супруге. Словом, сложилась идеальная ситуация для любовного треугольника, которой Мартин не замедлил воспользоваться.

Когда дружеские отношения переросли в любовный роман, Эренгард пояснила любовнику, что такой оборот событий не нарушает главного: страсть со временем может остыть, но они и впредь останутся добрыми друзьями. Она сумела сохранить за собой позицию наставницы, с которой грубый и несдержанный с прочими женщинами Мартин всегда обращался уважительно (кроме Эренгард, такой привилегией пользовалась только мать Бормана).

Возвращения Германа фон Трайенфельза из разъездов не мешали встречам любовников: парочка нередко уединялась во время лодочных прогулок или объездов имения, давно ставших обыкновением. При всей их осторожности появления соответствующих слухов избежать не удалось, и Эренгард настояла на прекращении (по крайней мере, временном) столь рискованных свиданий. Однако это уже не могло спасти ситуацию. Дело в том, что к тому времени между хозяином и управляющим уже существовали серьезные противоречия из-за расхождений в политических взглядах. [41]

* * *

Попытка народной партии прибрать к рукам сторонников Гитлера после его неудавшегося путча, несмотря на многообещающее начало, не удалась, поскольку фюрер национал-социалистов слал из тюрьмы директивы, оказавшиеся достаточно действенными. Позднее выяснилось, что он предпочел бы полностью распустить партию, чем допустить присоединение ее сторонников к кому-либо другому. К концу 1924 года союз националистических сил распался. В стане правых вновь началась полоса раздоров, препятствовавших консолидации.

Борман понимал, что народная партия не имеет серьезных перспектив. Инстинкт подсказывал ему, что столь замкнутая организация, которая видела единственное спасение в «северогерманском короле» и немецком крестьянстве, никогда не привлечет в свои ряды широкие массы активных сторонников и не сможет добиться значительного успеха. Кроме того, Мартина отталкивал и снобизм землевладельцев, гордившихся аристократическим происхождением и сохранявших в отношениях с управляющим определенную дистанцию, несмотря на его готовность к самопожертвованию ради отечества и

движения.

Состоялся очень серьезный диспут Бормана с хозяином, в результате чего был положен конец отношениям, существовавшим уже шесть лет. Герман фон Трайенфельз присоединился к «Stahlhelm»{8} — объединению бывших фронтовиков, члены которого смотрели на национал-социалистов свысока. Борман же отошел от идей ортодоксальной народной партии и увлекся Гитлером, который к тому времени вышел из ландсбергской тюрьмы и принялся восстанавливать свое движение (ограничения на деятельность НСДАП уже были отменены). Фюрер сразу объявил [42] «пивной путч» ошибкой и обещал бороться за власть законными средствами, тем самым оттолкнув многих радикально настроенных «уличных бойцов». Уже появившаяся в НСДАП оппозиция, возглавляемая братьями Грегором и Отто Штрассерами, еще более усилилась и в ноябре 1925 года решила сделать выпад первой, созвав в Ганновере совещание гауляйтеров северных округов, на котором открытую поддержку Гитлеру осмелился выразить лишь Роберт Лей. Недавно оказавшийся на свободе Гитлер не отступил и, совершив несколько поездок по стране, многочисленными выступлениями вновь привлек к себе массу сторонников.

Борман не упустил возможности послушать речи своего кумира. Появление фюрера в ладно сидевшем костюме, приличные манеры, негромкое начало речи, рассудительность и менторский тон свидетельствовали, что он — человек разумный и сдержанный, а не истеричный демагог, каким его изображали карикатуристы оппозиционных журналов и газет. Со временем скованность первых минут оставила Гитлера, порой он повышал голос, говорил проникновенно и убедительно. Впечатление от выступления оказалось даже более глубоким, чем сама речь. Борман был очарован Гитлером и твердо решил связать свою судьбу именно с этим направлением в националистическом движении.

Позднее Мартин с восторгом наблюдал замечательную способность своего кумира перевоплощаться, подстраиваясь к аудитории и окружению. Сила убеждения, своеобразная притягательность вовсе не благозвучного голоса, колдовская простота, с которой он подходил к решению сложных проблем, — все это неизменно завораживало и покоряло публику. При отсутствии конкретной программы фюрер умел создать у слушателей впечатление, что путь к процветанию Германии лежит через единение народа и неуклонное следование за НСДАП. [43]

Да, фюрер поистине стал его идолом, но от того Мартин не

потерял головы, неизменно полагая, что всему свое время. Из тактических соображений Борман не сжигал за собой мосты в отношениях с прежними политическими соратниками и предпринимал шаги, чтобы найти свое место в структуре штурмовых отрядов, глава которых, генерал Людендорф, пользовался большим авторитетом у лидеров народной партии. В то же время истинный лидер этих формирований, капитан Рем, был близким другом Гитлера (он принадлежал к числу немногих, обращавшихся к фюреру на «ты») и поддерживал тесные отношения с большинством офицеров фрейкорпов. В написанном Ремом манифесте подчеркивалось, что «товарищи обязаны оказывать всемерное содействие Гитлеру, Людендорфу и Граефе».

Впоследствии Борман иногда предавался ностальгическим воспоминаниям о времени, проведенном в Мекленбурге, как добившийся успеха человек вспоминает начало своего жизненного пути. Он восхвалял семьи «честных и открытых сельских рабочих, у которых обычно бывало мало продуктов и много детишек и которые так дружно последовали за Гитлером, что землевладельцы в беспомощной ярости кусали себе локти», видя, как быстро национал-социалисты завоевали абсолютное большинство в местных администрациях сельских округов по всей Германии.

Решающий бой Гитлер дал своим друзьям-соперникам по партии уже в феврале 1926 года на всегерманском совещании гауляйтеров в Бамберге, выразившем ему полную поддержку. Борман ликовал, видя, с какой готовностью многие сторонники Грегора Штрассера переметнулись на сторону победителя: в верхах НСДАП царила стихия интриг и лицемерия, в которой он вполне мог рассчитывать на удачу! Ярчайшим примером стало поведение Геббельса, который в Ганновере требовал изгнания Гитлера из [44] партии, а в Бамберге заявил: «Герр Гитлер, вы меня убедили. Мы все сделали неправильно, и нет ничего постыдного в том, чтобы признаться в собственных ошибках. Я присоединяюсь к герру Гитлеру». Грегор Штрассер назвал его «бамбергским изменником» (сам Штрассер в 1924 году буквально перекупил Геббельса у оппонентов из народной партии, заметив его ораторские способности и посулив ему двести марок в месяц).

* * *

Весной 1926 года один из штурмовиков группы, расквартированной в окрестностях Пархима, предупредил Мартина о появлении слухов по поводу его любовной связи с

Эренгард фон Трайенфельз. Борман знал, что прежде в подобных случаях аристократы улаживали раздоры между собой посредством дуэли, а если виновным оказывался слуга, то последнего примерно колотили и гнали плетьми. Но во времена, когда часто совершались зверские расправы и убийства, Герман фон Трайенфельз мог оказаться не столь щепетильным в выборе средств. Опасаясь жестокой мести со стороны хозяина (который к тому же был сердит на слугу, поскольку тот посмел иметь собственные политические пристрастия), Мартин решил убраться из имения Герцберг, пока слухи не достигли фон Трайенфельза.

Борман покинул поместье в мае 1926 года — в тот самый период, когда сельские работы набирали главные обороты. Однако это вовсе не означало полного разрыва отношений с Эренгард{9}. [45]

Так или иначе, за годы службы в Мекленбурге Борман скопил немалую сумму и в мае 1926 года отправился к матери в Обервеймар на собственной машине. Это был двухместный «опель», прозванный в народе «жабой», поскольку автомобили этой модели выпускались исключительно зеленого цвета. Маленькая, но дорогая, в те времена такая машина была очень большой роскошью, поскольку тогда в Германии немногие могли позволить себе подобное приобретение. У Мартина не было настоятельной необходимости в автомобиле, но, по его собственному признанию, он «всегда был помешан на машинах».

* * *

«Мой отец, конечно, был настоящим мужчиной», — писал Мартин Борман в 1944 году из «Волчьего логова» (ставка Гитлера в Восточной Пруссии) своей жене Герде в Оберзальцберг. Этот всплеск восхищения был вызван фотографией отца, которую один из друзей семьи прислал сыну, добившемуся высокого положения. На фотографии, сделанной до 1890 года, красовался трубач Теодор Борман в форме хальберштадтских кирасир с роскошными эполетами на плечах, означавших, что он не только отслужил положенные три года в тяжелой кавалерии, но и добровольно остался на сверхсрочную службу в самом элитном прусском полку в качестве музыканта.

К тому времени, когда Мартин Борман написал эту сентенцию, многие партийные и правительственные клерки уже несколько лет занимались составлением его генеалогического древа. Но вовсе не потому, [46] что он очень интересовался своими предками: как и всякий другой член партии, он должен

был подтвердить, что все его предки являлись арийцами и не имели примеси «еврейской расы». Однако не все из того, что он поведал своей жене об отце и прочих предках, на поверку оказалось правдой. Он в значительной мере приукрасил происхождение — по-видимому, из-за того, что Герду, дочь бывшего майора имперской армии Вальтера Буха, могла разочаровать менее впечатляющая родословная.

Борман всегда говорил, что его отец унаследовал каменоломню. На самом же деле Иоганн-Фридрих Борман, родившийся в 1830 году в Шенингене, работал на каменоломне. Его мать, прабабушка Мартина, была дочерью сельского рабочего и родила первого ребенка еще до замужества, когда ей не было и двадцати лет.

Чтобы оправдать бедность семьи Иоганна-Фридриха Бормана, его внук Мартин указывал в анкетах, будто тот умер молодым, вследствие чего Теодор Борман отказался от мечты стать лесничим и вынужден был с юных лет зарабатывать, чтобы прокормить семью. В действительности же дед Мартина был еще жив и проживал в Гогендоделебене, когда его двадцатилетнего сына зачислили в привилегированный кирасирский полк. Обнаружив, что может просуществовать, используя свой музыкальный талант, Теодор строил дальнейшую скромную карьеру, дуя в трубу; уйдя с военной службы, бывший полковой трубач стал выступать в пивных и кафе Хальберштадта. Согласно анкетам Мартина Бормана, его отец оставил службу, ибо в качестве военного музыканта исчерпал возможности карьерного роста, а в те годы военные музыканты в табели о рангах стояли гораздо ниже офицеров.

Теодор Борман вернулся к гражданской жизни летом 1888 года. В тот год скончался старый император, [47] и корона перешла сначала к смертельно больному сыну, а еще три месяца спустя на трон в возрасте двадцати девяти лет взошел его внук Вильгельм. Возможно, именно наступление эры молодого правителя вдохновило Теодора Бормана и его друзей оставить армию и создать ансамбль, сначала исполнявший марши и танцевальные мелодии в Саксонии, а затем отправившийся в турне и добравшийся даже до курортов Англии{10}.

В 1891 году Теодор Борман женился на Луизе Гроблер, дочери сержанта кавалерии, семья которой давно обосновалась в Хальберштадте. В первые пять лет их совместной жизни родились два сына (один из них вскоре умер) и дочь. Он стал почтовым клерком — тогда ему было около тридцати — и быстро продвигался по служебной лестнице, ибо знал французский язык, отличался работоспособностью и сообразительностью. В 1897

году семья смогла купить себе дом. Овдовевшая к тому времени теща Теодора помогла осуществить эту покупку, добавив в их семейный бюджет несколько тысяч марок.

Фрау Луиза недолго радовалась этому приобретению. Она умерла год спустя в возрасте тридцати лет. Необходимость содержать детей, дом и сад вынудила вдовца поторопиться с поисками второй жены. По стечению обстоятельств, у одного из его коллег из Вегелебена была дочь, которую тот давно хотел выдать замуж. В свои тридцать пять лет Антония Меннонг не обладала свежестью юности и не отличалась красотой, но была деятельной, с сильной волей и... приданым. Теодор Борман женился на ней через [48] семь месяцев после смерти Луизы. Менее чем через год, 17 июня 1900 года, у нее появился первый сын, которого крестили в лютеранской церкви и назвали в честь Великого Реформатора — Мартином. Через одиннадцать месяцев на свет появился следующий ребенок, тоже мальчик, но прожил очень недолго. Третьего сына, родившегося в сентябре 1902 года, назвали Альбертом в честь кузена матери.

Немцы традиционно поклонялись какому-либо идолу, — в то время таковым был кайзер, пообещавший привести свой народ к величию и славе. В доме Борманов появился портрет императора со знаменитыми закрученными вверх усами. Только у «красных», в которых кайзер приказал своим солдатам стрелять не раздумывая, даже если это был родной брат, висели портреты не императора, а Августа Бебеля, чьи речи в рейхстаге неизменно производили фурор. Дед Мартина, бывший рабочий каменоломни Иоганн-Фридрих Борман, в душе симпатизировал этим «соци», а его сын Теодор твердо поддерживал «патриотов». Он не только служил в элитном кирасирском полку, но и являлся государственным чиновником, занимавшим пост старшего почтового помощника (впоследствии Мартин писал, что его отец имел чин почтового инспектора). Он превратился в респектабельного гражданина, и ему было что терять, кроме цепей, которые его не слишком обременяли. Все семейство Меннонгов состояло в основном из государственных чиновников (включая кузена Альберта Воллборна, служившего управляющим филиала банка в Хальберштадте) и дружно придерживалось националистических взглядов.

Теодор Борман тяжело заболел после рождения Альберта и умер, когда младшему сыну не исполнилось и года. Четырехлетний Мартин потерял своего героя, на которого всегда смотрел с восхищением. Прошло почти двадцать лет, прежде чем он вновь обрел [49] подобный объект для поклонения. Матери, сводным и двоюродным братьям и сестрам он заявлял, что

безвременно умерший родитель является для него идеалом.

Потеря кормильца стала тяжелым ударом для его матери, у которой на руках осталось два своих ребенка и два приемных — дети покойного мужа от первого брака. Вальтеру исполнилось десять лет, а Луизе — восемь. Надлежало выкупить закладную, а вдовья пенсия была очень мала, поскольку Теодор недолго служил почтовым чиновником. Однако благодаря своей любви к жизни и способности противостоять испытаниям, Антония вскоре нашла решение: через шесть месяцев после смерти Теодора она вновь вышла замуж.

Своего нового мужа она, как и ее дети, знала давно; он часто бывал у них и при жизни Теодора. Альберт Воллборн был женат на сестре Антонии и, овдовев, два года подыскивал новую мать для своих пятерых детей.

С этих пор по городу не прекращали ходить сплетни о том, что Воллборн добился близости с ней еще в те годы, когда Теодор был жив, и именно поэтому черноволосый крепыш Мартин недолюбливал своего брата, худощавого блондина Альберта. Но слухи остаются слухами. Тот факт, что Мартин никогда не любил отчима, ничего не доказывает. Он всегда считал Альберта Воллборна чужаком, узурпировавшим место отца. Остается открытым вопрос, что именно — любовь или расчет — стало основой этого брака, от которого не появилось новых детей. К тому времени Антонии исполнилось сорок лет, а ее новому мужу — тридцать семь.

В 1904 году дом на Седанштрассе наполнился странным конгломератом родственников. Кроме родителей, которые состояли в косвенном родстве еще до брака, здесь жили четыре девочки и один мальчик [50] (тоже по имени Альберт) от первого брака Воллборна, мальчик и девочка от первого брака Теодора Бормана и два мальчика от его второго брака — всего девять детей в возрасте от неполных двух лет до тринадцати. Дети — родные, сводные и двоюродные братья и сестры — так и не объединились в одну семью. Одни жили отдельно прежде, другие покинули родительский дом и разъехались потом. В 1943 году, когда Мартин Борман достиг вершин власти, некий сержант прислал ему письмо с просьбой посодействовать из родственных чувств, жена Мартина поинтересовалась у мужа о степени родства. Тот ответил: «Не важно... Однако впредь вообще не приноси мне подобных писем». Возможно, он не хотел давать повод для подозрения в оказании протекции своим родственникам. На самом деле родственники — в том числе и родной брат — нагоняли на него тягостные воспоминания о прошлом. Из всей родни только матери позволялось навещать его

в Сюрзальцберге.

В августе 1906 года, когда Мартину пришла пора идти в школу, Альберт Воллборн вместе с семьей переехал в Тюрингию, в город Айзенах, где получил более выгодную работу в качестве управляющего филиалом банка. Оба ребенка Теодора Бормана от первого брака, Вальтер и Эльза, остались у родственников своей матери в Хальберштадте. У них не было прямых родственных связей с супругами Воллборн. Мартин никогда не навещал своих сводных родственников. По-видимому, его отношения с семьей в то время совсем расстроились, поскольку он редко упоминал об этом периоде своей жизни и всегда называл родным городом Хальберштадт.

В шесть лет Мартин оказался недостаточно подготовленным к учебе в государственной школе; три года он провел в частной школе. Когда же (в 1909 году) семья переехала в Обервеймар, его фамилии не оказалось в списках регистрационной палаты: отчим сразу [51] определил его в закрытое учебное заведение. Семья могла позволить себе такие расходы: они принадлежали к верхушке среднего класса. Несмотря на немалые издержки, все дети получили приличное образование, а дочери управляющего банком Воллборна были приняты в светских буржуазных кругах. Одна из них впоследствии вышла замуж за врача, а другая стала женой директора бюро землепользования.

Мартину было почти десять лет, когда он пошел в четвертый класс. Это был последний шанс учащегося получить допуск к высшему образованию, поскольку на этой стадии начиналось изучение иностранного языка. И хотя Мартин несколько лет изучал второй язык, ни в одном его документе не упоминалось о знании иностранного языка. Когда он отправлялся в поездки за пределы Германии, что случалось редко и диктовалось необходимостью сопровождать Гитлера, с ним непременно ехал переводчик. Во всех многочисленных анкетах и опросных листах, которые Мартин Борман заполнил за годы пребывания в нацистской партии, в разделе, где следовало указать степень владения иностранным языком, он всегда ставил прочерк.

Влияние школы в становлении Мартина как молодого немца оказалось более заметным. В Германской империи преподаватели в гимназиях были ярыми националистами и считали французов развратниками, британцев — алчными лавочниками, а русских — пьяными дикарями. Поэтому спасением мира должен был стать германский путь. Популярный в те годы лозунг гласил: «Немецкий дух спасет мир». Повсюду в Германии, и особенно в Веймаре, считали, что немецкая культура превосходит все остальные.

Время, когда интеллектуалов и гениев приглашали в резиденцию великого герцога веймарского, осталось в прошлом, однако разрешалось цитировать Шиллера и — правда, с некоторыми купюрами — [52] Гете. Зато из Фридриха Ницше учителя наизусть декламировали целые отрывки, хотя и этого философа принимали не все представители националистического лагеря. И все-таки атмосфера в Веймаре значительно отличалась от той, которая царила в остальной Пруссии: искусство и науку ценили там выше артиллерии, а директор придворного театра даже поставил на сцене «Дикую утку» Ибсена. Этим директором оказался бывший армейский офицер Карл Бенно фон Ширах, отец Бальдура Шираха, с которым Борман впоследствии сталкивался в высших кругах нацистской партии. С другой стороны, кое в чем нацисты Веймара опередили Гитлера. Группа фанатичных поклонников Вагнера «во имя памяти великого маэстро» развернула отчаянную борьбу против еврейского влияния в музыке. Адольф Бартельз, профессор литературы, изгонял евреев из германской поэзии, объявив, что их развращающее влияние чуждо германской расе.

Подобные националистические настроения составляли ту атмосферу, в которой вырос Мартин. Социальный класс Альберта Воллборна верил, что живет в лучшем из всех возможных миров, где каждый, кто трудится, может добиться успеха. Противостоять предстояло прежде всего зависти и злой воле «красных», которые хотели раздать богатство беднякам, и соседних наций, не желавших уступить Германии место под солнцем.

Через одиннадцать дней после четырнадцатилетия Мартина сербский заговорщик застрелил наследника австрийского трона в Сараеве. 31 июля 1914 года офицер в сопровождении двух солдат, барабанщика и горниста перед веймарским замком зачитал объявление «о нависшей угрозе войны». Днем позже верховный командующий отдал приказ о мобилизации армии и флота. Немцы ликовали, и Мартин Борман в своей разноцветной школьной фуражке не преминул [53] присоединиться к торжествующим толпам, маршировавшим по улицам и распевавшим патриотические песни. Первые победы сопровождались экстренными выпусками газет, благодарственными службами в церквах и энергичными речами школьных учителей. Ученики старших классов гимназий боялись, что война закончится прежде, чем они получат дипломы и смогут записаться добровольцами в армию. Случилось так, что многие из них достаточно скоро встретили свою смерть на полях сражений.

Не обошлось и без традиционных неприятностей военного времени. Отчим Мартина рассказывал, что клиенты банка

неистовствовали у окошечек, спеша забрать свои вклады. Мать жаловалась, что многие стремятся сделать запасы и стало трудно купить в лавке муку, сахар, рис и прочие продукты долгого хранения. Мартин негодовал по поводу того факта, что Альберт Воллборн не пошел в армию добровольцем, а остался на гражданской службе, и не сомневался, что Теодор Борман, будь он жив, немедленно вернулся бы в кирасиры. В конце сентября, когда отчим подсчитывал, какой доход обеспечит первый заем, отвращение Мартина по отношению к нему не знало границ. Он говорил, что Воллборн спекулирует на войне.

Однако тогда Мартин еще нуждался в поддержке отчима — тем более что в школе его дела шли отнюдь не блестяще. По отзывам учителей, он был достаточно старательным учеником, но не мог уловить всех интеллектуальных тонкостей. Бальдур фон Ширах после двадцати лет знакомства с ним сказал: «Относительно уровня его образования можно сказать только одно — из учебы он не извлек никакого толка. Познания в истории едва дотягивают до уровня «Untersekundaner»{11}, не более. А в литературе, живописи и музыке — полный ноль». Конечно, в [54] столь нелестной характеристике очевидна надменность, с которой аристократы относились к выходцам из низов, и антипатия к тому, кто смог слишком высоко подняться в структуре партии. Тем не менее по сути это высказывание соответствует действительности.

Поскольку НСДАП с самого начала объявила себя духовным оплотом фронтовиков, Борман впоследствии указывал, что в первые годы войны несколько раз пытался вступить в армию добровольцем, но получал отказ. Однако летом 1918 года, когда он очутился в 55-м полку полевой артиллерии, ему едва исполнилось восемнадцать лет — призывной возраст. Его военная карьера отнюдь не подтверждает горячего желания добровольно ступить на военную стезю (кто стремился к этому, тот получал направление на офицерские курсы, — например, Генрих Гиммлер, который был фактически сверстником Бормана, вступил добровольцем в армию в последние месяцы 1917 года и вскоре стал младшим лейтенантом).

Приехав в 1926 году к матери, Борман еще не решил, чем станет заниматься. В Тюрингии, земли которой занимали в основном мелкие помещики, трудно было устроиться в крупное поместье, а на покупку собственного хозяйства не хватало средств; семья же в то время не могла помочь ему деньгами. Его отчим умер в 1923 году (Борман не горевал по этому поводу), и оставшиеся после него деньги обесценились в последние годы инфляции. Несмотря на высокую должность мужа, вдовья пенсия

Антонии Воллборн оказалась очень мала. Она поддерживала дом в порядке лишь благодаря заботам Альберта Бормана (тогда ему исполнилось двадцать три года), который остался жить с ней и тратил на это всю свою зарплату. В отличие [55] от Мартина он закончил школу и, следуя по стопам отчима, занялся банковским делом.

По возвращении к семье Мартин Борман в течение первого года не столько искал работу, сколько — по его собственному определению — «принюхивался», первым делом вступив в местное отделение фронтбана{12}.

Между тем в верхах произошли существенные перемены. Людендорф и Рем рассорились, а Гитлер имел свои виды на их отряды. Он поручил Рему создать заново и возглавить отряды СА под видом подразделений штурмбан (Stormbann){13} и довести их численность до 30 тысяч человек. Гитлер стремился создать армию пропагандистов и молодчиков, которыми он мог бы командовать по собственному усмотрению, тогда как Рем хотел использовать эти подразделения в качестве народной милиции, а при необходимости — военной силы, что противоречило условиям Версальского договора.

Рем полагал, что все отряды должны находиться в его ведении, а он будет подчиняться непосредственно Гитлеру, чтобы никто из нацистских бонз, как называли высших функционеров партии, не имел власти в структуре штурмовых отрядов. Гитлер отверг этот план, и Рем уступил свое место герцогу Вольфу Генриху фон Хеллдорфу, бывшему фрейкорповцу, служившему также и в рядах фронтбана.

Когда Мартин Борман, упорный, амбициозный и хитрый, вступил в местный фронтбан, национал-социалистов Тюрингии раздирали внутренние склоки. [56]

Гауляйтером НСДАП здесь был популярный писатель Артур Динтер, который занимался творчеством в тихой деревеньке Доррберг. Его книга «Преступление против крови» разошлась тиражом 250 тысяч экземпляров. Как и большинство работ Динтера, она была пропитана духом антисемитизма. Пока Гитлер находился в тюрьме, Динтер основал свою партию «народное сообщество великой Германии» вместо запрещенной НСДАП и повздорил со штурмовиками, поскольку те отказались признавать за ним лидерство. В итоге националисты Тюрингии разделились на несколько группировок.

Благодаря «славному» прошлому (то есть году, проведенному в тюрьме в качестве политического заключенного), Мартин Борман получил место при штабе отряда и принялся энергично собирать штурмовиков под знамена НСДАП. Он не обладал даром

красноречия, но короткие и четкие формулировки, доказывавшие целесообразность присоединения к быстро набиравшему силы Адольфу Гитлеру, рядом с которым по-прежнему находился обладавший значительной популярностью Грегор Штрассер, возымели действие. Кроме того, Борман активно участвовал в организации нескольких выступлений Гитлера в Тюрингии.

Словом, Борману удалось уладить старые противоречия, о чем свидетельствуют фотографии тех лет. Одна из них сделана 4 июля 1926 года на фоне веймарской гостиницы «Элефант» во время второго партийного съезда НСДАП. На ней изображены Гитлер и его свита во время парада штурмовиков: фюрер стоит в открытом «мерседесе», в строю рядом с автомобилем — ближайшие соратники, среди которых в первой шеренге пятым от Гитлера стоит Борман в коричневой униформе штурмовика. Заслуживает внимания тот факт, что в НСДАП Борман вступил — согласно данным заполненной им анкеты — лишь спустя [57] восемь месяцев. Привилегированное положение в строю не только демонстрировало приверженность тюрингских штурмовиков идеям национал-социалистской партии, но и свидетельствовало о важной роли Бормана в принятии ими такого курса. Что ж, Мартин воспользовался замечательным шансом оказаться на виду: несомненно, место партийного лидера в Тюрингии вскоре должно было освободиться, и Борман надеялся на повышение в ходе грядущих перестановок.

Расхождения во мнениях между Гитлером и Динтером постепенно усиливались, поскольку гауляйтер возомнил себя новым реформатором религии. Взявшись за то, на что не посмел замахнуться даже Лютер, он составил 197 тезисов, в которых отрекся от Ветхого Завета как от иудейского писания, трансформировал Иисуса в арийского Бога Света и придал немалое значение спиритизму. Он хотел, чтобы НСДАП официально признала его доктрину. Гитлер же полагал, что любые религиозные обязательства вредят партии. На съезде концепция Динтера была отвергнута, и Йозеф Геббельс по этому поводу непочтительно заметил: «Динтер и Штрайхер явно пороли чушь». Шесть месяцев спустя новым гауляйтером стал Фриц Заукель, познания которого ограничивались торговым флотом — и никакой софистики{14}.

В то время непременным условием причисления к истинным националистам являлась принадлежность к классу городской буржуазии. Поскольку считалось, что именно веймарская школа искусства и архитектуры имела исконно германские корни, веймарские буржуа считали себя хранителями германской культуры. К числу таких хранителей принадлежал писатель и

заместитель гауляйтера Ганс Северус Зиглер. [58] Именно к Зиглеру, «пронюхав» о его личном знакомстве с Гитлером, решил устроиться дальновидный Борман. С 1924 года Зиглер являлся редактором еженедельника «Национал-социалист» и был весьма доволен, когда Борман предложил ему свои услуги. Бывший заключенный оказался поистине превосходной находкой, очень полезным для дела человеком: реалистичный в финансовых вопросах, требовательный и жесткий к должникам и нерадивым членам партии, он разбирался в бухгалтерии, работал одновременно кассиром, рекламным агентом, упаковщиком и водителем грузовика, распространял газету в сельских районах, используя свой собственный автомобиль. Очень скоро Мартин стал для своего шефа поистине незаменимым помощником, причем практически бескорыстным.

Если Зиглеру случалось заручиться у Гитлера одобрением какого-то своего предложения, Борман немедленно претворял замысел в жизнь. Мартин решительно брался за огромный объем работ и удивительным образом успевал с ним справиться. Естественно, он завоевал полное доверие начальника, который постепенно стал делиться с ним реальной властью в партии, зачастую позволяя действовать от своего имени. Кроме того, заместитель гауляйтера пристроил своего помощника в совет веймарской партийной организации НСДАП. Добившись немалых успехов, Борман трудился с еще большим рвением и упорством, надеясь в ближайшем будущем воспользоваться главным — по мнению Мартина — достоянием шефа: Зиглер был вхож к фюреру и частенько с ним встречался.

Именно Зиглер представил Гитлеру бывшего директора театра веймарского герцогства Карла Бенно фон Шираха и его сына Бальдура фон Шираха. Благодаря этому к 27 февраля 1927 года, когда Мартин Борман вступил в партию и получил билет с номером [59] 60508, Бальдур фон Ширах состоял в НСДАП уже два года и сделал блестящую карьеру в молодежной партийной организации. Впервые их пути пересеклись, когда Ширах, будучи еще студентом, приезжал в Веймар на каникулы. Он сидел с другом в кафе, когда увидел «молодого толстяка, пытавшегося втиснуться в маленький «опель». Его собеседник заметил тогда, что это и есть партайгеноссе («товарищ по партии») Мартин Борман, который после выхода из тюрьмы устроился водителем нового гауляйтера Заукеля и сейчас собирается везти своего шефа на митинг в Рурскую область.

В то время Борман в дополнение к обязанностям в газете получил партийное задание в совете округа. Он стал ответственным за связи с прессой при гауляйтере и часто

разъезжал с ним, заодно выполняя функции личного водителя, а впоследствии взялся еще за исполнение функций управляющего делами окружной организации. Ему хотелось также научиться ораторскому искусству, ибо это умение требовалось постоянно и высоко ценилось: в отличие от большинства других партий НСДАП не ограничивалась митингами во время предвыборной кампании, а непрерывно вела широкую пропагандистскую работу. Но здесь Бормана постигло полное разочарование. Оказавшись перед аудиторией всего в несколько десятков слушателей, он начинал сбиваться, не мог закончить фразу, краснел от злости на себя и беспомощно замолкал, если выступление прерывалось выкриками. Когда Борман стал посмешищем многих баров, Заукель изъял его имя из списка пропагандистов, несмотря на дружеские отношения.

В дальнейшем Борман никогда не делал публичных выступлений. Он осознал, что не создан для произнесения речей и ведения дискуссий. Пусть этим занимаются те, кто умеет представить себя в выгодном свете и поднаторел в словесных перепалках, — это [60] лишь одна из многих граней политической деятельности, он еще найдет свою стезю!

В качестве офицера прессы эффективность его деятельности оказалась не намного выше. В бытность на этой должности он осуществил считанные выпуски отпечатанных пресс-релизов. А вот в роли управляющего делами Борман оказался на своем месте, получив возможность готовить приказы, работать с бланками официальных писем, списками имен, циркулярами и руководить группами всей области, не вставая из-за стола. Здесь он отработал первые навыки управления настроениями внутри организации, научился — начав с относительно небольших масштабов — разрабатывать тактическую линию и осуществлять планы, намеченные начальством. Словом, Борман приобрел значительный практический опыт административной деятельности в рамках политической организации. Он понял, что идейные убеждения эффективны только в том случае, если существует организация, способная обеспечить их практическое использование, причем руководство может поставить на службу своим интересам огромные массы подчиненных.

Борман получил возможность разобраться, кто против кого боролся и кто кого поддерживал в партийной верхушке, что было чрезвычайно важно для человека, никогда не упускавшего из виду перспектив своей собственной карьеры. Географически Тюрингия находилась как раз на пути национал-социалистского вала, хлынувшего из Мюнхена в северные и восточные области Германии. Когда партийной верхушке пришло время появиться в

Веймаре, управляющий делами округа уже приготовился к приему. Гитлер приезжал сюда часто: между 1925 и 1933 годами в Тюрингии состоялось тридцать три его выступления. В 1926 году на одном из таких мероприятий Зиглер представил Мартина Гитлеру и Рудольфу Гессу, [61] который неотступно сопровождал вождя, и дал своему молодому коллеге самую лестную характеристику, напомнив о заслугах Бормана, обеспечившего приверженность тюрингских штурмовиков курсу фюрера.

Борман находился еще в самом низу иерархической лестницы национал-социалистов, но получил приглашение на званый обед к Гитлеру. Принц Фридрих-Христиан фон Шаумбург-Липпе, состоявший в партии уже долгое время, немного опоздал и приехал, когда все места за столом оказались уже занятыми. Гитлер посмотрел сначала на Геббельса, перебежавшего к нему из «фронды» Грегора Штрассера и назначенного за это гауляйтером Берлина, затем перевел взгляд на Бормана и попросил его уступить принцу свое место и пообедать со штурмовиками из охраны{15}.

Первые личные встречи с Гитлером — беседа после выступления фюрера и недолгое пребывание за одним столом на званом обеде — привели Мартина в восторг. Его необыкновенный природный инстинкт психолога позволил распознать в лидере нацистов человека со сложным переплетением сильных и слабых сторон. Ораторские способности Гитлера, его умение воодушевить слушателей звучными лозунгами, увлечь своими идеями, убедить своими доводами изобличали в нем вождя. Напористость, энергичность, жажда власти вкупе с умением держать себя и действовать соответственно обстановке, быстро приспособиться к ней — Мартин присутствовал на его выступлениях перед слушателями из разных социальных слоев — обещали успешное будущее. Вместе с тем от замечательного природного чутья Бормана не ускользнули [62] постоянная повышенная нервозность Гитлера, его неуравновешенность, резкая смена во взгляде гипнотизирующей властной жесткости, лихорадочного блеска азартного игрока и пустоты безразличия. Мартин инстинктивно почувствовал, что этот человек, умевший мгновенно покорить огромную толпу, сам не лишен слабостей. Борман не вдавался в подробности подобного анализа. Он действовал по наитию, а чутье подсказывало, что близость к Гитлеру сулит сказочные перспективы.

В своих мемуарах принц Липпе отмечал, что Борман был в те годы сторонником Грегора Штрассера. Не понимая, какие цели ставил перед собой Гитлер, Штрассер всерьез воспринимал термины «социалистская» и «рабочая» в названии партии и

ратовал за привлечение в партию промышленных рабочих. Но Гитлер не желал связывать себя какими-либо программами и обязательствами. Он добивался абсолютной власти, во-первых, в партии и, во-вторых, в государстве — не меньше! Именно эту нацеленность на игру ва-банк сумел разглядеть в нем Мартин.

Действительно, ради карьеры Борман не отказывался от деловых связей с приверженцами Штрассера — ведь сам фюрер мирился с его пребыванием в партии. К тому же в конце 1926 года Гитлер назначил капитана Феликса Пфаффера фон Саломона, гауляйтера Западной Германии и члена штрассеровской «фронды», высшим руководителем СА, показывая тем самым, как важно объединить всех единомышленников и сочувствующих.

Мартин понимал, что возвыситься в набиравшем силу движении можно не только за счет бездумной ярости уличного драчуна или холодной жестокости политического убийцы, но и посредством умелой административной деятельности. Последний вариант казался ему более надежным и перспективным. Мартин чувствовал, что на этой стезе можно действовать [63] скрытно и незаметно, избегая ошибок вроде той, которую он допустил в Пархиме.

В поисках пути к вершинам власти он не брезговал мелочами, неустанно по крупицам возводил фундамент будущей карьеры. Иногда Борман ездил в мюнхенский штаб и тогда уж не упускал возможности наладить полезные новые связи и создать о себе выгодное мнение. Так, однажды в Мюнхене случайно встретились несколько партийных функционеров, приехавших из Веймара. «Все мы из Веймара — за это следует выпить», — предложил Борман. Когда на столе появилась бутылка вина, он поднял бокал и произнес тост, как бы ненароком весьма фамильярно сказав какую-то пустую фразу в адрес присутствовавшего на вечеринке Бальдура фон Шираха («Мы были едва знакомы», — вспоминал тот впоследствии). После этого Ширах заметил, что все стали считать его и Бормана старыми приятелями, сдружившимися еще в Веймаре. Очевидно, подобные слухи были Мартину на руку, ибо Бальдур уже в то время занимал видный пост, являясь лидером германской национал-социалистской ассоциации студентов. Простой и эффективный ход, позволивший укрепить репутацию в глазах окружающих!

В период работы у Зиглера Борман пришел к важному выводу: тот, кто зарекомендовал себя «незаменимым» помощником, получает реальную власть. [64]

В «коричневом доме» (начало восхождения)

В октябре 1928 года Бормана вызвал в Мюнхен шеф штурмовых отрядов Пфаффер фон Саломон. За службу в отделе страхования СА платили две тысячи марок в месяц, а Пфаффер нуждался в помощнике не только надежном, честном и знавшем толк в административной и финансовой деятельности, но также способном упорно и напряженно трудиться, помогая начальнику в организации и развитии новых служб. Присвоение звания и должности любому функционеру центральных партийных органов утверждал Гитлер, а назначение оклада — казначей НСДАП Ксавье Шварц. Оба согласились с кандидатурой, и 16 ноября Борман расположился в кабинете на мюнхенской Шеллингштрассе. В его ведении оказался также отдел страхования СА, а несколько позднее он принял участие в создании ведомства Гиммлера.

Борман стал членом немногочисленного штаба штурмовиков. Он не имел ни звания, ни навыков командования боевыми отрядами и в компании бывших офицеров занимался всей массой административных дел. Умелый бюрократ, Борман, не ожидая приказов начальства, всегда действовал сообразно установкам Гитлера. Например, в конце 1928 года фюрер призвал продемонстрировать верность законам, и Борман издал [65] приказ, предписывавший штурмовикам временно прекратить применение откровенно насильственных методов, проведение военных игрищ и учений. Коричневорубашечники изменили стиль деятельности: продолжая втайне шантажировать, запугивать и терроризировать политических противников, внешне они ограничивались охраной своих собраний, поддержанием порядка и дисциплины.

В партийной организации отдел страхования СА находился на положении пасынка, и, казалось, такая работа не сулила шансов снискать лавры. Поводом для его учреждения стало требование бывшего шефа СА Виктора Лутце освободить бойцов уличных банд от оплаты медицинских услуг, в которых они нуждались после драк на улицах и в пивных барах. НСДАП заключила контракт со страховой компанией, но, как отмечал Борман, соглашение плохо работало с самого начала. Компания собиралась платить возмещение лишь в том случае, если раненый штурмовик мог найти свидетеля, готового подтвердить, что он не был зачинщиком драки. Но поскольку целями СА были именно

нападения и провокации, добиться выплаты страховок оказалось делом практически невозможным, и пришлось искать другую страховую компанию. Когда Борман устроился на новую должность, как раз шли переговоры и дискуссии со второй компанией.

Прагматик до мозга костей, Мартин прежде всего уяснил причину, из-за которой не удавалось заключить нужный контракт: действовавшие законы о страховании не оставляли лазеек для возмещения финансовых затрат на лечение членов банд уличных хулиганов. Поэтому новый договор со второй компанией предусматривал выплату пособий только в случае гибели или стойкой инвалидности. А в газете «Фелькишер беобахтер» Борман поместил разъяснение, в котором объявил, что члены СА, получившие ранения, [66] будут получать денежные компенсации из учрежденного партией «Фонда пособий», работавшего отныне по принципу кассы взаимопомощи. Легко догадаться, что такой метод не позволял государству собрать урожай налогов: «Фонд пособий» не попадал под действие закона, ибо не являлся страховым фондом. С другой стороны, теперь только пять из двадцати пфеннигов сборов поступали в страховую компанию — в отличие от восемнадцати пфеннигов предыдущего соглашения.

Таким образом, в короткое время проблема была решена. Через год страховая компания «Дойче Ринг» потребовала внесения десяти пфеннигов с человека. В напряженных дискуссиях Борман доказывал: не может быть и речи о том, что работа с СА невыгодна компании, поскольку только две трети от переданных компании средств возвращались в виде страховых выплат пострадавшим. В феврале 1930 года, когда «Дойче Ринг» все-таки разорвала контракт, Борман предпринял шаг, имевший решающее значение для его дальнейшей карьеры. Всю партийную программу страхования он полностью переориентировал на принцип кассы взаимопомощи под вывеской все того же «Фонда пособий» и повысил ежемесячные страховые сборы до тридцати пфеннигов с человека. Каждый, кто платил эти взносы, в случае необходимости получал пособие.

Гитлер издал приказ, обязавший каждого члена нацистской партии или ее дочерней организации — даже если он не состоял в СА! — ежемесячно вносить тридцать пфеннигов страхового сбора. В конце 1930 года при общей численности НСДАП около 390 тысяч человек это означало несколько миллионов марок в год неподотчетных денежных средств — идеальный финансовый источник в ситуации, когда Гитлеру для успеха в предвыборной кампании понадобились значительные суммы. Впрочем, этого партии явно не [67] хватало, и Борман не переставал выискивать

новые источники денег.

Главное — был найден эффективный финансовый механизм. В подготовленном для партийных лидеров отчете Борман мог с гордостью заявить, что в результате этого шага «не возникло затруднений финансового, юридического или иного характера» и что, «несмотря на рост критических замечаний» в адрес фонда, удалось создать значительный денежный запас. С тех пор в окружении Гитлера его почитали финансовым магом. Фюрер же, с одной стороны, считал возню с деньгами недостойной своей «возвышенной натуры художника», позволял приближенным тратить деньги партии и наслаждаться беззаботной жизнью богемы; с другой стороны — одно из проявлений его неуравновешенной психики, — был до удивления скаредным, когда приходилось выдавать деньги своими руками. Конечно, со временем плательщики сборов начали понимать, что обмануты придворной челядью. В сентябре 1930 года они прочитали в «Фелькишер беобахтер», что страхование СА не являлось страхованием от несчастных случаев в обычном понимании. Операции осуществлялись «Фондом пособий» НСДАП, причем сие означало: «Выплата премий отнюдь не дает кому-либо право ТРЕБОВАТЬ у партии или фонда какие-либо компенсации».

Эта статья извещала о том, что только «партайгеноссе Мартин Борман, управляющий «Фонда пособий», уполномочен принимать решения о выплате и размере компенсаций. Тот, кому его решение покажется несправедливым, может представить свои возражения казначею партии, заключение которого является окончательным». Пусть задача была не самой трудной, но Борман быстро и умело решил проблему, тем самым преодолев важную ступеньку в партийной карьере. [68]

Умелого администратора, на практике проявившего отменные способности, его подключили также к организации нового партийного ведомства: в 1929 году Гиммлер предложил Гитлеру создать нечто вроде партийной жандармерии — охранные отряды СС. Таким образом, Борман установил личные контакты с теми, кто стоял у истоков ведомства, впоследствии наводившего ужас на всю Европу. Впрочем, он работал в СС только до середины 1930 года, — наладив механизмы финансирования этой службы, Мартин полностью переключился на кассу взаимопомощи.

Мюнхенская федеральная торговая комиссия хотела бы квалифицировать «Фонд пособий» как субъект налогообложения, подконтрольный государственной аудиторской палате, и не оставляла попыток принудить НСДАП платить налоги с внутрипартийных сборов. Чтобы отстоять независимость фонда,

Борман воспользовался услугами Генриха Гейма — молодого адвоката из мюнхенской адвокатской конторы Гитлера, которую возглавлял Ганс Франк, впоследствии ставший генерал-губернатором оккупированной Польши. Франк же высокомерно отказался беседовать с клерком средней руки; шеф кассы взаимопомощи затаил обиду — он умел ждать своего часа. С помощью подготовленных адвокатом документов Борман убедил власти в том, что благодаря особому статусу «Фонд пособий» открывает лазейку в законе, и правительство не вправе осуществлять надзор за финансовыми операциями Бормана. Среди партийных боссов укрепилось мнение о Бормане как о превосходном специалисте в области страхования.

Работа в «Фонде пособий», пусть успешная, не обеспечивала Борману популярности в широких партийных кругах наравне с нацистскими лидерами, произносившими речи на митингах, собраниях и торжественных встречах. Кроме того, стремление [69] НСДАП сохранить в тайне от общественности свои финансовые махинации не позволяло трубить о достижениях Бормана. До 1933 года лишь однажды «Фелькишер беобахтер» опубликовала маленькую его фотографию с кратким резюме о карьере в рубрике, бегло знакомившей читателя с важнейшими чиновниками «коричневого дома». Нацистская «старая гвардия» даже не подозревала о феноменальном явлении: человек, практически ничего не смысливший в страховом бизнесе, в сжатые сроки освоил не только прямые, но и обходные пути в новой для него сфере деятельности. Если бы эта злобная свора сумела правильно оценить появление в своей среде фигуры столь упорной и последовательной, она бы раньше поняла, что такого целеустремленного последователя Гитлер обязательно приметит и не выпустит из поля зрения. Они же лишь насмехались над тщательно продуманной, дотошно контролировавшей все аспекты дела и плодовитой — к концу 1932 года Борман возглавлял отдел, насчитывавший более ста сотрудников, — бюрократической системой «Фонда пособий» и не заметили, что именно такая организация дела производила наибольшее впечатление на их фюрера. Гитлер не вникал в тонкости тех или иных аспектов практической деятельности, но питал слабость к четким организационным схемам, следил за графиками популярности политических деятелей, предпочитал наглядные отчеты в виде диаграмм и т.д.

* * *

Борман нашел и другой способ держаться в поле зрения Гитлера. Едва обосновавшись в Мюнхене, он выяснил, что фюрер с особой симпатией и благосклонностью относится к майору времен первой мировой войны, бывшему командиру батальона Вальтеру [70] Буху из Бадена, отпрыску весьма знатного рода, представители которого заслужили известность, занимая ответственные государственные посты. Бух присоединился к гитлеровской партии еще в 1922 году и во время ноябрьского путча 1923 года маршировал во главе мюнхенских штурмовых отрядов. С тех пор он ни разу не усомнился в своем выборе. Его жена и дети верно следовали за ним и превыше всего ставили интересы отечества и партии.

На рубеже 1928 и 1929 годов Вальтер Бух возглавил комитет, который выступал в роли арбитра во внутрипартийных спорах. Иными словами, он стал верховным судьей НСДАП. Семье Бухов были предоставлены места для почетных гостей на сборище нацистов в мюнхенском «Цирке Кроне». Именно там его девятнадцатилетняя дочь Герда познакомилась с человеком, встреча с которым определила ее дальнейшую судьбу.

Герда была высокой и стройной девушкой, в прелестной головке которой царила несусветная мешанина патриотических клише о верности отчизне и антисемитских теорий Юлиуса Штрайхера, винившего евреев во всех бедах Германии. Она работала воспитательницей в детском саду и вполне комфортно чувствовала себя в окружении стайки ребятишек. Для нее не имел существенного значения тот факт, что Борман оказался на добрых десять сантиметров ниже ее ростом. Трудно сказать, почему именно его Герда Бух отметила в «коричневой» массе лидеров СА, — на общем фоне внешне он выделялся, пожалуй, только изрядно выступавшим животом. Она досаждала отцу частыми просьбами пригласить в дом «товарища по оружию» Мартина Бормана, но Вальтер Бух не воспринимал всерьез симпатии дочери к толстому коротышке.

В то время Борман еще не задумывался о браке. В партийных кругах было хорошо известно, что он [71] считал это знакомство обычным легким любовным приключением, а такое отношение отнюдь не соответствовало строгим протестантским устоям семьи Бухов. Бух в конце концов уступил настояниям Герды, но лишь в надежде на то, что молодые люди вскоре поймут, насколько не подходят друг другу. Даже при беглом сравнении грубоватый, неотесанный Борман, казалось, не имел ничего общего со скромной, благовоспитанной девушкой, которая увлекалась игрой на гитаре, пела народные песни и всякому другому времяпрепровождению предпочитала чтение книг.

Поначалу казалось, что Бух прав. Каждое воскресенье Борман приезжал на своем «опеле» в имение Бухов в Сольме в предместьях Мюнхена. Ничего особенного вроде бы не происходило. Но в апреле, во время традиционной семейной прогулки, Герда и Мартин немного отстали, и это их свидание наедине резко ускорило развязку. Вернувшись с гулянья, жених официально попросил ее руки. Фрау Бух была довольна. «Скоро в нашем доме появится свой Мартин», — обрадовалась она, не скрывая своего благоговения перед Мартином Лютером.

Коллективная фотография, датированная сентябрем 1929 года, сделана на свадьбе, прошедшей под знаком свастики: Гитлер и Рудольф Гесс были на ней свидетелями, а шеф СА Пфаффер и прочие лидеры движения штурмовиков — дружками новобрачных; гордый, улыбающийся жених, соответственно духу торжества, облачился в коричневые рубашку и брюки, высокие сапоги и опоясал живот нацистским офицерским ремнем (как и все остальные партийные функционеры, включая Вальтера Буха). Герда предстала вся в белом, в фате и с миртовым венком. Впрочем, невинность, которую символизировали эти детали туалета, к тому времени стала уже достоянием истории: неполных семь месяцев спустя появился на [72] свет их первый сын Адольф Мартин, за которым в семье закрепилось прозвище Кронци — немецкое сокращение от «кронпринц», то есть наследный принц, ибо имя ему дали в честь Гитлера. Нацисты из числа борцов «старой гвардии» злобно и язвительно шутили по поводу сроков его появления на свет. Агроном Вальтер Дарре, который, едва вступив в партию, сразу был объявлен экспертом по сельскохозяйственным и расовым проблемам, слышал от них байку о том, как выскочка из Веймара «убедил наивную и доверчивую Герду, что акт применения «личного мужского оружия» является доказательством серьезного намерения жениться». Для семьи Бухов брачный союз Герды с амбициозным молодым человеком, упорно прокладывавшим себе путь к вершинам НСДАП, казался не худшей сделкой. Для Мартина же этот шаг сулил замечательные перспективы в обозримом будущем.

Вальтер Бух являлся также членом рейхстага. Ему принадлежало одно из мест, завоеванных национал-социалистами на выборах 1928 года. Гитлер был частым гостем в его доме еще до путча 1923 года, и Герда с прилежанием школьницы зачарованно внимала его монологам. Незадолго до замужества она официально вступила в НСДАП, и Гитлер почтил присутствием эту церемонию, доставив Герде и ее отцу огромное удовольствие и продемонстрировав тем самым свои симпатии к

этой семье. Фюрер продолжительное время гостил у Бухов после свадьбы, и тому были веские причины. Дело в том, что в 1929 году он еще пребывал в некоторой нерешительности и не мог бороться за лидерство в политике государства, ибо не имел тогда твердой программы. Фюрер предпочитал скрываться у близких друзей, в число которых входила и семья Бух. Здесь он отдыхал, размышлял, проверял реакцию доверенных людей на свои новые лозунги и идеи. Естественно, все, кто принадлежал к этому роду, включая [73] зятя, получили право прямого доступа к вождю партии.

Нельзя сказать, что Герда не любила мужа. Привлекательная образованная женщина, она была верной, жизнерадостной, иногда по-детски капризной, но покладистой — словом, полная противоположность угрюмому реализму ее мужа. Он мог быть уверен — никогда его роль главы семьи и хозяина дома не подвергнется сомнению, и еще — ему удалось заполучить идеальную для национал-социалиста жену: верную и послушную подругу, готовую разделить с ним радость и горе и посвятить себя детям, дому и блаженству супружества. В партийной верхушке посмеивались над Борманом и утверждали, что его даже шокировал переход к домашнему укладу, напоминавшему образ жизни турецкого паши. Так или иначе, Борман не пренебрегал семейными обязанностями и — конечно, по-своему — любил жену. Их переписка показывает, сколь сильно ощущал он связывавшие их узы и сколь великодушно прощала она его слабости.

Несмотря на успехи Бормана на финансовом поприще, молодая пара не отличалась достатком. Чувствуя шанс сделать великолепную карьеру, Мартин не собирался размениваться на мелочи. Он презирал современное ему общество, падкое на соблазны, и учился использовать слабости людей. Девизом своих действий он избрал личную преданность фюреру и не позволял себе опрометчивых поступков. Во время «периода борьбы» партия выплачивала функционерам мизерные оклады. К тому же казначей НСДАП полагал, что идейные борцы готовы работать бесплатно. И все-таки лучше было получать хоть что-нибудь, чем оказаться в трехмиллионной армии безработных, которые о подобном могли только мечтать. К тому же подразумевалось, что однажды партия придет к власти и идейные борцы будут сполна вознаграждены за [74] свои жертвы. Борман, естественно, разделял эти надежды. Но ни он сам, ни кто-либо другой не мог тогда вообразить, сколь больших высот удастся ему достичь в структуре партийной организации.

Бывая у Бухов, Гитлер превращался из любителя произносить

монологи во внимательного слушателя, когда Борман развивал идеи о создании моторизованных подразделений штурмовиков и предлагал сдать на эти нужды все личные легковые и грузовые автомобили, имевшиеся у членов НСДАП. В конце 1929 года Гитлер поручил ему подготовить план создания такого подразделения, а уже в апреле 1930 года был создан первый национал-социалистский автомобильный корпус. Борман, как автор идеи, остался в тени, с готовностью уступив честь авторства члену партии с билетом «№ 1» (то есть Гитлеру, который даже объявил о намерении сдать в этот корпус свой «мерседес» — символически, конечно). Несколько первых месяцев действиями этого корпуса, по-прежнему не вставая из-за своего стола, руководил Мартин Борман. Однако уже на следующий год бюрократ не мог справиться с этой задачей, поскольку корпус значительно увеличился и командование им требовало полной отдачи, а Мартин не собирался расставаться с финансовой стезей. Выбор Гитлера пал на бывшего майора Адольфа Хюхнлейна, ветерана путча 1923 года, который прежде был техническим инспектором корпуса. Вступив в новую должность, Хюхнлейн немедленно окрестил свое формирование «национал-социалистскими моторизованными корпусами».

В личных контактах с Гитлером Мартин прежде всего видел шанс доказать свою полезность фюреру и старался оказывать ему личные услуги. Воспользовавшись отсутствием государственного контроля за деятельностью «Фонда пособий», он оплачивал из этих средств часть личных расходов вождя. Казначей НСДАП Ксавье Шварц был прижимист, и Гитлер высоко [75] оценил предоставленную Мартином возможность использовать деньги партии на личные нужды, не утруждая себя объяснениями. Борман чувствовал, что мелочиться не стоит, и оплачивал такие важные для фюрера расходы, как арендная плата за домик в Баварских Альпах и содержание любовницы.

Уже в 1930 году он полностью избавил хозяина от первой из этих проблем, выкупив домик в Оберзальцберге вместе с прилегавшим участком земли. Что касается любовницы Гитлера, его племянницы Гели Раубаль, то Борман раскошелился на апартаменты для нее в фешенебельном доме на мюнхенской Принцрегентплац. Он оплачивал все ее расходы и не жалел партийных денег, когда считал необходимым удовлетворить ее капризы. Тонкий психолог с природным практическим крестьянским чутьем, Мартин заметил, что Гели обладает огромным влиянием на Гитлера и является его единственным доверенным другом — опасная, но очень выгодная роль, которая так манила Бормана. Естественно, он постарался наладить с ней

дружеские отношения. Соблазнительная и женственная, Гели, по молодости, была глупа и очень болтлива. Кроме того, Борман открыл в ней пристрастие к выпивке и следил, чтобы в ее доме всегда было вино, от которого у девушки быстро развязывался язычок.

Мартин был похотлив, но в данном случае приключение могло стоить головы, и он добивался только роли доверенного друга Гели. Сделать это было нетрудно, ибо девушка была вынуждена в основном вести жизнь затворницы при жутко ревнивом любовнике.

Во время одной из таких бесед с Гели — вдвоем, за бокалом вина — Борман заговорил о прошлом Гитлера-художника. Он заявил, что не сомневается в художественном даровании фюрера, посетовал на отсутствие у себя познаний в искусстве и выразил сожаление [76] по поводу того, что не видел работ Гитлера. Изрядно подвыпившая и злая на любовника после недавней ссоры, Раубаль обозвала Гитлера рисовальщиком гениталий и принесла из спальни рисунки. На всех — обнаженная Гели в откровенно непристойных позах; особенно подробно художник показал самые интимные части женского тела{16}.

На многих рисунках художник изобразил ее во время отправления естественных нужд. В ответ на вопросительный взгляд Бормана Гели разразилась тирадой по поводу половых извращений, кричала, что нормальный человек не сможет представить себе и малой толики того, что дядюшка заставляет делать свою племянницу. По ее словам выходило, что в любовных отношениях Адольф оказался мазохистом{17}.

Гитлер якобы вообще «сдвинулся» на почве страха перед импотенцией, поскольку имел физический недостаток — у него отсутствовало одно яичко. Отсюда — особая диета и огромное количество различных лекарств.

Было очевидно, что личная жизнь Гитлера складывалась отнюдь не гладко, и это сильно угнетало его. [77]

На правах доброго знакомого Мартин нередко бывал на Принцрегентплац и, уходя, старался задержаться у неплотно прикрытой двери, если поблизости не было телохранителя{18}, особенно в тех случаях, когда в отношениях любовников назревала очередная гроза. Борман знал: во время ссоры они могли обвинить друг друга в том, что обычно тщательно скрывают от остальных. Подобные откровения могли стать золотым ключиком от потайной дверцы в душе Гитлера — той дверцы, которая вела к заветной цели.

Однажды, едва войдя в приемную, Мартин услышал из спальни ругань. Убедившись, что его никто не видит, он замер,

заодно придумывая объяснения на тот случай, если его застанут. Борману пришлось вновь услышать рассказанное девушкой, но теперь она адресовала эти обвинения самому Гитлеру. В ответ раздалась звонкая пощечина. Однако Гели не унималась и охрипшим голосом обозвала любовника иудой, задумавшим истребить народ, кровь которого текла в его жилах. Борман насторожился. Девушка издевательским тоном напоминала Гитлеру о якобы нашумевшем любовном романе его бабки Марии Анны Шикльгрубер с бароном Ротшильдом, да и крестным отцом Адольфа, как оказалось, был еврей. Раздались глухие удары и стоны... Мартин поспешил убраться, — достаточно изучив Гитлера, он понимал, что знать такие подробности опасно.

Летом 1930 года Борман уволился из штаба СА, оставив пост помощника Пфаффера. Во-первых, неприметная, но важная должность управляющего «Фондом пособий» его вполне устраивала. Во-вторых, [78] он своевременно решил ограничить себя одним лишь этим постом, заметив, что Гитлер все более тяготится штурмовыми отрядами. Теперь приходилось сдерживать неугомонных штурмовиков, которые вместе с революционерами прежних времен и ветеранами путча верили, что короткий неожиданный бросок на Берлин восстановит порядок в стране и позволит им добиться материальных благ для себя.

Будучи членом штаба СА, Мартин узнал об этом «брожении умов» и в марте 1930 года доложил фюреру об угрозе бунта внутри партии. Пфаффер и его приближенные решили совершить переворот самостоятельно. Гитлер поручил Борману, уже оправдавшему его доверие в качестве плательщика личных расходов, составить список самых горячих голов СА. Тот завершил работу в июне, а в середине июля уже уволился из штаба штурмовиков.

В действительности же партийные лозунги никогда не призывали к переменам в экономике, оставались половинчатыми и расплывчатыми. Осенью 1929 года грянул крах нью-йоркской фондовой биржи, вызвавший убытки в миллионы долларов и повлекший за собой экономический кризис мирового масштаба. Гитлер понял, что безработица и нищета вскоре приведут к нему массы сторонников и тогда он придет к власти посредством выборов. Старые бойцы не могли понять, что не играют более роль первой скрипки в оркестре фюрера. Они насмехались над бурно разраставшимся аппаратом партийных функционеров, получившим название ПО (политическая организация), которое из их уст звучало, как «П-зеро».

Жребий был брошен в середине августа 1930 года. Фюрер

заявил, будто только что узнал о путче, который лидеры СА решили осуществить самостоятельно, и сместил фон Саломона. Годы спустя в письме, направленном в ставку фюрера, Герда писала мужу о [79] Пфаффере: «Остерегайся его и ему подобных». Поводом для предупреждения послужил «тревожный сон», в котором «все мы возвратились в Оберзальцберг, причем весь город заволокло дымовой завесой». Она боялась, что ветераны «добровольческих корпусов» могли затеять «что-нибудь недоброе». Это письмо было написано через месяц после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Отвечая на предупреждение жены, Борман — также не называя имен — написал: «Да, он еще жив, но с 21 июля находится в тюрьме». Итак, с 1930 года Борман стал личным информатором Гитлера. Причем к тому времени, когда Пфаффер погорел, Мартин формально уже покинул штаб СА и автоматически оказался вне подозрений ветеранов «добровольческих корпусов». Партийный казначей Ксавье Шварц, давно с вожделением взиравший на огромные средства «Фонда пособий», захотел перевести под свой контроль все службы СА, занимавшиеся экономической деятельностью. Однако реальную власть над фондом сохранил за собой Борман.

В течение последовавших четырех недель в структуре СА произошли коренные изменения. Гитлер назначил себя верховным командующим СА, а непосредственным начальником (начальником штаба) вновь стал Эрнст Рем, недавно возвратившийся из Боливии{19}. На выборах, состоявшихся 14 сентября 1930 года, политическая организация добилась своей первой большой победы. НСДАП собрала 18,3 процента голосов избирателей и со ста семью местами стала второй политической силой в рейхстаге. [80]

Ни Гитлер, ни партия не были готовы к подобному успеху. За несколько недель до выборов в мюнхенскую штаб-квартиру хлынул поток заявлений от желавших вступить в партию, который не прекращался и далее. Теперь всех сумасбродов, мечтателей и «стратегов революции» следовало заменить трудолюбивыми администраторами. Заносчивые борцы «старой гвардии» вдруг оказались оттесненными от Гитлера плотной толпой старательных и послушных бюрократов.

Как раз в то время, когда Борман затеял переход из СА в когорту политических лидеров, НСДАП заполучила в свое распоряжение Бардовский дворец на Брайнерштрассе. Внушительное здание давно привлекало внимание Гитлера, мечтавшего разместить здесь штаб-квартиру своей партии. Гитлер заполучил его несмотря на то, что партийная казна никогда не

отличалась обилием средств. Зачастую именно «Фонд пособий» оказывался последним источником краткосрочных займов, причем со временем этот источник неизменно набирал силу. Борман не слишком волновался за последствия подобного изъятия финансов: в таких случаях он просто урезал размеры пособий штурмовикам-инвалидам.

Годы спустя он писал Герде:

> «Работая в «Фонде пособий», я, к удивлению своему, обнаружил, что искренние члены партии, храбро сражавшиеся против коммунистов и получившие в этих стычках ранения, всеми правдами и неправдами стараются подольше оставаться в списках на получение пособий».

Он также жаловался, что нередко пособия выдавались за ранения, полученные не при защите интересов партии. Ради этих денег иные решались на членовредительство. Борман нашел врача, Герхарда Вагнера, ставшего впоследствии главным хирургом рейха, который проинструктировал окружных врачей НСДАП, как выявлять подобных мошенников.

> «Благодаря [81] Вагнеру «Фонд пособий» получил возможность отказывать в выдаче компенсаций в тех многочисленных случаях, когда ранения не были результатом служения партии».

Подобные шаги не способствовали популярности Бормана среди штурмовиков, особенно в Берлине. За уход из штаба СА они прозвали его «партийным бонзой» и бюрократом. Безработица и нищета усилили соблазн смошенничать; более того, молодых людей возмущала новая партийная политика, ставившая целью приход к власти законным путем, поскольку это казалось предательством «революции» (под этим словом они понимали насильственный переворот и перераспределение собственности), которое отодвигало их мечту в отдаленное будущее.

В Берлине Борман и городской врач национал-социалистов Леонардо Конти (впоследствии министр здравоохранения третьего рейха) тщательно проверяли каждую просьбу о выдаче пособия, отчего главари СА и их сподручные приходили в неописуемую ярость. Наконец, в октябре 1930 года разразился скандал. Группенфюрер Вальтер-Мария Штеннес, уволенный со службы капитан полиции, возглавлявший теперь штурмовые отряды на северо-востоке Германии, написал Борману, что «привлечение доктора Л. Конти к консультациям вредит делу».

Оберфюрер СА Эрхард Ветцель, представлявший интересы штурмовиков в Берлине, пригрозил, что обратится с этим вопросом непосредственно к шефу СА и главе партии, если «Фонд пособий» не будет выплачивать компенсации тем, чья преданность делу «не подлежит сомнению».

Угроза была осуществлена. Бывший капитан Отто Вагенер отчитал Бормана, и 12 ноября 1930 года руководитель «Фонда пособий» направил Штеннесу письмо, составленное в примирительном тоне и признававшее, что «дальнейшее привлечение доктора [82] Л. Конти в качестве медицинского консультанта недопустимо». Однако через пять месяцев временное отступление завершилось-таки победой. Штеннес восстал против «буржуазно-либеральных тенденций» в политическом руководстве НСДАП, приказал своим штурмовикам занять помещения представительств партии в столице и обвинил Гитлера в измене. В ответ Гитлер исключил из партии Штеннеса и непокорного оберфюрера Ветцеля. А Борман в глазах фюрера зарекомендовал себя с лучшей стороны, поскольку давно конфликтовал с предателями.

25 сентября 1930 года Гитлер торжественно поклялся верховному судье города Лейпцига, что будет добиваться власти только законными средствами, и приступил к подготовке соответствующих организационных структур. Фюрер сформировал теневой кабинет соответственно государственной модели и в новогоднем обращении хвастливо расписал всегерманский «размах и масштабы национал-социалистской организации». Главный штаб партии расположился в здании дворца лишь в феврале 1931 года, но это здание «уже стало слишком мало, несмотря на все ухищрения с ремонтом и перепланировкой. Поэтому строится второе здание, а еще одно в настоящий момент проектируется. В декабре партия получит здание, пристроенное к ныне существующему». Фюрер надеялся, что в не слишком отдаленном будущем из бюрократического аппарата выделятся специалисты, необходимые для руководства различными государственными ведомствами.

Это половодье назначений, продвижений по службе и радужных планов ни в коей мере не коснулось управляющего «Фонда пособий». «Фелькишер беобахтер» регулярно публиковала имена тех, кто претендовал на престижные посты. Имя Мартина Бормана в подобных статьях никогда не упоминалось. Он не рассчитывал на нечто особенное, ибо понимал, [83] что не принадлежит к типу лидеров, способных пленить публику ораторским искусством, но надеялся добраться до главных рычагов реальной власти. Кроме того, чутье подсказывало

Мартину, что наилучшее место — в тени фюрера. Он уже приметил, сколь ревниво относится Гитлер к успехам соратников. Громкое имя сулило своему обладателю немалые неприятности в будущем. Если принять во внимание, что фюрер не брезговал методами террора в политической борьбе, можно было ожидать, что при случае он решится на любое преступление.

* * *

Борман упорно трудился, изыскивая дополнительные источники денежных средств для своего фонда. Дотошный реалист, он отлично понимал, что без поддержки воротил бизнеса партия не завоюет доминирующего положения в Германии. Узнав, что лидер сталелитейной промышленности Фриц Тиссен оказывает финансовую помощь газете Геринга «Эссенер национальцайтунг», Борман предложил магнату оказывать НСДАП прямую помощь через «Фонд пособий». Итогом стало соглашение между Гитлером, Тиссеном и ведущим добытчиком угля в Рурском бассейне Эмилем Кирдорфом, привлеченным к сотрудничеству тем же Тиссеном. Последние двое ввели фюрера в высшие круги Рейн-Вестфалии. В результате НСДАП получила миллион марок — сумма огромная, но недостаточная для политического успеха.

Борман обнаружил в партийных списках имя Отто Штейнбрика, одного из руководителей концерна Флика. Выйти на монополиста с помощью его «правой руки» оказалось делом несложным. Для начала Флик ограничился целевой финансовой помощью службе СС. Борман же вместе со Штейнбриком приступил [84] к организации сообщества германских промышленников, сочувствовавших национал-социализму или веривших в будущее Гитлера как политического деятеля. В 1932 году эта организация получила название «кружок Кеплера» — она занималась налаживанием связей между НСДАП и крупным капиталом Германии.

Человек, во внешности которого отсутствовали обаяние и притягательность, не мог оказаться на авансцене; его место — за кулисами. Кроме того, Борман уже понял, как мало значили для Гитлера звания и титулы. Многие должности существовали только на страницах газет. Посты не гарантировали ни власти, ни влияния; их учреждали только для того, чтобы поддержать видимость привычного уклада, согласно которому требовалось возложить на кого-то ответственность за ту или иную область деятельности, или чтобы притормозить того, кто слишком высоко

взобрался по партийной лестнице. Каких бы вершин в партийной иерархии ни достигал функционер, он получал столько власти, сколько Гитлер считал необходимым ему доверить. К тому же иногда преемник прощался с креслом столь быстро, что его предшественник еще не успевал покинуть «коричневый дом». Кроме того, резко разросшаяся организация не обрела внутреннюю дисциплину: гауляйтер был полновластным диктатором в пределах своего округа и сам решал, следует ли выполнять инструкции из Мюнхена. Борман испытывал на себе последствия такой ситуации, хотя пользовался поддержкой казначея, к которому фюрер относился благосклонно. Несмотря на приказ Гитлера, отнюдь не все члены партии платили взносы в «Фонд пособий», и многие мелкие периферийные партийные группы подолгу оставались в должниках.

В тот период не имело значения, было ли у усердного молодого администратора — грубого и беспощадно [85] требовательного с подчиненными и услужливого и льстивого с начальниками — желание играть какую-то самостоятельную политическую роль. Он служил партии с полной самоотдачей, верил в неизбежность ее триумфа и искренне радовался, когда узнавал о назначении на государственные посты представителей своей партии, о завоевании 25 процентов голосов в традиционно «красном» Гамбурге или об уверенной победе на выборах в Гессе.

За политическими событиями он следил только как наблюдатель. Борман не упускал случая заявить, что ему хотелось бы надеть коричневую форму и в качестве командира или агитатора оказаться на передней линии борьбы. Но на самом деле его более всего устраивала именно бюрократическая работа, где он действовал достаточно эффективно: «Фонд пособий» накопил уже очень крупные средства. При таких успехах он чувствовал свою значимость и считал себя фигурой более важной, чем многие другие. Более важной, чем, например, шеф службы иностранной печати Эрнст Ханфштангль, которому, несмотря на все его прошлые заслуги и близкие отношения с Гитлером, для приема визитеров выделили небольшую комнатушку на третьем этаже «коричневого дома». Последний, кстати, позднее сказал о нацистской бюрократии тех лет: «Если не считать таких административных ведомств, как бухгалтерия, касса, учетный отдел, все прочее представляло собой громоздкую, ленивую и неповоротливую машину, производящую горы ненужных бумаг»{20}.

Борман, очевидно, разделял эту точку зрения. [86]

Группа, в которую попал Борман после ухода из СА, представляла собой весьма разношерстную компанию. Кроме

скаредного бухгалтера Ксавье Шварца, который оставил пост городского инспектора Мюнхена и занимался теперь только партийной казной, в нее входил такой странный персонаж, как Кристиан Вебер, который начинал шутом, развлекавшим публику в пивных барах, затем торговал лошадьми, а ныне стал членом городской администрации. Вебер возмещал недостаток образования наглой напористостью и рьяно пробивался к государственной кормушке. К их числу принадлежал и Рудольф Гесс, растерявшийся и неожиданно оказавшийся в изоляции, верный приверженец движения с первых дней его существования, не имевший теперь в партии ни поста, ни влияния, но по-прежнему обожавший Гитлера, служивший ему секретарем и доверенным слугой и обращавшийся к нему уже не с фамильярным «герр Гитлер», а с верноподданническим «мой фюрер». Был здесь и Герман Эссер — превосходный оратор, принадлежавший к числу избранных, коим позволялось обращаться к Гитлеру на «ты» и даже — изредка — давать советы. К этому кругу принадлежал также фотограф Генрих Хофман, невеликий ростом, но великий мастак по части сплетен, любитель подшутить, не допускавший никаких посягательств на дарованную ему Гитлером монополию на изготовление фотографий для партийных документов.

Внутри этой группки из двенадцати-тринадцати человек — внешне поддерживавших между собой доброжелательные отношения, чрезвычайно амбициозных, холодных и расчетливых, властолюбивых, патриотов и убежденных нацистов — кипел незримый водоворот интриг и сомнительных альянсов; дружба вмиг сменялась враждой и наоборот. По утрам их пути пересекались на Шеллингштрассе либо в привилегированном пригородном районе, где в великолепных [87] апартаментах расселились партийные лидеры и главы пронацистских газет. Они всегда обедали вместе: Гитлер, Гиммлер, Рем и Розенберг собирались в ресторане «Бавария», тогда как Шварц, Макс Аманн и Грегор Штрассер предпочитали «Шеллинг-салон». После полудня, когда Гитлер имел обыкновение отправляться в «Кафе Хека», его помощники неизменно толпились у стола, ибо зачастую именно в такой обстановке принимались решения о назначениях на партийные посты, и отсутствовавшие выбывали из числа претендентов. Игра продолжалась вечером: весь клан собирался в штаб-квартире НСДАП или в кафе, чтобы послушать монологи вождя, которые заканчивались далеко за полночь. Хотя внутри самого клана не утихали распри, его члены объединялись в едином строю против всякого нового выскочки, пытавшегося пробиться поближе к фюреру. Борман в полной мере испытал это

на себе.

После свадьбы Мартин и Герда переехали в Икинг, примерно в шестнадцати милях к югу от Мюнхена, где и появился на свет их первый ребенок. После Кронци родились девочки-близнецы, названные Ильзе (в честь жены Рудольфа Гесса, который был свидетелем на их свадьбе) и Эренгард (в честь хозяйки усадьбы из Герцберга). Как на поезде, так и на стареньком «опеле» дорога в город отнимала много времени, поэтому Борман редко присутствовал на ночных встречах. Чтобы восполнить этот пробел, ему приходилось усиливать натиск в час ленча. Поэтому он неизменно посещал ресторан «Бавария», где мог устроиться поближе к фюреру. Сельскохозяйственный эксперт НСДАП Вальтер Дарре так описывал манеру поведения Бормана: «Как бы вы ни старались оттеснить его, он всегда ухитрялся найти предлог, чтобы сесть рядом».

У Бормана имелись веские причины сделать упор на установление хороших отношений с Дарре, поскольку [88] тот пользовался огромным успехом у Гитлера; кроме того, агроном обосновался среди приближенных фюрера недавно, и, возможно, союз с Борманом мог оказаться полезным также и для него.

«Этого человека отличали отталкивающие черты льстеца и доносчика», — вспоминал позднее Дарре и пояснял, что поддерживал с ним отношения только из уважения к его тестю. Тем не менее весной 1931 года супруги Дарре приняли приглашение четы Борманов, и во время этого визита от внимания Дарре не укрылось, что Герда ждет очередного ребенка.

«Несмотря на наше присутствие, он обращался со своей женой так, что могло показаться, будто действие происходит в среде грубых, опустившихся обитателей трущоб», — рассказывал Дарре. Он решил впредь не переступать порог этого дома и никогда не приглашал Борманов к себе, хотя и он, и его жена очень сердечно отзывались о Герде и семье Бух. По его словам, Герда «обладала изысканными манерами, отличалась сдержанностью и скромностью — вся в отца», тогда как ее муж был «слишком груб и не стеснялся оскорблять свою жену в присутствии друзей, словно она была существом низшего разряда».

Бальдур фон Ширах и шеф СС Генрих Гиммлер, тогда еще подчинявшийся непосредственно начальнику штаба СА Рему, придерживались того же мнения о фамильярности и грубых манерах Бормана. Все считали, что в те дни он оставался весьма незначительной фигурой в организации, отмечали его небывалую способность среди равных создавать о себе впечатление как о добром малом и привлекать к своему имени внимание

начальства. С подчиненными же он был чрезвычайно груб и высокомерен. Все единодушно сходились лишь в наличии одного положительного качества: Борман обладал фантастической работоспособностью и работал почти круглосуточно. [89]

Это качество отмечали и высшие партийные советники. Сам Гитлер не раз публично хвалил усердие и эффективность работы Бормана, называя его чрезвычайно надежным, трудолюбивым и способным молодым человеком. Клика приближенных эти похвалы восприняла как сигнал тревоги: появился энергичный выскочка, которого следовало держать на дистанции. Впрочем, влиятельнейшие деятели национал-социалистского движения — Герман Геринг, Грегор Штрассер и недавно назначенный руководителем службы пропаганды Йозеф Геббельс — не обращали на него особого внимания. Впоследствии Розенберг вспоминал, что до 1933 года имя Бормана редко звучало в Мюнхене, а Ширах — умелый пропагандист и интриган, но скорее идеалист, чем прагматик, — даже заявил, что «Фонд пособий» «имел значение не большее, чем рядовая страховая компания». [90]

В «коричневом доме» (ближе к фюреру)

Борман старательно оберегал свои позиции, хотя никто из многочисленных соискателей высоких партийных постов не считал его положение завидным. Поэтому, в частности, никто не воспрепятствовал ему в апреле 1931 года, когда он вызвал из Веймара своего брата Альберта и взял его в «Фонд пособий» на должность руководителя отдела персональных компенсаций. Всеобщее удивление вызвало то, что родные братья могли оказаться столь несхожими. Симпатичный, скромный, вежливый, с хорошими манерами и познаниями в искусстве, младший брат быстро приобрел друзей, среди которых были и очень влиятельные партийные деятели. Вскоре стало ясно, что эти двое не смогут работать в одной упряжке. Всего шесть месяцев спустя, в октябре 1931-го, Альберта перевели в личную канцелярию фюрера, в подчинение спокойному и неприметному Филиппу Бухлеру, преданность которого впоследствии фюрер отметил званием «рейхсляйтер».

Таким образом, младший брат очень быстро добился того, над чем старший работал долго и упорно: он оказался в непосредственной близости к фюреру и служил лично ему. Гитлер, чрезвычайно подозрительный к окружающим, не доверил ведение своих личных дел какой-нибудь структурной единице партии. [91]

Никому не полагалось знать о нем слишком многое. Даже личная канцелярия занималась в основном обеспечением внешней значимости, формированием образа Гитлера; возможно, важнейшая ее задача состояла в разборе почты и сортировке писем. Но Мартин был раздражен тем, что Альберт перестал от него зависеть, легко сделал очередной шаг в карьере и приблизился к фюреру. Братья избегали встреч, хотя в интересах дела им порой приходилось работать вместе. Вражда меж ними не проявлялась открыто, но со временем антипатия у одного из них переросла в презрение, а у другого — в ненависть.

Впрочем, Альберт получил столь выгодное назначение в октябре 1931 года, а Мартин совершил важнейший поворот в своей карьере в сентябре.

Пару лет спустя Мартин Борман стал фактически единственным исполнителем личных поручений Гитлера — миссий наиболее деликатного характера. Начало его необычайно быстрому взлету и сближению с фюрером было положено 18

сентября 1931 года, в день убийства племянницы фюрера Гели Раубаль. Девушка мешала Борману, стояла у него на пути: она знала, как ублажить Гитлера, удовлетворить его «особые» сексуальные пристрастия, и умела это делать. Когда их взаимоотношения не нарушались ссорами, фюрер успокаивался и был уже не столь агрессивен. Даже его речи становились не столь зажигательными.

Борман мог бы уговорить девушку терпеть и дальше, но... Он нуждался не в умиротворенном фюрере, а в дерзком, хитром и безжалостном ниспровергателе, идущем ва-банк: все или ничего!

После истории с рисунками беседы Гели и Мартина стали носить откровенный характер. Борман постепенно стал внушать девушке, что ей необходимо порой расслабиться и, чтобы отвлечься от «необычных» домогательств Гитлера, завести молодого любовника. Он даже пообещал свою помощь. Советы [92] Мартина показались ей искренними. Прожив большую часть последних лет затворницей, Гели мечтала как-то изменить свою жизнь и поддалась на его уговоры. Весной 1931 года Гитлер ненадолго отпустил ее в Вену погостить у родственников. Там она познакомилась и сблизилась с художником-евреем. Мартин действительно помогал тайным любовникам, исполняя роль связного.

Впрочем, он-то думал, что расположения Гели добьется телохранитель и шофер Гитлера Эмиль Морис. Слушая восхищенные отзывы Мориса о прелестях Гели, Мартин понял, что охранник обязательно попытается с ней сблизиться, и не сомневался в неизбежности скандала — непримиримость Гитлера к соперникам любого рода была общеизвестна. Вскоре Борман получил косвенные доказательства этому своему предположению. Странность заключалась в том, что личного шофера не покарали — наоборот, шефу кассы взаимопомощи приказали выдать Морису отступное в двадцать тысяч марок для открытия частного магазина. Вывод: очевидно, охранник много знал и имел возможность шантажировать Гитлера. Борман вновь убедился, что у фюрера нет соратника абсолютно верного и в полной мере доверенного, которому Гитлер мог бы поручить расправу с шантажистом. Именно такая роль была Мартину наиболее желанна, и это место еще оставалось вакантным!

Так или иначе, Борман последовательно стремился к своей цели. Он прекратил практику доверительных бесед с Гели, убедив ее в том, что таким образом отведет от них обоих подозрения в сговоре. Поэтому теперь они встречались только в присутствии третьих лиц, а записки влюбленного художника Мартин передавал ей тайком, улучив момент.

В конце лета 1931 года, когда отношения между Гели и Гитлером испортились и почти каждая их встреча перерастала в отчаянно злобную ссору, Борман [93] старался сильнее раздуть в душе фюрера пламя ревности. Кроме того, явное недовольство Гитлера вызывали сообщения Мартина о том, что в партийных кругах якобы распространились слухи о странной слабости фюрера к своей племяннице. Борман чувствовал: в конце концов, спьяну Гели обязательно попытается побольнее уязвить мучителя и расскажет ему о своей тайной любовной связи. Мартин хотел, чтобы это признание стало той последней каплей, которая заставит Гитлера полностью потерять контроль над собой.

Так и случилось. Во время очередной ссоры Гели, доведенная до истерики домогательствами и побоями, буквально выплюнула в лицо дядюшке, что завела любовника и хочет выйти за него замуж. Гитлер был в шоке: любовница изменила ему с другим мужчиной и к тому же перешла на обычные половые отношения! Следующие признания отринувшей всякую осторожность жертвы помутили его рассудок: соперник был евреем и Гели от него забеременела! Гром выстрела всполошил Принцрегентплац. Эмиль Морис с трудом оттащил фюрера, с остервенением пинавшего бездыханное обнаженное тело девушки, и срочно увез хозяина прочь.

Первым на место преступления прибыл мюнхенский детектив... Генрих Мюллер. Он обнаружил труп обнаженной девушки; тело жертвы покрывали ссадины, были сломаны два пальца и подбородок, разбит нос; рядом валялся револьвер Гитлера. Вскоре приехал Борман и долго беседовал со следователем. Деньги Мюллера не заинтересовали, а рисковать собственной шеей ради нацистов он тогда не собирался. Мартину все-таки удалось нащупать его слабое место: Мюллер мечтал о высокой должности. Что ж, Борману не составляло труда по-царски отблагодарить за столь ценную услугу. Во-первых, он не сомневался, что фюрер выполнит его просьбу. Во-вторых, Гиммлер и СС нуждались [94] в высококлассных специалистах жандармерии. Кроме того, раскусив Мюллера, Мартин увидел в нем полезного во всех отношениях союзника. Следователь во многом походил на самого Бормана: свысока смотрел на материальные соблазны, был достаточно циничен и жесток и, обладая несомненным талантом криминалиста, не очень-то считался с буквой закона. Как и Мартин, Мюллер рвался к высоким постам при любой власти, но — в отличие от него — готов был вершить грязные дела собственными руками. Впрочем, истинный профессионал, он умел мастерски замести следы.

В итоге с места преступления исчезли не только упомянутые

улики, но и письма возлюбленного, а также дневник Гели, в котором содержались сведения о том, что на самом деле Гитлер был на четверть еврей. В протоколе также не было записи о следах побоев на теле жертвы. Вдобавок ко всему, министром юстиции в Баварии был представитель влиятельных кругов НСДАП Франц Гюртнер. В итоге дело удалось замять. В официальном заключении говорилось, что Гели Раубаль погибла в результате несчастного случая — она нечаянно выстрелила, когда забавлялась с револьвером, найденным в столе дяди. К тому же у Гитлера нашлось много тщательно проинструктированных Мюллером «свидетелей», утверждавших, что фюрер не покидал своего штаба (в те дни начиналась предвыборная кампания).

Утративший прежние позиции после чистки в СА, но оставшийся в НСДАП Грегор Штрассер почти неотлучно дежурил возле впавшего в депрессию фюрера, то и дело заходившегося в истерике. Несколько дней Гитлер вел себя как помешанный, носился с мыслью о самоубийстве.

Личная жизнь Гитлера всегда была окружена тайной. Образ фюрера, сформированный средствами массовой информации, был воплощением чистоты и [95] самоотречения, — впоследствии даже о Еве Браун в Германии знали в общем-то немногие.

Честь следить за «чистотой» своей биографии фюрер доверил Борману, который доказал свое умение в деле убийства Гели. Мартин сумел не только замять расследование и изъять опасные для вождя материалы, но и заставил — кому пригрозил, кого подкупил — замолчать всех родственников Гели Раубаль и Адольфа Гитлера. Так, Лео Раубаль, брат Гели, который в момент убийства находился в Вене и не мог знать подробностей происшествия, обещал разобраться в этом деле и в конце концов разоблачить Гитлера. Ему была уготована жестокая расправа на Балканах, где он проходил военную службу. Выяснить обстоятельства его гибели не удалось.

Мать погибшей, Анжела Раубаль, долгие годы работавшая домохозяйкой в доме Гитлера в Оберзальцберге, оставила эту работу и впоследствии вышла замуж за профессора Хамитша из Дрездена. Борман отпустил женщину, взяв с нее клятву никогда не произносить критических слов в адрес двоюродного брата. Кстати, в семействе Гитлеров-Шикльгруберов часто заключались браки между родственниками, и близкие Адольфа Гитлера не были заинтересованы в громком скандале, который разоблачил бы их склонность к кровосмесительству.

Родная сестра Гитлера (после замужества — Паула Вольф) в конце концов также бесследно исчезла. Однако в архивах

Венского управления полиции сохранилась копия ее заявления, сделанного в 1931 году. Паула жаловалась, что ее жизни угрожали члены «германской ассоциации гимнастики» (за фасадом этого общества формировались молодежные нацистские организации и подразделения войск СС). По мнению фрау Вольф, поводом послужили ее заявления о том, что Адольф Гитлер не только убийца, но и сумасшедший, которого следовало изолировать от общества. [96]

«Чистая» работа! И при этом — никаких просьб о награде, никаких напоминаний об оказанной услуге! Борман в полной мере проявил качества человека, столь необходимого ЛИЧНО Гитлеру. Фюрер вряд ли сомневался в том, что обрел исключительно бескорыстного и верного слугу. Тем не менее чутье подсказывало Мартину: единственно правильный путь — постоянно доказывать свою личную преданность Адольфу Гитлеру.

Имеется единственное документальное подтверждение тому, что уже в то время Борман участвовал в каждодневной политической борьбе. В сентябрьский день 1931 года в дверь его дома ворвались детективы мюнхенской политической полиции с ордером на обыск. Мартин и Герда были дома и присутствовали при поисках запрещенной нацистской литературы, листовок, секретных партийных документов, списков и адресов. В доме ничего не обнаружили, но в машине Бормана — в том же стареньком «опеле» — была найдена брошюра «Наиболее влиятельные политические партии и объединения». Штамп на первом развороте свидетельствовал о том, что это — документ «для внутреннего пользования» политической полиции.

Бормана доставили в полицейский участок и принялись выяснять, как к нему в руки попала эта брошюра. Возможно, они хотели разоблачить тайные связи своих офицеров с нацистами, выяснить причины возникновения неожиданных помех в расследовании убийства Гели Раубаль. В надежде заставить Бормана говорить, ему пригрозили обвинением в воровстве и предварительным заключением, сняли отпечатки пальцев и разыграли сценку, якобы открывая следствие. Однако все эти ухищрения ни к чему не [97] привели, — отсидев год в тюрьме, Борман знал о методах германских детективов. Через два с половиной часа полицейские утратили всякий интерес к данному делу. Бормана отпустили и впоследствии к этой истории не возвращались.

Сам факт обыска, произведенного политической полицией, доказывает, что уже тогда Борман не был ничтожным аутсайдером. Мюнхенская полиция давно держала под

наблюдением представителей нацистской верхушки. Очевидно, у них были причины считать, что Борман поддерживал более тесные связи с высшим политическим руководством партии, чем предполагала занимаемая им должность. Возможно, они надеялись также выведать у него сведения о тайных финансовых источниках НСДАП. «Фонд пособий», никому не подотчетный, являлся наиболее удобным источником денег, когда партии необходимо было использовать крупные суммы, сохраняя в тайне свои финансовые операции. Но, безусловно, полицейские детективы не могли заполучить подобную информацию от Бормана, который хорошо знал тактику ведения допросов и которого не бросало в дрожь при звякании тюремных ключей.

* * *

Именно к секретным фондам Бормана обращалась партия, когда возникала нужда в деньгах; за усердие в работе и предприимчивость Гитлер ввел Мартина в круг ближайших сподвижников (услуги личного характера, естественно, никогда не афишировались). Характерное событие случилось в ночь на 14 марта 1932 года. Гитлер, Гесс, Бухлер, Ханфштангль и Борман расположились в угловой комнате на первом этаже «коричневого дома», где над рабочим столом Гитлера висел портрет Фридриха Великого [98] кисти Ленбаха, и слушали по радио репортаж о ходе выборов. Чем дальше — тем больше разочарование. Гитлер проигрывал фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу в кампании по выборам президента Германии. Люди, которых Гитлер пригласил к себе в полночный час в столь важный момент, были, несомненно, самыми близкими его соратниками и, следовательно, влиятельнейшими деятелями партии. Общим мерилом здесь была верность — абсолютная преданность, граничащая со слепым почитанием. Из их уст никогда не сорвалось ни одно слово противоречия или упрека. Отсутствию Геринга и Геббельса имелось объективное объяснение: они находились в Берлине и весь вечер поддерживали с фюрером телефонную связь. А что же Рем, Штрассер, Розенберг — куда подевались они? Их не пригласили, потому что — независимо от хода выборов — в такие часы Гитлер хотел видеть рядом только тех, кто никогда не говорил ему «нет».

Той ночью радикально настроенные члены партии настойчиво советовали фюреру призвать штурмовиков к оружию и, коль не получилось прийти к власти посредством выборов, совершить марш-бросок на Берлин и взять ее силой.

Борман, которого Ханфштангль назвал «светилом бюрократии», был определенно против гражданской войны. Он не доверял клану высших руководителей партии, ибо считал их ответственными за плохую репутацию национал-социалистов среди значительной части народных масс. Так, уже во время предвыборной кампании Гельмут Клоц, бывший старший лейтенант и бывший депутат рейхстага от НСДАП из Бадена, опубликовал открытое письмо, обвиняя начальника штаба СА Эрнста Рема в гомосексуализме. В памфлете «Лидеры, которым мы поручили руководить строительством нашего будущего», разошедшемся по всей стране, Клоц не только повторил свои нападки [99] на Рема, но и сопроводил их перечнем прегрешений двух дюжин более или менее высокопоставленных нацистов. Борман считал, что следует устранить все основания для подобных обвинений, если партия собирается продолжить борьбу за голоса избирателей. Однако он не пошел к Гитлеру с этой идеей. Поскольку Гинденбург не добился абсолютного большинства, предстояли повторные выборы сразу после серии выборов в провинциях. В этом соперничестве впечатляющие шествия колонн коричневорубашечников стали намеком на готовность маршировавших парней сразить политических противников тяжелым кулаком. Кроме того, Рем оставался полезным, потому что наладил хорошие отношения с генералом Куртом фон Шлейхером (а значит, и с рейхсвером), а через сына Гинденбурга — и с самим конкурентом в борьбе за пост президента рейха. Подобные знакомства могли пригодиться в будущем независимо от итогов выборов.

Поэтому Гитлер сделал широкий жест, опубликовав заявление о начальнике штаба СА:

> «Вопреки слухам, я не собираюсь отделять себя от моего начальника штаба... Я со всей твердостью заявляю: подполковник Рем останется начальником моего штаба и после выборов... Никакие глупые и подлые сплетни не изменят этого».

Гитлер, конечно, знал правду, но отмечал:

> «Его личная жизнь меня не касается, если хватает осмотрительности скрывать ее».

Такого же мнения придерживался и Борман.

По итогам повторных выборов, состоявшихся в апреле 1932 года, Гинденбург получил абсолютное большинство, но Гитлер был вполне доволен, ибо набрал более двух миллионов голосов. 4

июля новый канцлер Франц фон Папен распустил рейхстаг и назначил новые выборы на 31 июля. НСДАП завоевала двести тридцать мест, и 37,3 процента голосов сделали ее сильнейшей партией. Все приверженцы партии [100] убедились, что можно захватить власть законными средствами. Гитлеру представился замечательный шанс стать новым канцлером рейха.

Мы не будем обсуждать здесь причины неудачи Гитлера в этом предприятии или углубляться в перипетии политической борьбы последовавших шести месяцев. Нас интересует, как складывалась в этот период судьба Бормана.

На первый взгляд Борман оставался незначительным функционером, допущенным в круг приближенных, но не оказывавшим влияния на идеи и решения. Гитлеру было приятно присутствие товарища по партии, на компетентность, скромность и надежность которого он мог положиться. Благосклонность фюрера укрепила позиции Бормана в избранном круге адъютантов, личных водителей и телохранителей и прочих слушателей, необходимых идолу для самоутверждения. В Мартине Бормане Гитлер видел идеал члена партии и хотел, чтобы она состояла именно из таких людей: преданных, искренне веривших в идеи национал-социализма, готовых на все ради достижения провозглашенной цели — маленьких людей-винтиков, мечтавших послужить большому делу. Из всей нацистской верхушки давать советы позволялось только Рудольфу Гессу, который считал себя величайшим идеологом и сохранил за собой пост личного секретаря фюрера (со всеми соответствующими привилегиями). Но Гесс был слишком пассивным и щепетильным, чтобы в борьбе за влияние одолеть свору рвущихся к власти лидеров национал-социализма.

Первоначальное ликование по поводу результатов выборов в рейхстаг вскоре сменилось горьким разочарованием. В течение двух лет нацисты выигрывали выборы. Они даже добились абсолютного большинства на выборах в местные администрации и фактически полностью руководили ими; однако всего этого [101] оказалось недостаточно для окончательной победы. Пропагандистская кампания поистине небывалых масштабов, развернутая нацистами в течение трех месяцев в период между президентскими выборами в апреле и выборами в рейхстаг в июле, добавила им триста тысяч голосов. Удалось заполучить 37,3 процента. Как набрать еще 13 процентов, необходимых для абсолютного большинства? В народе начинали сомневаться: если нацисты окажутся неспособными решить эту задачу, разве смогут они поправить состояние страны, которая попала в бедственное положение?

Гротескный эпизод, произошедший в «коричневом доме» вдали от эпицентра политических баталий, был характерен для той напряженной обстановки. Междуусобные внутрипартийные интриги Бормана, Буха и казначея Ксавье Шварца приводили Рема в ярость. Он излил душу старому другу, бывшему капитану Карлу Майру, описывая интриги своих противников внутри партии, и спрашивал, нет ли у Майра «чего-нибудь на кого-нибудь из них».

Карла Майра можно было назвать кем угодно, но только не безобидным аполитичным гражданином. Как офицер рейхсвера, летом 1919 года он командовал «просветительским батальоном» в Мюнхене, которому надлежало оградить солдат от влияния коммунизма и привить им патриотические идеи. Одним из его пропагандистов и секретных агентов был капрал Адольф Гитлер. Впоследствии Майра уволили, поскольку он попытался привлечь регулярные войска, расквартированные в Баварии, к участию в путче Каппа, и его пост занял Рем. После 1923 года пути двух капитанов, бывших до той поры друзьями, разошлись. К 1932 году Майр стал одним из лидеров социал-демократов, то есть принадлежал к лагерю заклятых врагов.

Когда газета социал-демократов «Мюнхнер [102] пост» опубликовала историю об интригах внутри НСДАП, Борман решил использовать ситуацию для достижения собственных целей. Такой ход приближал его к фюреру, поскольку Майр, очевидно, многое знал о неприглядных поступках Гитлера в период демобилизации из армии и, как свидетель тех неблаговидных дел, мог нанести ему сокрушительный удар{21}.

Борман чувствовал, что ему еще не пришло время обращаться непосредственно к Гитлеру с обвинениями против такой влиятельной фигуры, как Рем. 5 октября 1932 года он направил «личному секретарю фюрера Рудольфу Гессу» письмо на пяти страницах. В этом письме до той поры скромный и почти незаметный Борман скинул маску и предстал человеком, который не только знает все тонкости административной работы, но и способен участвовать во властных играх. Его литературный стиль неуклюж и незатейлив. Писал он так же, как говорил, — стереотипными фразами:

«Дорогой герр Гесс.

Обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам во время Вашего отпуска. Однако, по моему мнению, нижеследующее ДОЛЖНО быть известно Вам и фюреру.

Хочу отметить, что я не имею ничего против СА. У меня также нет ничего против самого Рема. Пусть кто-то развлекается в далекой Индий со слонами или в Австралии с кенгуру, для меня,

как и для всех истинных национал-социалистов, важно лишь то, что затрагивает интересы Движения. Все, что приносит пользу Движению, хорошо; тот, кто наносит ему ущерб, — мой враг. [103] Однако то, что выяснилось сейчас, может подорвать его основы. Один из наиболее выдающихся лидеров партии ищет сочувствия у столь же известного лидера оппозиции, оскорбляя и браня своих партийных товарищей.

Каждому бойцу СА непременно внушают — и это особенно важно, коль дело касается Рема, — правило, согласно которому при любых обстоятельствах следует покрывать своих товарищей и начальников. Именно поэтому высшие руководители СА безбоязненно встали на путь клеветы и предательства.

Если фюрер и далее будет терпеть рядом с собой такого человека, то я, как и бессчетное множество других членов партии, откажусь понимать подобные действия, ибо они выходят за пределы понимания.

Не следует думать, что последние заслуги начальника штаба Эрнста Рема перевешивают ущерб от его проступков. Вред, который наносит Рем своим личным поведением, невозможно компенсировать какими-либо заслугами. Уместен вопрос: так ли существенны его заслуги? При внимательном изучении изданных Ремом приказов Вы не обнаружите никаких основополагающих нововведений в системе СА со времен Пфаффера.

Ходят разговоры, будто Рем — ведущая личность, «разумная голова». По этому поводу не должно быть двух мнений. О человеке судят по его окружению. Разумные головы? Вспомните, например, бывшего заместителя начальника штаба майора Фукса и нынешнего заместителя начальника штаба майора Хюхнлейна. Полагаю, что пост начальника штаба может занять любой из лидеров СА, пользующийся популярностью среди своих коллег и обладающий организаторскими способностями. По призванию я не солдат, но готов поклясться, что и мне под силу осуществлять такого рода руководство. Вспомните СС. Вы знаете Гиммлера и его способности. [104] Известно, что настроения против Рема произрастают из отрицательного отношения политических лидеров к СА. К тому же возникают возмутительные намеки, мол, все мы, старые члены партии, на самом деле являемся ставленниками СА. В политической организации в целом нет плохого отношения к СА. Но кто посмел называть наших политических лидеров «бонзами»? Лично я предпочел бы участвовать в непосредственной борьбе в качестве офицера СА, чем день за днем сидеть за столом и рыться в бумагах с утра до ночи. Подумайте, кто получает больше денег, кто имеет большую свободу действий? Разумеется, не тот, кто пунктуально исполняет

нелегкие обязанности и знает, с какой неохотой члены партии платят взносы.

Знает ли фюрер об угрожающих тенденциях в партии накануне выборов? Известно ли ему, что значительная часть нынешних представителей СА придерживается мнения, что голосовать следует за коммунистов? Когда были опубликованы материалы о Реме, а фюрер в ответ заявил, что Рем останется начальником штаба, многие члены партии недовольно качали головами. В настоящий момент, по моему мнению, очень опасно подвергать партию испытаниям. Уверенности в победе на выборах в рейхстаг нет; большинство членов партии разочарованы, ибо некоторые ответственные руководители (Геббельс и Рем) выступали с чрезмерно самонадеянными заявлениями. Пока еще сохранилось мнение, что истина — за фюрером, и это положение необходимо сохранить и закрепить, потому что в ином случае Движение неминуемо погибнет. Подавляющее большинство народа потеряет веру в фюрера, если фюрер будет оказывать поддержку человеку, который подвел, предал своих соратников злейшему политическому врагу. Я, как и другие члены партии, могу не понимать каких-то политических решений, поскольку мы не знаем в достаточной [105] степени всех обстоятельств и условий; фюрер есть фюрер, и он в конце концов победит. Проблема состоит в том, что в настоящий момент действия одного человека нанесли серьезный ущерб всему Движению».

Передал ли Гесс это письмо Гитлеру, ознакомил ли с его содержанием? Известно, что он не любил приносить фюреру плохие вести; экспрессивная жестикуляция и тяжелый взгляд голубых глаз Гитлера оказывали на него, как и на многих других, гипнотическое, парализующее воздействие. Гауляйтер Аугсбурга Карл Валь тоже докладывал Гессу о самостоятельной подготовке штурмовиков к путчу (Валя информировали два человека из числа лидеров СА его округа). Гесс знал также, что Гитлера очень волновала эта проблема, ибо он жаловался на легкомысленное отношение лидеров СА к делу «двух предателей». Во время внутрипартийной склоки с Пфаффером фюрер дал понять, что считает путч не только опрометчивым, но и безнадежным предприятием.

«Наши формирования безоружны; какое бы оружие — вопреки моему желанию — ни появилось у них, они бессильны перед полицией и рейхсвером, экипированными на самом современном уровне», — заявил Гитлер всего через две недели после того, как Борман выразил в письме свое недовольство. Но фракция штурмовиков не верила, что фюрер будет придерживаться этого мнения долгое время.

Справедливость замечания Бормана об «угрожающих тенденциях накануне выборов» подтвердилась 6 ноября 1932 года. НСДАП потеряла тридцать четыре места в рейхстаге, но и с оставшимися 196 депутатами намного опередила остальных. Главное — она утратила ореол непобедимости. Причем коммунисты набрали на тех выборах уже сто мест. Теперь избиратели [106] были немало напуганы, ибо стране предстояло сделать окончательный выбор между свастикой, с одной стороны, и серпом и молотом — с другой.

Администратору «Фонда пособий», который тогда не в состоянии был повлиять на происходившее, оставалось лишь наблюдать за тем, как развивались события последовавших трех месяцев. Любая информация о ситуации в партийных верхах, которая случайно доходила до него, уже не была информацией из первых рук. Только после возвращения в Мюнхен должно было выясниться, кого Гитлер оставит при себе в ходе ожесточенной борьбы за власть. Берлин же стал той ареной, на которой развивались перипетии соперничества между генералом Шлейхером, Гинденбургом, Гитлером, Папеном, Гугенбергом и политиками центристских партий.

В «коричневом доме» остались только служащие администрации, до которых сведения доходили, уже успев обрасти слухами и домыслами, и потому партийные чиновники были шокированы, когда в результате местных выборов в Тюрингии 6 декабря 1932 года НСДАП потеряла почти половину голосов, набранных летом во время выборов в рейхстаг. Несколько дней спустя обрушился новый удар — произошел раскол в высшем эшелоне партийной иерархии. Грегор Штрассер, шеф организационного отдела НСДАП, вступил в тайные переговоры с канцлером Куртом фон Шлейхером, выторговывая себе пост министра.

Казалось, не обладавший богатым воображением Борман должен был присоединиться к Штрассеру, выдвинувшему разумное объяснение своей позиции и даже разработавшему программу. Но подобный подход остался в прошлом: Мартин решил идти в будущее за Гитлером. Поэтому выпад Штрассера на конференции в берлинском отеле «Кайзерхоф» он воспринял как вероломную измену, как побег крысы с терпящего бедствие корабля. Ни один из высших [107] партийных лидеров, ни один из гауляйтеров не поддержал Штрассера. Во время решающего разбирательства 8 декабря 1932 года главными доводами обвинения в измене стали заявление Геббельса и показания фон Папена. Всеми покинутый, Штрассер встал и, не попрощавшись, вышел из зала.

Бунт Штрассера стал значительным событием в карьере Бормана. Партийная структура была реорганизована. Как прежде Гитлер изгнал Пфаффера и взял в свои руки верховное командование над СА, так и теперь всю высшую власть в партии он оставил за собой, а бывшего гауляйтера и рейхсинспектора Роберта Лея назначил руководителем организационного отдела НСДАП.

Но теперь фюрер ограничил полномочия Лея, разделив властные функции, — тактика, которой он неизменно следовал в подобных ситуациях. Отдел аграрной политики во главе с Дарре стал независимым, а принятие всех политических решений было доверено вновь образованному центральному политическому комитету под руководством Рудольфа Гесса.

В последние недели 1932 года не верилось, что партия скоро опять поднимется. Антинацистские газеты, оценивая события уходившего года, окрестили его годом политической смерти Гитлера. Тот, со своей стороны, держался невозмутимо. 18 декабря он сказал гауляйтеру Галле Рудольфу Йордану: «Через несколько недель мы возьмем свое».

То же самое фюрер, приехав в Мюнхен на праздники, пообещал своим функционерам в «коричневом доме». Как обычно, он выступил сначала в своих мюнхенских апартаментах, а вторую речь произнес в Оберзальцберге. Рождественские праздники в доме Борманов, к тому времени уже переехавших в Пуллах, прошли скромно, но супружеская чета не сомневалась в грядущей победе: они слишком углубились в политику и больше полагались на веру, чем на разум. [108]

Впрочем, Мартин знал, что многие лидеры германской экономики были готовы бросить НСДАП спасательный круг. Они и прежде перечисляли в «Фонд пособий» немалые средства, но теперь ряды сторонников из числа финансовых и промышленных воротил резко пополнились чрезвычайно крупными фигурами. Например, оставил последние сомнения и решил принять сторону Гитлера сам Крупп!

Он сам приложил немало усилий для организации встречи, состоявшейся в январе 1933 года в доме банкира Курта фон Шредера. В числе приглашенных магнатов был граф Ганс Родо фон Альфенслебен — влиятельнейший промышленник Рура, владевший огромными земельными угодьями в Пруссии и состоявший в правлении «Дойче банка». Гитлер и Франц фон Папен предложили план объединения НСДАП и германской националистической партии, что позволило бы добиться победы на выборах. Граф фон Альфенслебен поддержал Гитлера и тем обеспечил одобрение программы прочими участниками. Никто не

должен был знать об их решении, но пресса разнесла эти сведения, получив информацию от разведывательной службы Шлейхера, и предупредила о готовящемся свержении канцлера. Так функционеры «коричневого дома» узнали, что их вождь собирает силы для очередной атаки.

17 января Гитлер разместил в берлинском отеле «Кайзерхоф» свою штаб-квартиру со всем эскортом и советниками. Но только приближенные знали, с кем именно ведутся переговоры, какие решения принимаются и кто поддерживает его претензии на пост канцлера. Геббельса же отправили в Мюнхен для подготовки к работе нового ведомства — министерства пропаганды, и он записал в дневнике: «От волнения не нахожу себе места, ибо в Берлине события развиваются быстро и неотвратимо». А в субботу, 28 января, сотрудники «коричневого дома» узнали, что канцлер Шлейхер ушел в отставку. Кто займет его место? [109]

Утром в понедельник, 30 января, Гитлер прибыл в президентский дворец в сопровождении Папена, Гугенберга, друзей-партийцев Флика и Геринга и прочих деятелей — словом, со свитой потенциальных министров. Сотрудники «коричневого дома» сидели в кабинетах без дела, не в силах заниматься повседневной работой. Партия никогда не была так близка к власти. Пытаясь погасить нервное напряжение, они выглядывали в окна и видели все тот же противный пасмурный зимний день и понурых прохожих, не задумывавшихся, что в эти часы решались их судьбы.

Ровно в полдень раздался звонок из Берлина, положивший конец волнениям: Гитлер стал канцлером. По зданию загромыхали сапоги, захлопали двери, весть разносилась по «коричневому дому», вздымая шквал ликования, радостного смеха, объятий, рукопожатий, заставляя забыть о соперничестве и вражде. Они победили! Пора браться за дело!

Если бы речь шла о возникновении, возвышении и конце третьего рейха, сейчас следовало бы начать новую главу, ибо 30 января 1933 года предыстория закончилась, на свет появилось ужасное государственное образование под названием третий рейх и начало свое невообразимо быстрое и уродливое развитие. Но эта книга посвящена деятельности и судьбе отдельного индивидуума, «рядового гражданина», чье понимание смысла и цели жизни не отличалось от позиции миллионов его соотечественников. Тогда никто не мог знать, что он обладал способностями, которые вознесут его над массами, что он вовсе не был обычным середнячком... Тогда казалось вполне естественным, что в штормовые месяцы революционного «национального возрождения» администратор «Фонда пособий»

был именно тем, кем был.

Как и прочих членов партии, Бормана захватил бурный поток небывало активной деятельности: национал-социалисты взялись переделывать страну по [110] своему разумению. Нарукавная повязка со свастикой и коричневая форма предоставили — по крайней мере на некоторое время — каждому, кто надел их, столько могущества, сколько он мог пожелать. В первые недели триумфа национал-социалисты почти не снимали сапоги: маршировали торжественным строем, проводили бесчисленные митинги и, не встречая уже никаких препятствий со стороны полиции, организовывали демонстрации против «старого порядка». Они развешивали на домах свои флаги, наполняли улицы истошными речами и шумными театрализованными шествиями.

«Старые бойцы» считали, что пришла пора получить компенсацию за предыдущие тяжелые годы лишений и гонений — годы «самоотверженной службы на благо партии». Наиболее ограниченные обрадовались возможности за небольшую плату служить во вспомогательных отрядах полиции и наслаждались своей властью, сгоняя «красных» за колючую проволоку импровизированных концентрационных лагерей. Более находчивые и амбициозные стремились обеспечить себе хорошую жизнь и карьеру. Если какие-то вожделенные должности оказывались занятыми политическими оппонентами, они применяли «Gleichshaltung»{22}, который, согласно их пониманию этого термина, означал, что данный пост должен принадлежать им.

Обладая партийным билетом с № 60508, который автоматически давал право на золотой значок ветерана НСДАП, Мартин Борман оказался причисленным к хорошо оплачиваемой синекуре. Однако по целому ряду причин он стремился отмежеваться от этой привилегии. Вплоть до падения нацистского режима Борман старался оставаться примером идейного борца; в противоположность другим «старым борцам» партии, [111] которые двумя руками загребали деньги и доходные места, он не поддавался на материальные соблазны. Отчасти это можно объяснить тем, что в его руках уже находился «Фонд пособий», в котором он оказался полновластным хозяином. Заняв прочную позицию, следующий шаг следовало сделать обдуманно и своевременно: пока партия не имела абсолютной власти в правительственных структурах, «Фонд» оставался синицей в руках. Таким образом, Борман еще не был готов оставить «коричневый дом». Имея хорошо налаженные связи с крупными магнатами германской промышленности, можно было перейти к

иному масштабу действий. Однако у Бормана еще не сложилось ясного плана. Следовало немного подождать, пока «новый порядок» обретет достаточно четкие очертания, и тогда уже завоевывать собственную нишу, подниматься на новую ступень.

Рано или поздно Борману неизбежно предоставился бы шанс продвинуться в партийной иерархии. Казначей Ксавье Шварц был на двадцать пять лет старше его, и когда пришло бы время подыскивать ему преемника, своего выхода на авансцену уже ждал бы хорошо подготовленный управляющий финансами. Однако вскоре выяснилось, что Шварц не собирался оставлять службу. А поскольку Гитлер, обладавший «темпераментом художника», не собирался тратить свою духовную энергию на вульгарные денежные проблемы, Шварцу были дарованы столь широкие полномочия, что никто в партии не отважился бы тягаться с ним. Он считал Бормана способным работником, но не доверял человеку, который был то подобострастен, то крайне резок, но всегда активен, напорист и деятелен. Кроме того, Шварц не желал заранее возводить в ранг преемника человека, чрезмерные амбиции которого делали его опасным соперником. Он решил оставить без изменений все, что касалось «Фонда пособий», сотен его сотрудников и управляющего. [112] Словом, на этом поприще перспективы Бормана оказались не самыми радужными. Необходимо было каким-то образом обойти старого казначея.

Мартин вновь отличился в феврале, когда помог в организации заранее намеченной встречи двадцати пяти крупнейших монополистов Германии, официальным инициатором которой выступил сам «главный оружейник рейха» Крупп. Геринг, в доме которого проходило совещание, сумел привлечь к участию в нем руководителей «И. Г. Фарбениндустри» Георга фон Шнитцлера и Германа Шмитца. Крупп выразил Гитлеру поддержку от имени «Имперского союза германской промышленности» и призвал своих коллег профинансировать нужды национал-социалистов. Воззвание принесло достойные плоды: до выборов в партийную кассу поступило более трех миллионов рейхсмарок.

На выборах в рейхстаг в марте 1933 года НСДАП в союзе с германской националистической партией набрала более половины всех голосов. Деятельность коммунистов оказалась под запретом, а социалистическая партия распалась сама. Теперь нацистам оставалось лишь расправиться с противниками, и они не останавливались перед применением силы. В мае Борман писал, что «заявлений стало гораздо больше, чем прежде», и что его служба «ежедневно получает три бельевых корзины почтовых

отправлений». По большей части это были заявления по поводу несчастных случаев и ранений, полученных при пожарах.

Борман решил передать управление фондом Эльфриде Конти, которая к тому времени заняла место своего мужа, врача (он был намного старше ее), преобразовав былой фонд в фонд страхования молодежных организаций НСДАП. Супруги Конти тоже считали, что смогут справиться с этим делом без поддержки Бормана. [113]

Уже на следующий день после отправки берлинским коллегам письма с просьбой оказать Э. Конти содействие в нужном деле, Борман подал прошение об отставке из «Фонда пособий». Затем он вновь сел за пишущую машинку и составил письмо Рудольфу Гессу, получившему к тому времени звание заместителя вождя партии — месяцем раньше Гитлер назначил его «заместителем фюрера по делам партии». Новое ведомство Гесса, которое только предстояло сформировать, сулило для умелого бюрократа заманчивые перспективы. Борман написал, что казначей НСДАП планирует упростить систему управления «Фонда пособий», иными словами — сократить административный аппарат. «План герра Шварца не предусматривает работы, соответствующей моей квалификации, и мне останется... лишь наклеивать марки... В связи с этим я обращаюсь к вам с просьбой подобрать мне работу в Политической организации. Я больше не хочу работать в казначействе». Борман просил не сообщать Шварцу об этом заявлении, поскольку он «не поймет и немедленно порвет всякие отношения со мной».

Борман не стал сам относить письмо в приемную Гесса в «коричневом доме». Это было слишком рискованно. 27 мая он отправил его в берлинскую рейхсканцелярию, где Гесс, постоянный член ближайшего окружения фюрера, приступил к созданию своего ведомства.

Организационная работа никогда не была сильной стороной Гесса, он ничего ни смыслил в формировании бюрократического аппарата. Письмо из Мюнхена пришло в самый подходящий момент. При следующем посещении Мюнхена Гесс улучил момент для беседы с Борманом о своих проблемах. По-видимому, предложения Бормана понравились Гессу, ибо вскоре они заключили соглашение, впоследствии утвержденное Гитлером. Таким образом Борман стал штабсляйтером (начальником штаба) в бюро Гесса. [114]

В новой ипостаси

Борман начал работать в бюро Гесса 3 июля 1933 года, о чем известила газета «Партайкорреспонденц». Неизвестная фамилия вызвала недоумение многих лидеров НСДАП. Однако громкий титул штабсляйтера при заместителе фюрера на самом деле ни о чем не говорил. Штаб, начальником которого его назначили, еще не существовал, а Гитлер не уточнил полномочия службы Гесса. Впрочем, он не сделал этого и в дальнейшем, следуя избранному правилу: хочешь сохранить за собой власть — не делись ею, и жизнь расставит остальных на соответствующие места.

Уже летом 1933 года Борман завершил операцию по оформлению «брака по расчету» между НСДАП и лидерами германской экономики, сумев убедить в целесообразности такого шага не только Тиссена и Кирдорфа, давно сотрудничавших с Гитлером, но и гораздо более могущественного Круппа, призыву которого не раз следовали его коллеги.

Через шесть месяцев после прихода к власти в распоряжении фюрера оказалось более ста миллионов марок, за расходование которых он ни перед кем не отвечал. По инициативе стального магната Густава Круппа фон Бохлена ассоциация германской промышленности и лига немецких промышленников приняли решение о том, что лишь очень крупные денежные подношения убедят нового рейхсканцлера [115] предоставить им достаточную свободу действий. Действительно, кто зарежет курицу, которая несет золотые яйца? Крупные промышленники создали «Фонд германской промышленности Адольфа Гитлера», и отныне все предприниматели ежеквартально делали взносы в размере 5 процентов от прибыли соответствующего квартала прошлого года. Фюреру понравилась такая идея, поскольку у него появлялся мощный постоянный источник денег. Он объявил, что намерен использовать средства фонда прежде всего для проведения общественных мероприятий и оказания помощи ветеранам движения, волею судьбы переживавшим трудные дни. Если бы Гитлер не считал эти деньги своей собственностью, он не поручил бы руководство фондом своим приближенным (оно осуществлялось бы государственными ведомствами). Людям с «артистической натурой» не пристало возиться с мерзкими грошами, иначе они утрачивают свободу духа, и потому перед вступлением в резиденцию канцлера в качестве хозяина Гитлер во всеуслышание заявил, что боролся на выборах не за жирный кусок для себя. Чтобы подтвердить и усилить впечатление о собственной бескорыстности, следовало передать руководство

фондом в руки человека, скромность и неподкупность которого были общеизвестны.

Некогда многие «старые борцы» вступали в партию лишь потому, что их гражданская жизнь не удалась. Естественно, среди них трудно было найти таких, кто знал, как управлять финансами, и при этом внушал доверие. Гесс, давно состоявший при Гитлере личным секретарем и зачастую занимавшийся его финансовыми проблемами, казался идеальным кандидатом, но умопомрачительные суммы могли оказаться чрезмерными для его пуританской души. К счастью, у него был штабсляйтер, имевший значительный опыт в финансовой сфере, абсолютно надежный, [116] настоящий дьявол в работе, умевший хранить тайны и уже вошедший в число приближенных фюрера. Официально должность управляющего ФАГ («Фонд Адольфа Гитлера») получил Гесс, но истинным драконом, занявшим пост на страже сокровищницы, стал Борман.

Гитлера всегда отличало умение тщательно скрывать состояние своих финансовых дел. Единомышленники по партии и в ранние годы не могли понять, на какие средства он существовал. В 1921 году Рудольф Гесс, будучи студентом, писал премьер-министру Баварии Густаву фон Кару: «Известный Вам герр Г. беззаветно жертвует собой ради общего блага и живет лишь на скудные гонорары за лекции».

Однако на самом деле Гитлер не был таким бессребреником, каким его изображала пропаганда. В декларации за 1933 год он указал, что (кроме установленного для канцлера ежемесячного оклада в шестьдесят тысяч марок) получил личный доход в размере 1 232 335 рейхсмарок, причем ни словом не упомянул о многих миллионах, поступивших в «Фонд Адольфа Гитлера». Узнав, какую сумму предстоит отдать в качестве подоходного налога, он заявил, что отечество перед ним в долгу, и под этим предлогом не заплатил ни гроша{23}.

Никто не смел спросить, как именно используются средства фонда. По любому требованию фюрера Борман немедленно предоставлял необходимую сумму, оплачивая даже подарки для Евы Браун. Естественно, [117] щедрые гонорары получали художники и скульпторы — конечно, если они творили «во славу арийского немецкого искусства». Внушительные суммы в качестве вознаграждений вручали партийным лидерам и руководителям правительства. А ключ от сундука с деньгами находился в руках Бормана, и все старались поддерживать с ним хорошие отношения, особенно если имели серьезные долги. Так, сохранились письма фрау Винифред Вагнер, в которых она просила Бормана снабдить ее деньгами и благодарила за

щедрость. Он не только отправлял ей (от имени Гитлера) дотации на проведение фестиваля Вагнера, но и оплачивал работу группы исследователей, взявшихся доказать, что, вопреки появившимся утверждениям, отец Рихарда Вагнера не был евреем. Директорам многих концертных залов были перечислены крупные вознаграждения за постановку оперетт, которые (например, «Вдова Мери») нравились фюреру даже больше, чем героические музыкальные драмы маэстро Вагнера.

Став личным казначеем германского диктатора, Борман изо всех сил старался пополнить его казну. Гауляйтерам были разосланы инструкции, предписывавшие внимательнейшим образом следить за своевременным оформлением наследств, добровольно отписанных немецкими гражданами лично фюреру. Эти средства надлежало немедленно предоставлять в распоряжение ответственного представителя ФАГ партайгеноссе Бормана. Если прежде за соблюдением авторских прав Гитлера следил рейхсляйтер и главный партийный издатель Макс Аманн, который раз в полгода из рук в руки передавал фюреру его гонорары, тем самым обеспечивая себе определенные привилегии, то теперь Борман взял сбор этих доходов под свой контроль и узаконил правило, согласно которому местные власти обязаны были закупать и бесплатно вручать каждой паре молодоженов подарочный экземпляр [118] книги «Майн кампф» и сборник последних речей фюрера.

Однако Борман занимался не только обеспечением потребностей фюрера. Он стремился сделать многомиллионные денежные вливания в ФАГ выгодными и для владельцев крупнейших германских концернов. Геополитические экономические планы Бормана встретили горячую поддержку богатейших семейных кланов. Финансирование нищих экономик стран Латинской Америки обеспечивало поставки дешевого сырья, свободное движение капиталов{24}.

Еще большие перспективы сулила поддержка про-нацистски настроенных группировок, имевшая целью установление в этих странах власти диктаторов-союзников. Вслед за военными советниками в Южную Америку хлынул поток немецких финансистов, геологов, инженеров, образовавших там многочисленные колонии.

* * *

Всегда играя ва-банк, Гитлер брался за реализацию великих проектов без тени сомнения, ведь победа позволила бы покрыть

все долги, а поражение в любом случае вело к банкротству. Пожалуй, самой грандиозной из его затей стал Оберзальцберг.

Начинался этот проект с малого. В 1925 году, едва выйдя из тюрьмы, Гитлер покинул рассорившихся соратников, предоставив им самим вариться в котле междуусобиц, и арендовал у гамбургского адвоката Вахенфельда пустовавший домик в тихой баварской деревне, расположенной недалеко от Берхтесгадена.

Впоследствии Гитлер выкупил (деньги из «Фонда пособий» предоставил Борман) этот участок земли [119] со скромным домиком, выстроенным в баварском стиле, с традиционным деревянным балконом на уровне первого этажа и кровлей из дранки, придавленной камнями. После победы на выборах изображение дома появилось на почтовых открытках, надпись на которых гласила: «Сельский домик народного канцлера». Вскоре Борман получил задание перестроить его в соответствии с новым положением владельца.

Тихой горной деревушке Оберзальцберг предстояло оказаться в центре внимания мировой политики. Девственность пленительных пейзажей этого края, питавших меланхоличную восторженность и даривших ощущение идиллии и беззаботного уединения, нарушили чудесные летние дни 1933 года, когда началось настоящее паломничество немцев к «Священной горе германцев» — таким эпитетом наградил это место гауляйтер Мюнхена. Во время своего пребывания в Оберзальцберге Гитлер любил совершать пешие прогулки, а на почтительном удалении за ним следовали обрадованные возможностью воочию узреть канцлера соотечественники, процессии которых порой образовывали длинные хвосты. Численность паломников наводила на мысль о необходимости построить невдалеке домик для проживания постоянной охраны. К тому же следовало позаботиться о размещении гостей фюрера.

Надлежало еще подготовить комнаты для Евы Браун, но таким образом, чтобы она могла находиться в доме, не привлекая к себе внимания посторонних. Специально приглашенному архитектору Дельгадо предстояло перестроить и расширить здание (оно получило название Бергхоф), не прибегая к изменению внешнего вида со стороны фасада. Но и это не решило всех проблем. В августе 1933 года, когда рейхсляйтеры и гауляйтеры съехались в Оберзальцберг на конференцию по вопросам экономики, выяснилось, [120] что близлежащие гостиницы не могут вместить всех собравшихся. Борман не сомневался, что у фюрера появится желание проводить совещания правительства не в Берлине, а в баварских горах, и задумал обустроить в Оберзальцберге штаб-квартиру бюро

НСДАП.

* * *

В политике Гесс был лишь тенью фюрера, к большему не стремился и вконец запутался во взаимоотношениях многочисленных конфликтующих ведомств, созданных Гитлером. Ганс Франк, хорошо знавший Гесса, однажды охарактеризовал его как «доброго малого, но безнадежного мечтателя, не обладавшего особыми умственными достоинствами».

Гесс с завистью, злостью и напускным смирением наблюдал за стремительной карьерой Геринга, который приобретал высокие государственные должности, власть и богатство, оставаясь рядовым членом партии. Гесс надеялся, что Гитлер отметит смирение и непритязательность своего заместителя. Столь явное заблуждение свидетельствовало о том, что он совсем не понимал характера своего кумира. Из тактических соображений фюрер наделил своих приближенных правом бесконтрольно набивать карманы, возбудив в них соперничество в богатстве, взаимную зависть и ненависть. На роль своего заместителя Гитлер подобрал человека непритязательного, недалекого и не способного оказывать заметного влияния. Собственно говоря, этот выбор был сделан еще в ландсбергской тюрьме, где Гесс записывал под диктовку Гитлера черновой вариант «Майн кампф».

Борман начал работу в бюро Гесса, когда Гитлер пробыл на посту канцлера пять месяцев, и новые хозяева уже успели поделить власть. Свободных вотчин [121] не осталось. Новое бюро создавалось, прежде всего, чтобы преодолевать недовольство в обществе. Предполагалось также, что оно будет согласовывать интересы партии с действиями нацистских чиновников на государственных постах, освободив Гитлера от вороха пустяковых дел. Так, бюро надлежало гасить очаги межведомственных обострений и вражды, своевременно разбирая все подобные тяжбы. Гесс даже пожаловался, что его понизили в должности, поручив исполнять в нацистском движении роль «стены плача».

Однако второстепенной эта миссия казалась лишь на первый взгляд. На бюро Гесса возлагались посреднические функции между партией и государством, дабы удержать партийные ведомства от шагов, противоречивших требованиям министерств, и не допустить громких междуусобных скандалов. Причем степень самостоятельности Гесса в принятии решений — то есть границы его полномочий — не была точно определена. Ему

всегда приходилось учитывать возможность вмешательства фюрера, который, таким образом, оставался высшим судьей и последней инстанцией в любом вопросе.

Ведомство Гесса отнюдь не выглядело поприщем, на котором можно было снискать лавры. Оно являлось чем-то вроде ничейной полосы вокруг гитлеровского трона. Тому, кто здесь обосновался, следовало быть подозрительным и осторожным, сильным и упорным, прагматичным и нещепетильным. Рудольф Гесс утонул бы в зыбучих песках бюрократии, если бы не его расторопный штабсляйтер. Именно благодаря усилиям Мартина Бормана он впоследствии мог с полным правом утверждать, что за восемь лет работы бюро стало чем-то большим, чем абстрактный плод воображения «артистической» натуры Гитлера. Борман, хорошо знакомый с принятыми в партии процедурами, быстро понял, сколь выгодным может оказаться [122] это место, позволявшее оперировать важнейшими сведениями, постоянно находиться в курсе всех острых проблем, влиять на их решение и приблизиться к верхам настолько, насколько позволяла осмотрительность. Третейский судья, очевидно, имел право ознакомиться с самым широким спектром сведений о вступивших в спор влиятельных сторонах и рассчитывать на благодарность выигравшей. Поэтому Борман тщательно собирал и хранил всю информацию о прегрешениях лиц, имевших отношение к властным структурам. Оказавшись в роли своеобразного политического фильтра между партией и государством, он решал, что можно простить или разрешить, а что — нельзя. Словом, для умного и умелого бюрократа эти условия оказались просто идеальными. Ситуация позволяла рассчитывать на приобретение реальной власти в чудовищно разросшейся партийной организации.

Функции бюро Гесса пересекались с областью деятельности Роберта Лея, который давно считал все организационные вопросы внутри НСДАП своей прерогативой. Кроме того, став преемником Штрассера, Лей унаследовал от него кадровую службу, германский трудовой союз («национал-социалистский союз рабочих промышленности» — нечто вроде партийного профсоюза) и национал-социалистское объединение предпринимателей среднего класса. 2 мая 1933 года, объявив о роспуске прежних профсоюзов, Гитлер учредил немецкий трудовой фронт, объединивший всех, «кто способен работать головой и руками». Непосредственное руководство он поручил Лею, и тот энергично взялся за создание собственной империи с огромной армией партийных чиновников, многочисленными зданиями (отобранными у прежних профсоюзов), издательством, знаменами и даже с собственной парадной формой: колонны

рабочих, одетых в синюю униформу, участвовали в [123] шествиях и парадах. Лей не упускал случая подчеркнуть, что именно его, как начальника штаба Политической организации НСДАП, подчинявшейся непосредственно Гитлеру, следует считать вторым лицом в партии после фюрера. Не решаясь открыто заявлять о своем преимуществе над заместителем Гитлера («наделенным всей полнотой власти в вопросах, связанных с руководством партии») Рудольфом Гессом, он настаивал на своем праве отдавать приказы всем сотрудникам его штаба.

Нейтрализация властных амбиций Лея стала для Бормана первой пробой сил в качестве руководителя высокого ранга. В партийной иерархии Гесс по званию оставался одним из шестнадцати рейхсляйтеров НСДАП. Не составило труда убедить фюрера, что его заместитель должен оказаться выше этого уровня. Действительно, не мог же он отдавать приказы равным по званию! 22 сентября 1933 года Гитлер постановил отменить его «титулы рейхсляйтера и обергруппенфюрера СС и оставить только звание «заместитель фюрера». Таким образом идеалист Гесс оказался вознесенным над всем корпусом рейхсляйтеров. Соответственно отныне он облачался в коричневую форму без каких-либо знаков отличия — так же, как фюрер. Завершавший бюрократическую операцию маневр последовал три недели спустя: 10 октября Борману было присвоено звание рейхсляйтера НСДАП! Логика вполне понятна: непосредственный руководитель центрального штаба НСДАП (ведь Гесс был заместителем фюрера именно по делам партии) не мог уступать в звании тем, кто возглавлял отдельные направления партийной деятельности. Одним махом Мартин достиг высшего партийного ранга. В новой ипостаси он не уступал чинами Лею. Уже в следующем месяце Борман сравнялся с соперником и в другом отношении: он стал депутатом рейхстага. Гитлер распустил прежний парламент, ибо в его состав входили [124] представители упраздненных партий. К новым выборам был допущен единственный список кандидатов — список кандидатов от НСДАП, включавший более шестисот имен.

Бюро Гесса активно вступило в борьбу за власть в административном секторе. Сразу после прихода к власти Гитлер учредил партийную службу связи при рейхсканцелярии и постановил, что «все органы НСДАП, желавшие обратиться в министерства или в рейхсканцелярию с вопросами, жалобами и предложениями», должны направлять свои обращения в эту службу. Заместителю фюрера поручалось управлять и этим ведомством. Кроме того, Гесс и Борман создали себе надежный

плацдарм в Берлине: заместитель фюрера получил право присутствовать на заседаниях правительственного кабинета наравне с министрами.

Конечно, не заместитель фюрера играл роль главного движителя в реализации планов укрепления позиций бюро. Законченный ипохондрик, он был настолько неуверен в себе, что самостоятельным активным действиям предпочитал регулярные консультации астрологов. А его штабсляйтер, напротив, немедленно ринулся в атаку. Если Борман медлил поначалу, то лишь из-за того, что раздумывал, как именно воспользоваться приобретенной властью. Впрочем, его действия того периода можно назвать медлительными только с учетом его кипучей энергии — для стороннего наблюдателя он пустился с места в карьер.

Поначалу в бюро Гесса не существовало четкой структуры. Адвокат Генрих Гейм{25}, перейдя на службу [125] к Борману в августе 1933 года, застал там лишь двух других коллег, основная работа которых состояла в сортировке и изучении писем от людей, считавших Гесса верховным арбитром во внутрипартийных делах. Таков был стиль работы Бормана — прежде всего привлекать к работе юристов. В конце 1933 года, когда Гесс получил статус министра и на сессиях кабинета министров представлял точку зрения партии, Борман использовал знания и навыки подчиненных ему юристов при составлении набросков выступлений и предложений своего шефа. Борман и Гейм были сверстниками. Последний происходил из династии известных баварских юристов. По образованию, происхождению и манерам он намного превосходил своего начальника, но не мог сравниться с ним в агрессивности и напористости. В противовес плохой репутации Бормана (имеется в виду стиль его обращения с подчиненными), которая закрепилась за ним в годы службы в «Фонде пособий», после первого года совместной работы Гейм охарактеризовал своего шефа как «корректного, реалистичного, энергичного и целеустремленного» человека. Его нисколько не трогала манера Бормана, играя роль патрона, раздавать похвалы и поощрения с грубой веселостью. В этом смысле характерна написанная от руки записка рейхсляйтера Гейму: «Дорогой герр Гейм! Я всегда восхищался Вашим поистине ужасно замечательным стилем (таковы «комплименты» Бормана. — П. П.)! Прежде чем читать дальше — сядьте, чтобы не упасть. Итак, Вам будет присвоено звание старшего советника. Это было непросто, но я настоял на этом назначении. Конечно, Движению безразлично, числится ли его юрист на высокой государственной должности. Но я полагаю,

что это важно для Вас: Вы отдаете все силы делу и используете локти для оказания помощи другим, но не себе; поэтому я счел необходимым предпринять некоторые шаги, чтобы позаботиться о [126] Вашем будущем. Не может быть никаких сомнений относительно прав на столь высокое звание: ВАШЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПОДПИСАЛ САМ ФЮРЕР! Поэтому, если я перейду на иную службу, а Вам не захочется более оставаться на этом месте, Вы сможете уволиться в любое время с отличным послужным списком».

А вот еще один знак благоволения к Гейму: хотя адвокат вступил в партию после прихода Гитлера к власти, Борман «устроил» ему значительно более ранний порядковый номер партийного билета, что создавало видимость давнего пребывания в рядах национал-социалистов. Упомянутое письмо заканчивалось предупреждением: «Должен просить Вас никому не рассказывать о номере Вашего партийного билета и о том, как именно произошло присвоение высокого ранга. Сделанное для Вас не распространяется на других».

Бюро Гесса продолжало постепенно расширяться, и Борман добывал государственные должности и для других своих работников. Используя все возможные лазейки, он оформлял их сотрудниками министерств и тем самым экономил деньги партии, поскольку зарплату им платило правительство. Кроме того, сие означало, что Борман мог таким образом премировать нужных ему людей, не испрашивая согласия скаредного партийного казначея Ксавье Шварца.

С течением времени Роберт Лей сдавал свои позиции одну за другой. Борман буквально затравил его, бесцеремонно вторгаясь в область компетенции конкурента. Так, в ноябре 1933 года в циркуляре для рейхсляйтеров и гауляйтеров Борман выразил недовольство тем, что партийные функционеры носят оливково-зеленые шинели, предписанные в качестве униформы для представителей СА, и распорядился обеспечить партийных служащих коричневыми шинелями. Затем он издал указ, согласно которому члены партии могли приветствовать друг друга не только [127] фразой «Хайль Гитлер», но и более коротким «Хайль». Кроме того, Борман ввел правило, согласно которому правую руку следовало поднимать только в нацистском приветствии и при торжественном пении «Хорст Вессель», но не при исполнении гимнов гитлеровской молодежи или иных организаций.

Борман пришел в бешенство, когда в сентябре 1933 года Лей самовольно создал штат окружных инспекторов для контроля за деятельностью гауляйтеров, тем самым покушаясь на их почти

бесконтрольную власть на местах, к чему Гитлер относился совершенно равнодушно. Естественно, Борман настаивал на том, что «принцы крови» должны были подчиняться непосредственно заместителю фюрера. Гесс замыслил перевести наблюдателей Лея под контроль своего бюро и даже предусмотрел для них специальную должность «комиссар партийной канцелярии», но хитрость не дала ему ничего, кроме новых врагов. Однако тут в дело вмешался Борман и успокоил возмущенных гауляйтеров, разослав им письмо, в котором уверял, что заместитель фюрера стремился не ущемить их полномочия, а оказать поддержку в решении наиболее обременительных задач. Через шесть месяцев, выдержав подобавшую паузу, он упразднил институт комиссаров. Борман быстрее Лея осознал: в тот момент влияние гауляйтеров было еще слишком велико, с ними следовало считаться.

* * *

Исполнение Борманом служебных обязанностей лично при Гитлере стало обычным явлением. Рудольф Гесс постепенно терял интерес к каждодневной конторской рутине; он не мог приспособиться к бюрократической возне над законами, составлявшей важную часть деятельности министра от партии, и к манере работы фюрера, вынуждавшей его жертвовать [128] личной жизнью и пристрастиями — народной медициной и полетами. Гесс не обладал той особой хваткой и мгновенной реакцией, которые необходимы в ежедневной тактической игре на политическом поприще. Не в его обыкновении было сводить проблему к абстрактному общему принципу, выраженному парой фраз. А Гитлер требовал, чтобы его сподвижники готовили именно максимально упрощенные и сжатые формулировки, изначально не допускавшие никаких возражений. Однажды фюрер сказал о своем заместителе: «Надеюсь, что не он станет моим преемником. Даже не знаю, кого мне было бы больше жаль в этом случае: его или партию». Как-то в разговоре с Геймом Борман пожаловался на босса: «Я больше не могу так работать. Гесс вечно опаздывает, начинает заниматься тем или иным вопросом, когда решение уже принято. Если ситуация не изменится, наше бюро потеряет всякие надежды на будущее!»

Вскоре Гесс понял, что штабсляйтер справляется с бумагами лучше его. Впрочем, это открытие его не обескуражило. Неспособность Гесса конкурировать с поднаторевшими в интригах соперниками усиливала широко распространенное мнение о нем как о скромном и честном человеке. Несмотря на

предупреждения, он отказывался верить, что Борман постарается оттеснить его. А тот и в самом деле оставался лояльным по отношению к Гессу. Словом, постепенно в компетенцию Бормана перешла обязанность готовить для фюрера краткие и четкие резюме по всем вопросам, которые могли затрагивать интересы партии. Порой ему приходилось исполнять свои функции в представительстве НСДАП в Берлине, находившемся рядом с рейхсканцелярией, но большую часть времени он работал в Мюнхене. Борман много разъезжал. Он должен был присутствовать на каждом совещании партийной элиты (таковых в его дневнике отмечено более тридцати только за 1934 год), чтобы [129] постоянно демонстрировать свой статус рейхсляйтера НСДАП, налаживать связи с влиятельными деятелями, подыскивать потенциальных союзников.

Вместе с тем от фюрера его еще отделяла изрядная дистанция, и представители ближайшего окружения Гитлера — адъютанты Юлиус Шауб и Вильгельм Брюкнер, фотограф и сплетник Генрих Хофман, личный водитель Юлиус Шрек — совершенно не боялись рейхсляйтера. Фюрер был недоверчив и подозрителен. Лишь во время празднований по поводу итогов мартовского плебисцита 1935 года в Сааре Борман впервые отметил в дневнике: «Ехал в машине вместе с фюрером». Впоследствии такие поездки стали обычным каждодневным явлением.

А в 1933 году Гитлер не оказывал поддержки бюро Гесса в его бюрократической перепалке с противниками. Гесс еще не обладал привилегией выступать в кабинете министров от имени фюрера, и министр внутренних дел рейхсляйтер Вильгельм Фрик предпринял попытку атаковать его позиции. Он утверждал, что положение министра партии не должно вносить смуту в действия рейхсминистров. Его поддержали другие рейхсляйтеры, не желавшие признавать особых полномочий «заместителя фюрера по делам партии», поскольку в соответствии со структурой партийной иерархии они определенно утрачивали власть и самостоятельность. В конце 1933 года Борман пожаловался, что бюро «получает сведения о декретах, указах и постановлениях из газет», а не из первых рук. В продолжение этой тяжбы в апреле 1934 года Гесс подписал приказ (который, впрочем, не возымел действия), обязавший рейхсляйтеров информировать его «по всем вопросам, затрагивающим интересы партии», а «все постановления... высших правительственных органов следует передавать на рассмотрение бюро для их предварительного утверждения». [130] Что же касается гауляйтеров, то они относились к нему со снисходительной фамильярностью, ибо

подчинялись непосредственно фюреру, а на приказы рейхсляйтеров обращали внимание лишь в тех случаях, когда это оказывалось выгодно для них. Гесс и его штабсляйтер очень раздражали их, поскольку всякая жалоба или просьба к правительству должна была отныне ложиться на стол Бормана. На практике же гауляйтеры ухитрялись обойти неприятную процедуру, и даже десять лет спустя Мартин еще боролся с нарушениями этого правила.

* * *

На партийных совещаниях Борман старался выказывать себя доверенным представителем Гитлера. В конце 1933 года на конференции местных административных руководителей он известил собравшихся о том, что отныне им запрещается проводить какие бы то ни было публичные дискуссии о возможных территориальных изменениях внутри Германии, поскольку это неизбежно приводило к возникновению беспорядков.

Примерно в то же время он распространил циркуляр, в котором от имени высшего руководства утверждалось, что попытки ветеранов партии сформировать элитные корпуса являются нежелательными. Его ничуть не смущало, что тем самым он нанес удар своему тестю: верховный арбитр партии Бух давно занимался реализацией этого плана, стремясь создать в НСДАП противовес всевластному деспотизму Гитлера. В начале 1934 года Борман не только председательствовал на конференции гауляйтеров в Берлине, но и готовил наброски заключительного протокола в соответствии с выступлением Гитлера. А влияние человека, которому поручались столь ответственные задания, конечно, никто не мог игнорировать. [131]

Зачастую гауляйтерам приходилось объединяться с ним. В непрекращавшемся споре за превосходство между партией и государством гауляйтеры и Борман оказались в одном лагере. Гитлеру не было нужды вмешиваться в эту возню, поскольку он занял позицию над ней, став одновременно фюрером в партии и канцлером (а впоследствии президентом) в правительстве. От исхода борьбы зависело, за кем — за радикальными партийными лидерами или консерваторами из правительства — останется последнее слово в принятии решений на остальных уровнях власти.

Упорствовал в борьбе за свою независимость и могущественный клан рейхсляйтеров. Юридический советник

Гитлера и высший юрист Германии Ганс Франк навлек на себя затаенный гнев хозяина, ибо неоднократно предпринимал попытки к тому, чтобы обеспечить партийному руководству в лице всего корпуса рейхсляйтеров возможность серьезно ограничить всевластие фюрера. Франк даже отказался признать за бюро Гесса высшую власть в партии. Он не понимал, что Гитлер не стремится к созданию дееспособной корпорации рейхсляйтеров, которая могла бы в чем-то мешать ему, что Гитлер презирал юристов и их законы, ибо считал себя вправе принимать любые решения и не желал подчиняться каким бы то ни было ограничениям.

Борман же прекрасно понял это — впрочем, именно таким он хотел видеть СВОЕГО фюрера — и не сомневался, что Гитлер не станет чинить ему помех в подавлении сопротивления рейхсляйтеров. Метод Бормана был прост, но ему не откажешь в изобретательности. Организационно бюро подразделялось на секции соответственно направлениям деятельности, его структура соответствовала принятому в партии порядку. Франк, который старался контролировать весь законодательный процесс в целом, первым осознал, в чем состоит истинное назначение секций бюро [132] Гесса. «Юристы постепенно переходили из юридического отдела НСДАП в штаб Бормана, в результате чего он сформировал собственную секцию юстиции... К концу 1933 года партийный департамент по делам законодательства рейха оказался полностью обескровленным». Подобные экзекуции в отношении других партийных отделов и правительственных органов заняли чуть больше времени, поскольку противники Бормана тоже не дремали. Однако в итоге все секции бюро были успешно укомплектованы.

До исполнения смертного приговора (воспринятого им как должное) в Нюрнберге Франк успел изложить историю своей вражды с Борманом. Он обвинил последнего в поражении фюрера и извращении «Великой Идеи», наградив его такими эпитетами, как «лакей Гитлера», «раб, готовый лизать сапоги», «сверхнегодяй».

Определение «раб, готовый лизать сапоги» описывает лишь часть общей картины, но очень близко к истине. Так, сохранилась сделанная Генрихом Хофманом фотография, на которой сидящий на стуле Гитлер что-то вещает почтительно стоящим перед ним приближенным. Ближе других к нему оказался Борман. Лица прочих внимательны и сосредоточенны, а лицо и поза Бормана выражают экстаз верноподданного — подобную восторженность можно увидеть только во время религиозных ритуалов — и ту беспредельную преданность, массовые приступы которой

неизменно охватывали тех, кто слушал выступления Гитлера на митингах. Поистине гитлеровский идеал члена партии: фанатичный и беззаветно преданный исполнитель, смесь раболепной искренности и холодной порочности.

Штабсляйтер, который, возможно, за минуту до этого топал ногами в своем кабинете и орал на подчиненных благим матом, в присутствии Гитлера вдруг превращался в подобострастного раба, с радостью отдавшего [133] хозяину право распоряжаться своей жизнью. Борман посвятил всего себя работе с документами, точно следуя всем приказам, старательно улавливая пожелания своего кумира и облекая их в форму лаконичных указаний. Заняв пост канцлера, Гитлер надолго сел за письменный стол, хотя ненавидел регулярную работу с бумагами. Теперь же Борман — верный, самоотверженный в работе, хорошо информированный и способный по любому вопросу дать краткое и точное пояснение (Гитлер однажды признался, что с Борманом он за пятнадцать минут успевает рассмотреть такое количество вопросов, на которое у обычного секретаря уходит несколько часов) — освободил своего господина от вороха бюрократических проблем, связанных с делами партии. Он всегда имел при себе блокнот и карандаш. Каждый приказ, каждый вопрос, каждое мимоходом брошенное замечание вождя скрупулезно записывалось. Если вдруг фюреру требовалась информация о каком-то событии или о каком-то человеке, штаб Бормана готов был даже среди ночи по любому запросу своего шефа через считанные минуты по телефону или телетайпу сообщить ему соответствующие сведения. Все предложения, все идеи Гитлера записывались в точной формулировке с указанием даты и вскоре трансформировались в четко сформулированную директиву. Запросы фюрера исполнялись чрезвычайно оперативно: например, если Гитлер проявлял интерес к какой-либо книге, в тот же вечер или — самое позднее! — на следующий день она оказывалась на его рабочем столе. Со всепобеждающей напористостью и энергией Мартин брался за выполнение заданий любой сложности.

Бальдур фон Ширах отмечал, что Борман не расставался с блокнотом даже за обеденным столом в рейхсканцелярии, «ловя и записывая каждое слово фюрера». На вопрос о смысле этого занятия Борман [134] ответил, что записи служат ему путеводной нитью. «Зная, что тогда-то по такому-то поводу фюрер сказал то-то, мы можем определить правильное направление наших действий». В дальнейшем он заносил изречения Гитлера на карточки в соответствии с ключевым словом или темой. Мнение фюрера часто менялось, и порой новые записи полностью

противоречили предыдущим. Борман тут же со свойственной ему оперативностью изменял свои прежние директивы. Если кто-то позволял себе критические высказывания, рейхсляйтер НСДАП мог открыть сейф, найти нужную карточку и в доказательство правоты своих действий процитировать соответствующее высказывание Гитлера. Все знали, что фюрер был убежден в собственной непогрешимости и не прощал «заблудших», если тем взбредало в голову настаивать на своем. Отличавшийся невообразимой трудоспособностью, скрупулезностью и феноменальной памятью, Борман за считанные месяцы сделался поистине незаменимым исполнителем воли фюрера.

* * *

В сентябре 1934 года разразился скандал, поводом для которого стало использование Леем бланков со штампом «Die Oberste Leitung der PO — Stabsleiter» («Высшее управление партийной организации — начальник штаба»). Борман обратил внимание заместителя фюрера на эту дерзость, и Гесс пожаловался Гитлеру на самоуправство конкурента. Заручившись поддержкой фюрера, Гесс объявил, что Лей не наделен властью над всеми партийными ведомствами, и приказал ему впредь использовать звание «начальник организационного отдела партии». Таков был титул Грегора Штрассера, и никто не наделял Лея полномочиями более широкими, чем были у его предшественника. Таким образом, за ним сохранялось общее руководство [135] над рядом партийных отделов, но политическое лидерство отныне принадлежало комитету Гесса. Гесс попытался возбудить внутрипартийное расследование действий Лея, но партийный арбитр Вальтер Бух похоронил это дело — к великому неудовольствию зятя.

Заместитель фюрера и начальник его штаба не сомневались в незыблемости своих позиций, ибо за десять недель до этого приняли активное участие в одной из откровенно жестоких расправ Гитлера над бывшими сподвижниками во время так называемой «ночи длинных ножей». Какие бы причины ни стояли за этим актом, историки сходятся в одном: начальник штаба СА никогда не планировал путча против фюрера. Многие коричневорубашечники были недовольны методами, с помощью которых осуществлялась «национал-социалистская революция» и которые не позволили всем получить по жирному куску. Рядовые уличные боевики, воспетые во многих речах как «безвестные борцы СА», почувствовали на себе одно-единственное из

обещанных благ «социализма» по-гитлеровски — фактически исчезла безработица. Некоторые командиры среднего уровня получили приличные должности и льготы. Рыцари ковровых дорожек, бумаги и пишущей машинки оказывались ближе к кормушке и опережали уличных конкурентов в борьбе за привлекательные вакансии. Наибольшей степени недовольство достигло в среде «старых бойцов», участвовавших в движении с дней основания фрейкорпов. Они никогда не задумывались, чего именно желают, имея лишь расплывчатые общие представления о том, что им должно быть уготовано место в верхах. Веймарская республика перечеркнула эти перспективы, и вот их ожидания вновь оказались обманутыми. За победу кровь проливали они, а вся добыча опять досталась бонзам.

В противостоянии с СА Гитлер мог использовать силы рейхсвера и был даже рад возможности начать [136] все с чистого листа: свести счеты с фрейкорпами и прочими непокорными сорвиголовами, которым хватило бы смелости выступить против него. В декабре 1933 года он разослал двенадцати лидерам СА письма, объявляя, что «с окончанием года завершается эпоха национал-социалистской революции». Послание Рему было особенно приветливым и сердечным — этому человеку позволялось прилюдно обращаться к фюреру на «ты». Однако уже в то время Гитлер раздумывал над тем, как избавиться от пользовавшихся дурной славой группировок, и уже в январе 1934 года приказал начальнику гестапо Рудольфу Дильсу приступить к сбору материалов «о подрывной деятельности СА, герра Рема и его приближенных».

Летом 1934 года Гинденбург медленно умирал в своей резиденции. Гитлеру, в нетерпении ожидавшему развязки и абсолютной власти, хотелось знать, когда должен наступить конец. Поэтому он поручил Борману срочно и тайно доставить к себе лечащего врача президента Фердинанда Зауэрбруха. Рейхсляйтер сразу же сделал несколько телефонных звонков и распорядился: «В связи с крайней срочностью дела чрезвычайной важности» выделить локомотив с экспресс-вагоном и немедленно привезти доктора в Бейройт, где Гитлер наслаждался музыкой Вагнера{26}.

Как заявил, оправдывая свои действия, Гитлер в произнесенной 30 июня речи, предупреждения Гесса оказались слишком тревожными, и «создавшуюся ситуацию нельзя было далее терпеть даже при самых добрых отношениях». Безусловно, главный свидетель обвинения был подобран очень точно. Хотя Гесс и начальник его штаба исподволь давно разжигали неприязнь к Рему и его клике, никто в партии не сомневался

[137] в искренности и честности Гесса — правда, поговаривали, будто подобные качества обусловлены его импотенцией.

Имиджу партии очень вредила склонность ряда ее членов к гомосексуализму. С другой стороны, большинство высших чинов СА из числа бывших фрейкорповцев подозревали Бормана в сборе материалов, приведших к смещению Пфаффера фон Саломона. Эти люди — Хайнес, Гейдебрек, Гейн, Шульц и их друзья — всегда одергивали Бормана, когда он пытался выдавать себя за ветерана дела Россбаха и «Feme», и явно демонстрировали, что считают его низкопробным бюрократом и доносчиком, но ни в малейшей степени не солдатом. Теперь они жаждали устроить «ночь длинных ножей», и Мартин Борман мог оказаться в числе намеченных ими жертв. 9 ноября, во время празднования десятой годовщины путча 1923 года, где он присутствовал в качестве почетного гостя, «старые бойцы» маршировали со штандартами первых отрядов движения — зрелище символизировало, что их время ушло. Отныне нацистам Германии восстания и мятежи были ни к чему, ибо они уже захватили власть в государстве.

Борман в достаточной мере укрепил позиции бюро Гесса внутри НСДАП, и жалобы и доносы стекались сюда широкими мутными потоками. Выудить нужную информацию не составляло труда, тем более что свидетельств мятежной активности «старой гвардии» было предостаточно. Тщательно составленная подборка компрометирующих материалов перекочевала от Бормана к фюреру через Гесса. Гитлер немедленно вызвал рейхсляйтера НСДАП и на скоротечном совещании сообщил о намерении опереться на силы рейхсвера. Борман скромно напомнил о «замечательных специалистах» СС, которым можно было доверить наиболее ответственную часть операции, и о тех силах в СА, которые сохранили преданность своему [138] фюреру. При этом рейхсляйтер НСДАП преследовал и собственные цели: во-первых, набиравший власть Гиммлер оказался в долгу перед ним (благодаря Борману он получил шанс доказать свою верность и компетентность, а также возможность выйти из подчинения Рему); с другой стороны, Борман рекомендовал вернуть на руководящий пост в СА своего ставленника Виктора Лутце.

Окончательное решение фюрер принял 23 июня в Оберзальцберге, и в течение последовавших трех дней были обдуманы все детали операции. 25 июня в радиообращении Гесс провозгласил: «Горе тому, кто полагает, что восстание пойдет на пользу нашей революции!»

Готовил ли он общественное мнение к кровавым событиям или хотел предостеречь Рема? Впрочем, для второго было уже слишком поздно. 27 июня Гитлер возвратился в Берлин и провел

несколько совещаний с теми, кого собирался задействовать: с Герингом, поручив ему руководить проведением операции в Берлине; с Геббельсом, которому предстояло сопровождать Гитлера в Вестфалию, Годесберг и Мюнхен; с обергруппенфюрером СА Виктором Лутце, будущим преемником Рема; с Генрихом Гиммлером и, конечно, с высшим командованием рейхсвера. Генералы отныне могли не опасаться конкуренции со стороны вооруженных подразделений СА.

Борман всегда носил с собой тетрадь, куда вносил короткие тезисы о всех важных делах, о которых заходила речь в высших эшелонах власти, что позволяло ему предвидеть тенденции развития событий. Так, запись, датированная 28 июня, гласила: «Гитлер инспектировал германские профсоюзы». Затем — короткое упоминание о событиях 30 июня: «Раскрыт заговор Рема; Шнейдхубер, граф Спрети, Хайнес, Гейн, Шмид, Гейдебрек, Эрнст расстреляны». Почти в тех же словах было составлено заявление Гитлера для [139] прессы. Поразительно, что о столь важном событии никто не сообщал — даже Мартин в своих личных записях, никаких подробностей. А ведь Борман в то время уже контролировал ближайшее окружение фюрера, все направления деятельности партии, все связи «коричневого дома» и рейхсканцелярии и был в курсе личных дел Гитлера. Рейхсляйтер НСДАП был верен себе: никаких следов личного участия. Операцию затеяли, оставаясь за сценой, Мартин Борман и гауляйтер Мюнхена Адольф Вагнер, а осуществили «специалисты» Гиммлера и Мюллера при активном участии телохранителей Гитлера. В итоге «акция» прошла без сучка без задоринки.

В ночь на 29 июня Вагнер дал сигнал по телефону: фюреру, находившемуся в «Дреезен-отеле» Годесберга, сообщили о якобы начавшемся выступлении мюнхенских штурмовиков, попавших под влияние офицеров-путчистов. В половине пятого утра Гитлер приземлился в мюнхенском аэропорту и поспешил в министерство внутренних дел, где разжаловал и арестовал двух старших офицеров СА. Затем фюрер и свита сопровождавших его адъютантов, охранников из СС и детективов на трех черных «мерседесах» направились в город Висзее, где в гостинице «Хаузельбауэр» собрались лидеры СА. Нет смысла пересказывать дальнейшую цепь событий. Однако роль Бормана в этом деле чрезвычайно интересна.

Он определенно не верил в надуманную историю о намеченном на ближайшее время путче, но усмотрел в этом замечательный повод ликвидировать целый клан своих противников. Много лет спустя свидетели не могли вспомнить,

был ли Борман в то утро в мюнхенском аэропорту вместе с Гитлером или среди тех, кто бежал перед ним по коридорам министерства внутренних дел, распахивая двери кабинетов. Но после налета на гостиницу в Висзее, когда Гитлер вернулся в Мюнхен и вступил под сень «коричневого дома», [140] Борман и Гесс оказались под рукой и немедленно собрали партийных чиновников в сенатском зале. Фюрер объявил о смещении Рема и назначении на его место Виктора Лутце. Затем он передал слово Гессу, который провозгласил, что «история, несомненно, докажет правильность предпринятых действий».

Гитлер объявил первые смертные приговоры, расположившись в своем кабинете в «коричневом доме». Начальник тюрьмы Штадельхайм составил полный список доставленных к нему арестованных руководителей СА. Этот список оказался в руках Бормана, а уж он-то, как никто другой, умел распорядиться таким документом. У него и в мыслях не было прибегать к процедуре расследования с уликами, свидетелями, адвокатами защиты или судьями. Он просто вычеркивал из списка фамилии, которые называл Гитлер.

Пока Гитлер диктовал заявление для общественности и сообщения для прессы, стараясь обелить свои действия, получивший распоряжение завершить операцию группенфюрер СС Зепп Дитрих, командовавший подразделением личной охраны СС «Адольф Гитлер», ждал в адъютантской. Борман проследил за тем, чтобы тексты были откорректированы, напечатаны и размножены. Последним был подписан приказ новому начальнику штаба СА, после чего вызвали Зеппа Дитриха. Борман вручил ему список осужденных, а фюрер распорядился собрать расстрельную команду из шестерых унтер-офицеров СС, выстроить у тюремной стены перечисленных в списке людей и расстрелять всех до единого. Внешне Борман опять, как и в Пархиме, не отдавал приказа о казни; он вроде бы лишь помогал фюреру, исполнял его волю, то есть действовал на благо движения и отечества. Кроме того, он вновь — как и в случае с убийством Гели Раубаль — продемонстрировал фюреру свою преданность и способность сохранять хладнокровие и рассудительность в чрезвычайных обстоятельствах. [141]

На службе у диктатора

В сентябре 1934 года на съезде НСДАП Гитлер вновь предал анафеме «изменников», воздал хвалу своим верным паладинам и поставил точку в конфликте партийных и государственных органов. Его заявление «Не государство правит нами, а мы управляем государством» двухсоттысячное сборище нацистов встретило невообразимым грохотом аплодисментов. Отныне партийные лидеры в центре и на местах имели право отдавать указания государственным чиновникам. Впрочем, последние не сдавались, и соперничество подспудно продолжалось и в дальнейшем.

Руководители министерств рекомендовали своим подчиненным поспешить с вступлением в НСДАП; началась широкая кампания по изгнанию евреев и политических противников из состава правительственных ведомств. Собрав личные дела и данные из кадровых отделов министерств, Борман с досадой обнаружил, что ветераны партии составляли не более 10 процентов от числа высших государственных сановников.

После смерти Гинденбурга, когда Гитлер стал полновластным главой государства, все правительственные чиновники оказались в его подчинении. Любое назначение на значительный пост, любое повышение в должности на высшем уровне осуществлялось только с личного одобрения фюрера НСДАП. Бюро Гесса [142] занималось проверкой политической благонадежности таких кандидатов. Инструкции Бормана для местных партийных организаций четко указывали гауляйтерам возложенные на них задачи и пределы их полномочий. «В принятии решений о назначениях на государственные посты я во многом полагаюсь на сотрудничество с гауляйтерами», — пояснял Борман. Он также считал полезным для себя иметь досье на всех влиятельных чиновников, подчинявшихся гауляйтерам.

Точно следуя принципам и целям, провозглашенным в «Майн кампф», Борман давно размышлял над практическим решением вопроса «расовой чистоты» германцев. Еще в 1932 году Мартин задумывал создать службу генеалогических и расовых исследований в структуре национал-социалистского движения, но тогда задача оказалась непосильной по причинам финансового характера. Но когда функционеры НСДАП получили преимущество над государственными чиновниками, идея нашла отражение в программе расовых исследований, осуществление которой было возложено на министерство внутренних дел. В архивы Бормана хлынул новый поток информации о

руководителях разных уровней. К работе над расовыми проблемами подключился и германский крестьянский совет.

Впрочем, две серьезные проблемы возникли и у самого Бормана: первая была связана с происхождением его незаконнорожденного деда, отца которого не удалось установить; вторая заключалась в том, что сведения о семье Меннонг (по материнской линии Бормана) охватывали только три поколения.

С 1934 года выяснением родословной Бормана занимался лично директор германского бюро по установлению происхождения Курт Майер. Он посвятил этим поискам несколько лет, но ничего не нашел, хотя на запросы о состоянии дел неизменно отвечал, [143] что расследование продвигается. Неудивительно: Борман пообещал не только крупное вознаграждение самому Майеру, но и значительную финансовую поддержку его ведомству — естественно, из государственных фондов.

После победы над правительством внутри партии тоже начались брожения: в декабре 1934 года гауляйтеры самовольно провели совещание в Берлине, встретившись без надзора со стороны «коричневого дома». Борман узнал об этой встрече лишь после ее окончания и сумел возбудить в Гитлере ярость по поводу подобного нарушения субординации. Гесс разослал гауляйтерам циркуляр, не оставлявший ни малейшей неопределенности: «Ни рейхсляйтеры, ни — тем более! — гауляйтеры не обладают правом по собственной инициативе проводить конференции гауляйтеров или вести дела с государственными ведомствами без моего одобрения».

С тех пор правители провинций не собирали свои совещания без позволения сверху. Отныне встречи гауляйтеров стали лишь способом доведения до их сведения распоряжений и приказов фюрера и его заместителя; председателем на этих собраниях неизменно был сам Борман, в корне пресекавший любые попытки начать дискуссию. Вскоре после упомянутой конференции гауляйтеры получили от Бормана опросник, который следовало ежемесячно заполнять и предоставлять в качестве отчета о партийной работе — от пункта 1 «Организационные вопросы» до пункта 42 «Особые происшествия». Однако «покорение» гауляйтеров так и не было завершено при Гессе. Лишь после его ухода со сцены и вплоть до последних залпов второй мировой войны Борману удавалось заставлять провинциальных лидеров плясать под свою дудку. [144]

Однако рейхсляйтеры, обосновавшиеся в министерских креслах, недоумевали, почему избранные ими кандидатуры должны получать одобрение Бормана. Рейхсминистр пропаганды

Йозеф Геббельс, являвшийся одновременно гауляйтером Берлина и рейхсляйтером пропаганды, запретил работавшим в министерстве членам НСДАП изобличать коллег в недостаточно лояльном отношении к партии. Он объявил, что весь персонал подобран с особой тщательностью, а потому всякий, кто посмеет выступить с подобными обвинениями, будет немедленно изгнан со службы.

Геббельс мог позволить себе подобный шаг, поскольку занимал прочные позиции как на правительственном, так и на партийном уровне. Потуги Бормана перетянуть на себя одеяло, воспользовавшись полномочиями штабсляйтера бюро Гесса, лишь забавляли министра пропаганды.

Поначалу рейхсляйтеры не имели оснований для недовольства Борманом. Он принимался за решение проблем, привлекших внимание Гитлера, гораздо расторопнее Гесса, которого всегда отличали рассеянность и медлительность. Гессу полагалось присутствовать на всех совещаниях Гитлера с партийными лидерами, но вскоре он переложил эти обязанности на Бормана. С тех пор — находился ли Гитлер в Берлине, Мюнхене или Оберзальцберге — без Бормана не обходилось ни одно совещание. Он держался как добрый и абсолютно бескорыстный товарищ, который лишь скрупулезно выполнял поручения двух высших руководителей партии. Все именно так и выглядело до тех пор, пока не стало ясно, насколько он опасен на самом деле.

Попав в плен после окончания войны, эксперт НСДАП по сельскому хозяйству, рейхсминистр продовольствия и глава германского объединения крестьян Рихард Вальтер Дарре составил характеристики [145] на лидеров наци. Вот что он отметил, когда писал о Бормане:

> «Эта личность представляла собой невообразимую смесь личных амбиций, жажды власти, прагматизма в организационных и административных вопросах, включая управление финансами, и комплекса угнетения, возникшего вследствие того, что мечтавший о власти энергичный деятель всегда оказывался в положении подчиненного. Хладнокровие искушенного игрока ставит его в один ряд со Сталиным: осознавая преимущества жесткого партийного диктата, он систематически строил свою партийную игру соответствующим образом. Гитлер — вот «альфа» и «омега» его деятельности. Создавая временные альянсы лишь ради достижения отдельных целей, Борман не нуждался в чьей-либо постоянной

поддержке».

Впрочем, Дарре не упомянул, что сам он тоже вступил в альянс с Борманом, когда занимался созданием департамента полиции «расового регулирования» в соответствии с лозунгом, провозгласившим немецкое крестьянство национальной сокровищницей расовой силы. Этот шаг задевал область, на которую распространялись интересы рейхсфюрера СС Гиммлера. Потерпев фиаско в деле коммерческого разведения кур, Гиммлер переключился на вопросы размножения человеческих существ, взявшись решать эту проблему по собственному разумению. Дарре, как и всякому, кому было что сказать о крестьянстве (все-таки министр сельского хозяйства!), присвоили почетное звание офицера СС. Сначала ему это понравилось, но вскоре он стал неуютно себя чувствовать в черной униформе. Зная, что отношения между Гиммлером и Борманом неожиданно ухудшились, Дарре обратился к последнему за помощью. Борман был заядлым курильщиком, и на память об их союзе Дарре подарил ему портсигар. В конце марта 1935 года после долгого приватного разговора [146] с рейхсминистром сельского хозяйства Борман «пришел домой в том приподнятом настроении, которое — видит Бог — возникает только после доверительной беседы между искренними национал-социалистами».

Проявлением этого сотрудничества стал шаг Дарре, сделанный 7 сентября 1935 года, — назначение «рейхсляйтера НСДАП Мартина Бормана пожизненным членом германского крестьянского совета». Впрочем, ничего, кроме почетного значка и права присутствовать на торжественных церемониях, сей титул не сулил. Поэтому Дарре подсластил его занесением имени Бормана на скрижали Зала Славы. В конце 1935 года рейхсминистр «осознал, что все нити политических интриг находятся в руках Бормана и что именно он является безусловным политическим лидером в Берлине».

Борман и Гиммлер никогда не питали особых симпатий друг к другу, но постепенно пришли к выводу, что могут быть взаимно полезными. Гесс — по наущению своего штабсляйтера — издал приказ, согласно которому партийным комитетам запрещалось вести шпионскую деятельность и заводить на граждан личные дела. Работа такого рода полностью перешла в ведение СД{27}, представлявшей собой секретную службу СС. Но многие гауляйтеры игнорировали это распоряжение, а иные даже приказали своим подчиненным наладить сотрудничество с СД, желая контролировать работу местных отделений СС, справедливо полагая, что там могут собирать сведения и о

партийных лидерах, включая самих гауляйтеров. Инструкция Бормана, датированная серединой февраля 1935 года, предписывала партийным организациям «отказаться от всякого недоверия по отношению к СД» и явно подливала воду на мельницу Гиммлера. [147]

Указание гласило:

«Поскольку работа СД соответствует целям партии, следует исключить всякие препятствия в деятельности этой организации и обеспечить ей всемерное содействие».

Резкое сближение дуэта Борман — Гиммлер произошло во время триумфальной поездки Гитлера по Саару, который в результате плебисцита в марте 1935 года вернулся в состав рейха. Теперь пришел черед Гиммлера демонстрировать знаки «дружеского расположения» (все, что касается отношений между этими двумя великими лицемерами, необходимо заключать в кавычки). Он пригласил Бормана посетить стратегические эсэсовские центры империи. Первая остановка — Верден. Как гласила история, Карл Великий, прозванный «убийцей саксонцев», вырезал в этих местах несколько тысяч германских дворян, охваченных бунтарскими настроениями, и в память о жестокости древних времен рейхсфюрер СС приказал возвести здесь величественный мемориал.

На следующий день Гиммлер знакомил Бормана с кошмаром современности: они посетили подготовленный эсэсовцами концентрационный лагерь в Эстервегене, где велись разработки в области «технологии обезлюживания». Кульминацией поездки стал визит в Вевельсбург (к югу от Падерборна), где рейхсфюрер планировал создать исследовательский центр истории германских племен. В сентябре Борман ответил на этот жест Гиммлера директивой, предписывавшей обеспечить широкое сотрудничество масс с СС, чтобы люди сообщали в гестапо обо всех, кто посмел критиковать действия партии: «дерзких наглецов» следовало отправлять в концентрационные лагеря. В мае следующего года накануне совещания в Мюнхене Борман предложил рейхсляйтерам и гауляйтерам совершить небольшую ознакомительную поездку под руководством рейхсфюрера СС. Гиммлер привез всех — отвертеться не удалось даже [148] высшим партийным чинам — в Дахау. «Тогда в Дахау все было на отменном уровне: заключенных хорошо кормили, хорошо одевали, обеспечивали сносные условия содержания», — вспоминал впоследствии Рудольф Гесс — тот самый Гесс, который был сообщником Бормана еще по делу в Пархиме и взял тогда вину на себя. Отсидев несколько лет в тюрьме, он вышел на свободу по амнистии и стал связистом в дивизии СС «Мертвая

голова». В тот день у него состоялась сердечная, доброжелательная беседа с рейхсляйтером и рейхсфюрером, и вскоре, благодаря теплым отзывам Бормана, он заполучил третью звездочку, свидетельствовавшую о производстве в унтер-штурмфюреры СС (соответствует званию армейского младшего лейтенанта).

Дарре, с тревогой наблюдавший за укреплением альянса Борман — Гиммлер, предупредил казначея Ксавье Шварца об угрожающем потенциале Бормана, но тот высмеял его опасения. Возможно, главный финансист страны не поверил предупреждению, поскольку поддерживал с Борманом хорошие отношения. Однако Ганс Франк, рейхсляйтер партийного департамента юстиции и глава «Лиги защиты юстиции», объединившей судей, адвокатов, прокуроров и нотариусов, которым уже промыли мозги в духе национал-социализма, отмечал, что в 1935 году Шварц в доверительной беседе с ним откровенно заявил: «Борман — наиболее пагубный для движения интриган и ярый враг старых членов партии. Не удивлюсь, если последних поголовно истребят буквально в один день — а-ля Сталин».

Впрочем, следует иметь в виду, что Франка нельзя считать непредвзятым свидетелем: Борман допекал законоведа долгие годы и в конце концов полностью его скомпрометировал. Франк, высший юрист страны и советник Гитлера, некогда опрометчиво не обратил внимания на партийного клерка, тихо копавшегося [149] в каких-то незначительных внутрипартийных делах. Впоследствии он признал: «Борман ненавидел меня всем своим существом, и мне пришлось пройти через неописуемые испытания».

Весной 1935 года Борман прибрал к рукам любимый проект фюрера — Оберзальцберг. Гитлер мечтал возвести в баварских горах роскошную личную резиденцию, и для разработки и осуществления сногсшибательного проекта требовался энергичный и предприимчивый управляющий. Изначально имение Бергхоф состояло из прилегавшего к дому поля и маленькой рощицы. Борман сразу переоформил имение на свое имя (дабы образ фюрера, как бескорыстного «борца за идею», не подвергался сомнению) и прикупил к нему участок площадью десять квадратных километров, в основном поросший лесом, и около восьмидесяти гектаров сельскохозяйственных угодий.

С одной стороны, покупатель не скупился. С другой стороны, многие из прежних владельцев были рады сорвать хороший куш за свою собственность. Тех, кто отказывался продавать землю (например, не желая расставаться с родовым имением), Борман

убеждал в том, что «народному» канцлеру для полноценного отдыха просто необходим именно этот мирный и тихий уголок. Наиболее упрямым грозили насильственным выселением, а соперничать с мощью набравшего большие обороты национал-социалистского движения люди не осмеливались и капитулировали.

Чтобы осуществить величественные планы, доставить наверх рабочих и технику, пришлось улучшить прежнюю дорогу из Берхтесгадена, круто взбиравшуюся в горы, и проложить новую через Оберау. Борман [150] быстро распрощался с архитектором Дельгадо, заявив, что тот способен произвести реконструкцию маленького здания почты в захолустном городке (именно такой заказ выполнил Дельгадо перед приглашением в Оберзальцберг), но не в силах справиться с работами большого масштаба. Его заменил профессор архитектуры из Мюнхена Родерик Фик. На огромной площади, расчищенной под строительство, вскоре трудились сотни, а затем и тысячи рабочих, для которых поставили просторные бараки. Своей резиденцией Борман избрал дом, из окон которого мог наблюдать за рабочими и следить, чтобы они не бездельничали. Он вникал во все аспекты строительства и, заслышав грохот отбойного молотка, неизменно шел выяснять причину шума.

Жители Берхтесгадена считали Бормана варваром: его безудержная строительная деятельность нарушила прекрасный горный ландшафт окрестностей. Впрочем, ответственность за содеянное лежала не только на нем. Его хозяин, лично оценивавший дизайн нелепых огромных строений и эскизы проектов, призванных изменить облик больших городов, в строительстве Оберзальцберга дал полную свободу действий человеку, лишенному всякого художественного чутья. Фюрер не сомневался в расторопности и исполнительности своего верного помощника. Борман же взвалил на себя всю работу потому, что обеспечивал финансирование проекта и мог контролировать ситуацию, находясь в Мюнхене.

Параллельно Борман занимался реализацией и других идей Гитлера. Так, посетив в 1935 году городской театр Аугсбурга и застав его в весьма плачевном состоянии, фюрер пообещал местному гауляйтеру Валю: «Мы отремонтируем здание, и театр станет лучше, чем прежде. Расходы я беру на себя». Расходы составили несколько миллионов марок, и Борман — как всегда, безропотно — их оплатил. [151]

* * *

В конце ноября 1935 года Борман и Бух вылетели в Кенигсберг. Гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох довел деспотизм и коррупцию до таких пределов, что верховный судья НСДАП не мог не возбудить расследование. Однако Гитлер не имел ничего против того, чтобы главы округов набивали свои карманы. Жестокость и энергичность Коха фюрер ценил выше «чистенькой» биографии и поручил Борману сдержать рвение тестя. В итоге дело против гауляйтера Восточной Пруссии вроде бы заглохло, а Борман и Кох даже стали друзьями. Однако Бух не бросил расследование, что, как вскоре выяснилось, серьезно повредило ему самому.

Позднее Борман писал Герде: «Если бы в 1935–1936 годах твой отец следовал моим советам, то уберег бы всех нас от многих неприятностей». Бух не сомневался в честности и справедливости фюрера и отказался поверить в то, что Гитлер нанес ему удар в спину. Обвинив Бормана во лжи, он вплотную занялся Кохом.

Гитлеру пришлось вызвать Буха к себе. Только фюрер принимал окончательное решение о ведении судебных расследований в отношении высших нацистских чинов; партийному арбитру было просто объявлено о прекращении процесса Коха. В знак протеста Бух в тот же день бросил все дела и на несколько недель отправился в поездку по Соединенным Штатам Америки, наивно полагая, что его незаменимость сразу станет для всех очевидной. Однако Гитлер рад был хоть на время освободиться от надоевшего моралиста, которого с удовольствием использовал бы в качестве козла отпущения, стоило кому-нибудь пожаловаться на несправедливость партийного суда.

Бух надеялся, что после возвращения фюрер [152] развяжет ему руки для исполнения им своих обязанностей. По наущению Бормана партийный судья представил Гитлеру пухлое досье компрометирующих документов на погрязшего в коррупции шефа организационного отдела Роберта Лея и потребовал изгнания виновного с высокого поста. Гитлер накричал на Буха и выгнал его вон. Мартин «проморгал» важную деталь: незадолго до этого Лей вновь женился, и его второй женой оказалась миловидная молодая женщина, совершенно вскружившая голову фюреру.

В феврале 1936 года Борман выдвинул обвинение в неуважении к партии против Отто Мейсснера, шефа канцелярии президента (одна из высших должностей в правительстве). Обвинение было особенно серьезным еще и потому, что по своему положению Мейсснер имел право производить назначения на ряд государственных должностей. При этом Борман ничем не

рисковал, ибо Мейсснер находился на упомянутой должности еще при Гинденбурге и Эберте и, по общему мнению, находился в оппозиции к НСДАП. Его ведомство составило списки чиновников, которых он планировал назначить на важные государственные посты. Борману удалось выяснить, что «представителям нацистской партии... в этой классификации отведено такое место, которое может нанести ущерб авторитету НСДАП в обществе».

Изложив свои соображения в письме с грифом «совершенно секретно», Борман вручил последнее лично Вильгельму Фрику, руководившему аппаратом администрации. Копии документа он разослал тем партийным лидерам, которые, по его мнению, могли бы поддержать начатую кампанию и образовать достаточно мощный фронт оскорбленных нацистских бонз. Однако многие из них отреагировали на этот призыв достаточно прохладно, ибо не желали [153] давать Борману козыри в борьбе за влияние. Другие же постарались использовать ситуацию в своих интересах. Например, рейхсляйтеру и шефу немецкого трудового фронта Роберту Лею развитие интриги было на руку, и он энергично откликнулся на письмо, объявил список Мейсснера «провокацией и подготовкой удара по НСДАП» и просил Бормана вмешаться со всей «необходимой решительностью и твердостью». Он также предложил вообще освободить некоторых рейхсляйтеров от этого титула в связи с несоответствием их положения чести высшего партийного звания: их ведомства утратили прежнее значение.

Самый короткий и содержательный отклик пришел от Геббельса, который информировал «дорогого товарища по партии» о том, что партийное управление пропаганды и германское министерство общественного просвещения и пропаганды тоже давно занимаются подбором талантливых людей из числа членов партии, достойных назначения на «ответственные посты вплоть до должностей рейхсляйтеров и рейхсминистров, чтобы обеспечить преемственность проводимой политики», и располагают собственным списком подобного рода. И хотя Геббельс выразил «чрезвычайную заинтересованность в скорейшем наведении порядка в данном вопросе», в его ответе не было ни слова осуждения в адрес Мейсснера, ни поддержки идеи общего протеста. В глазах рейхсминистра пропаганды Борман оставался примитивным мелким партийным бюрократом, сотрудничать с которым любой деятель с высокой репутацией посчитал бы ниже своего достоинства. Действительно, события развивались так, как и предвидел Геббельс: Мейсснер изменил свой список в соответствии с новыми веяниями и остался на прежнем посту, а год спустя даже получил от Гитлера должность

рейхсминистра. [154]

* * *

Опасаясь чрезмерного усиления позиций государственного аппарата, которое могло бы привести к потере партийными структурами недавно полученного влияния, Борман произвел на свет циркуляр объемом в девятнадцать страниц под названием «Об учреждении и статусе Германских летно-спортивных корпусов и объединения «Государственная молодежь». С одной стороны, он объявил, что «в соответствии с прямыми указаниями партийного руководства (читай — бюро Гесса) представители НСДАП уже давно не отдают распоряжений каким бы то ни было государственным служащим, поскольку последние зачастую умышленно избегают сотрудничества с партией». С другой стороны, отмечал, что «национал-социалистское движение фактически лишено возможности вести просветительную работу и руководить германским народом, поскольку государственные чиновники постоянно вторгаются в те сферы, которые являются прерогативой партии».

Далее в типичном немецком канцелярском стиле он изложил, что было у него на уме. Если верить его словам, под угрозой оказалось само существование НСДАП: правительственные структуры лишали партию молодых талантов! «Поскольку немец — с рождения солдат», лучших парней призывали в армию, а прочих для прохождения альтернативной службы направляли в министерство труда, укомплектовывая таким образом железнодорожную полицию, охрану почтовых грузов, подразделения таможни, союз германской противовоздушной обороны и пр. После увольнения за многими сохранялись служебные обязанности в структурах подобных ведомств и обществ; иные же были так заняты в сферах спорта или культуры, что у них не оставалось времени для партии. [155]

Вдобавок ко всему, германское ведомство труда сохраняло власть даже над теми, у кого срок обязательной службы истек. Как армия переводила уволенных в разряд резервистов сухопутных войск, а военно-морской флот — в морской резерв, так и это ведомство зачисляло их в трудовые резервы. «Положение о добровольческом характере подобных организаций существует лишь на бумаге. Каждый, кто не желает иметь плохую репутацию и стремится к повышению», обязан подчиняться подобным структурам.

Теперь же (вот в чем причина беспокойства Бормана!), когда

следовало выяснить, «нужны ли такие организации вообще», появились планы создания еще двух служб того же рода: лидер молодежной организации НСДАП Бальдур Ширах задумал учредить общество «Государственная молодежь» (к тому времени он возглавлял гитлерюгенд и ради обретения большей самостоятельности стремился вывести организацию из прямого подчинения партии), а министр авиации Геринг захотел сформировать подчиненную правительству полувоенную организацию Германские летно-спортивные корпуса. По мнению Бормана, в «Государственной молодежи» не было ни малейшей необходимости, ибо уже в течение нескольких лет 90 процентов молодежи в возрасте от десяти до восемнадцати лет проходили через гитлерюгенд. Более того, подобный шаг был бы абсурдным, поскольку в этом случае дело воспитания молодежи в духе национал-социализма перешло бы в ведение государственных чиновников, которые «не способны справиться с этой задачей».

Планы Геринга Борман назвал еще более пагубными. Фактически министр авиации создавал предпосылки для ситуации, когда юноше, мечтавшему служить в люфтваффе, пришлось бы сначала стать членом Германского летно-спортивного корпуса. По [156] утверждению Бормана, «члены подобных обществ не смогут в дальнейшем участвовать в политической жизни нации. Армия, авиация и флот получат возможность самостоятельно определять свою политическую позицию» и диктовать народу условия, опираясь на силу оружия. Из чего Борман сделал заключение о том, что «такое развитие событий угрожает самому существованию партии; НСДАП — это вовсе не преувеличение — будет обречена».

Неизвестно, кому были разосланы копии этого обзора. Конечно, не Герингу и не Шираху, но, несомненно, многим влиятельным деятелям партии. Поскольку каждый из лидеров ревниво следил за тем, чтобы никто не вторгался в сферу его интересов, Борман мог не сомневаться в поддержке тех, чьи интересы могли пострадать от создания этих новых ассоциаций.

Весной 1936 года Борману не составляло труда вручить свой меморандум непосредственно Гитлеру, ибо к тому времени он стал его личным финансовым распорядителем, управляющим по вопросам строительства и доверенным делопроизводителем. Еще не получив официального поста, обеспечивавшего право сопровождать каждый шаг фюрера, он уже фактически осуществлял функции секретаря по финансовым, хозяйственным, организационным и партийным вопросам (статус личного секретаря сохранял за собой Гесс, занявший это место еще во времена совместного пребывания в тюрьме.

Впрочем, одна лишь искушенность в делах бюрократических вряд ли позволила бы Борману снискать нечто большее, чем снисходительная терпимость властителя по отношению к добросовестному, но недалекому служаке. Ведь выполнение рутинных обязанностей отнюдь не производило впечатления на «артистическую» натуру фюрера. Мартин доказал, что способен справиться с любой щекотливой проблемой, [157] неизменно оставаясь в тени и демонстрируя бескорыстную (в понимании Гитлера, которого не беспокоила подковерная грызня подчиненных между собой) личную преданность.

Год спустя Геринг все-таки сформировал свои летно-спортивные корпуса. Это образование оказалось не столь масштабным, как планировал он вначале, однако сохранило независимость от партийных структур и подчинялось только министру воздушного транспорта. В конечном счете воплотились в жизнь и проекты Шираха: в декабре было объявлено об учреждении объединения «Государственная молодежь», которое представляло собой не что иное, как гитлерюгенд, перешедший в ведение правительства. Вопреки страшным пророчествам Бормана, партия нисколько не пострадала. Вместе с тем количество влиятельных организаций возросло — именно в этом состояла наиболее эффективная уловка Гитлера, при помощи которой ему удавалось натравливать своих приближенных друг на друга. В то время Ширах и Геринг были его фаворитами. Завистники приписывали первому претензии на место духовного преемника фюрера; второй же, из экс-капитана вмиг превратившись в генерала и начальника люфтваффе, возглавил контроль над германской промышленностью и стал человеком «номер два» в правительстве.

Разумеется, Мартин знал, что, распространив меморандум, нажил себе двух могущественных врагов и задал головоломку тем, кто уже обратил на него внимание. Действительно ли Борман решился на этот шаг лишь ради защиты интересов — как он их понимал — партии и Германии? Или надеялся тем самым притормозить карьеру обоих фаворитов и ускорить собственную? Похоже, Борман хотел закрепить за собой роль стража истинной партийной доктрины, оберегавшего духовное наследие вождя. [158]

С той же дерзостью и пуританским фанатизмом Борман нанес удар еще одной троице из непосредственного окружения Гитлера. То были адъютанты фюрера: бывший капитан Фриц Видеманн, обергруппенфюрер СА Вильгельм Брюкнер и бригаденфюрер СС Юлиус Шауб, издавна составлявшие слаженную команду. Незадолго до этого герцог Кобургский оказал им высокую честь,

присвоив всем троим традиционную фамильную награду. Борман узнал об этом, случайно услышав разговор в столовой рейхсканцелярии. Один из его секретарей немедленно получил распоряжение от имени рейхсляйтера НСДАП вручить награжденным копии указа Гесса от 1933 года, запрещавшего членам партии принимать награды за участие в германской революции или подобные им. Поскольку единственной выдающейся чертой Брюкнера были его невообразимые размеры, а Шауб более поднаторел в пьяных дебошах, чем в аргументированных спорах, ответить взялся Видеманн. Он указал, что заранее обратился за разрешением к Гитлеру: «Фюрер позволил мне, Брюкнеру и Шаубу принять эту награду».

Но не таков был Борман, чтобы останавливаться на полпути. Как указал Мартин в своем ответе, речь шла вовсе не об адъютантах, поскольку он якобы знал об упомянутом решении Гитлера. Просто возникла необходимость напомнить, что уже давно было объявлено о запрещении «прежним властителям» присуждать «фамильные награды». Причина настаивать на соблюдении этого правила, подчеркивал Борман, заключалась в том, что герцог присудил свою награду не только адъютантам фюрера. В числе отмеченных оказался, в частности, «группенфюрер Эрнст, впоследствии расстрелянный». Словом, истинному национал-социалисту надлежало отказаться от подобной «чести» из принципиальных соображений. [159]

Видеманн предпочел не ввязываться в дальнейшую полемику и просто подшил письмо Бормана в папку. Однако через пару недель он вновь оказался под огнем критики рейхсляйтера НСДАП. На проходившей в Мюнхене конференции некоторые партийные сановники выступили против самовольного использования начальником штаба СА Лутце титула «начальник штаба фюрера». Лутце отринул обвинение, указав, что не присваивал этого звания самолично: первыми таким образом поступили адъютанты фюрера. Борман немедленно направил Видеманну официальное письмо с пометкой «конфиденциально», в котором предупреждал:

> «Вынужден настоятельно просить Вас об отказе от дальнейшего употребления упомянутого титула, поскольку это, во-первых, неправомочно и, как следствие, во-вторых, вызывает серьезное возмущение».

Борман все чаще провоцировал подобные стычки с адъютантами. Его уязвлял непосредственный доступ этих людей к Гитлеру, позволявший им заполучить подпись фюрера под теми или иными документами в соответствии с их собственными

планами. Впрочем, выжить Видеманна, который не имел особых заслуг перед партией до назначения на пост адъютанта, оказалось делом не самым сложным. Гитлер познакомился с Видеманном еще в годы войны, когда офицер Фриц Видеманн руководил кадрами полка, а Гитлер служил курьером, стоял перед ним навытяжку и послушно щелкал каблуками. Теперь бывший капрал назначил бывшего капитана своим подчиненным. Видеманн безропотно воспринял эту перемену, но вскоре устал от бесконечных внутрипартийных дрязг и интриг. Незадолго до начала второй мировой войны он попросил об отставке и получил пост генерального консула в Сан-Франциско. [160]

* * *

Историю легендарного восхождения Мартина Бормана к вершинам власти достаточно полно можно проследить только по документальным свидетельствам, ибо он, следуя избранным принципам, старательно избегал громких ролей в драматичных событиях и никогда не оказывался в центре внимания широкой общественности, скрываясь в тени более крупных фигур. Он без колебаний брался за роль второго плана как на этапе своего влияния на судьбу одной лишь Германии, так и на последовавшем этапе, затронувшем уже судьбу всего мира. Фигуры, подобные ему, зачастую навсегда остаются за чертой круга, ярко освещенного прожектором истории. В народе его считали добросовестным сержантом в составе роты под командованием Гитлера; не всякий вспомнил бы даже его имя. Но в высших нацистских кругах лишь немногие решались схватиться с Борманом.

Конечно, бывали и исключения. Эрнст Ханфштангль, руководитель по связям НСДАП с иностранной прессой, писал в своих мемуарах:

> «По-моему, его дисциплинированность, сдержанность и умеренность оказывали хорошее влияние. Вместе с Гессом он неутомимо боролся против коррупции в партии».

Действительно, Борман оказался не подвержен приступу накопления огромных состояний, охватившему всю нацистскую верхушку после прихода к власти. И хотя он боролся против этого явления, на самом деле его не сильно беспокоили проблемы морального свойства, отрицательно сказывавшиеся на отношении общества к партии. Если к Борману попадали документы, которые

свидетельствовали о богатствах, полученных неправедным путем, он просто складывал их в досье, хранившиеся в стальных сейфах «коричневого дома», накапливая компрометирующие [161] материалы и терпеливо выжидая удобного случая для нанесения — если понадобится — решающего удара. Отмеченная Ханфштанглем умеренность была редчайшим качеством среди представителей партийной элиты, а у Ханфштангля имелись собственные веские причины ценить его: отпрыск богатого рода, он часто ссужал партию деньгами в «период борьбы». Когда же он попросил возместить долг, заворовавшиеся лидеры нации обвинили его... в жадности! [162]

В свите фюрера

Утро Бормана в Оберзальцберге начиналось с ознакомления с ходом строительства, проверки меню (в том числе и в столовой эсэсовцев), изучения пришедшей в партийную канцелярию корреспонденции и отчетов. К исполнению обязанностей при фюрере он должен был приступать не раньше полудня, когда Гитлер, имевший обыкновение бодрствовать до глубокой ночи, только вставал с постели. Если оказывались подготовленными новые архитектурные эскизы, он предлагал вниманию хозяина именно их, откладывая на более позднее время работу с документами, изучение которых было для Гитлера ненавистным занятием. Тем временем в приемной собирались гости, приглашенные присутствовать на ленче: адъютанты, врачи, секретари, те или иные влиятельные партийные лидеры, Альберт Шпеер (фюрер поселил его в здании, где располагался штаб архитекторов Оберзальцберга), Ева Браун с подругами, Генрих Хофман (Ева работала в его фотоателье в качестве модели). Естественно, на ленче присутствовал и Борман. Все они составляли личное окружение Гитлера в Оберзальцберге.

Борман не только много работал, но и умел создать о себе мнение как о неутомимом труженике, без которого не обходится ни одно архиважное дело. Иногда, напустив на себя озабоченный вид, он в последний [163] момент отказывался садиться за стол, объясняя свой уход некими совершенно неотложными делами. Однако в тех случаях, когда в числе приглашенных оказывались молодые красивые женщины, Борман неизменно оставался. Он не мог сравниться со своим хозяином в умении с сентиментальным венским шармом прикладываться к дамской ручке или перебрасываться пустыми цветистыми фразами, но компенсировал этот недостаток величайшей заботой о комфорте прелестной гостьи.

За обеденным столом фюрера за Борманом было закреплено постоянное место: рядом с Евой Браун, которую он обычно сопровождал к столу и которая сидела по левую руку от Гитлера. Место справа от фюрера по очереди занимали другие женщины из числа приглашенных. Не вызывало сомнений, что Ева Браун и Борман не испытывали друг к другу симпатий, однако они старались не проявлять неприязнь прилюдно. Она знала, что для нее политика навсегда останется запретной областью: однажды в ее присутствии Гитлер заявил, что истинно интеллигентный человек должен жениться на глупой женщине, которая не могла бы оказывать влияние на его решения. Ева Браун с легкостью

смирилась с таким положением, ибо ее интересовали только кинофильмы, звезды кино и друзья, с которыми можно было приятно провести время, потанцевать или прогуляться на лыжах. Она по-своему любила Гитлера; в мае 1935 года Ева даже попыталась покончить с собой, приняв огромную дозу снотворного, когда посчитала себя брошенной, ибо Гитлер в те дни воздерживался от физической близости с ней. В своем дневнике она тогда писала: «Адольф просто использует меня». Поскольку сексуальная жизнь Гитлера носила особый характер, Еве Браун было свойственно скорее по-матерински терпеливое отношение к нему. Она оказалась достаточно холодна, чтобы преодолеть в себе нормальную [164] страсть. Рассудительное отношение партнерши привело к тому, что Гитлер не попал в зависимость от нее, как это произошло в случае с эмоциональной Гели Раубаль. Борману не приходилось опасаться влияния Евы Браун, и потому она оставалась единственной в ближайшем окружении фюрера, против кого он не затевал интриг.

Ева Браун не стремилась к роли первой леди, но очень хотела обладать вещами, на покупку которых у нее не было денег. Гитлеру нравилось дарить ей — милый жест — конверты с наличными, но, очевидно, он не удосужился поинтересоваться, во сколько обходились ее косметика и гардероб. Когда ему приходило на ум подарить Еве ювелирное украшение, он отправлялся в маленький магазинчик мюнхенского ветерана партии и покупал вещицу, которую всякий делец средней руки мог подарить своей супруге. Хранитель кошелька ее возлюбленного понимал молодую женщину гораздо лучше. Он вез ее к ювелиру и позволял выбирать украшения, не обращая внимания на цену. Если ей нужны были наличные, она всегда могла обратиться непосредственно к нему. Сначала Ева Браун относилась к Борману с пренебрежением, но затем ее поведение изменилось, ибо он всегда был с ней предупредителен и готов услужить. Когда же Мартина не было поблизости, она отпускала насмешки в его адрес, удивляясь, как подобострастие и неуклюжая услужливость уживались в нем с бесцеремонностью и грубостью, характерными для его обращения с собственными секретарями и помощниками.

Борман не старался участвовать в общей беседе за ленчем. Точнее, фюрер вещал в полной тишине, а перемолвиться вполголоса несколькими словами с соседом дозволялось лишь во время недолгих пауз оратора. Гитлер был вегетарианцем, но не требовал того же от гостей. Время от времени Борман тоже заказывал себе вегетарианские блюда, а затем рассказывал [165] всем, что получает от такой диеты мощный заряд энергии.

Кстати, в собственной кладовой его ждали ветчина и сосиски домашнего приготовления, и он не упускал случая подкрепиться несколькими изрядными ломтиками мяса, едва выйдя из-за гитлеровского стола. Ежедневные прогулки в чайную не вызывали у Бормана восторга, но хозяин неизменно звал его с собой, и ему приходилось терпеливо ждать окончания ритуального чаепития с пирожными, во время которого Гитлер нередко погружался в дрему прямо в своем кресле. Затем в течение двух часов рейхсляйтер инспектировал строительство («Необходимо всех подгонять, подгонять и подгонять», — записал он в дневнике), диктовал секретарям, вел деловые переговоры по телефону и выписывал чеки. В восемь часов вечера он вновь занимал свое место возле Евы Браун в обществе постоянных сотрапезников хозяина, стараясь не пропустить указаний фюрера, которые тот формулировал, расправляясь со сваренными вкрутую яйцами, картофелем и творогом.

Затем все рассаживались в просторном зале гостиной и смотрели фильмы. Во время сеанса Борман любил пристроиться в уголочке и подремать. Во-первых, это позволяло отчасти компенсировать постоянное недосыпание, а во-вторых, после просмотра от него не ждали критического анализа фильма или активного участия в традиционном обсуждении игры актеров, поскольку сие не входило в его обязанности. Но в последующие несколько часов высокие требования предъявлялись именно Борману. Фюрер мог позволить себе удовольствие произнести монолог или, похлопывая себя по бедрам, посмеяться по поводу досужих вымыслов и сплетен об отсутствовавших. Всегда оставаясь начеку, Борман неустанно делал пометки в дневнике. Порой, далеко за полночь, Гитлер мог поинтересоваться какой-либо информацией — например, розничной ценой на яйца в 1900 году. Борман [166] срочно направлял по телефону или телетайпу соответствующий запрос в свой штаб, поднимая с постели десять — двенадцать человек, которые стремглав бросались выполнять поручение рейхсляйтера. Всего час спустя он мог с гордостью продемонстрировать свое усердие, предоставив фюреру исчерпывающие сведения. Если на Шпеера, по его собственному признанию, однообразные будни Бергхофа, где царила атмосфера угодничества и ничегонеделания, действовали угнетающе, издергивали нервы и даже отрицательно влияли на его профессиональные способности, то для неутомимого бюрократа — то есть для вездесущего Бормана — каждый такой день становился новой возможностью показать себя персоной значимой и незаменимой. Он напоминал собою паровой котел с избыточным давлением, готовый вот-вот взорваться. Крепкое

здоровье позволяло ему выдерживать такой жизненный ритм, когда приходилось вставать ранним утром после нескольких часов сна и обходить огромную территорию строительства, на ходу устраивая разгромные скандалы, выписывая чеки, определяя порядок охраны, отдавая распоряжения строителям, водителям, партийным чиновникам и уборщицам.

К лету 1936 года завершилось строительство Бергхофа. О «реконструкции» уже давно не было и речи, поскольку этот термин ни в коей мере не соответствовал истинному размаху работ. От бывшего дома Вахенфельда фактически ничего не осталось. После пристройки длинного крыла новое сооружение занимало площадь, в четыре раза большую против прежнего. В доме, к первому этажу которого прибавилось еще два, насчитывалось тридцать комнат. Сразу за просторной передней располагалась оборудованная [167] для проведения совещаний гостиная с украшенным разноцветной мозаикой окном от пола до потолка. На втором этаже находились жилая комната, спальня и кабинет Гитлера, рядом с которыми были подготовлены апартаменты для Евы Браун — на тот случай, если фюреру понадобится ее присутствие. Убежденный в своем таланте архитектора, Гитлер сам рисовал эскизы планировки, однако плоды его труда далеки от гениальности{28}.

Расходы попросту не принимались во внимание: в гостиной высились колонны из редкого мрамора, оконные стекла обрамлял свинец, камины были отделаны изготовленными по специальному заказу фарфоровыми изразцами, а обстановку составляла комбинация копий с лучших античных и классических образцов. Роскошное убранство Бергхофа полностью опровергало миф о непритязательности Гитлера в быту.

В горячий период строительных работ Гитлер редко наведывался в Оберзальцберг. Суматоха стройки, пыль и шум гнали его прочь. На первые месяцы 1936 года пришлось большое количество знаменательных событий, и Борман постоянно находился рядом с хозяином. В Мюнхене одна за другой состоялись конференции рейхсляйтеров, гауляйтеров и национал-социалистской ассоциации студентов; в Германии открылись очередные зимние Олимпийские игры; в Шверине состоялась траурная церемония похорон лидера швейцарских нацистов, застреленного в Давосе. Все чаще и чаще в дневнике Бормана появлялась запись «ехал вместе с фюрером» — в личном поезде, в автомобиле или в конном экипаже в сопровождении почетного эскорта. [168]

5 июля нацистские лидеры отпраздновали в Веймаре десятую годовщину первого съезда НСДАП, и вечером того же дня Борман

записал: «В 18.45 выехал с фюрером в Оберзальцберг». Переночевав в Мюнхене, наутро они направились в Берхтесгаден. Для Бормана настал час триумфа: «Приехал с фюрером в Берхтесгаден. Новый дом фюрера, Бергхоф, готов!» Рейхсляйтер представил богу нацистов его Валгаллу.

Двумя днями позже на официальном открытии резиденции огромные толпы приглашенных поздравляли сияющего хозяина и хвалили его управляющего. Стрелки берхтесгаденской «рождественской» бригады — в неуместных для лета зимних нарядах — торжественным строем взошли на террасу и произвели салют. Целую неделю главари партии осматривали Оберзальцберг. «Первая церемония в новом Бергхофе», — записал Борман в дневнике. Времена споров с конструкторами и архитекторами остались в прошлом: завершив строительство Бергхофа, рейхсляйтер НСДАП приобрел непререкаемый авторитет в глазах всех специалистов-строителей, работавших в Оберзал ьцберге.

Борман имел в Оберзальцберге собственную резиденцию. Первый их домик в Икинге очень скоро стал тесен, но новое (тоже скромное) жилье они получили лишь в 1933 году, когда Борман стал начальником штаба в бюро Гесса и перевез семью в партийную колонию в Пуллахе. Вскоре — вследствие усиления его позиций во властных структурах и в связи с ростом семьи — ему потребовался более просторный дом, и они переселились в находившееся на балансе НСДАП здание на Маргаретенштрассе в Пуллахе.

Когда у Борманов появился пятый ребенок, строители уже приступили к возведению очередного их [169] дома в Пуллахе. Родившийся в середине июня 1936 года Генрих Борман был назван в честь Генриха Гиммлера — нового друга и союзника его отца. Во исполнение долга крестного рейхсфюрер СС дважды в год — в день рождения и на Рождество — преподносил ребенку подарки. Вначале то были серебряный паровозик и медвежонок, за которыми последовали модели подводных лодок, ружей и танков.

В середине сентября 1936 года в честь новоселья Борман устроил пир для рабочих, построивших ему новый дом. Пиво и сосиски ему ничего не стоили, равно как и земельный участок вместе с домом. По распоряжению Гитлера за все заплатила партия (это строение в документах НСДАП числилось зданием службы по связям с общественностью). Завершение внутренней отделки потребовало много времени, и семья рейхсляйтера НСДАП смогла вселиться только на следующий год. Почти в то же самое время было закончено строительство дома Бормана в

Оберзальцберге. Отныне у семьи появился выбор: пожить в горах или отправиться в предместье Мюнхена.

Дом Гудлера, где поначалу располагалось представительство Бормана в Оберзальцберге, тоже был недостаточно просторен. Поэтому он занял одно из лучших зданий деревни, в котором доктор Рихард Зейц хотел устроить детский стационар. Этот трехэтажный дом был расположен недалеко от Бергхофа и достаточно высоко, чтобы рейхсляйтер мог из окна обозревать панораму строительства. После дополнительной реконструкции от прежнего дома остались лишь наружные стены из бруса, оставленные исключительно для создания впечатления внешней простоты, которой внутри не было и в помине.

Отделка всех помещений от подвала до самой крошечной комнатенки выдержана в античном стиле. Здесь было собрано все самое лучшее. Прав будет тот, кто скажет, что ни один из выскочек последних времен [170] не угождал себе до такой степени. Пусть в детской ванной комнате имелась ванна площадью более двух квадратных метров — практичное приобретение для столь многодетной семьи, по стоимости не слишком обременительное для всякого рейхсляйтера, получавшего не только ставку партийного лидера, но и оклад рейхсминистра. Важно другое: все феодальное великолепие досталось владельцу дома даром, ибо «сторожевой дракон» не постеснялся оплатить свои счета из средств ФАГ.

* * *

В отношении христианства Борманы особенно внимательно следили за тем, чтобы уберечь своих детей от «отравы, против которой фактически нет противоядия». Под «отравой» Мартин подразумевал христианскую религию. Параграф 24 программы НСДАП от 1920 года, оставшийся неизменным в последующих редакциях, гласил: «Партия стоит за позитивное христианство».

Истинный автор программы, Готфрид Федер, о котором к 1933 году совершенно забыли, сам не мог толково объяснить, что имел в виду под термином «позитивное христианство». К моменту переезда Борманов в Оберзальцберг этот параграф — как, впрочем, и многие другие — считался пустым пропагандистским лозунгом. Действительно, сей вопрос мог бы обеспокоить христиан, но разве сам Гитлер не был христианином? Он даже всегда исправно платил церковную подать. Многие же из его ближайшего окружения и из нацистской верхушки фактически отреклись от церкви, но в церковных книгах числились

прихожанами.

Таким образом, они пытались трактовать тот самый параграф 24: не посещали церковь, но выступали против безбожия марксизма и пытались использовать [171] веру в борьбе с разрушительным воздействием безнравственности. Да и сам Гитлер частенько упоминал в своих речах «всемогущего». Когда (после прихода Гитлера к власти в 1933 году) гауляйтер Аугсбурга Карл Валь, ревностный католик, обвинил фюрера в отступлении от веры, Гитлер отрекся от новых язычников{29}, пообещав «в свое время обязательно навести порядок».

Это обещание Гитлера, как и большинство других, было чистейшей ложью. Говоря на словах одно, на деле он сделал совершенно противоположное, предоставив полную свободу действий Борману — ярому противнику религии вообще и христианства в частности. А поскольку никто лучше его не знал, во что на самом деле верит (или, скорее, не верит) фюрер, Мартин справедливо полагал, что вождь не станет мешать его деятельности. А уж в своей способности своевременно внести поправки, соответствующие позиции Гитлера в тех или иных конкретных политических условиях, Борман не сомневался.

Вступая в ассоциацию германских семей, Борман причислил себя и членов своей семьи к протестантам. Те же сведения он указал в конце 1933 года в анкете депутата рейхстага. Определенно можно лишь сказать, что он официально отрекся от христианства только летом 1936 года (именно тогда Мартин и Герда заявили о выходе из списка церковных прихожан).

В то время главным аргументом выхода из протестантской церкви стало письмо отцов клира Гитлеру, в котором выражался протест по поводу распространения такого благоговения перед фюрером, какое следует оказывать одному лишь Богу. Конечно, было совершенно очевидно, что борьба с протестантской церковью станет для партии нелегким делом и что ни [172] гестапо, ни концентрационные лагеря не заставят замолчать противников нацистского режима из числа ревностных христиан. Тем не менее период заигрывания с христианами — независимо от разновидности церкви — подошел к концу.

Именно в те годы Борман вел активную закулисную борьбу против христианства, хотя внешне все выглядело мирно и казалось, что вполне возможна гармония между церковью и нацизмом. Типичным примером в этом отношении может служить случай католического епископа Алоиса Гудала, этнического немца родом из Богемии, которого увлекли идеи национал-социализма. В 1936 году Гудал опубликовал в Вене книгу «Основы национал-социализма» (с посвящением Гитлеру), в

которой пытался соединить доктрины христианской религии и нацизма. Франц фон Папен, бывший вице-канцлер и «семейный проповедник» Гитлера, служивший в то время послом в Вене, представил книгу фюреру и предложил издать ее и в Германии. Однако тут в кабинет с докладом вошел Борман. Поняв, о чем идет речь, он стал разубеждать Гитлера. Особого труда ему это не стоило: фюрер не собирался ограничивать себя религиозными догмами, а догмы нацизма он был вправе трактовать и изменять по собственной прихоти. В итоге книга вышла в Германии столь малым тиражом, что выпущенных экземпляров хватило только для ограниченного числа партийных боссов. Ирония истории заключается в том, что после падения фашистского режима именно этот католический священник взял под свою опеку детей Бормана, укрывшихся в Южном Тироле, и что именно католические организации помогли сбежать многим нацистским преступникам, о розыске которых объявили союзники-победители.

В 1936 году Борман, недавно официально отрекшийся от христианства, с подозрением относился к [173] каждому священнику. Для членов НСДАП он издал инструкцию, согласно которой надлежало выслеживать пасторов и прочих католических священнослужителей, выступавших против партии и государства, и докладывать в гестапо об их деятельности. Чтобы подорвать репутацию духовенства, гестаповцы особое внимание уделяли раскрытию случаев мздоимства среди церковников и нарушений правил целомудрия, установленных в женских и мужских монастырях.

Под руководством рейхсминистра пропаганды газеты принялись на все лады, красочно и во всех подробностях расписывать пикантные случаи из монастырской жизни в полном соответствии с традициями желтой прессы. Если прежде представителям клира непременно предоставляли право выступить на партийных съездах и конференциях — особенно в тех случаях, когда эти мероприятия проводились в областях, где проживало наиболее религиозное население, — то теперь к ним относились с подозрением.

Для такого отца, как Мартин, даже появление детей на свет должно было служить каким-то целям. В мае 1936 года он основал германскую семейную ассоциацию, перед которой была поставлена задача увеличения численности семей национал-социалистов На момент вступления в ассоциацию у него было уже четыре ребенка (причем даты рождений первых двух были изменены, чтобы скрыть тот факт, что невеста рейхсляйтера «нагуляла» первенца еще до официальной церемонии

бракосочетания). В итоге семья Борман стала в этом отношении примером для подражания: к началу войны у них было шесть детей, а к концу — девять (десятый ребенок умер). [174]

Что касается Герды, то рождение детей стало не только ее достойным вкладом на алтарь отечества — таковым Гитлер объявил рождение каждого ребенка, — но и оказалось чем-то самодовлеющим. Сколько бы ни было ребятишек вокруг, ей все казалось недостаточным. В Оберзальцберге она ежедневно приглашала столько детей, что огромный дом наполнялся громким гомоном звонких голосов и гудел, словно гигантский улей.

Мартин любил детей не меньше Герды, но из-за своей занятости не мог уделять им достаточно много времени. Даже до войны они неделями не видели отца: его присутствие постоянно требовалось в Берлине, либо он разъезжал по стране, решая какие-то партийные задачи. С началом войны большую часть времени он проводил в ставке Гитлера. Впрочем, дети не очень скучали по нему, поскольку в редкие дни его пребывания в родных стенах в доме запрещалось шуметь, чтобы он мог восстановить расшатавшиеся нервы, а за невыполнение его распоряжений и наставлений их ждало наказание. Им запрещалось разговаривать с незнакомцами и играть с другими детьми — Борман опасался, что они проговорятся о чем-нибудь таком, что навлечет на него неприятности. Узнав о нарушениях, он приходил в ярость и сильно бил провинившихся, сек их всем, что попадало под руку: ремнем, кожаным поводком для собаки или вожжами.

Однажды он поколотил двоих сыновей во время прогулки только за то, что, разыгравшись, они вспугнули стадо овец. В другой раз один из мальчиков споткнулся и упал в лужу, и наказанием ему стал пинок ногой. В свое отсутствие он посылал Герде инструкции, в которых перечислял, чему она должна обучить детей: не баловаться со спичками, не принимать сладости и прочие угощения от чужих, не садиться в машину к незнакомым людям. Он был очень горд тем, что Гитлер нередко приглашал его детей к себе: фюрер [175] любил гладить головы малышей и слушать немудреный детский лепет. Диктатор отдыхал, наслаждаясь атмосферой наивности и откровенности, которую приносили с собой маленькие гости и которая резко контрастировала с напряженностью и изощренностью властных игр его приближенных.

Пока Борман не огородил Бергхоф забором, Гитлер часто видел ребятишек. Однажды в группе приехавших поприветствовать своего кумира сторонников ему приглянулась

маленькая девочка с каштановыми кудряшками, и он пригласил девочку и ее мать посидеть с ним за столом, угостил кофе. Фюрер не раз звал их погостить, и они несколько раз навещали его в Бергхофе. Но впоследствии Борман решил проверить эту семью и «неожиданно открыл», что они не соответствуют требованиям закона об арийском происхождении. Естественно, он запретил им появляться в Бергхофе. Таким образом он устранял тех, кто мог составить конкуренцию его отпрыскам.

Детей Бормана ограждали от влияния идей христианства. Они узнавали о существовании религии лишь по достижении того возраста, когда приходила пора отправлять их в школу и уже не оставалось возможности удерживать их в изоляции. Когда началась война, Кронци (Адольфу Борману, старшему сыну) было девять лет, а Ильзе, имя которой впоследствии трансформировалось в Эйке, исполнилось восемь. Конечно, в школах уже упразднили уроки богословия, но почти все преподаватели были католиками и красочно описывали обряд первого причастия и праздничные религиозные процессии. Если дети заговаривали на эти темы дома, отец приходил в бешенство; книги о христианстве оказались здесь под запретом. Столь бесцеремонное давление в области духовной вызывало внутренний протест даже у детей. Кронци начал упрямиться, когда ему исполнилось всего десять лет. Поскольку Мартин, с одной стороны, большую [176] часть времени проводил в разъездах и, с другой стороны, не мог передоверить Герде воспитание стойкого воина-нациста, он отправил своего первенца в НАПОЛА (система национал-социалистского образования), где сыновей лидеров партии и СС воспитывали в спартанском духе.

* * *

Желая всегда иметь под рукой все рычаги власти, Гитлер торопил Бормана с открытием представительства партийной канцелярии в Оберзальцберге. Поначалу оно располагалось в бывшей столовой, но в связи с расширением потребовалось новое помещение — следовало обеспечить штаб-квартиру партии достойным зданием.

В Оберзальцберге не было места христианству. После окончания строительства здания для местного штаба партийной канцелярии начался набор сотрудников, которым, кроме всего прочего, надлежало доказать, что они более не состоят в церкви. Членов НСДАП обязали представить (опираясь именно на записи из церковных книг, в которых сохранялись данные до колена

прадедов) документы, подтверждавшие отсутствие еврейской крови в их генеалогии. Причем Борман потребовал еще более ранние сведения (относительно еще двух поколений предков), чем те, которые хранились в приходских церквах. Приходилось обращаться к священникам с просьбами поднять более старые архивы. Многие святые отцы отрицательно относились к идеям нацизма и препятствовали получению таких документов. Борман решил переложить решение этой задачи на аппарат НСДАП и профессиональных специалистов в области генеалогии. Однако этот шаг не дал положительных результатов в изучении его собственного происхождения.

Г. Борман, офицер налоговой полиции Франкфурта, [177] прислал рапорт, из которого следовало, что проживавшая в тех местах семья Борманов известна с XVIII века — почти все ее члены были представителями таких престижных профессий, как врачи, священники, ученые и преподаватели. Однако в результате проверки надежда вновь обрести славные корни рассыпалась, как и в случае с гипотезой происхождения из семьи вестфальских крестьян Борманов, данные о родословной которых восходили аж к 1508 году. Мартин поведал своему старшему сыну фантастическую историю о том, как их предки мигрировали из фландрских предгорий в Вестфалию, где завладели обширными землями, а выходцы из этой семьи впоследствии прославились в Северной Германии ученостью и успехами на государственных постах.

Согласно требованиям партии, непредоставление сведений о ком-то из предков могло стоить мандата. В январе 1936 года Центр генеалогических исследований НСДАП представил результаты своих изысканий: несмотря на все старания, происхождение обоих дедов установить не удалось. Кроме всего прочего, такой поворот событий затруднял осуществление одного из помпезных проектов Гиммлера, задумавшего в одном из конференц-залов своего ведомства создать огромное панно с изображением генеалогических древ высших чинов СС. Однако группенфюрер СС Мартин Борман не мог предоставить соответствующих сведений. Один из партийных функционеров предложил Борману самому придумать герб и тем ограничиться, но тот решил подождать, надеясь, что дальнейшие поиски позволят приоткрыть завесу тайны.

* * *

Работы в Оберзальцберге шли полным ходом. Построили

новую казарму для личной охраны фюрера. Для огромного автопарка канцлера и его свиты возвели [178] просторный гараж, каждый метр которого обошелся во много крат дороже, чем в любом гараже на равнине.

В число возводимых объектов входила также комфортабельная гостиница для гостей. Однако, предварительно оценивая предложение архитекторов, Борман пришел к выводу, что предусмотренное ими расположение гостиницы принизит главенствующее положение Бергхофа. Поэтому для Платтерхофа — здания горной гостиницы — подобрали место ниже по склону и поодаль от резиденции фюрера. Случилось так, что фюрер увидел план, когда строительство гостиницы подходило к концу. Гитлер вдруг поинтересовался, где будет находиться бар, чем огорошил Бормана. Зная, что фюрер предал алкоголь анафеме, рейхсляйтер не собирался устраивать бар для гостей, однако не растерялся и заявил, что бар будет находиться в подвале. Пришлось изменять прокладку труб и переделывать систему технического обеспечения почти готового здания. Человек, который мог позволить себе осуществление столь дорогостоящей реконструкции, заслуженно получил кличку «герцог Оберзальцбергский».

Однажды фюрер пожаловался, что лучи солнца слепят его, когда он приветствует процессии своих почитателей с балкона Бергхофа. Через несколько дней вернувшись из поездки, Гитлер обнаружил, что балкон защищен от солнца кроной мощной липы. Не считаясь с трудностями и расходами, Борман привез в горы огромное дерево вместе с грунтом вокруг корней!

Борман отмечал в дневнике и главные этапы строительной эпопеи в Оберзальцберге. Так, 30 сентября 1936 года он записал: «Фюрер одобрил проект чайной». [179] Это строение, получившее название Келынтейн, находилось в пятидесяти минутах ходьбы от Бергхофа, и все последующие годы Гитлер любил прогуляться туда после ленча в компании избранных соратников. Поскольку чайная находилась на приличном удалении, такие прогулки позволяли Борману часто вести с фюрером беседы наедине. Более обстоятельные обсуждения происходили во время поездок на автомобиле к Хинтерзее — озеру у подножия горы Хохкальтер. Борман не поверял дневнику содержание своих разговоров с Гитлером — секретные сведения он держал в голове или хранил в сейфе, а упоминания о темах бесед со специалистами по текущим проблемам строительства вполне допускались. Датой 3 ноября того же года помечена запись «М. Б. советовался с герром Тодтом о строительстве дороги до Кельштейна». Проектировщика автобанов Тодта привлекли для обсуждения наиболее

экстравагантной затеи: Борману требовалось заключение эксперта относительно возможности создания тоннеля для шоссе. Сей проект предназначался в подарок Гитлеру ко дню рождения. Кстати, прежде Борман сделал подарок самому себе, взяв под собственный контроль ферму при Оберзальцберге.

Во времена, когда землевладельцев призывали увеличивать урожай, а нацистские организации проводили рейды по сбору отбросов на корм свиней, поля и пастбища Оберзальцберга не должны были оставаться вне сельскохозяйственного оборота. Прежний управляющий фермы, дипломированный специалист, не смог на практике доказать свои способности. Конечно, его трудно винить: каменистая почва и климатические условия, недостаточно благоприятные для сельскохозяйственных культур, создавали объективные трудности. На ферме насчитывалось восемьдесят голов крупного рогатого скота и сотня свиней, но собранный урожай [180] оказывался столь малым, что большую часть необходимых кормов приходилось закупать, особенно для конного завода, где содержали более шестидесяти кобыл хафлингера (порода южнотирольских горных лошадей).

Гитлер фактически не интересовался состоянием дел фермы. Однажды, когда Борман похвально отозвался о чистоплотности свиней, Гитлер усмехнулся и изрек с характерным для него саркастическим юмором (ответить на его шутки никто не осмеливался): «Надеюсь, их каждое утро моют мылом и освежают одеколоном». Борман же не только не чувствовал себя осмеянным, но почитал за честь служить мишенью для колкостей диктатора. Но в день, когда Гитлеру взбрело на ум лично ознакомиться с гроссбухом фермы, он испытал несколько крайне волнительных минут, напряженно ожидая приговора, пока фюрер изучал цифры. Наконец Гитлер заключил: «Замечательно! Не так дорого, как я полагал: литр молока обходится мне всего в пять марок». Местные же молочники продавали молоко по двадцать марок за литр.

В дальнейшем Борман заведовал работой фермы бесконтрольно. В целом она не приносила ему прибыли и была предназначена для самообеспечения Оберзальцберга. Борман установил теплицы, позволявшие круглый год снабжать Бергхоф цветами и свежими овощами. Некоторые трудности пришлось преодолеть, чтобы наладить обеспечение грибами и медом. Для выращивания грибов он приспособил погреба пивоваренного завода в Бад-Рейхенхалле и устроил поблизости пасеку с сотнями ульев. Пчеловодство увлекло Бормана, и он уделял этому занятию немало времени. Всю зиму специально нанятый пчеловод, для которого построили отдельный домик, подкармливал пчел

сахаром. Единственным доходным делом на ферме оказалась давильня сидра. [181] Впрочем, это производство было сезонным, а из фруктовых деревьев в Оберзальцберге имелись только яблони.

Пожалуй, более успешно Борман действовал в качестве мажордома. Гитлер любил приглашать иностранных гостей в свою загородную резиденцию, и обеспечение приема возлагалось на Бормана. Эрих Кемпка вспоминал, что «Борман то был со всеми грубовато-доброжелателен, то набрасывался на подчиненных с небывалой беспощадностью. Вспышки гнева выражались в приступах безудержной ярости, и в такие минуты казалось, что он действительно спятил».

Трудно сказать, было такое поведение следствием постоянного переутомления или выражением грубой и властной натуры. Возможно, оба фактора играли определенную роль, но главная причина заключалась в фанатичном стремлении к достижению поставленной цели, что порождало требование беспрекословного и абсолютно точного исполнения всех его распоряжений. В Оберзальцберге Борман принимал на работу и увольнял сотрудников по своей воле. Подчиненные находились в полном его распоряжении. Горе было тому, кто навлекал на себя гнев рейхсляйтера. А по отношению к тем сотрудникам персонала, к которым Гитлер проявлял личную симпатию, поведение Мартина оказывалось совсем иным: Борман был с ними предупредителен и порой даже подобострастен, стремился прослыть добрым малым в глазах тех, с кем фюрер любил иногда перемолвиться словцом. С прочими же он не церемонился. Например, однажды, дав волю своей ярости, Борман разнес вдребезги модель сооружения, конструкция которого ему не понравилась, хотя создание модели потребовало нескольких тысяч марок.

Зная, что Гитлеру нравился дуэт из «Вдовы Мери», Борман купил себе такую же пластинку. Поскольку [182] Гитлер любил животных и запретил охоту в лесах Оберзальцберга, его верный слуга запретил также заводить кошек и собак, чтобы они не нападали на прочую живность. Поистине подобострастие Бормана порой бывало смешным.

Борман оказался виртуозом временных союзов. Объединившись с кем-то из влиятельных деятелей, чтобы одолеть кого-либо из конкурентов в борьбе за власть, вскоре он мог «подставить ножку» и недавнему союзнику. Единственным лидером третьего рейха, который сумел уберечь свои бастионы от атак Бормана, оказался Гиммлер. Тонкий тактик «невидимого фронта» (даже внешне он походил на зверька, обладающего

лучшей приспособляемостью среди млекопитающих) был крепким орешком и слишком «скользким» противником. К тому же Гиммлер готов был стать верным союзником Бормана, насколько это допускалось условиями всеобщего взаимного недоверия, царившего в нацистской верхушке. Конечно, создание прочного альянса столь могущественных фигур потребовало немало времени — малейшая ошибка, мгновение расслабленности могли стать роковыми для одного из них. Каждый понимал, что другой моментально воспользуется любым промахом своего визави.

В то время альянс Борман — Гиммлер еще не стал всеобъемлющим, но все уже знали, что они действуют сообща. Дарре, не проявивший достаточного умения в повседневной политической борьбе, впервые осознал далеко идущие перспективы этого союза лишь во время празднования Нового, 1937 года: приехав в гости к Гиммлерам, он встретил там семейство Борманов в полном составе, что безусловно свидетельствовало об укреплении их «дружбы». Уже через месяц [183] Борман получил звание группенфюрера СС. Его союз с рейхсминистром сельского хозяйства постепенно распался. Влияние Дарре продолжало падать, и с началом войны он уступил пост министра ставленнику Гиммлера.

В 1936 году по наущению Бормана фюрер установил порядок, при котором ни один служащий министерства не мог рассчитывать на повышение без предварительного изучения личного досье, заведенного на него в бюро заместителя фюрера. В том же году Борман учредил специальные курсы для госслужащих и установил правило — впредь никто не может быть принят на ответственную государственную работу, если не прошел дополнительную подготовку на курсах.

При оценке кандидатов бюро Гесса опиралось на сведения, поступавшие из местных партийных комитетов НСДАП. Очевидно, в этих характеристиках находили отражение личные симпатии и антипатии. Причем человек, получивший отрицательный отзыв, не мог ни узнать, кто был автором доноса, ни обелить свою репутацию. Борман поставил министра юстиции в известность о том, что запрещает разглашать имена доносчиков, дабы обеспечить членам партии возможность безбоязненно сообщать руководству важную информацию. В итоге обычным служащим приходилось выслуживаться перед каждым членом НСДАП так же, как и перед собственным начальством.

Кроме того, Фрику приходилось постоянно сталкиваться с вмешательством функционеров НСДАП в дела его ведомства. На съезде в 1934 году Гитлер заявил, что отныне «партия будет командовать правительством». С тех пор нацистские сановники

всех [184] уровней присвоили себе право отдавать распоряжения государственным чиновникам соответствующего ранга: лидеры городских организаций НСДАП могли приказывать бургомистрам, крейсляйтеры — главам областных администраций, а гауляйтеры — обер-президентам (то есть руководителям административно-территориальных округов). Естественно, в конфликтных ситуациях Борман всегда принимал сторону партийных деятелей. Таким образом, он постепенно подминал правительственные ведомства.

Борман вновь и вновь доказывал свою преданность и решимость, отстаивая в глазах фюрера свою репутацию незаменимого слуги. Так, в 1936 году Гитлер понизил в должности Карла Герделера, назначив последнего бургомистром Лейпцига. Однако вскоре тот вновь впал в немилость, поскольку неоправданно затягивал с открытием нового памятника Рихарду Вагнеру, хотя сам фюрер послал ему свои эскизы! Не на шутку рассердившись, Гитлер все-таки не решился сам затевать еще один громкий скандал и предпочел отложить окончательное разбирательство с нерадивым бургомистром, в конце 1936 года наказав Борману через шесть месяцев напомнить о необходимости вернуться к этому вопросу. «Цербер» понял волю хозяина и немедленно осуществил ее: новый год Лейпциг встречал с новым бургомистром.

* * *

В феврале 1937 года Борман издал инструкцию, предписывавшую воздерживаться от приема в партию представителей духовенства, дабы предотвратить опасность распространения внутри движения бесцельных дискуссий на отвлеченные темы. Настоящая же причина тому открылась лишь на следующий год: Борман издал внутрипартийный декрет, в котором возвестил о начале войны против христианства, [185] провозгласив национал-социалистскую идеологию единственно истинной верой. Партийным лекторам отныне не стоило утверждать, что жизнь после смерти является монополией церкви (происходившее на этом свете было объявлено прерогативой партии), «поскольку о потусторонней жизни попы знают не больше нас». Отныне священников следовало называть не «слугами Бога», а «служащими церкви» или «церковными чиновниками», ибо работа в церкви отныне не считалась служением Богу. За клиром более не признавалось лидерство в области духовной, поскольку партийная доктрина отвергала

гарантии церкви на спасение души в мире ином.

Внутри самой партии Мартин ввел обязательные для исполнения положения. Во второй половине июля 1938 года он распространил приказ (с грифом «Разглашению не подлежит»), запрещавший назначать священников на ответственные посты в партии. Тех из них, кто уже занимал такие должности в национал-социалистской благотворительной организации или в системе отрядов СА, следовало смещать постепенно, подыскав сначала достойную замену. Вскоре вышел приказ, вообще запрещавший принимать в ряды НСДАП служителей церкви и истово верующих» граждан и предписывавший исключать таковых из партии.

Стараясь дискредитировать духовенство, Борман настойчиво раздувал громкие скандалы по малейшему поводу. Следуя примеру своего предшественника Гинденбурга, Гитлер оказывал честь каждой матери, родившей десятого ребенка, объявляя себя крестным отцом малыша. От внимания Бормана не ускользнуло, что эта традиция связана с христианским обрядом крещения. В ноябре 1937 года он направил официальное письмо адъютанту фюрера Вильгельму Брюкнеру (хотя встречался с ним ежедневно), в котором указывал, [186] что духовенство по-прежнему оказывает воздействие на бытовом уровне на членов партии и прочих граждан, отрекшихся от церкви, и привел в качестве примера обычай объявления крестных родителей, изначальный смысл которого связан с обрядом крещения. Адъютант немедленно распорядился изменить форму бланков президентской канцелярии, которая занималась ведением соответствующей документации. Однако Брюкнер не отличался сообразительностью и упустил смысл замечания. Через два месяца на глаза Борману случайно попал бланк новой формы, в котором прежний пункт «Дата крещения» трансформировался в «Дата крещения, если таковое планируется или уже состоялось». Подивившись глупости человеческой, Борман направил адъютанту второе письмо, в котором совершенно определенно сформулировал свое требование: «Полагаю, пункт о крещении следует изъять из всех видов стандартных бланков, документов и анкет».

В ноябре 1938 года этот вопрос по-прежнему оставался открытым! Пришлось Борману писать третье официальное письмо Брюкнеру. Между прочим, он мог в любую минуту получить одобрение у самого фюрера. Объяснение простое: на всякий случай рейхсляйтер собирал материал, свидетельствовавший о том, что адъютант утратил былую хватку и расторопность. И действительно, наступил момент, когда Борман пустил в ход эти

аргументы.

Пожалуй, одним из наиболее ярких эпизодов борьбы Бормана против конкурентов стало его участие в завершающем акте расправы придворной своры с Ханфштанглем. Верный соратник Гитлера, у которого тот укрывался после провала «пивного путча», долгие годы оказывал фюреру нацистов поистине [187] неоценимые услуги. Он ввел Гитлера в круги высшего света и крупнейших промышленников, пожертвовал на нужды движения все свое состояние, благодаря своим личным связям с иностранными журналистами обеспечивал благосклонные отзывы во многих печатных органах за рубежом. Но фюрер не любил находиться в положении должника и не терпел прямых советов ни от кого — даже от самых верных друзей. Борман лучше других умел облечь советы и рекомендации в форму уточняющих вопросов слуги, радевшего за наилучшее исполнение воли господина, или в форму «предложений по реализации приказов фюрера». В таких формулировках первенство всегда отдавалось Гитлеру, подчеркивалось его неоспоримое право на окончательное решение, а сам Борман неизменно оставался в роли верного и безропотного паладина, который якобы даже в мыслях не смел претендовать на решение вопросов из разряда «высших сфер».

Ханфштангль был осторожен, хорошо понимал, что не следовало давать пищу болезненной подозрительности Гитлера. Однако и он допускал промахи, вышел из фавора, после чего неизменно утрачивал позиции. К тому же он много знал о прошлом фюрера по тем временам, когда у того был один-единственный выходной костюм, отнюдь не «с иголочки». В числе его недоброжелателей наиболее крупной фигурой был Герман Геринг, опрометчиво давший Ханфштанглю возможность удостовериться в своей причастности к поджогу рейхстага.

Борман предложил шефу люфтваффе несложную операцию с целью устранения опального руководителя службы по связям с иностранной печатью. Во время беседы с фюрером Геринг намекнул, что пора направить Ханфштангля в охваченную войной Испанию «для налаживания работы журналистов». Гитлер сразу ухватился за это предложение, неопределенно [188] заметив, что полет в Испанию на самолете и прыжок с парашютом в зоне военных действий — предприятие небезопасное. Поистине они понимали друг друга с полуслова!

Однако план не сработал. Ханфштангль хорошо знал коварство фюрера и способности его приближенных. Он давно заметил, что злой рок преследует тех, кто когда-либо имел несчастье стать доверенным исполнителем «щекотливых»

поручений Гитлера или слишком много знал о его прошлом. Так, тихо и бесследно исчезли все личные охранники, служившие у фюрера до прихода к власти, а также офицеры тайной политической полиции полка, в котором Гитлер служил при императоре Вильгельме.

Получив приказ о командировке в Испанию, Ханфштангль понял, что медлить нельзя, и бежал из Германии. В партии распространили слухи, будто он испугался совершенно невинной шутки. Со своей стороны, Борман предпринял попытку уговорить его вернуться, ведь Ханфштангль многое знал о партийных секретах. Мартин написал Пуцци письмо, выдержанное в добром тоне снисходительного начальника (ведомство Ханфштангля находилось в подчинении бюро Гесса), пообещав сразу по его возвращении в Германию вернуть долги прошлых лет, забыть прежние неурядицы и даже возместить затраты на вынужденное пребывание за границей. Однако попытка Бормана использовать в качестве приманки деньги потерпела неудачу. Ханфштангль вернулся в Германию только после окончания войны.

К 1936 году, когда началась наиболее бурная часть его карьеры, Мартин Борман фактически полностью утратил все связи с родственниками. Его младший брат Альберт, тоже принадлежавший к ближайшему [189] окружению Гитлера, занимал менее влиятельное положение, находясь в подчинении рейхсляйтера Филиппа Бухлера, возглавлявшего личный секретариат фюрера (впоследствии на этом посту его сменил Альберт Борман). Боссы НСДАП находили младшего брата исполнительным, способным, честным и эрудированным. Лишенный личных амбиций, он был одним из немногих приближенных фюрера, кто наивно полагал, что служит большому доброму делу, и не преследовал корыстных целей.

В 1938 году Гитлер зачислил Альберта в группу личных адъютантов, которые подчинялись только фюреру. По праву старшего брата Мартин считал себя вправе командовать младшим и воспринял обретенную Альбертом независимость как угрозу своему влиянию вообще. Постепенно Альберт стал сближаться с Гитлером и порой противодействовал стремлениям Мартина. Естественно, тот увидел в младшем брате серьезного соперника.

В Оберзальцберге, в Берлине и в прочих местах, где располагались руководящие центры, пути братьев часто пересекались, но, сталкиваясь порой несколько раз в день, они не проявляли теплых родственных чувств, ограничиваясь сухими вежливыми приветствиями. Все знали, что они разговаривали друг с другом только в случаях, когда того требовали служебные обязанности.

Когда Альберт влюбился в одну из секретарш Гитлера, Мартин, заподозрив брата в попытке таким образом усилить свое влияние на нацистском Олимпе, с помощью интриг расстроил их планы о свадьбе. Когда же Альберт в конце концов женился на вдове погибшего на войне офицера, Мартин выразил свое неудовольствие тем, что невестка не соответствует его представлениям о нордической внешности германки. И вообще презрительно называл Альберта «гардеробщиком» фюрера. [190]

* * *

В 1938 году Борман купил для Гитлера дом в Мюнхене на Принцрегентплац — точнее, фюрер жил там на правах частного арендатора. За картины, которыми Гитлер украсил стены своего жилища, из фонда были выплачены огромные суммы. Впоследствии эти средства были списаны по статье «оказание помощи музеям», и остается открытым вопрос, сколько же денег поступило в распоряжение музеев на самом деле. Впрочем, Борман не имел непосредственного отношения к выбору обстановки: хозяин выбирал, а он платил. Борману было безразлично, чьи это творения — Макарта, Шпитцвега или товарища по партии Зиглера, которого даже нацисты в насмешку называли «мастером германской лобковой волосяной растительности».

Казначею Шварцу независимость «сторожевого дракона» стала костью в горле. В конечном счете через его руки проходили все платежные документы рейхсляйтеров, и ему не составляло труда проследить расходы, осуществленные помимо партийного бюджета. Возмущению Шварца не было предела: «Понятия не имею, откуда они получают такие средства. Там моих аудиторов даже на порог не пускают».

Ничто не мешало Борману при желании расширить свой штаб, поскольку он мог платить сотрудникам из «Фонда Адольфа Гитлера». Шварц был уже не в состоянии держать Гитлера в узде, когда тому требовались колоссальные суммы на те или иные проекты, ибо Борман без колебаний отчислял фюреру необходимые средства. Заняв посредством аншлюса Австрию, Гитлер торжественно пообещал гауляйтеру Линца превратить город, в котором прошла значительная часть его молодости, в столицу, ни в чем не уступавшую Вене, и высказал намерение возвести для нужд партии великолепное здание и огромный зал для конференций [191] и митингов. Во время одной из застольных бесед Борман сам предложил оплатить строительство

за счет средств фонда. Однако Шварц решил взять на себя финансирование этих проектов, и фюреру не пришлось воспользоваться предложением Бормана. Тем не менее он оценил готовность рейхсляйтера в любое время предоставить необходимые средства.

Этот эпизод еще раз показывает, что Борман по собственному усмотрению мог распоряжаться миллионами марок. Однако, вообще говоря, он предлагал деньги, которые предназначались именно для Гитлера. Из-за чего же поднялась суета? Чем вызвана высокая оценка фюрером его предложения выделить деньги? Тем, что этот проект был в ту пору любимым детищем фюрера? Или Борман просто прочитал в глазах Гитлера страстное желание видеть рядом с собой людей, мечтавших по первому слову взяться за воплощение его идей?

Во-первых, Гитлер придавал особое значение тому эпизоду, поскольку возникла ситуация, позволявшая ему вновь столкнуть лбами своих верноподданных. Хитроумный Борман, сделав опережающий ход, заставил ввязаться в дело и раскошелиться прижимистого Шварца, отстаивавшего свои позиции не только номинального, но и фактического казначея партии. Спровоцировав Шварца, Борман сэкономил для Гитлера огромную сумму партийных денег на счетах фонда (а этими деньгами фюрер мог пользоваться, не спрашивая согласия скупого казначея), в очередной раз доказав свою личную преданность, надежность и талант финансиста.

Во-вторых, Гитлер в достаточной мере полагался на Бормана и верил, что его личный банкир сумеет расшевелить Шварца и сохранить деньги хозяина. Он не утруждал себя консультациями с Борманом в тех случаях, когда хотел воспользоваться средствами фонда, — ему стоило только приказать. [192]

* * *

В марте 1938 года у Бормана и вовсе не оставалось времени на осуществление проекта «Кельштейн». Возведение чайного домика на скале с крутыми каменистыми склонами доставило ему немало хлопот. Рейхсляйтер торопился закончить строительство ко дню рождения фюрера — в самом факте строительства этого здания сюрприза не было, ибо Гитлер горел желанием поучаствовать во всех проектах Бергхофа. Приятным подарком должно было стать сказочно быстрое возведение объекта. От внимания Бормана не ускользнуло, что, кроме всего прочего, следовало обеспечить возможность безопасного подъема

в плохую погоду, и в качестве дополнительного сюрприза он решил в самой скале прорубить шахту для лифта. Изучив местность вместе с архитектором Фиком и специалистом по строительству дорог Тодтом, Борман утвердил план, в соответствии с которым ответвление дороги уходило в тоннель, приводивший к вместительному подъемнику, на котором фюрер вместе с гостями мог подняться к приютившемуся на скале домику.

В первой половине судьбоносного 1938 года, когда началась экспансия третьего рейха, у Бормана почти не осталось времени на завершение строительных проектов, поскольку уже в январе Гитлер вызвал его в Берлин, где правительство приступило к подготовке ряда официальных акций. Главнокомандующего сухопутными силами генерала Вернера фон Фрича обвинили в гомосексуализме (по-видимому, это обвинение на самом деле было беспочвенным), а министр обороны Вернер фон Бломберг скомпрометировал себя женитьбой на женщине более низкого происхождения. Своих постов лишились также министр иностранных дел Константин фон Нейрат, несколько послов и около дюжины генералов. Номинальный [193] начальник Бормана Рудольф Гесс, напротив, получил повышение, прибавив к званию рейхсминистра титул «министр без портфеля» — под тем предлогом, что исполнял «важные государственные обязанности в качестве заместителя фюрера».

Пару дней спустя стало ясно, что повышение соответствующим образом увеличило влияние самого бюро и штабсляйтера: на встрече Гитлера с австрийским канцлером Куртом фон Шушнигом присутствовал не Гесс, а Борман, исполнявший на переговорах отнюдь не обязанности мажордома. Научившись с полуслова понимать пожелания фюрера, Борман был последователен во всем вплоть до мелочей, стараясь помочь Гитлеру застращать визитера. Рейхсляйтер НСДАП не только посадил в приемной двух генералов свирепого вида, но и устроил так, чтобы Шушниг постоянно чувствовал присутствие австрийских национал-социалистов, которых он преследовал и многим из которых приходилось скрываться в Германии. В тренировочных лагерях в горах Баварии проходили обучение несколько тысяч австрийских национал-социалистов, обеспеченных хорошим жильем, питанием, формой СА и денежным довольствием. Эти отряды входили в состав «Австрийского легиона», финансирование которого производилось исключительно за счет средств борманского «Фонда Адольфа Гитлера».

Комитет Гесса выступил инициатором кампании в защиту

национал-социалистов соседнего государства, которую министерство Геббельса умело превратило в мощную пропагандистскую волну. Кроме того, поднаторевший в придворных интригах Борман привлек — к великому удовольствию уроженца Австрии Гитлера — нескольких австрийцев к руководству строительными работами в Оберзальцберге и поручил сотне бойцов одного из отрядов «Австрийского легиона» охрану Бергхофа, которую прежде обеспечивали [194] подразделения СС. Естественно, Шушниг чувствовал себя так, словно попал в логовище льва.

Следовало упредить задуманный Шушнигом плебисцит, и 12 марта 1938 года Гитлер отдал приказ о вступлении в Австрию. Этот день в дневнике Бормана отмечен записью: «Вылетел в Мюнхен вместе с фюрером». В десять часов утра они уже приземлились в аэропорту Обервейзенфельда и на окрашенном в защитно-серые тона грузовике отправились в Мюльдорф-на-Инне, в штаб седьмого армейского моторизованного корпуса. А в полдень корпус выступил в поход на австрийский городок Браунау, в котором родился Гитлер. Пограничные шлагбаумы уже подняли, позволяя германским войскам беспрепятственно продолжать движение под трезвон церковных колоколов и приветственные крики многотысячных толп, немало мешавших продвижению колонны: потребовалось четыре часа, чтобы преодолеть по шоссе девяносто километров до Линца. К тому времени, когда с балкона городской гостиницы Гитлер обратился к австрийцам с первой речью, уже совсем стемнело. На следующий день газеты старательно перечисляли имена представителей партийной элиты, стоявших рядом с фюрером в столь исторический момент. Однако имя Бормана в этом списке не упоминалось. Никто не заметил его и два дня спустя, когда Гитлер, окруженный многочисленной свитой, с высокого балкона венского императорского дворца произнес речь перед расплескавшимся внизу морем восторженных сторонников, заполнивших площадь и прилегавшие улицы и зачарованно внимавших словам кумира. Несмотря на свой высокий ранг, Борман умудрился остаться в тени: он хорошо понимал подоплеку событий «ночи длинных ножей», знал, сколь плохую службу сослужила популярность многим лидерам НСДАП, и не допускал появления каких-либо намеков на свою значимость в глазах широкой общественности, чтобы [195] не давать пищу ревнивой подозрительности беспощадного вождя.

Прочие же крупные партийные деятели постарались заполучить в этой постановке заметные роли. Геринг временно представлял главу государства в Берлине; Геббельс читал

обращения Гитлера по радио; Гесс вылетел в Вену еще 11 марта, чтобы организовать фюреру достойную встречу (по примеру гауляйтера Йозефа Бюркеля, который осуществлял подобные функции в 1935 году, когда фюрер опробовал метод аншлюса, присоединив к Германии земли Саара). Одновременно с Гессом в Вене появился и Гиммлер с подразделениями полиции и гестапо.

Борман же наблюдал за происходившим из спасительной тени всемогущего, комфортно обосновавшись в средоточии истинной власти. Не получив лавров, он удостоился чести выполнить работу самого доверенного слуги фюрера, которому поручаются задания крайне тонкого и щепетильного свойства. Гитлер был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы случайно не всплыли наружу сведения о поре его юности и о заведенных в годы проживания в Вене сомнительных знакомствах, противоречивших его собственным требованиям, сформулированным в «Майн кампф». Для этого следовало изъять некоторые документы из архивов полиции и изолировать или устранить ряд свидетелей, особенно Рейнхольда Ханиша, снабжавшего Гитлера акварельными красками, когда тот мечтал доказать свое право называться художником, и проживавшего с ним в Мейдлинге в общежитии, фактически представлявшем собой ночлежку. Ханиш оказался достаточно глуп и некогда попытался шантажировать Гитлера, угрожая предать огласке ряд компрометирующих фактов. Фюрер не отличался милосердием и всегда мстил за свои страхи. Борман приказал гестапо найти и арестовать Ханиша. Запись в его дневнике гласила: «После присоединения Австрии Ханиш повесился». [196]

* * *

Гитлер вновь появился в Оберзальцберге лишь в апреле — в Берлине уже отгремели пышные празднества по поводу великой победы, был распущен рейхстаг, прошла предвыборная кампания и состоялись новые выборы. Борману наконец-то представилась возможность продемонстрировать фюреру постройки, возведение которых было закончено в его отсутствие. У Бергхофа появилось второе крыло, значительно расширилась площадь, отведенная под теплицы, полностью обновились здания фермы.

Три дня Гитлер посвятил осмотру Оберзальцберга. Совершая утреннюю прогулку, Гитлер, указав на чей-то дом, заметил, что это строение портит панораму. В тот же день Борман выкупил этот участок, но при оформлении случилась небольшая заминка, поскольку прежние владельцы — пожилая пара — настаивали на

праве дожить в родном доме остаток своих дней. Чтобы не терять времени, Борман вручил им дополнительно чек на кругленькую сумму и немедленно выставил их вон: у дома уже стояли наготове бульдозеры и рабочие. На следующий день, взглянув туда, где вчера стоял «неправильный» дом, Гитлер увидел лишь мирно пасущихся на зеленой лужайке коров.

Чайный домик еще не был готов к открытию, и представлялось чрезвычайно трудным делом завершить эти работы ко дню рождения Гитлера, то есть к 20 апреля. К тому же появились первые признаки того, что фюрер утратил интерес к строительной эпопее в Оберзальцберге. Он не пожелал осмотреть шоссе к Кельштейну, пробитый в горе тоннель с подъемником и новую дорожку, серпантином обвившую склон скалы, запретил шуметь в утренние часы (а без шума строительство попросту невозможно), поскольку это нарушало его сон, а за столом отпускал нескладные каламбуры, посмеиваясь над неуемным [197] рвением Бормана, с остервенением сверлившего дыры в горах. Однажды Гитлер пожаловался адъютанту Юлиусу Шаубу, что суета строительных работ и потоки бетона ему опостылели и что оставшиеся годы он хотел бы провести в более тихом и спокойном уголке. Если бы на эти никчемные постройки не было потрачено так много миллионов, он с радостью взорвал бы их все разом.

Борман же тем временем предпринял сверхусилия, стремясь под предлогом обеспечения безопасности отгородить Гитлера от любых приспешников. В числе прочего было отменено «шествие паломников». Вокруг Оберзальцберга выросла двухметровая стена с двумя диаметрально расположенными воротами, пройти через которые можно было только по специальным пропускам. Охрану несло особое подразделение СС, служащие которого подчинялись не своему номинальному руководству (то есть Гиммлеру), а лично Борману, по своему усмотрению решавшему, кому (кроме официально приглашенных фюрером гостей) разрешен доступ на территорию Оберзальцберга. Инструкция Бормана для охраны гласила, что даже «должность министра не дает права доступа ее обладателю».

Летом 1938 года Гитлер, почтив своим присутствием Вагнеровский фестиваль, проинспектировал войска, провел смотр военно-морских сил и посетил укрепления Западного Вала, а в начале сентября посвятил восемь дней съезду НСДАП в Нюрнберге, куда в те дни устремились миллионы его поклонников. Повсюду фюрера сопровождал коротышка рейхсляйтер с бычьей шеей, которого в лицо знали совсем немногие и место которого в иерархии национал-социалистов

точно не мог определить никто.

На том съезде Гитлер объявил миру о своих правах на Судеты, которые он намеревался «тем или иным способом» отобрать у Чехословакии. Три дня спустя [198] британский премьер-министр Чемберлен приехал в Оберзальцберг в надежде предотвратить угрозу войны.

Это случилось 15 сентября. Весь мир, включая немцев, с тревогой ждал разрешения конфликта. В этот день Борман и Гитлер развлекали себя осмотром роскошного Кельштейна. 16 сентября, когда самолет Чемберлена лег на обратный курс, эти двое вновь отправились в чайный домик, прокатившись по прижавшемуся к крутому склону шоссе, заканчивавшемуся виадуком на высоте 1900 метров над уровнем моря. Тяжелые двустворчатые ворота гостеприимно и плавно раскрылись при их приближении. Они прошествовали по широкому вырубленному в камне скалы ярко освещенному тоннелю, и подъемник, отделка которого тускло поблескивала благородством бронзы, вознес посетителей еще на сто тридцать метров и доставил их прямо внутрь чайного домика, убранство которого явно не соответствовало скромному названию: большая кухня, обеденный зал, кабинет, помещение охраны, ванная комната, погреба, терраса для солнечных ванн, а выше — главная достопримечательность! — просторный круглый зал с огромным камином посередине и высокими расписными окнами, через которые открывалась восхитительная панорама баварских гор. Казалось, «Орлиное гнездо» парило в потоке желтых лучей заходившего солнца.

«Подарок» обошелся в тридцать миллионов рейхсмарок (почти триста миллионов современных германских марок). Уже на следующий день Гитлер с гордостью показывал свой чайный домик Геббельсу, Гиммлеру и британскому журналисту Варду Прайсу, который и описал роскошь внутренней обстановки (германским газетам запретили сообщать о Кельштейне). Еще два дня спустя «Орлиное гнездо» посетила большая группа влиятельных деятелей, которых Борман не счел необходимым перечислять в своем [199] дневнике, ограничившись упоминанием о визите «Риббентропа, Бухлера и других».

Череду посещений прервал новый виток судетского кризиса. Гитлер встретился с Чемберленом, а затем в сопровождении Бормана отправился в Берлин, чтобы подхлестнуть народный энтузиазм в преддверии возможной войны. Вскоре в Мюнхене было подписано соглашение, решившее судьбу Судет, и фюрер взял Бормана в путешествие по присоединенным землям. Сразу по возвращении в Оберзальцберг в середине октября 1938 года

Гитлер возобновил приглашения на осмотр новой игрушки. В число посетителей входили: гауляйтер Мюнхена Адольф Вагнер; принц Гессе, состоявший в родственных отношениях с итальянской королевской семьей; французский посол Андре Франсуа-Понсе, светские беседы с которым доставляли Гитлеру огромное удовольствие; семья Геббельса в полном составе, общая фотография которой в покоях чайного домика призвана была свидетельствовать об окончании размолвки, вызванной скандальным романом рейхсминистра пропаганды с кинозвездой Лидой Бааровой; генералы фон Браухич и Кейтель; Юнита Митфорд, сестра жены лидера британских фашистов Освальда Мосли, мечтавшая стать возлюбленной Гитлера.

К ноябрю лихорадка восхождений на Кельштейн спала: забава утратила новизну. Борман, с гордостью отмечавший в дневнике каждое посещение «Орлиного гнезда», все реже упоминал о проходивших на вершине скалы званых обедах или приемах. Выяснилось, что Гитлеру становилось не по себе от быстрого подъема на лифте, и теперь он наведывался туда лишь в тех случаях, когда желал сделать приятное Еве Браун и Борману. Фюрера постоянно преследовали страхи: он боялся, что разряд молнии может угодить в кабель подъемника в момент подъема, что укрывшемуся среди камней снайперу не составит труда застрелить [200] его в автомобиле, осторожно взбиравшемся к тоннелю.

Впрочем, рейхсляйтер не стеснялся использовать чайный домик по своему усмотрению. Он привозил в Кельштейн как тех, кого хотел удивить, так и тех, кому хотел оказать честь. Если же у него завязывался очередной любовный роман, то на вершине скалы никто не мог помешать свиданию.

В новогоднюю ночь, когда в Оберзальцберге праздновали начало 1939 года, Гитлер и Ева оставили гостей довольно рано. Гости — все те же приближенные фюрера — продолжали развлекаться на первом этаже Бергхофа, и тут изрядно выпивший Борман предложил отправиться в Кельштейн. Отказались только адъютанты фюрера, которые еще занимали достаточно прочное положение и могли позволить себе отклонить предложение рейхсляйтера; прочие же сделать этого не посмели, хотя перспектива поездки по заснеженному серпантину дороги не вызвала восторга.

Процессию автомобилей возглавил Борман, сам севший за руль. На заднем сиденье рядом с огромным проигрывателем, который захватили, намереваясь вволю потанцевать в чайном домике, примостился Линге, а водитель пересел на место пассажира рядом с Борманом. Натужно рыча моторами, машины

поползли наверх. На крутом повороте автомобиль Бормана занесло, он сбил столбики ограждения и не рухнул вниз лишь потому, что врезался в огромный сугроб, нависший над краем пропасти. Машину кое-как вытащили и продолжили подъем, но наверху ждал еще один неприятный сюрприз: снегопад навалил у ворот высокие сугробы, и потребовалось немало сил и времени, чтобы добраться до подъемника. Вконец измученным путникам было уже не до веселья, и все склонялись к мнению, что новый год начался неудачно. Борман же, естественно, так не считал: вся придворная челядь плясала под его дудку — чего же лучше? [201]

Усердно работая локтями

Высшие партийные сановники впервые убедились в реальности карьерного взлета Бормана в дни партийного съезда «Великой Германии». 11 сентября 1938 года, гордо выставив напоказ поблескивающие золотые значки ветеранов нацистского движения, они рассаживались в ложе для почетных гостей в ожидании торжественного парада на Адольф-Гитлерплац в Нюрнберге. По заведенной традиции, рейхсляйтерам отводились места в первом ряду. Неожиданно вперед всех прошел Мартин Борман и расположился на крайнем правом сиденье — наиболее почетном месте, которое прежде всегда принадлежало Роберту Лею, главе организационного отдела НСДАП. Лей одарил Бормана тяжелым гневным взглядом, но не посмел устраивать скандал перед началом торжественной церемонии, — мгновение, доставившее немалое развлечение рейхсляйтерам Вильгельму Фрику и Гансу Франку, по обыкновению занявшим свои места вслед за Леем. О, как дорого пришлось заплатить этим двум ветеранам НСДАП, «неколебимым столпам гитлеровской администрации», за презрительные усмешки, которые они не смогли скрыть при виде грызни двух отъявленных лизоблюдов!

Никто из присутствовавших не посмел выразить возмущение по поводу неподобающего поступка коллеги. Борман же по-хозяйски устроился на почетном [202] месте и окинул шеренгу партийных лидеров твердым и пристальным взглядом сержанта, готового немедленно расправиться с любым недисциплинированным или нерадивым солдатом. Он полностью взял на себя организацию и обеспечение этих восьмидневных партийных торжеств, лично обдумав каждую деталь напыщенного и эффектного действа, главным героем которого выступал сам фюрер. Право на такое доверие Мартин заслужил еще в августе 1935-го, когда Гитлер включил его в состав комитета по подготовке очередного съезда НСДАП. Тогда во время репетиции музыкальной части Гитлеру показалось, что в общем звучании недостает мощи и глубины органа, и Борман взялся за оставшиеся до начала съезда две недели так организовать доставку, установку и настройку органа, чтобы еще осталось достаточное время на репетиции. Удивительно, но он справился и с этим. С тех пор Гитлер неизменно поручал Борману организацию съездов, ибо к каждому партийному сборищу готовилось множество помпезных проектов, требовавших быстрого возведения массивных конструкций.

Все рейхсляйтеры, собравшиеся в тот осенний день в

Нюрнберге, получили достаточные основания опасаться человека, обосновавшегося на правом фланге, ибо, презрев условности сложившейся партийной иерархии, он вступил в противоборство с каждым из них. Еще совсем недавно, в 1934 году, Борман возглавил бюро, в числе прочего взявшееся за те же функции, которые исполняло главное управление кадров. Под предлогом «установления более прочных личных и деловых контактов» он приглашал ведущих партийных функционеров со всей Германии, информировал их о руководящей роли и могуществе бюро Гесса и недвусмысленно формулировал правила игры, от которых зависели перспективы карьеры. Теперь стало ясно: те действия не были пустой угрозой. Отныне [203] судьба партийных деятелей решалась в соответствии с данными и характеристиками, хранившимися в архивах службы Бормана.

Хотя рейхсляйтер Ганс Франк, глава германского министерства юстиции, еще позволял себе шутки по поводу надменности Бормана, его юмор уже не отличался искрометностью. В свое время преуспевавший адвокат возбудил неприязнь к себе начинающего выскочки, пробившегося на пост руководителя нацистской «кассы взаимопомощи», отослав обратившегося за консультацией Бормана к своему молодому коллеге Гейму. Будущего рейхсляйтера смертельно оскорбило столь пренебрежительное отношение замечательного партийного трибуна, ставшего министром юстиции Баварии и главой «Лиги защиты правосудия». Франк слишком поздно разобрался, в какую сторону дул ветер: Гитлер вообще не испытывал симпатий к юристам, ибо правосудие порой мешало его капризам.

В дни проведения упомянутого съезда Франк, как и другие, еще не понимал, что некий начальник штаба по имени Мартин Борман уже приступил к осуществлению программы, целью которой было устранение соперников на пути к вершине партийной иерархии. Беспечный Рудольф Гесс по глупости своей полагал, что пробивной Борман обеспечит соответствующее увеличение влияния и для него. На самом деле Борман ориентировался только на Гитлера и неослабно следил за тем, чтобы переменчивый ветер настроений фюрера наполнял паруса корабля его собственной карьеры.

Гитлер никогда не связывал себе руки ориентирами партийной программы. Франк слишком поздно осознал, сколь губительным может оказаться союз безжалостного и талантливого интригана и симпатизировавшего ему деспота, если оба они в равной степени беспринципны и злопамятны. (В полной мере [204] он испытал на себе результат их сотрудничества в 1942 году, когда разом лишился всех постов и самого своего

ведомства, переведенного в состав партийной канцелярии Бормана.)

Чувствовал ли себя в полной безопасности от происков Бормана Вильгельм Фрик? Они получили почетные партийные значки в один день, но Фрик уже тогда в качестве министра внутренних дел Германии занимал один из важнейших правительственных постов, а в качестве депутата рейхстага был одним из лидеров парламентской фракции НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 года и партийный функционер с большим стажем, он завоевал авторитет как внутри партии, так и вне ее. Вряд ли новичок с несравненно меньшим административным и партийным опытом представлял для него реальную угрозу.

Первый разящий удар Борман нанес Фрику там, где позиции последнего казались абсолютно незыблемыми: среди служащих его министерства. Дело в том, что без благоволения Бормана никто не мог рассчитывать на успешную карьеру в правительстве. Поэтому сотрудники министерства Фрика невольно стали заложниками рейхсляйтера НСДАП.

Борману не составляло особого труда направить гнев фюрера против Фрика, потому что Гитлера высшие правительственные чиновники раздражали, как красная тряпка — быка. Вождь НСДАП презирал систематическую вдумчивую работу всякого рода; вид папок с документами доводил его до истерики. Фюрер приходил в ярость оттого, что, являясь главой государства, он не мог распоряжаться своими подчиненными по собственному усмотрению: закон защищал их права и определял обязанности. Анархист по убеждениям, Гитлер считал всех правительственных чиновников реакционерами.

Таким образом, Борман мог не сомневаться, что любые его критические замечания в адрес существовавшего [205] устройства — шла ли речь о размерах заработной платы, пенсионного обеспечения или о должностных обязанностях государственных служащих — будут благосклонно восприняты фюрером. Теперь рейхсляйтера партии не устраивало просто хорошее выполнение человеком порученной работы. Следующий шаг — потребовать от немца почти религиозного почитания нацистской идеологии. Борман издал инструкцию, согласно которой всякого, кто не разделял принципов нацизма на словах и на деле, следовало уволить. (Это положение было возведено в ранг закона в июле 1938 года, когда Гитлер подписал указ, гласивший: «Служащие, в деятельности которых третий рейх более не нуждается, подлежат увольнению».)

С другой стороны, Борман, формируя мощный партийный аппарат, принимал к себе на службу тех, кого только что изгнал с

государственных постов. Из бывших специалистов министерства юстиции он образовал в бюро Гесса Отдел III, занимавшийся проблемами законодательства, а в политическом отделе (Отдел II, ведавший также архивами личных дел членов НСДАП) создал группу государственного управления. Казалось бы, это могло ослабить его позиции — ведь он раздувал штат ненавидимых Гитлером чиновников, дублировавших работу правительства... Но Борман умело и своевременно сделал упреждающий выпад: он пожаловался фюреру, что вынужден брать на себя невообразимую массу дел, которым недалекие и нерасторопные министерские чинуши Фрика не уделяют должного внимания! Естественно, Гитлер в конце концов внял тем, кто критиковал Фрика, и сместил его с занимаемого поста{30}. [206]

В сентябре 1938 года рейхсляйтеры были поражены шквалом громких почестей, которыми фюрер вдруг стал одаривать этого человека. Они не поняли сути произошедших перемен: Гитлер укрепил свою абсолютную власть, и институт рейхсляйтеров стал для него бесполезным пережитком прошлого. Отныне ему нужны были только беззаветно преданные, подобострастно-покорные последователи, для которых ни одно поручение фюрера не могло быть ни слишком простым, ни слишком сложным, ни слишком необычным, ни слишком неприятным. Приказ фюрера — единственно верный путь, и ради достижения поставленной цели надлежит проявить все мыслимое рвение, а если потребуется — даже немыслимое. Безусловно, в ближайшем окружении Гитлера в полной мере таковым сумел показать себя только тонкий психолог и гениальный бюрократ Борман: верным, надежным, покорным, услужливым, обладающим замечательной практической сметкой и готовым отбросить всякую щепетильность, если это необходимо для исполнения приказа.

Гитлер не раз отмечал, что Борман — единственный в его окружении человек, который ничего не забывает. Он доверял ему более, чем другим, даже в личных делах — а фюрер ревниво оберегал свои тайны и был чрезвычайно щепетилен в вопросах, затрагивавших его происхождение, прошлое, знакомства и отношения с женщинами. «Люди не должны знать, каков я на самом деле, откуда я взялся и из какой семьи происхожу», — говорил он своему племяннику Патрику Гитлеру.

Борман был посвящен во все тонкости этих проблем, ибо именно ему фюрер доверил заметать нежелательные следы прошлого и следить за тем, чтобы все аспекты его личной жизни подавались в нужном свете. 12 марта 1938 года, перейдя границу Австрии (во время аншлюса), Гитлер даже не остановился возле [207] дома, в котором родился. Тем не менее дом надлежало

бережно сохранить, и Борману было приказано выкупить его вместе с расположенным на первом этаже рестораном, поскольку соседство пьяных орд выглядело бы кощунственно. Владельцы, братья Поммер, хорошо сознавали, какого рода недвижимость оказалась в их руках, и постарались как можно выше взвинтить цену. К тому времени они добились солидного положения в обществе и состояли в нацистской партии, но агентам Бормана удалось обнаружить наличие евреев в числе их предков. Тем не менее Борман заплатил им сто пятьдесят тысяч марок — превосходная цена за старую постройку в отнюдь не престижном районе. Сделка состоялась в мае, и дом перешел в собственность... Мартина Бормана! Гитлер не хотел, чтобы дом был как-то связан с его именем или зарегистрирован на балансе НСДАП, ибо со временем это могло бы вызвать у кого-нибудь ненужный интерес или сомнения в законности его прав на обладание оным.

Дом отца Гитлера в Леондинге (на южной окраине Линца), купленный в 1899 году, также перешел под опеку Бормана, которому предстояло многое сделать в Линце. Фюрер вознамерился превратить город, в котором прошли его школьные годы, в «новую жемчужину Дуная». К реализации этих великих замыслов привлекли цвет архитекторов третьего рейха — Германа Гесслера, Родерика Фика и Альберта Шпеера. Гитлер собственноручно готовил эскизы представительских зданий. Средства на работы шли, естественно, из фонда Бормана, откуда, по распоряжению фюрера, финансировались и затраты на собрание картин для городского музея изобразительного искусства.

Но были и такие детали, о которых жителям Линца помнить не следовало: например, об истории амурных похождений отца фюрера, трижды женатого [208] Алоиза Гитлера. Еще были живы члены достаточно респектабельных семей из пригорода Шпиталь, которые могли бы поведать кое-что о семейных тайнах. После аншлюса особенно рьяные журналисты попытались «раскопать» сенсационные материалы, но им вообще запретили что-либо публиковать.

Однажды Гитлеру сообщили, что на одном из домов в Шпитале, где в юности он действительно прожил некоторое время у своего дяди, появилась мемориальная табличка. Взбешенный, Гитлер первым делом позвонил Борману и, шипя от злости, приказал немедленно снять табличку и принять меры к тому, чтобы его имя никогда не упоминалось в связи с этой деревней.

В последний раз Гитлер виделся со своими знакомыми из

Шпиталя в 1918 году во время отпуска. Начав политическую карьеру, он стал отдаляться от свидетелей своего прошлого. Чем успешнее шли его дела, тем больше становилась пропасть между ним и его родственниками. Гитлер считал контроль за своими родственниками особенно тонким и конфиденциальным делом, ибо стремился, чтобы люди как можно реже вспоминали об их существовании.

Религия, основанная на доброте, милосердии и вере в Бога, противоречила стремлениям диктатора, который не желал ограничивать себя какими-либо принципами. Впрочем, притеснению христиан находились и иные причины. Для фанатичных антисемитов непростимый грех христианства состоял уже в том, что корнями своими оно уходило в иудаизм. Да и среди бесхитростных христиан бытовало убеждение, что «евреи распяли нашего спасителя». Борман не придавал особого значения всей этой аргументации, ибо он вообще не давал себе труда задуматься над [209] причинами своей ненависти к евреям. Достаточно было бесконечно повторявшегося, словно заклинание кружащего в магическом танце тибетского монаха, партийного лозунга «Евреи — вот причина наших несчастий».

Как партийный функционер, вышедший из самых низов, он хорошо знал и поддерживал все выдвинутые против евреев обвинения: «вшивые торгаши с Востока», «еврейские эксплуататоры с Уолл-стрит», сионисты и ассимилированные евреи либеральной партии, Талмуд и учение Карла Маркса, — абсурдное нагромождение, призванное доказать существование некоего всееврейского заговора с целью захвата мирового господства. Бормана не интересовало «научное обоснование» расовой политики нацистского режима. Все, что Мартин знал о расах, он почерпнул из «Штурмер» и «Фелькишер беобахтер». О своей принадлежности к антисемитской организации (в начале двадцатых годов) он упоминал в анкетах лишь для того, чтобы подтвердить свой статус «старого борца». Впервые Борман соприкоснулся с практикой нацистского расизма, когда понадобилось принять меры, чтобы помешать евреям менять фамилии (одновременно возникла сопутствующая проблема: как быть с «арийцами», фамилии которых походили на еврейские?).

Во многих (особенно крестьянских) семьях, в «чистоте» немецкой крови которых сомневаться не приходилось, сохранилась давняя христианская традиция нарекать детей именами из Ветхого Завета. Следовало ли заранее оградить их от подозрения в принадлежности к племени «детей израилевых»? Истинный прагматик и прожженный бюрократ, Борман сразу предложил соответствующий способ: узаконить правило, согласно

которому в личных документах каждого еврея к имени надлежало добавить обязательное дополнительное имя, в качестве которого он предложил использовать [210] «Ид» — от названия еврейского языка идиш{31}.

Следует отметить, что до войны антисемитская деятельность Бормана была не столь заметной по сравнению с «вершениями» некоторых других нацистских лидеров: в проведении этой кампании Борман, верный правилу «всегда держаться в тени», оставил сомнительную громкую славу своему другу Гиммлеру и его тайной полиции гестапо, долгое время умело скрывавших свою непопулярную деятельность за завесой полной секретности. Борман вновь активно включился в дело лишь после того, как обнаружил лазейку, которая позволяла евреям ускользнуть от пресса антисемитского законодательства: он вдруг осознал, что правительственные чиновники по-прежнему обращаются за помощью к еврейским докторам и покупают лекарства у еврейских фармацевтов. Рейхсляйтера НСДАП более всего шокировало то, что государство косвенно обеспечивало последним субсидии в виде компенсаций, выдаваемых служащим на лечение. Министр внутренних дел немедленно выпустил приказ о запрещении финансирования евреев за счет средств налогоплательщиков. В этот всеобъемлющий список попали даже еврейские похоронные агентства.

Борман не участвовал в погромах и расправах над евреями. Однако невозможно поверить, будто он ничего не знал о подробностях «спонтанных» акций (нет сомнений, что в действительности они были заранее спланированы и продуманы до мельчайших деталей). [211] Непосредственными исполнителями этих преступлений были члены СА, СС и группы политических лидеров, нарядившиеся в одежды уличных хулиганов. Геббельс, Гиммлер и ставший впоследствии шефом службы безопасности Рейнхард Гейдрих плели паутину террора с ведома Гитлера, без согласия которого они никогда не решились бы на осуществление «операций», заставивших мир содрогнуться от ужаса. Другими словами, «левая рука» Гитлера — Борман обрел все атрибуты «правой руки» несколько позже — была хорошо осведомлена об этих планах{32}.

Вечером 9 ноября 1938 года, то есть в день убийства в Париже Эрнста фон Рата, Борман участвовал в совещании лидеров НСДАП, проходившем в Мюнхене и посвященном очередной годовщине «пивного путча» 1923 года, когда пришло сообщение об охватившей всю страну охоте на евреев. Для большинства присутствовавших новость стала полной неожиданностью. Поздно ночью Геббельс объявил: выступление

оказалось настолько мощным, что правительство и партия не смогут его подавить. Полиции было приказано не вмешиваться, а армейским патрулям разрешалось открывать огонь только в тех случаях, если опасность угрожала государственной собственности.

Днем 10 ноября Геббельс получил донесение о том, что среди пострадавших евреев есть убитые и что ситуация может выйти из-под контроля, если не предпринять срочных мер. Рейхсминистр пропаганды распорядился, чтобы обозреватели, готовившие сообщения о погромах, ни словом не обмолвились об убийствах, поскольку это неизбежно привело бы к новым тысячам жертв в ближайшие дни. [212]

Сначала Борман выжидал, позволяя волне террора набрать силу. Лишь в третьем часу ночи он приказал сотрудникам своего штаба срочно разослать гауляйтерам распоряжение, запрещавшее поджигать магазины евреев: в отличие от синагог в магазинах находились драгоценности и ценные товары, которые не следовало бездумно уничтожать накануне неудержимо надвигавшейся войны. В дневнике Бормана эта дата отмечена лишь кратким описанием торжественной церемонии, а страничка следующего дня и вовсе осталась пустой. Что ж, рейхсляйтер НСДАП еще раз подтвердил свое мастерство, не оставив документальных подтверждений своей причастности к организации небывалой по размаху акции геноцида. Он не завидовал Геббельсу, которому Гитлер отвел в этом спектакле роль фигуры переднего плана: рейхсминистр пропаганды стремился обелить себя после скандальной любовной интрижки с Лидой Бааровой. Всего три недели минуло с тех пор, когда только личное вмешательство фюрера (и Борман при сем присутствовал) спасло семью Геббельса от развода.

10 ноября гауляйтеру Дассау Рудольфу Йордану, приглашенному в Мюнхен на празднества, сообщили, что рейхсляйтер Бух намерен возбудить в партийном суде дело против всех участников погрома. Внутри НСДАП считали, что судья хватил чересчур, но остановить истового фанатика правопорядка не представлялось возможным. На заклание ему выдали группу наиболее жестоких и неумелых бандитов. В течение нескольких недель особый еврейский сенат рассматривал шестнадцать случаев откровенно зверских расправ. Из тридцати членов НСДАП, оказавшихся в числе подозреваемых, четверо были исключены из партии и взяты под стражу — но не за избиение и изнасилование женщин (в числе жертв была тринадцатилетняя школьница), а за совершение расового преступления: совокупляясь с еврейками, они [213] оскверняли

германскую расу! Еще двое получили партийные взыскания и были понижены в должности за соучастие в зверских убийствах. Остальные обвиняемые, тоже замешанные в убийствах, согласно заключительному приговору, освобождались от ответственности или получили минимальные условные сроки. Это означало, что они стали неподсудными для государственной системы юстиции.

Тем не менее Гитлер и его ближайшие сподручные едва сдерживали гнев, читая заключение Буха. Как оказалось, верховный судья вынес оправдательные приговоры, исходя из предпосылки, что нельзя отправлять на виселицу бандита-подчиненного, не осудив бандита-главаря. Юридически невиновность второго является оправданием первого. Таким образом, в отчете Буха содержалось признание того факта, что главная вина лежит на лидерах партии. Заключение суда гласило, что «организаторы, очевидно, предвидели результаты операции». Если кого-то следовало наказать за случившееся, то на скамье подсудимых в первую очередь должны были оказаться именно вдохновители акции. Нет смысла говорить, что этого не случилось.

10 ноября, когда немцы пребывали в шоке, узнав о размахе ночной расправы, учиненной по указанию высших политических кругов, Борман — по распоряжению фюрера — отправил письмо Герингу. Гитлер предпочел остаться в стороне от трагических событий, поручив Герингу разобраться с еврейским вопросом и «так или иначе уладить эту проблему».

12 ноября состоялось совещание, на котором присутствовали все ответственные лица, кого в той или иной мере касались прокатившиеся по стране погромы: Геринг, Геббельс, министр экономики Вальтер Функ, министр финансов граф Лутц Шверин фон Крозиг, несколько государственных секретарей, шеф службы безопасности Рейнхард Гейдрих и представители [214] министерства воздушного транспорта. Они обсуждали методы и средства, которые позволили бы... лишить евреев собственности! И вообще следовало договориться, что делать с ними потом.

А Гитлер и Борман провели день в Бергхофе, уединившись для спокойной и откровенной беседы о сложившейся ситуации. Через два дня они прилетели в Дюссельдорф на похороны посла, убитого в Париже. Вопреки обыкновению, Гитлер не стал произносить пространных речей и хранил молчание в течение всей траурной церемонии.

Теперь первоочередными становились проблемы иного рода. 10 ноября, когда не спал еще накал погромов, Гитлер обратился к руководителям издательств и средств радиовещания с не подлежащим опубликованию посланием, подготавливая их к

грядущим событиям. Заявив о своей приверженности миру, он подчеркнул, что некоторых целей можно добиться только с применением силы. Следовало подготовить немецкий народ к такому развитию событий, то есть к войне. Этой кампании фюрер решил посвятить серию выступлений в разных городах страны в течение первой недели декабря.

На специальном поезде он отправился в сопровождении Бормана осматривать «чешскую линию Мажино» (так Мартин окрестил систему укреплений в Судетах), которая была захвачена без единого выстрела. Следующей остановкой стал Магдебург, за которым последовал Киль. Повсюду Гитлер устраивал смотр войскам и знакомился с новейшим вооружением. Бог войны Марс уже проверял острие ножа; Борман тоже был в полной готовности.

1 февраля 1939 года кадровая служба СС прислала Борману, уже ставшему группенфюрером СС, анкету с грифом «Секретно», в которой среди прочих вопросов значился пункт, требовавший указать место назначения в случае объявления мобилизации. Рейхсляйтер [215] НСДАП собственной рукой начертал: «Вопрос не имеет смысла, поскольку в момент начала войны я непременно буду рядом с фюрером». Такое утверждение могло означать только одно: идею развязывания войны фюрер разрабатывал именно с Борманом.

Что касается Буха, то последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стала «ночь битых стекол» 9 ноября 1938 года, когда по всей стране молодчики громили синагоги и магазины торговцев-евреев. Толпы вандалов воспользовались возможностью обогатиться посредством грабежей. Партийному суду было поручено воздать мародерам по заслугам. Бух справедливо полагал, что главный груз ответственности за волну преступлений должен лечь на вдохновителей погромов, первым в ряду которых был, конечно, Геббельс. Получив отказ в возбуждении такого расследования, он вновь отправился в путешествие — на сей раз в Южную Америку.

Отныне амбициозному зятю такое родство стало явно неудобным. Буху было отказано в доме Борманов, как и фрау Бух, которая поддержала мужа. Герда же приняла сторону своего супруга и подчинилась требованию Мартина прекратить поездки к родителям. Правда, такое решение далось ей нелегко, о чем свидетельствует содержание писем, в одном из которых она писала: «Брак детей — потеря для их родителей. Думаю, я пролью немало тайных слез, когда наши дочери будут выходить замуж. Они уйдут за мужьями, чтобы разделить с ними дальнейший жизненный путь...» Впрочем, Герда иногда разговаривала с матерью по телефону, но звонила ей в Аммерзее, лишь когда

была уверена, что Вальтера Буха нет дома. [216]

Если Борман в чем-то завидовал тестю, то только той атмосфере священнодействия, в которой проходили процессы, и почету, воздаваемому верховному судье. Бух появлялся перед собранием в торжественной алой мантии, с особой серебряной медалью — символом его высокой должности — и «Орденом Крови» на груди. Этим орденом были награждены все участники неудавшегося «пивного путча». На словах Борман утверждал, что ему не нужны награды, но на самом деле просто не мог претендовать на почетный нацистский орден. Во время встречи Гитлера с итальянскими единомышленниками последние повесили на шею Борману пару орденов, которые он никогда не надевал, поскольку, очевидно, не считал их достаточно высокой наградой. В письмах жене он объяснял это все той же позицией: кто служит фюреру, тот может принимать награды только от него. Однако в глубине души Борман страстно мечтал об «Ордене Крови»... и получил его! В мае 1938 года, после аншлюса Австрии, дабы воздать должное австрийским соратникам, Гитлер издал указ, согласно которому почетным орденом награждались и те, кому пришлось отсидеть в тюрьме не меньше года за политические убеждения. Означенный срок как раз подходил для Бормана (многие считали, что именно он готовил этот указ). Выходило, что интересы НСДАП в Пархиме заключались в том, чтобы осуществить самосуд «Feme» и убить сельского учителя. Причем Борман в то время не числился сторонником Гитлера, а состоял в народной партии. Награду и удостоверение он получил из рук самого фюрера 5 сентября 1938 года на церемонии открытия партийного съезда в Нюрнберге. Борман был поистине счастлив и чувствовал себя причисленным к высшему ордену избранных, к тому же отныне тесть не имел перед ним преимущества в этом отношении. [217]

* * *

В дни Нюрнбергского процесса бывший верховный судья НСДАП Вальтер Бух на вопрос, был ли его зять «отвратителен, как человек», ответил: «По-моему, он просто обезумел». По мнению Буха, таким образом на нем отразилось многолетнее балансирование на самом острие пирамиды нацистской иерархии. Впрочем, Бух с самого начала должен был заметить страстное стремление Бормана к власти, а позднее — злоупотребления полученными полномочиями. Борман готов был беспрекословно и точно исполнить любой приказ фюрера и

превращался в беспощадного тирана, едва власть оказывалась в его руках. Такой образ действий распространялся и на его отношение к семье: вскоре после сенсационной «свадьбы под сенью свастики», которую почтил своим присутствием фюрер, в Мюнхене утвердилось мнение, что Герде не очень повезло с мужем.

Вальтер Дарре, рейхсляйтер сельского хозяйства, однажды вместе с супругой нанесший Борманам визит по приглашению Мартина, очень сочувствовал Герде, отмечая «оскорбительно грубое обращение Бормана с женой в присутствии гостей».

Это событие имело место в годы пребывания Бормана на посту руководителя партийной «кассы взаимопомощи», причем с подъемом Мартина в верхние эшелоны власти в семейных отношениях перемен не произошло. Общество в Бергхофе было шокировано обыкновением Бормана подзывать жену щелчком пальцев и постоянным требованием «поживей!» (одно из самых любимых его выражений, наряду с «мигом!» и «бегом!»). По-видимому, жена и домочадцы вздыхали с облегчением, когда он выходил из дому или был в отъезде.

Однако именно благодаря складу характера Герды этот брак нельзя было назвать несчастливым. Как отмечал [218] Борман, к моменту замужества она уже стала «закоренелой» национал-социалисткой. На этот путь ее наставил отец, и она всегда следовала его примеру. Затаив дыхание, словно прилежная школьница, внимала она тирадам нередко гостившего в их доме Гитлера, усваивая его идеи о предназначении немецкой девушки: верная подруга своего мужа, хранительница домашнего очага, заботливая мать.

Герда испытывала потребность в мужской руке, которая управляла бы ею. Ее святая троица выглядела так: Гитлер, отец и муж. Только этим и объясняется покорность и легкость, с которой она воспринимала постоянные властные окрики Бормана и его грубость. Речь Гитлера на конференции женской национал-социалистской организации привела Герду в восторг. Фюрер объявил, что «выражение «эмансипация женщин» — гнусное изобретение евреев» и что дело мужчины — государство, а дело женщины — забота о семье, о муже, о детях и о доме. Герда Борман сожалела лишь о том, что не смогла присутствовать на конференции, поскольку совсем незадолго до того родила четвертого ребенка.

Ведение домашнего хозяйства не являлось ее сильной стороной. В одном из писем мужу она даже заботливо интересовалась, достаточно ли хороша его очередная любовница в роли хозяйки (за годы их совместной жизни Мартин Борман

сменил несколько «официальных» любовниц). Брат Герды отмечал, что она не наделена особыми талантами в делах практических.

Ее отец, бывший армейский офицер, чувствовал в себе склонность к преподавательской работе и через несколько лет после окончания первой мировой войны даже собирался открыть частную школу. По-видимому, этот период оказал заметное влияние на Герду, и она стала воспитательницей в детском саду. Больше всего ей нравилось заниматься с детьми рисованием, [219] рассказывать им сказки, разучивать народные песни и просто играть. Она не претендовала на установление своих внутрисемейных правил и норм поведения — это право полностью принадлежало главе семьи. В одном из писем матери Мартин упомянул и об этом: «Ведение дома, управление слугами, обучение детей — все делается в соответствии с моими указаниями, которым Герда должна следовать неотступно!»

Мартин Борман почти никогда не брал с собой жену на торжественные приемы или фестивали, проходившие обычно в Берлине и Мюнхене, хотя, по заведенной традиции, прочие рейхсляйтеры появлялись там в обществе супруг. Тот факт, что она с редкостным постоянством рожала раз в два года, отнюдь не является тому приемлемым объяснением. С одной стороны, ему не хотелось появляться в кругу избранных рядом с супругой, которая была намного выше его ростом. С другой стороны, Борман сомневался, что она сумеет достойно держаться в таком окружении и поддерживать беседу. И наконец он не раз замечал, что внимательный слушатель даже из пустой болтовни может выудить немало компрометирующей информации. Возможно, именно этим объяснялся тот общеизвестный факт, что даже в узком кругу Герда в основном слушала и очень редко вступала в разговор. Несмотря на успешную карьеру мужа, она оставалась скромной (Шпеер даже назвал ее «запуганной») домохозяйкой. По воспоминаниям Шираха, он только однажды видел Герду в обществе жен ближайших соратников Гитлера: «Они стайкой уютно устроились у камина, но за весь вечер Герда не произнесла ни слова. Она зарекомендовала себя молчуньей, за что Гитлер очень ее уважал». Уважение фюрера выражалось в том, что ей одной он не забывал ежегодно посылать ко дню рождения огромный букет роз. [220]

То ли от своего фотографа Хофмана, то ли от Евы Браун Гитлер узнал, что его верный «цербер» не утруждает себя обетом верности жене. Борман не пропускал ни одной молоденькой и симпатичной актрисы, без промедления предлагал интимную близость и зачастую добивался успеха, — в те годы вряд ли кто-

нибудь осмелился бы влепить пощечину человеку в чине рейхсляйтера. Впрочем, если кто-то полагал, что подобные сведения опорочат в глазах фюрера его доверенного слугу, он явно просчитался. Наоборот, Гитлер сомневался в тех, кто был очень привязан к своей семье, поскольку такая привязанность делала человека уязвимым для угроз и шантажа со стороны врагов, превращая его в ненадежного союзника. Однако диктатор не мог понять, почему так спокойно относится к изменам мужа Герда, узнававшая об этих эскападах от самого Мартина. Просто она считала такое поведение непременным качеством настоящего мужчины и не сомневалась, что в итоге он останется с ней, как с матерью его законнорожденных детей, — и оказалась права.

Кроме коротких увлечений у Мартина была и постоянная любовница — актриса Маня Беренс. Герда, не оспаривавшая права мужа на двоеженство такого рода, относилась к ней даже с симпатией. Более того, она укоряла Беренс в излишней робости и стеснительности. Впрочем, именно эти ее черты и привлекали Бормана. Он признавался, что слабое сопротивление Мани Беренс не просто распаляло его, а сводило с ума от возбуждения: он набрасывался на нее зверем и буквально насиловал. Герда сама предложила Мартину чередовать двух жен так, «чтобы один год рожала одна, другой — вторая», и тогда у Бормана «всегда будет постоянная партнерша». [221]

Против христиан и евреев

Выпады против церкви, произвол нацистских заправил вызывали среди рядовых граждан праведное негодование. «Если бы об этом узнал фюрер!» — наивно восклицали они. Даже многие министры полагали, что Борман притесняет христиан без ведома Гитлера{33}.

На самом деле Борман без труда «подобрал ключик» к Гитлеру и в этом вопросе. Как правило, он использовал свой излюбленный, многократно проверенный способ. За общей застольной беседой в кругу приближенных фюрера религия не была привычной темой. Однако время от времени кто-нибудь вскользь упоминал о каком-нибудь неприглядном случае, связанном с духовенством. В обычном для праздной болтовни беспорядочном перескакивании с одной темы на другую не было ничего удивительного (если Борман торопился, он не ждал случайного упоминания о [222] делах религии, а поручая соответствующую роль кому-нибудь из преданных ему участников застолья). Заинтересовавшись, фюрер спрашивал о новых подробностях, и тогда Борман отвечал, что в данный момент не имеет достаточно полной информации по этому вопросу, чем еще больше заинтриговывал нетерпеливого хозяина, заставляя его дожидаться ответа. Впоследствии, в часы работы, он представлял Гитлеру присланную по телетайпу подборку донесений, освещавших проблему в нужном для рейхсляйтера НСДАП ракурсе. «Когда-нибудь я брошу другие дела и сведу счеты с церковью. Они все будут болтаться на веревках!» — грозил фюрер в ярости.

Из личных бесед с Гитлером Борман знал, что тот видит в религии лишь одно из средств достижения цели. Если церковь согласится служить его целям — священники станут для него друзьями, если откажется — будут врагами. Фюрер готов был поддерживать их веру ровно настолько, насколько они поддерживали его власть. Однако после победы в войне Гитлер собирался окончательно избавиться от духовенства; тезисы соответствующего содержания (подготовленные Борманом) уже хранились в сейфе партийной канцелярии. Поскольку тезисы представляли собой не программную речь, а пункты плана, никто не смог бы обвинить рейхсляйтера НСДАП в ведении собственной политической игры. А Гитлеру он вновь сказал бы (такое уже срабатывало не один раз), что им руководило желание наилучшим образом подготовить необходимую информацию, но писать саму речь он не посмел, якобы опасаясь допустить какую-

нибудь тактическую ошибку. Этот маневр они освоили к обоюдной выгоде, что делало слугу еще более незаменимым. Борман был той ищейкой, которая слушалась только хозяина и на которую господин, в свою очередь, просто не мог сердиться. Министр по делам германской прессы Отто Дитрих, завсегдатай застольных [223] бесед у Гитлера, отмечал, что фюрер не только никогда не сдерживал Бормана, но даже старался его раззадорить. И хотя сам фюрер оставался католиком и посещал праздничные службы, партийные функционеры дружно отрекались от церкви и усиливали давление на духовенство.

* * *

Зная истинную позицию фюрера в вопросах религии, Борман счел своим долгом добиться от правительства проведения той же линии. Все большее раздражение вызывало у него долготерпение министра по делам церкви, католика Ганса Керла (ему часто доставалось и от протестантов), который игнорировал политику НСДАП. Раздумывая над методами борьбы против религии, Борман пришел к выводу, что стоит перекрыть источник поступления новой смены духовенства — и церковь сама угаснет. Еще в начале 1939 года он обратился к рейхсминистру образования Бернхарду Русту с требованием закрыть теологические факультеты при университетах под тем предлогом, что теология не прививает либеральных воззрений и научных знаний, служит интересам одной лишь церкви. Борман заявил: обстоятельства изменились, и молодым людям следует прежде всего готовиться к достойному исполнению воинского долга и к напряженному труду ради экономического процветания страны. Поскольку теологические факультеты не способствовали ни первому, ни второму, их надлежало упразднить вовсе.

На письме Русту стоял гриф «Секретно», чтобы не только избежать конфликта с законом (право церкви на осуществление богословского образования было закреплено соглашениями и договорами с правительством), но и предотвратить возмущение широких масс, которое могла повлечь за собой огласка содержания [224] послания. Ведь даже те, кто поддерживал с церковью только символические связи, не испытывали симпатий к радикализму новых безбожников. Оказавшись между молотом и наковальней, Руст попытался отсрочить принятие решения. Он знал, что может рассчитывать на поддержку Геринга и — в определенной степени — Геббельса, а также ряда деятелей из второго эшелона партийной элиты. Борман же полагался на

содействие Розенберга. В апреле 1939 года он сообщил Розенбергу, что Руст согласен закрыть теологические факультеты в Инсбруке, Зальцбурге и Мюнхене (относительно факультетов в этих городах соглашений с правительством не существовало), а прочие — объединить в более крупные. Впрочем, через несколько месяцев началась вторая мировая война, и все прочие проблемы отошли в тень. Фюрер дал понять, что теперь не время понапрасну расходовать духовные силы немцев.

20 марта 1939 года Борман направил Русту пространное письмо (на пяти страницах) об отношении государственной школы и церкви. Стиль этого послания был гораздо более решительным и требовательным, чем в предыдущем случае, ибо влияние рейхсляйтера НСДАП неуклонно росло. Он рекомендовал молодому поколению «великого рейха» то же самое, на что наставлял своих детей: полное отречение от христианской идеи.

Борман, в частности, требовал, чтобы богословию отводили не более двух часов в неделю, причем ставили их только первым или последним уроком. Содержание материала в рамках курса богословия следовало привести в соответствие с партийной идеологией. Таким образом, обучать собственно христианской религии вообще запрещалось. В конце письма Борман откровенно пояснил, что НСДАП не видит необходимости в обучении молодежи христианским обычаям и что преподавание богословия в школах не запрещено [225] только из-за некогда подписанного с церковью соглашения. Изданные Борманом инструкции и приказы не оставляли сомнений в том, что он считал религию вредной. Институт школьных священников был упразднен. Представителям духовенства запретили отправлять своих детей для получения религиозного образования в те немногие места, где сохранились приходские школы. Из классов убрали изображения распятия, дабы их наличие не вызвало в будущем «политических проблем, последствия которых несопоставимы с трудностью этого шага».

Русту, настроенному недостаточно радикально, вновь дали понять, что сказано слишком много слов и теперь пришла пора действовать. Из-за медлительности министра к осуществлению перечисленных мер стали привлекать местную полицию. Руста же предупредили, что необъяснимая задержка уже начала вызывать подозрение гестапо. Министр понял: его жизнь оказалась под угрозой, ему остается только подчиниться и проявить себя последовательным и ревностным членом НСДАП.

Что касается министра по делам церкви Ганса Керла, то Борман не воспринимал его всерьез. Керл разрывался на части в тщетных попытках установить баланс между радикальными

антихристианами из НСДАП, сочувствующими нацизму христианами и упорствующей церковью. Его министерство постепенно превратилось в небольшое бюро, а сам министр оказался не в силах что-нибудь исправить. Однако он не хотел сдаваться и, не желая присоединиться ни к одной из сторон в ущерб другим, издал в небольшом агентстве книгу «Вероисповедание и религия», в которой изложил свою точку зрения. Не прочитав из этой книги ни строчки, в октябре 1939 года Борман продиктовал письмо Керлу, обвинив автора в недопустимо грубом вмешательстве в область, находившуюся под юрисдикцией партии, и в попытке по собственному [226] усмотрению провести границу между полномочиями партии и церкви. Рейхсляйтер объявил ошибкой излишне поспешное опубликование книги, противоречившей линии НСДАП, и сообщил, что представит ее на рассмотрение Гитлера, ибо только фюрер вправе принимать решение о том, допустимо издание такого труда или нет.

Не трудно было догадаться, что Гитлер наложит запрет. Однако сам Керл уже не мог предотвратить распространение книги, и приказ конфисковать все экземпляры получил Гиммлер. Геббельсу пришлось дать письменные заверения в том, что сотрудники его министерства не принимали участия в издании книги. Никто не протянул Керлу руку помощи, ибо все поняли: как политический деятель он более не существует. Два года спустя, когда Керл умер (до конца сохранив за собой пост министра), Гитлер приказал воздать почести в соответствии с его высокой должностью, однако сам на похоронах не присутствовал.

В конце 1939 года опальный министр по делам церкви оказался полезным Борману. Розенберг решил, что наступил удобный момент самому занять место проповедника нацистской идеологии, таким образом еще дальше распространив свои полномочия «представителя фюрера по вопросам просвещения и вероисповедания». Он хотел расширить и усилить свое влияние, достичь уровня члена правительства. Название будущей должности в его мечтах звучало поистине величественно: «уполномоченный по защите национал-социалистского вероучения». Однако это было посягательством на вотчину Бормана. Сначала Гитлер, верный своей тактике, не препятствовал Розенбергу. Начальник рейхсканцелярии Ганс Ламмерс получил указание подготовить предварительный проект о полномочиях нового ведомства. В декабре 1939 года девять министерств, интересы которых затрагивало [227] это нововведение, получили копии проекта. Уже на следующий день от министров (естественно, к ним присоединился и Борман)

поступило столько критических замечаний, что проект пришлось полностью переделывать. В феврале 1940 года его рассмотрели на правительственном совещании, причем теперь в обсуждении участвовали представители пятнадцати министерств. Именно Керл предостерег собравшихся, что назначение Розенберга, пользовавшегося в широких кругах репутацией ярого противника христианства, вызовет серьезное недовольство общественности. Немало споров вызвал вопрос о сфере деятельности нового ведомства. После одиннадцати дней жарких дискуссий Борман праздновал триумф: Розенберг повержен! Рейхсляйтер НСДАП сохранил свою роль в вопросах, связанных с вероисповеданием, во многом благодаря Керлу. Ламмерс сообщил Борману, что «Гитлер согласился с доводами министра по делам церкви», и не подписал декрет. Да и зачем? Почти неизвестный широкой публике — и потому остававшийся вне подозрений — Борман неусыпно следил за настроениями христиан и всегда умел повернуть дело так, как в данный момент было удобно фюреру.

В «Заявлении начальника штаба заместителю фюрера» от 20 февраля 1939 года Борман манипулировал гауляйтерами и прочими высокими партийными чинами, словно пешками на шахматной доске. Так, два впавших в немилость гауляйтера «восточных земель»{34} вскоре оказались изгнанными с высоких постов. Оба — истовый лютеранин, министр образования и гауляйтер провинции Южный Ганновер — Брюнсвик Бернхард Руст и набожный католик гауляйтер Южной Вестфалии и Силезии Йозеф Вагнер принадлежали [228] к когорте ветеранов НСДАП и дерзнули отказать Борману в признании его главенствующей роли. Впрочем, если Вагнера удалось сослать на должность уполномоченного по ценообразованию (к тому времени это ведомство тоже подчинялось непосредственно Борману), то Бернхард Руст продержался в кресле министра до 1940 года.

Шеф организационного отдела НСДАП Роберт Лей вынужден был признать превосходство Гесса как официального заместителя фюрера. Однако он считал недопустимым, чтобы в решении кадровых и политических вопросов конкуренцию ему составлял еще и начальник штаба, учрежденного при заместителе фюрера. В конце 1939 года Лей разразился длинным письмом в адрес Гесса, подчеркивая, что во избежание хаоса каждому рейхсляйтеру необходимо строго придерживаться рамок собственной юрисдикции. «Как заместитель фюрера, Вы занимаете руководящее положение по отношению ко всем рейхсляйтерам, но эти должностные права отнюдь не делегируются чиновникам Вашего аппарата. Поднятый мною вопрос требует принятия решения лично Вами, поскольку не может находиться в

компетенции политических руководителей одного со мною ранга».

Лей не преминул напомнить, что, вопреки сложившейся системе, «Борман создал при аппарате заместителя фюрера те же отделы, которые к тому времени уже давно и успешно функционировали в структуре моего штаба». Он также подчеркнул, что под угрозой оказалась эффективность механизма власти, основанного на институте рейхсляйтеров. Причиной тому стали действия Бормана, который переманивал в свой партийный штаб всех специалистов высокой квалификации, хотя многие из них даже не являлись [229] членами НСДАП. Лей надеялся остановить соперника, добившись от заместителя фюрера четкого определения сферы деятельности его бюро. Однако, несмотря на то, что письмо было адресовано лично заместителю фюрера, две недели спустя ответ составил именно Борман.

Борман напомнил, что фюрер располагает неограниченной властью во всех областях — значит, в делах партии то же справедливо для заместителя фюрера и штаба, претворявшего в жизнь его распоряжения. Словом, никто, кроме Гитлера и Гесса, не имел права отдавать приказы Борману. На этом основании он отказался составить для Лея схему разделения полномочий. Кроме того, Борман отметил, что имена собранных им специалистов хорошо известны, но не подлежат оглашению, ибо на список сотрудников бюро Гесса наложен гриф «Совершенно секретно». Его ничуть не беспокоили протесты Лея, о котором он как-то написал в дневнике: «Ну что взять с сына торговца скотом?» По мнению Бормана, человек столь низкого происхождения был не многим лучше еврея.

* * *

После начала войны Геринг и Фрик попытались помешать усилению влияния Бормана в областях, находившихся под их юрисдикцией. Как председатель совета обороны третьего рейха, Геринг издал постановление, согласно которому партийным лидерам от крейсляйтеров и ниже рекомендовалось «воздерживаться от вмешательства в дела правительства». Однако уже четыре недели спустя Борман разослал крейсляйтерам и гауляйтерам «секретную директиву», объявлявшую указ Геринга не имеющим силы.

К тому времени Борман уже взял верх в конфликте между гауляйтерами и обер-президентами. Он инспирировал ряд обращений гауляйтеров, возмущенных [230] вмешательством

обер-президентов в дела политического свойства, и сообщил об этих жалобах Гитлеру. В мае 1939 года Фрик получил от Бормана указание, выдержанное в твердом, безапелляционном тоне. В этом послании рейхсляйтер НСДАП напоминал, что именно на гауляйтеров фюрером возложена ответственность за состояние общественной морали в подчиненных им округах, а потому только гауляйтерам позволено принимать решения политического характера. Если же по какому-то аспекту представители правительства и партии не могут прийти к соглашению, «окончательное решение проблемы передается на рассмотрение заместителя фюрера, как руководителя правительства по вопросам общественного управления».

Тем самым Борман обеспечил Гессу (и себе) право отдавать приказы высшим чиновникам из аппарата Фрика. В итоге он также прибрал к рукам гауляйтеров, которые теперь при всяком конфликте с правительственной стороной обращались к нему за поддержкой, как к высшему начальству. Министр внутренних дел оказался не в силах противостоять Борману, поскольку не мог определить, в каких случаях тот по-своему трактовал те или иные устные высказывания фюрера, а в каких — исполнял его прямые указания. Фрику было на что пожаловаться Гитлеру, но у ворот неусыпно нес вахту Борман, старательно ограждавший хозяина от встреч со своими недругами.

* * *

В конце 1939 года Борман в последний раз объединился с Бухом во время разбирательства по делу Юлиуса Штрайхера. Последний всегда был одной из наиболее отталкивающих фигур в НСДАП: жестокий садист со сверкающей лысой головой, который, подобно Гитлеру в «период борьбы», всегда ходил с намотанным [231] на запястье кожаным кнутом и непременно выступал с антисемитских позиций на нацистских сборищах и со страниц своего еженедельника «Штурмер», обвиняя евреев в развратности и скупости, и призывая обеспечить «арийцам» исключительные права в области коммерции.

В центральное бюро НСДАП непрерывно поступал мощный поток жалоб на этого монстра, и Рудольф Гесс вынужден был принять меры, чтобы положить конец скандалу. Хотя Гитлер полностью развязал руки гауляйтерам, позволив им всякими способами наполнять карманы (мол, «по закону природы» сильнейший берет все, что хочет), при поддержке Буха и Бормана Гесс обратился к фюреру с предложением вынести это дело на

рассмотрение партийного суда. 10 января 1940 года Мартин записал в дневнике: «Фюрер совещался с М. Б. и Либелем о Штрайхере» (Либель был бургомистром Нюрнберга и враждовал со Штрайхером).

В этом деле Бормана заботила не справедливость и не имидж партии: он увидел прекрасную возможность продемонстрировать упорствовавшим гауляйтерам свою силу. Следовало показать им, что даже Штрайхер, неоднократно заслуживавший похвалы из уст самого Гитлера, не в состоянии уйти от длинных рук Бормана. Партийный суд под председательством Буха лишил обвиняемого всех постов и наград. Такой итог не устраивал Гитлера, вознамерившегося отменить решение и отстранить «старого дурака» Буха. Однако Борман воспрепятствовал осуществлению этих мер (подобный поворот событий подорвал бы полученный им престиж), сумев переубедить фюрера (эта беседа, состоявшаяся в Мюнхене, отмечена в его дневнике датой 16 февраля 1940 года). [232]

Гроза над Европой

Погожим августовским днем, пока Гитлер наслаждался оперой, Борман усердно работал с документами, удобно устроившись в домике для гостей. Опера навевала на него дремоту, а долгие музыкальные драмы Вагнера — тем более. Рейхсляйтер НСДАП считал присутствие на традиционном представлении «Мейстерзингеров» во время ежегодного партийного съезда более чем достаточным для себя. Уже тогда он знал то, о чем остальные могли только догадываться: вот-вот должна была разразиться отнюдь не театральная всемирная драма. Начинался август 1939 года.

Через день фюрер со всей свитой отправился в Нюрнберг, где Борман продемонстрировал ему почти законченный новый комплекс помпезных сооружений, возведенных к очередному съезду НСДАП.

На следующее утро они вылетели в Оберзальцберг. Вид первых появившихся в поле зрения горных вершин вдохновил фюрера на принятие рокового решения в выборе между миром и войной. Точнее говоря, он запланировал войну еще в те годы, когда только шел к вершине власти, и теперь раздумывал над дилеммой: начать войну прямо сейчас или позднее.

Год начинался вроде бы мирно. В Берлине прошло торжественное открытие новой рейхсканцелярии с [233] огромными залами. Борман не присутствовал на пышной церемонии для восьми тысяч рабочих в берлинском «Спортпаласе». Тем не менее репортеры называли его среди почетных гостей, причем ставили его имя первым в этом списке.

В середине марта Гитлер серией очередных шагов вновь поднял давление в бурлящем котле мировой политики. Он оккупировал оставшуюся часть Чехии и объявил ее протекторатом Германии, после чего вынудил литовцев уступить Мемель. Было понятно, что следующей жертвой должна стать Польша. Гитлер решал судьбу поляков, уютно устроившись в горном Бергхофе.

Незадолго до этого фюрер присутствовал на торжественном спуске нового боевого корабля «Тирпиц» и инспектировал войска, стянутые в Австрию. Борман неизменно находился рядом с ним. В мае они в течение семи дней осматривали фортификационные сооружения Восточного вала и наблюдали за учениями дивизии СС. В конце июля Гитлер провел секретное совещание в пуллахском доме Бормана, на котором сообщил ближайшим соратникам по партии о намерении заключить договор со Сталиным. Ярый антибольшевик, Борман не мог так быстро

смириться с идеей пойти на компромисс с Советами, даже зная об истинных планах Гитлера. Тем не менее он подчинился воле хозяина. Несколько дней спустя фюрер и его верный слуга любовались демонстрацией мастерства военных летчиков в небе над Рехлином. 8 августа гауляйтер Данцига Альберт Форстер получил приказ превратить тлеющие угли пограничного кризиса с Польшей в большой пожар. 24 августа в час ночи Гитлер получил сообщение, которое ждал с особым нетерпением и которое свидетельствовало о том, что его дьявольское варево замешано и готово к употреблению: в Москве был подписан германско-советский пакт о ненападении. [234]

Вечером следующего дня они уже приехали в Берлин, и Мартин записал в дневнике: «25 августа в Германии началась тайная мобилизация; запланированная на 26 августа сессия рейхстага отменена; съезд НСДАП не отменен, но перенесен на более поздний срок». Для усыпления бдительности противника грядущий съезд пропаганда окрестила «съездом мира». Однако окончательное решение еще не было принято. Фюрера терзали сомнения: бросит Англия Польшу на съедение волкам или вступит в войну?

Депутаты рейхстага, съехавшиеся к началу запланированной сессии, в недоумении ждали объяснений. Наиболее пронырливые попытались узнать что-нибудь у Бормана, но тот не мог ничего ответить, ибо даже сам фюрер еще не поставил все точки над «i». К вечеру 27 августа их собрали в зале приема послов в новой рейхсканцелярии, и к ним вышел Гитлер в сопровождении Бормана, Гиммлера и Геббельса. Фюрер заявил, что, если его требования не будут выполнены, война станет неизбежной и он сам возглавит войска на передовой. Генерал Франц Гальдер, начальник генерального штаба, отметил тогда в своем дневнике: «Все, как водится, аплодировали, но вяло».

Депутаты засобирались по домам; переговоры продолжались, и на Геринга была возложена личная ответственность за исправность межправительственной связи; Борман записал в дневнике: «Хотя переговоры еще продолжаются, тайная мобилизация в Германии идет полным ходом».

30 августа на Гесса — следовательно, и на начальника его штаба — была возложена особая миссия: с учреждением «Совета обороны по обеспечению общего руководства управлением и производством» заместитель фюрера стал одним из шести членов этого органа. Название звучало громко — Гитлер умел эффектно преподнести публике любой свой шаг. Однако когда дело доходило до конкретных мер, название [235] оказывалось всего лишь красочной вывеской, за которой обычно ничего

существенного не скрывалось, ибо право принимать наиболее важные решения фюрер всегда сохранял за собой, а подчиненным предоставлял бороться за сферы влияния. Борман понимал, что новому органу никакой реальной властью обладать не суждено, и даже не упомянул о его учреждении в своем дневнике. А на следующий день, то есть 31 августа, в его записях появилась отметка о завершении мобилизации.

Только теперь (31 августа, 12 часов 40 минут) фюрер подписал «Директиву № 1 о ведении войны» — приказ начать наступление на следующее утро. Это роковое решение фюрер принял единолично, еще раз в полном одиночестве обдумав сложившуюся ситуацию. Он нуждался не в советчиках, а в покорных исполнителях. И Борману бросилось в глаза, что в условиях повышенной нервозности готовность повиноваться фюреру стала поистине всеобщей: вновь созванные, депутаты рейхстага со всех ног поспешили в Берлин. Начало сессии было назначено на 10 часов утра следующего дня. Но уже в шесть часов утра некоторые услышали по радио заявление Гитлера. Итак, кости брошены! В большинстве своем депутаты поздно легли спать (о времени начала сессии им сообщили лишь за полночь) и потому узнали о случившемся из разговоров в фойе оперного театра, где они собрались в ожидании открытия заседания. Борман, хотя был депутатом рейхстага, вошел в зал не вместе с прочими депутатами, а в составе свиты Гитлера. Фюрер облачился в полевую серую форму нацистской партии. Указав на накинутый на плечи солдатский плащ, он с пафосом объявил: «Вот что теперь является для меня самым священным. Я сниму этот плащ только после полной победы или — если суждено погибнуть — не сниму никогда».

В эти критические дни Борман бросал в топку [236] партийной бюрократической машины гораздо меньше документов, чем обычно. Дело в том, что начальник штаба НСДАП заранее сделал все необходимые приготовления к войне и мог позволить себе неотлучно находиться рядом с Гитлером в рейхсканцелярии.

В полдень 3 сентября вместе с рейхсминистрами и бонзами партии он был вызван в приемную фюрера. Главный переводчик Гитлера Пауль Шмидт зачитал ультиматум британского правительства об объявлении войны. За ним последовал ультиматум Франции. Все собравшиеся поняли, что вторжение в Польшу обернулось мировой войной, и очень встревожились, но никто не попытался остановить пугающее развитие событий. Борман же просто не отреагировал на случившееся: он верил в гений своего фюрера.

В ставке объявили приказ Гитлера: штабу приготовиться к передислокации; отъезд состоится этой же ночью. Специальный поезд уже ждал на одном из берлинских вокзалов, чтобы, по заявлению фюрера, сегодня же отвезти его на фронт. Однако сотрудники гитлеровского штаба появились на перроне вокзала лишь в конце первой декады сентября. В одном из вагонов для Бормана был оборудован личный кабинет. Состав тянули два локомотива, а в целях обеспечения безопасности впереди локомотивов и позади вагонов на специальных платформах поставили четырехствольные артиллерийские установки. Жилые апартаменты Гитлера, спальня, ванная и купе для адъютантов располагались в первом вагоне. Затем следовал штабной вагон с комнатой для совещаний и узлом связи, оборудованным телетайпными аппаратами, радиотелефоном и другим радиооборудованием. В третьем вагоне расположился Борман — явное свидетельство его высокого положения. Вместе с тем Мартин не забывал свое старое правило: оставаться в тени. Неудивительно, что в хвалебной реляции шефа [237] германской прессы Дитриха по поводу победы над Польшей фамилия Бормана затерялась где-то в середине почетного списка и была сопровождена куцым комментарием, в котором утверждалось, будто он ведал исполнением приказов фюрера лишь в части, относившейся к юрисдикции партии.

Во время поездки Борман осуществлял координацию действий между всеми задействованными в операции правительственными ведомствами, так как Риббентроп, Ламмерс и Гиммлер ехали другим поездом, а Геринг остался в штабе люфтваффе.

Используя поезд в качестве своей постоянной передвижной базы, верховный главнокомандующий не раз устраивал пикники в компании многочисленной свиты, любуясь ландшафтами покоренной страны, порой затевая пиры в рискованной близости от линии фронта. Впрочем, грозно вооруженные артиллерийские платформы, командование которыми осуществлял генерал Роммель, представляли собой достаточно мощный конвой. Бормана раздражала непривычная толкучка, и он пожаловался на это Роммелю, но тот лишь усмехнулся в ответ: «Я не нянька — если вам все это надоело, можете сойти с поезда!»

Гитлер увлекся военной стратегией. С необычайным вниманием и неподдельным интересом он наблюдал, как набирает обороты военная машина, политика же отошла на второй план. Да и было ли о чем волноваться? Борман отлично справлялся с функциями управленца, уверенно держал руку на пульсе внутриполитической жизни страны. К тому же в последней

речи Гитлер пригрозил гауляйтерам: «Я не потерплю ни одного отчета с сообщением о падении морального духа в тылу!» Программа проста: партийная машина должна работать на полных оборотах; ураганный напор бодрых речей не должен ослабевать; отношение к «ворчунам и нытикам» должно стать нетерпимым. Рейхсляйтерам, гауляйтерам и главам администраций [238] надлежало твердо исполнять свои обязанности и помнить, что состояние войны не дает военному командиру власть над ответственными руководителями партии и правительства.

Борман получил возможность вновь включиться в политическую игру высшего уровня лишь 18 сентября. Гитлер вступил в Данциг как победитель-триумфатор и объявил, что Польша покорена за восемнадцать дней (хотя бои еще продолжались).

Именно в этот период Гитлер решил всерьез заняться проблемой эйтаназии (умерщвление в случае неизлечимой болезни), над которой размышлял уже давно. Когда война потребует полной отдачи и, возможно, напряжения последних сил, третьему рейху придется избавляться от бесполезных потребителей продуктов, которые к тому же создавали немало трудностей для госпиталей и прочих лечебных учреждений. Согласно гитлеровским понятиям о биологии рас, если чистокровный немец шел на фронт и погибал на поле боя, то уроды и калеки просто не имели морального права пережить его, отсидевшись в тылу.

Борман знал об этих планах: еще в 1935 году Гитлер поведал о них в беседе с Мартином, Бухлером и генералом Герхардом Вагнером (последний перешел в мир иной до начала войны). Фюрер вновь вернулся к этим размышлениям несколько месяцев назад. Поводом послужил поступок личного врача Гитлера Карла Брандта: он приказал хирургам из лейпцигской клиники умертвить ребенка, родившегося слепым и безнадежно ущербным в умственном отношении. В письме, адресованном Гитлеру, родители благодарили за «милосердную смерть». Но прежде письмо попало на стол начальника личного секретариата фюрера рейхсляйтера Филиппа Бухлера. Познав о решимости фюрера начать работу над секретным проектом «милосердного умерщвления», Бухлер поспешил подобрать [239] собственного ставленника, которому мог бы доверить это важное дело.

Отношения Бормана и Бухлера были наполнены утомительной подковерной борьбой за расположение фюрера. Для Мартина это противостояние имело большое значение еще и потому, что в личном секретариате Гитлера служил Альберт, к

которому старший брат отнюдь не испытывал нежных родственных чувств. Взять в свои руки осуществление секретного проекта «Эйтаназия» означало отличиться в глазах фюрера. Борман хотел бы поручить дело министру здравоохранения Леонардо Конти, с которым он был дружен еще со времен своего пребывания в должности распорядителя «кассы взаимопомощи» НСДАП. Он пригласил начальника рейхсканцелярии Ламмерса, ведавшего официальным учреждением государственных структур и утверждением их штатов. Борман повел разговор таким образом, чтобы собеседник сам пришел к мысли поручить проект доктору Конти, подчеркнув, что будущий руководитель должен быть лицом достаточно опытным и высокопоставленным, чтобы умело организовать работу институтов, лабораторий и клиник, которые будут заниматься проблемами «милосердного умерщвления». Однако Гитлеру не понравился план Конти, предполагавшего умерщвлять жертвы посредством передозировки лекарственных средств: фюрер счел этот путь слишком долгим и дорогостоящим.

Выбор был сделан в конце октября: приз достался Бухлеру и доктору Карлу Брандту, которые получили право на внедрение системы массовых убийств (по самым скромным подсчетам, жертвами программы «милосердного умерщвления» стали более шестидесяти тысяч человек) и рьяно взялись за дело, следуя принципу «Фюрер приказывает — мы исполняем». Рейхсляйтер Бухлер и его «личная канцелярия фюрера» до той поры не могли похвастаться широкой известностью [240] и влиятельностью, поскольку из благоразумия старались не вторгаться в сферу деятельности партийной канцелярии Бормана. Однако, победив в состязании на ничейной территории, Бухлер получил шанс наконец-то заявить о себе, сыграть главную роль в «проекте исторического масштаба». Обладая немалым административным опытом, он сразу заручился поддержкой Геринга, Гиммлера и Фрика{35}.

Однако вскоре у Мартина появился повод позлорадствовать: конкуренты ошиблись, и рейхсляйтера НСДАП призвали на помощь, чтобы исправить положение. Как оказалось, взявшиеся за дело растяпы умудрились споткнуться на ровном месте: родственникам умерщвленных посылали одинаковые извещения о кончине вследствие аппендицита, тогда как некоторым жертвам аппендицит был давно удален! Епископы всех конфессий дружно заявили протест, а поверенный фюрера в Штутгарте обратился в министерство юстиции с требованием возбудить следствие по делу насильственных смертей в госпиталях и в домах для умалишенных.

О связанных с проектом «Эйтаназия» происшествиях в домах для умалишенных стало известно широкой общественности. Партийные функционеры со всей страны завалили бюро Гесса срочными депешами, испрашивая соответствующие инструкции.

Так, гауляйтер Франконии Зиммерман хотел точно знать суть поставленного перед докторами задания, чтобы «правильно» отреагировать на их действия [241] в больнице для душевнобольных, расположенной в его округе. Естественно, Борман не мог открыто изложить в письме критерии, по которым отбирали жертв этой программы. Поэтому он ответил лишь, что руководство проектом поручено рейхсляйтеру Бухлеру, приказам которого и подчиняются эти врачи. Однако Зиммерман вновь обратился с запросом, отметив, что, лишенные внятного объяснения, многочисленные случаи смерти больных чрезвычайно будоражат общественность. Тогда Борман пояснил первопричину волнений тем, что «вообще-то извещения родственникам составляются по-разному, но пару раз знакомые между собой родственники умерших получили извещения одинакового содержания». Он не забыл также отметить, что, несмотря на противодействие со стороны определенных кругов (то есть духовенства), все ответственные деятели партии обязаны оказывать поддержку работе докторов в этом направлении.

Естественно, Бухлер получил взбучку за промахи, вследствие которых осуществление гитлеровского проекта оказалось под угрозой. Бланкенбург, заместитель Брека, был отправлен в длительную командировку с заданием оказать помощь гауляйтерам на местах. Программа действий партийного аппарата состояла в следующем:

— приказ фюрера не отменен, и его надлежит выполнять;

— планом предусмотрено применение эйтаназии в 120–130 тысячах случаев, а на данный момент этот показатель составляет 30 тысяч;

— предотвратить утечку информации о ходе осуществления проекта;

— впредь уведомления родственникам составлять более находчиво.

Обеспокоенность общественности, не получившей объяснений, не спадала. Оглашать суть проекта в [242] подобной ситуации — дело рискованное. Поэтому в конце концов по устному приказу Гитлера осуществление программы «Эйтаназия» было приостановлено. Бухлер не извлек пользы из представившегося шанса отличиться. Борман же достиг апогея власти и ликовал: никому не удалось превзойти его в умении безошибочно и точно выполнять любые тайные операции,

задуманные фюрером.

Похоже, между дьяволом и его приспешником шла негласная игра в «сделай то, не знаю что»: в воспаленном мозгу первого рождалась очередная кошмарная фантазия — изощренная изобретательность второго превращала ее в кошмар наяву. Пример Бухлера вновь доказал, что в такой игре Борману не было равных.

* * *

На первый взгляд могло показаться, что с началом войны против Польши Борман должен был отойти на второй план, уступив главные роли специалистам в военной области. Однако он официально поставил Ламмерса в известность о том, что останется при штабе фюрера и вместе с ним покинет Берлин, а потому не сможет присутствовать (как представитель заместителя фюрера по делам партии) на заседаниях совета министров по вопросам обороны. Участие Бормана в работе этого органа стало правилом, но он хорошо понимал, что прочих членов совета — Геринга, Фрика, Ламмерса и министра экономики Функа — перспектива его отсутствия вовсе не огорчит. Казалось бы, теперь они могли спокойно обсуждать свои профессиональные проблемы, ибо отпала необходимость по любому поводу испрашивать одобрение Гитлера (его теперь занимали лишь проблемы военного характера) и не довлел надзор стража интересов партии. Однако ядро совета, предоставленное само [243] себе, фактически бездействовало: Геринг оказался слишком беспечным, Фрик — законченным формалистом, Ламмерс — чересчур робким, а Функ чрезмерными амбициями не страдал. Все они исходили из того, что важнейшие вопросы фюрер по-прежнему будет решать сам, и потому (лишь бы не наделать ошибок!) обсуждали только те проблемы, которые не имели отношения к войне.

Впрочем, и этой независимости скоро пришел конец. 6 октября 1939 года весь штаб возвратился в Берлин. На следующий день Борман с гордостью записал в дневнике, что для поездки в Оберзальцберг Гитлер предложил ему воспользоваться своим новым самолетом «Кондор». Прежде всего рейхсляйтер НСДАП занялся назначениями на высшие посты в новых округах Данциг и Вартеланд. В древнем ганзейском городе у руля остался гауляйтер Форстер, а во вновь образованном округе Вартеланд высший партийный пост занял бывший председатель городского сената Артур Грейсер. Оба новоиспеченных гауляйтера получили

указание как можно быстрее наполнить вновь обретенные земли «германской кровью», для чего следовало изгнать поляков и евреев. Им предстояло самим решать, как этого добиться. Со своей стороны, фюрер гарантировал, что никто не посмеет задавать какие-либо вопросы до тех пор, пока цель не будет достигнута. Борман же объяснил им суть заранее продуманных и подготовленных методов. Специальные команды СС уже занялись своей работой: уничтожением и депортацией местного населения.

Генерал Франц Гальдер, начальник генерального штаба, начал готовить списки офицеров для представления к наградам. 5 октября он записал в дневнике: «Уничтожение евреев — непременное условие нового порядка». В тот же самый день Форстер пожаловался Гитлеру и Борману, что командиры вермахта зачастую проявляют непонимание мер, предписанных [244] в отношении демографической политики. Не прошло и двух недель, как фюрер направил начальнику штаба высшего командования вермахта (ОКБ) генералу Вильгельму Кейтелю приказ, в соответствии с которым войска должны оказывать властям полное содействие. Смысл распоряжения Гитлера: освободить «жизненное пространство», не останавливаясь ни перед чем. Однако вермахт не подходил для проведения широкомасштабных карательных операций.

Рейхсляйтеру НСДАП и вновь назначенным гауляйтерам предстояло превратить завоеванную страну в полигон для отработки «техники обезлюживания». Для осуществления этой программы Борман, изучив собранные партийной канцелярией личные дела, подобрал на административные должности на территории Польши особенно фанатичных и неразборчивых в средствах нацистов. Его совершенно не заботил тот факт, что эти люди стали быстро обогащаться и жили в роскоши, в отличие от оставшихся в Германии сограждан, переведенных на скудный военный паек. Но, к великой досаде Бормана, многие из этих разжиревших породистых партийных жеребцов не смогли устоять перед искушением насладиться прелестями соблазнительных польских красавиц. Узнав об этом, весной 1940 года Гитлер приказал министру внутренних дел немедленно уволить всех чиновников, «лишенных чувства национальной гордости», и конфисковать их имущество.

Это противоречило существовавшим законам, но неисполнение приказа фюрера грозило ослушнику катастрофическими последствиями. Фрик постарался вывернуться. Он представил Гитлеру докладную записку, в которой говорилось: если приводить в исполнение последний приказ, то придется наказывать и всех тех, кто в последние годы

был замечен в сексуальных связях с чешскими женщинами... включая тысячи [245] солдат вермахта! Протектор Праги Константин фон Нейрат и генерал-губернатор Кракова Ганс Франк поддержали Фрика. В итоге дело застопорилось, досье остались лежать на полках, покрываясь пылью. Никак не вмешивался и Борман, обычно столь бескомпромиссный и последовательный исполнитель воли фюрера. Быть может, он поступил так из сочувствия к соратникам по партии? Вовсе нет. Мартин усмотрел в таком развитии событий возможность заполучить богатую добычу: существенно пополнив коллекцию сведений о чужих прегрешениях, он мог рассчитывать на уступчивость и содействие огромной армии провинившихся влиятельных чиновников. Наказывать всех бессмысленно. Однако «вывернуть руки» отдельно взятому чиновнику не составляло труда.

Эти инциденты не имели первостепенного значения, и участие Бормана в этом деле было относительно скромным. Уж ему-то зачастую выпадал шанс обсудить с фюрером те или иные проблемы. Хорошо изучив своего патрона, Мартин умел влиять на его решения. Франк называл его подхалимом и лизоблюдом, но в этом состояла лишь половина роли, взятой на себя Борманом. Другая половина состояла в безграничном искреннем поклонении и полном повиновении трудолюбивого выскочки, поддавшегося очарованию выдающегося психопата. Гитлер не терпел рядом с собой оппонентов, позитивное отношение окружающих служило ему жизненно необходимым стимулом. Борман идеально удовлетворял всем условиям. Однако по объективным причинам с начала войны до весны 1941 года влияние рейхсляйтера НСДАП немного убавилось, ибо в этот период Гитлер с головой ушел в планирование и стратегию захватнических кампаний, а Борман — коричневая тень фюрера — не имел непосредственного отношения к делам военного характера. [246]

Впрочем, рейхсляйтер НСДАП не сидел сложа руки. Он занялся «проблемами» поляков, евреев и христиан. Борман использовал любой предлог, чтобы раздуть очередную антисемитскую кампанию. Так, в конце 1939 года появились предположения, что латинский шрифт может иметь еврейское происхождение. В начале января 1940 года Борман доложил об этом Гитлеру, и тот, немедленно вызвав в Бергхоф уполномоченного от НСДАП по делам печати Макса Аманна, объявил, что отныне в Германии признанным является только «естественное» — то есть готическое — письмо.

Борман, конечно, обязан был присутствовать на ежегодном праздновании очередной годовщины мюнхенского путча. Поздней

ночью 7 ноября 1939 года в Берлине он сел в поезд Гитлера. Еще за несколько дней до того не было ясно, где именно пройдут главные торжества. Вопреки совету генералов, фюрер задумал начать наступление на западном фронте в ближайшие дни. В Мюнхене Борман сопровождал Гитлера при посещении госпиталя. В госпитале находилась Юнита Митфорд, которая пришла в отчаяние после вступления ее страны в войну и попыталась покончить с собой выстрелом из пистолета. Фюрер распорядился препоручить ее заботам лучших хирургов города.

Ровно в 8 часов вечера Борман присоединился к компании представителей высшего эшелона власти и занял свое место в погребке «Бюргербрау». Примерно через час Гитлер завершил свое выступление резким «Зиг хайль!». Заявив, что торопится на скорый поезд «Мюнхен — Берлин», отправлявшийся в 9.30, он вышел из пивной и сел в свою машину. Поезд еще не тронулся, когда (в 9.20) в «Бюргербрау» взорвалась бомба, установленная за панелью, находившейся за [247] спиной выступавшего. В Нюрнберге Гитлера и Бормана настигло сообщение о том, что через восемь минут после их отъезда «Бюргербау» был уничтожен взрывом. Пострадавшие: восемь человек погибли и шестьдесят ранены. Всего за несколько дней до этого происшествия личный водитель фюрера Кемпка принял тяжелый бронированный «мерседес», но хозяин не захотел даже взглянуть на машину. Теперь же Гитлер прямо с вокзала отправился осматривать автомобиль, нашел его превосходным и объявил, что отныне будет пользоваться только этой машиной. «Как знать, — сказал он Борману, — не взбредет ли на ум какому-нибудь идиоту бросить бомбу в мой автомобиль?»

Каждый раз, когда гауляйтеров приглашали к фюреру, для Мартина Бормана наступал час триумфа. Он встречал их дружелюбно или подчеркнуто строго — в зависимости от ситуации. Размещая гостей по апартаментам, Борман заодно сообщал им программу совещания. Затем, собрав всех вместе, он обращался к ним с короткими приветственными фразами и объявлял очередность ораторов, а в конце закрывал конференцию тройным «Зиг хайль!». Четыре десятка партийных боссов составляли его личную армию — армию капризную, но в целом послушную воле своего начальника. Хотя Мартин многого достиг, пробиваясь к вершинам власти, гауляйтеры никогда не были такими покорными, как ему хотелось. Фюрер много раз повторял, что главная обязанность рейхсляйтера НСДАП — держать под контролем местных правителей. Однако Бормана не так-то просто было провести. Он понял: на самом деле Гитлера не интересовало, добьется ли его верный паладин этой цели.

Диктатору хотелось убедиться, что гауляйтеры беспрекословно [248] подчиняются одному лишь фюреру партии.

Борман старался копировать тактику своего хозяина, но добивался успеха только эпизодически. В одних случаях ему удавалось примитивной лобовой атакой заставить капитулировать наиболее мягкотелых интеллигентов «старой гвардии», в других — превзойти в хитрости интриг самых недалеких упрямцев. Когда к гауляйтерам обращался Гитлер, все они неизменно попадали под влияние его чар — вплоть до последних месяцев существования режима! Борман же не обладал личным магнетизмом, и гауляйтеры, пользуясь дарованной фюрером независимостью{36}, следовали указаниям шефа партийной канцелярии лишь в тех случаях, когда это было им выгодно. Например, гауляйтер Аугсбурга Валь открыто бахвалился, что бросает депеши Бормана в камин, не читая.

Особенно трудно приходилось Борману в первые годы. Вольнолюбие гауляйтеров носило корпоративный характер: любой неосторожный шаг рейхсляйтера НСДАП приводил к тому, что они единым фронтом вступались за «обиженного» коллегу. Гитлер же предпочитал не вмешиваться в эти конфликты, оставаясь на недосягаемой высоте. Кроме того, многие гауляйтеры являлись также и губернаторами, а после начала войны стали еще и комиссарами обороны своих округов, что серьезно затрудняло действия шефа партийной канцелярии, не имевшего заметного влияния в правительственной и военной сферах.

Дальновидный администратор, Борман старался не ущемлять властные полномочия провинциальных лидеров. Напротив, он стремился укрепить позиции гауляйтеров, рассчитывая, что в будущем все-таки [249] одолеет оппонентов и тогда их власть автоматически станет его властью. Но в полной мере его планы так и не осуществились.

Чтобы добиться от стада послушания, наряду с пряником Борман использовал и кнут. Он ввел должность штабсляйтера (начальника штаба) округа, который осуществлял функции надзора и которому все местные партийные органы подчинялись так же, как гауляйтеру и его заместителю. Борман понимал, что эти «ищейки» не приобретут популярности внутри партии и смогут рассчитывать только на его поддержку, — значит, будут верны лично ему. Эффективным средством воздействия стали поощрительные назначения, как из рога изобилия посыпавшиеся с началом войны. Все понимали, сколь жирные ломти могли заполучить те гауляйтеры и заместители гауляйтеров, которые хорошо ладили с шефом партийной канцелярии.

В 1939 году Борман и его помощники разработали принципы стратегии, названной ими «перетасовкой» гауляйтеров. Цель состояла в том, чтобы посредством должностных перестановок убрать неугодных и поощрить «своих». Мартин пользовался своим изобретением поистине виртуозно. Так, наиболее непримиримых противников — гауляйтеров Йозефа Вагнера и Бернхарда Руста — Борман сначала перевел на привлекательные должности на захваченных территориях, а затем сам же изыскал (понадобилось менее двух лет) достаточные доводы, чтобы убрать их. С другой стороны, был составлен список «потенциальных кандидатов» — бывших партийных лидеров, смещенных за пьяные дебоши, в свое время весьма распространенные среди среднего звена руководителей, или изгнанных гауляйтерами за непокорность. Реабилитация и возврат утраченных благ превращали этих людей в верных слуг, готовых исполнить любой приказ благодетеля. [250]

Труднейшая партия против гауляйтеров доставляла Борману истинное наслаждение, и он с удовольствием вникал в тонкости этой игры, изобретая все новые приемы и маневры. Он даже составил особый дополнительный «список запасных» — перечень кандидатур на случай гибели кого-либо из гауляйтеров.

Возвращаясь к случаю Йозефа Вагнера, отметим, что он принадлежал к представителям «старой гвардии» и, как многие его коллеги, прежде был школьным учителем. Став гауляйтером Вестфалии, где находился его родной Бохум, он приложил немало усилий, чтобы привести глубоко религиозное католическое население округа под знамена со свастикой. Когда гауляйтер соседней Силезии был со скандалом изгнан с поста, полномочия Вагнера распространились и на этот округ. Он также получил должность главного комиссара обоих округов и успешно руководил программой выпуска продукции военного назначения. Словом, своими деловыми качествами Вагнер заслужил уважение Гитлера, высоко ценившего его организаторские способности.

Однако, с точки зрения Бормана, у Йозефа Вагнера был непростительный недостаток: он сам и вся его семья были глубоко религиозны. Вагнер старался не отторгнуть верующих от церкви, а примирить религию с национал-социализмом. В глазах рейхсляйтера НСДАП такие действия граничили с изменой, и потому впоследствии он несколько раз обращался к фюреру с предложением урезать полномочия гауляйтера, пока не добился своего.

После нескольких попыток Борман все-таки уговорил Гитлера отнять у набожного Йозефа Вагнера один из округов и 5 декабря 1939 года от имени фюрера направил гауляйтеру предписание о

возвращении в Бохум и прекращении его полномочий в Силезии, часть которой теперь надлежало объединить с частью [251] захваченной польской территории в новый округ. Половина Силезии должна была перейти в распоряжение заместителя Вагнера, убежденного атеиста. На пост гауляйтера другой половины Борман планировал назначить Карла Ханке, до той поры занимавшего пост заместителя министра пропаганды (собственно говоря, его ссылали в Пруссию, поскольку он проявлял излишнее внимание к жене министра, когда Геббельс завел роман с Лидой Бааровой). Однако Вагнер не пожелал подчиниться указанию Бормана (хотя тот ссылался на фюрера), выдержанному в резком командном тоне, и отказался делиться властью. Гитлер же не торопился использовать силу своего приказа, и мятежный гауляйтер еще целый год продолжал сидеть на двух стульях.

* * *

В конце войны, когда любовница Мартина, актриса Маня Беренс, пережившая бомбежки Дрездена, пожаловалась, что панически боится авиационных налетов, Борман в письме ответил, что людям ее веры следовало бы радоваться возможности оставить юдоль слез и вознестись на небеса. «Чуткий» патриот начертал эти слова в те дни, когда Германия уже потеряла в войне сотни тысяч солдат и десятки тысяч мирных жителей. Его отношение к христианству было примитивным, демагогическим и сложилось в период мощной антирелигиозной кампании начала двадцатых годов. Тех, кто не отличался ревностной верой, следовало отпугнуть от церкви угрозами преследований; тех же, кто упорствовал в приверженности христианской вере, надлежало изолировать от остальных, согнав непокорных в концентрационные лагеря. Прежде всего немцы должны были поклоняться Адольфу Гитлеру.

Однако религию невозможно победить, не предложив [252] новые идеи взамен прежних. Поэтому время от времени рейхсляйтер НСДАП разражался пространными меморандумами (естественно, их готовили помощники рейхсляйтера). Однако Борман не очень-то полагался на свои доводы в борьбе с «идеологическими врагами» — так он называл истово верующих. Поэтому обычно он не бахвалился своим неверием прилюдно. С началом войны антихристианская деятельность Бормана явно усилилась и обрушивалась на немцев новым валом после каждого очередного успеха на фронте, которые рейхсляйтер трактовал как

свидетельства сверхъестественной силы самого Гитлера.

Упрощенные представления о сути христианских церквей создавали у него впечатление, что не составит труда разгромить их, лишив финансовых источников. Вскоре после начала войны Борман потребовал от графа Шверина фон Крозига, министра финансов, прекратить государственное субсидирование церквей, тем самым подталкивая их к созданию собственных фондов. Одновременно он старался оказывать на них давление и другими способами. В рамках программы финансирования войны все коммерсанты, предприятия и корпорации должны были вносить оборонный налог, и церковь не была исключением. Для протестантской церкви размеры этого сбора составляли один миллион рейхсмарок в месяц, для католической — восемьсот тысяч. 18 января 1940 года Борман поручил Герхарду Клопферу, возглавлявшему в его ведомстве юридический отдел, официальным письмом известить министра финансов, что рейхсляйтер НСДАП считал эти требования заниженными. «В отличие от всех прочих немцев, — говорилось в послании, — христианские священники не воюют на фронте и уклоняются от тяжких обязанностей, которые принимает на себя каждый немец, как глава и защитник своей семьи». [253]

Размеры сборов со всех религиозных конфессий были увеличены под предлогом возросших потребностей обороны. Невыплата налога грозила конфискацией соответствующей доли имущества. Как выяснилось впоследствии, Борман стремился всеми способами прибрать к рукам собственность монастырей.

А накануне все тот же Клопфер составил письмо Розенбергу, в котором утверждалось, что и протестантская, и католическая церкви оказывали серьезное воздействие на своих последователей, служивших в вермахте. Солдаты регулярно получали из своих общин религиозные буклеты, что «влияло на состояние боевого духа в войсках». Офицеры вермахта сообщали, что армейские цензоры имеют право конфисковывать только материалы, содержавшие критику правительства и партии. Рейхсляйтер Макс Аманн, ответственный за ассигнования для печати, не мог предотвратить издание религиозной литературы на деньги церкви. А меры полиции Борман расценивал как недостаточные для достижения конечной цели. В письме содержалось поручение рейхсляйтеру Розенбергу довести суть курса НСДАП до каждого солдата, независимо от собственных взглядов последнего.

Буквально через день, то есть 19 января 1940 года, Борман задал Розенбергу трепку в присутствии Гитлера. Продемонстрировав написанную специально для солдат брошюру

епископа Людвига Мюллера, исполнявшего также обязанности уполномоченного протестантской церкви по делам рейхсвера в Кенигсберге, он заявил: «Подобное в армии недопустимо. Солдаты, недавно отрекшиеся от католической веры, прочитав эту книгу, могут вновь увлечься идеями христианства, наполовину замаскированными хитроумными протестантскими попами». Одновременно рейхсляйтер Аманн получил указание «впредь уделять религиозному содержанию печатных изданий не меньше [254] внимания, чем политическому и идеологическому, ибо имеющийся опыт показывает, что религиозная литература снижает стойкость масс в борьбе с внешним врагом».

В глазах церкви Альфред Розенберг являл собой антихриста во плоти. Лишь немногие отцы церкви знали, что к жестким мерам по отношению к религии его принуждает не столь известный широким массам Борман. Очередное письмо Бормана Розенбергу (от 22 февраля 1940 года) не оставило бы у священников, попади оно к ним в руки, никаких сомнений по поводу того, кто же являлся их самым опасным оппонентом. В разделе «Инструкция о религиозном образовании в школах» Борман поясняет, почему следует отвергнуть компромисс с христианским вероучением и какой тактики надлежит придерживаться, чтобы разгромить церковь. Причиной для составления инструкции стало появление слухов о совместной работе Розенберга и епископа Мюллера над программой религиозного образования в школах.

Нет необходимости говорить, что за долговременными проблемами Борман не забывал о текущих делах, не упуская случая доставить неприятности церкви. Альберт Шпеер, возглавлявший программу реконструкции столицы третьего рейха, вступил с клиром в переговоры о строительстве церквей в новом районе Берлина. Дело кончилось тем, что Борман объявил ему строгий выговор и запретил заниматься этими проектами. Впоследствии, когда города стали подвергаться первым бомбежкам, некоторые ретивые гауляйтеры поспешили снести церкви, получившие повреждения. Шпеер, объявивший эти руины «ценными историческими памятниками», просил Бормана остановить эпидемию разрушений, предоставив фюреру принимать решения о планах реконструкции городов. А несколько месяцев спустя, когда Шпеер вновь получил выговор от шефа партийной канцелярии [255] за большой расход дефицитных строительных материалов на восстановление церквей, придворный архитектор фюрера вновь использовал формулировку «национальные памятники исторического и художественного значения». Мартину пришлось отступить: во-

первых, в этом он ничего не смыслил (впрочем, подобные соображения его обычно не сдерживали); во-вторых, активно вмешиваться в вопросы архитектуры, в которой Гитлер считал себя высшим авторитетом, было рискованно.

Гитлер все откладывал начало наступления на Западном фронте, и конец 1939 года и первый квартал следующего Борман почти непрерывно разъезжал с ним на поезде между Мюнхеном, Берлином и Оберзальцбергом. На Рождество они посетили войска Западного фронта, где и отметили праздник при свечах и с рождественской елкой — то есть, по сути, почтили основателя преследуемой ими религии в соответствии с христианскими же традициями.

В первые, относительно спокойные, месяцы 1940 года Борман вновь занялся вопросами, связанными с христианской верой и церковью. Гитлер, дав вермахту все необходимые указания, мог больше времени уделить партии. Приглашая лидеров НСДАП на полуофициальные обеды (гостей угощали яствами из лучших ресторанов), фюрер поручал каждому конкретную задачу. Он, наконец, позволил партийному суду продолжить дело против Штрайхера. Розенберг, мечтавший после войны возглавить «нацистское вероисповедание», получил задание разработать программу создания институтов для изучения особенностей и проблем национал-социализма. Лею выпало подготовить всеобъемлющую систему социального обеспечения людей пожилого возраста. Причем «соратники по [256] партии», не доверяя друг другу, предпочитали не откровенничать на эти темы между собой.

На одну из таких бесед, состоявшуюся в конце января 1940 года, были приглашены Гесс, Розенберг, Ламмерс и, конечно, Борман. Кто-то поведал историю о капитане торгового судна, который после долгого перерыва вновь оказался в Одессе и подивился, заметив, что в отличие от предыдущих посещений среди новых советских чиновников не было ни одного еврея. Гитлер предположил, что, если именно в этом состояла новая политика Советов, такая тенденция могла бы привести к ужасным погромам, и тогда Запад в конце концов обратился бы к нему с просьбой обеспечить защиту прав человека на Востоке. Собравшиеся сочли эту идею очень забавной, а особенно громкий взрыв хохота вызвала фраза хозяина о том, что в этом случае, избрав себя президентом лиги по защите евреев, исполнительным секретарем он назначил бы Розенберга. Продолжая беседу, Гитлер рассказал о выпущенном в Советском Союзе короткометражном фильме, критиковавшем влияние Ватикана в Польше, и попросил, если кому-то представится возможность, заполучить для него

один экземпляр. С напускной суровостью Розенберг продекларировал: «Мы не позволим показывать у себя что-либо подобное о Ватикане». Громко рассмеявшись, Борман возразил: «Но тогда наиболее замечательные фильмы можно будет посмотреть только в России — обидно!»

Два примечательных события произошли в феврале 1940 года. 24 февраля Гитлер в сопровождении Бормана выехал в Мюнхен на празднование очередной годовщины основания партии. В зале пивной «Хофброхау» он произнес традиционную речь перед ветеранами, после чего в сопровождении приближенных перебрался в «Кафе Хека», где они в задушевной беседе вспоминали былые дни. Борман отметил [257] в дневнике: «Диспут между фюрером и Р. Г. о знахарях и гипнотизах». Сам Борман гипнотизерами не интересовался и даже не знал, как именно пишется это слово, зато Р. Г. (Рудольф Гесс) знал о них все. Он покровительствовал хиромантам, гомеопатам, народным лекарям, астрологам, ясновидцам и им подобным. Когда кому-либо из людей этой категории доставляли беспокойство бюрократы от партии, проповедовавшие примитивный реализм, они находили заступничество у Гесса. Рейхсляйтера НСДАП подобные пристрастия босса удивляли, но они замечательно ладили между собой, и Борман предпочитал не привлекать внимание Гитлера к этим странным увлечениям. Однако в самом фюрере реализм тоже уживался с суеверием, поэтому он не корил своего заместителя и с изрядной долей любопытства относился к паранормальным и оккультным наукам, хотя о своем интересе к этим областям предпочитал не распространяться перед широкой публикой.

На следующий день, уже сидя в поезде, увозившем их обратно в Берлин, Гитлер в разговоре с Борманом затронул тему суеверий, знахарства и отношения к ним высокопоставленных членов партии. Борман не был достойным собеседником в обсуждении такой проблемы, однако в его архиве имелось много свидетельств об эксцентричных пристрастиях членов НСДАП высокого ранга. Наиболее крупной фигурой в этом ряду был, конечно, Гиммлер, который клялся, что самую древнюю народную мудрость хранят потомственные пастухи и сборщицы лечебных трав. Так или иначе, Гесс после этого диспута отнюдь не впал в немилость, что подтвердилось два месяца спустя: в связи с днем рождения Гесса фюрер пригласил заместителя в свою берлинскую резиденцию, чтобы лично поздравить его в торжественной обстановке — особая честь по стандартам третьего рейха. [258]

За «жизненное пространство»

Весной 1940 года Борман счел необходимым повторить давнее распоряжение о взаимодействии партии и правительства (за истекшее с тех пор время некоторые руководители сменились, да и сама инструкция вроде бы устарела, и следовало вновь потребовать строгого исполнения изложенных в ней требований). Он вновь приказал осуществлять всякие официальные контакты с правительством не напрямую, а через бюро Гесса. Новизной отличался лишь пункт, строго запрещавший советоваться с каким-либо иным партийным органом по вопросам взаимодействия с правительством (сразу после учреждения бюро Гесса Борман не мог открыто заявить о подобных претензиях, ибо еще сильны были позиции давно существовавшего отдела Роберта Лея).

Этот указ помечен датой 9 мая 1940 года, но был подготовлен заранее. Цель — дезинформация, ибо в этот день Борман уже покинул Берлин. Из соображений секретности Гитлер и все приглашенные прибыли на загородную железнодорожную станцию, в депо которой заранее (и тоже тайно) был переведен специальный поезд фюрера. Следуя разработанному Борманом и одобренному Гитлером плану маскировки, поезд сначала двигался в сторону Гамбурга, но затем незаметно перешел на вспомогательную ветку и направился в Эйскирхен. Пункт назначения пассажирам [259] не объявляли — о нем знали лишь несколько человек, включая Бормана. На самой станции все указатели были сняты. Прямо с поезда всех пересадили в машины, и кортеж двинулся в «Фельзенест» («Гнездо среди скал») — новую полевую ставку фюрера: система бетонных бункеров, которым любая бомбежка была нипочем; зенитные батареи вокруг; на холме, в деревне Родерт (близ Мюнстерефеля) — казармы для солдат.

Лишь поздно вечером, узнав прогноз погоды, Гитлер приказал Борману передать в войска кодовое слово, объявлявшее о начале наступления на Западном фронте. Одновременно вступило в действие распоряжение Бормана, предписывавшее высшим чинам партии в отсутствие своего рейхсляйтера строго придерживаться установленного порядка работы. Следующие несколько недель Гитлеру было не до внутрипартийных дел; Борман же просто повсюду сопровождал хозяина, ничем особенно не занимаясь. Повидимому, именно поэтому он вернулся к дневнику лишь дней через двадцать и ограничился короткой записью о погоде в первые дни наступления.

Борман вновь приступил к активной деятельности, когда пришла пора создавать новую администрацию на захваченных территориях. Йозеф Тербовен, гауляйтер Эссена, был назначен комиссаром рейха в Норвегии; после капитуляции Голландии один из авторов идеи аншлюса Австрии — Артур Зейсс-Инкварт занял аналогичный пост в Нидерландах. 25 мая Борман провел совещание, на которое пригласил Зейсс-Инкварта, шефа полиции Гиммлера и Фрица Шмидт-Мюнстера, своего подчиненного из бюро Гесса. Для подобных встреч Мартин любил использовать термин «консультация», но на самом деле он просто отдавал распоряжения. Через месяц военные действия прекратились, поскольку было достигнуто соглашение о перемирии, и Борману выпал день его собственного [260] триумфа, когда он созвал партийных «военных спекулянтов», которые извлекли немалую выгоду из победы над Западом, на совещание в ставку «Черный лес». Кроме Зейсс-Инкварта и его штаба, были приглашены: гауляйтер Бадена Роберт Вагнер, ныне назначенный также проконсулом Эльзаса; новый гауляйтер Вены Бальдур фон Ширах; бывший гауляйтер Вены, вернувшийся теперь в свой родной округ Саар — Палатинат (расширенный за счет захвата Лотарингии), Йозеф Бюркель. Все эти перестановки Борман продумал в предыдущие недели, а фюрер незамедлительно подписал бумаги.

Одним из назначенцев последнего периода, которого Мартин терпеть не мог, был гауляйтер Вены Бальдур фон Ширах. Борман не простил ему того, что в давние дни в Веймаре и в Мюнхене ему приходилось лебезить перед этим молодым задавакой.

В начале 1940 года, когда Бальдур сменил в австрийской столице гауляйтера Бюркеля, солнце Бергхофа стояло над ним в зените. Он был по-прежнему влиятелен и в сентябре того же года, когда приезжал на собеседование в партийную канцелярию, и Борман фамильярно обращался к нему на «ты». В тот день Ширах признался в перерасходе средств. Борман сразу предложил свою помощь, пообещав, что по его рекомендации Гитлер согласится выдать гауляйтеру Вены четверть миллиона, а то и больше.

Ширах поблагодарил, но предложение отклонил. Увидев в этом демонстративный отказ, высокомерное нежелание быть ему чем-либо обязанным, Борман окончательно озлился и с тех пор не упускал случая навредить гауляйтеру Вены. Причем особого труда не понадобилось. С юношеским легкомыслием Бальдур фон Ширах не скрывал от недалеких функционеров, что считает их ограниченными мелкобуржуазными обывателями. Поклонник муз, он имел обыкновение приглашать на ленч местных молодых талантливых [261] служителей искусства. Это оскорбило не только Гитлера, в котором Вена не признала гениального

художника и архитектора, но и Геринга, мечтавшего превратить Берлин в Мекку искусства. Когда же самонадеянный Ширах вознамерился утвердить себя в качестве независимого лидера молодого поколения и попытался освободиться от влияния партии, на него со всех сторон посыпались стрелы критики.

Борману не потребовалось особых усилий, чтобы убрать помеху в лице рейхсляйтера Бухлера, который одно время был даже генерал-секретарем рейхсляйтеров — еще один громкий титул, за коим не стояло никаких определенных функций. Он появился в Берлине только в ноябре 1934 года, когда после смерти Гинденбурга Гитлер в дополнение к президентской канцелярии учредил «личную канцелярию фюрера НСДАП». Сотрудники Бухлера принадлежали в основном к старой партийной гвардии. Был здесь и брат Мартина Альберт, который возглавлял отдел канцелярии Бухлера и одновременно стал личным адъютантом фюрера. Как обычно, Гитлер не позаботился разграничить обязанности родственных служб. Поэтому борьба за главенствующую роль между начальниками рейхсканцелярии, президентской канцелярии, личной канцелярии и партийной канцелярии была неизбежна.

Бухлер занимал также пост начальника партийной следственной комиссии по защите национал-социалистской литературы, но в целом отнюдь не страдал от переутомления. Функции руководителя секретной операции «Эйтаназия» тоже не очень тяготили Бухлера, поскольку большую часть работы выполнял его помощник Виктор Брек. Неудивительно, что сам рейхсляйтер много времени проводил в своем поместье в [262] Бранненбурге (близ Розенхейма), а в берлинском бюро на Воссштрассе появлялся изредка и ненадолго. Его утомляли бесконечные ссоры и переделы сфер влияния.

После начала войны Гитлер стал недоступен. Даже Бухлеру приходилось связываться с ним через Бормана. Поэтому Бухлер решил подыскать иное занятие. Он пожил за границей и разговаривал на нескольких языках. Поскольку идея создания немецких колоний казалась в то время весьма перспективной, Бухлер решил попытать счастья в заморской кампании. С этой просьбой он явился в ставку Гитлера. Ситуация складывалась благоприятная: Франция была фактически повергнута, следующим шагом виделся передел Африки. 23 июня 1940 года в дневнике Бормана появилась запись: «Рейхсляйтер Бухлер просил фюрера о направлении в колониальную миссию; фюрер определенного ответа не дал».

Подобный ход событий не устраивал Бормана, поскольку столь стремительный уход Бухлера не позволял ему подготовить

почву для важных приобретений. Таковым могло стать место руководителя проекта «Эйтаназия». Он мог бы также взять под свой контроль канцелярию Бухлера и устроить тяжелую жизнь своему брату. А должность главы комиссии по защите национал-социалистской литературы была удобной позицией для атак на нацистское вероучение Розенберга. Однако в тот момент Борману оставалось только изводить конкурента мелкими уколами.

В начале марта Борман направил Бухлеру письмо, в котором потребовал не нарушать основное правило: «личная канцелярия фюрера» должна заниматься только проблемами частных граждан, но оно не оставляло Бухлеру ничего, кроме ходатайств и редких жалоб. Тот вновь обратился с просьбой привлечь его к подготовительным работам над планами завоевания колоний. На сей раз Гитлер согласился. [263]

Бухлер был направлен в штаб операций в Восточной Африке и мог надеяться, что в один прекрасный день станет генерал-губернатором Африки.

Однако в то же самое время план военных действий в Западной Африке готовила еще одна группа, которая подчинялась Боле (гауляйтеру немцев, проживавших за рубежом) и, следовательно, Борману. Каждый из руководителей штабов готовился стать «духовным лидером» африканских колоний. В этом споре Боле обладал явным преимуществом, поскольку по роду своей деятельности во всех тонкостях постиг искусство политика геополитического уровня. Вот уже несколько лет под непосредственным руководством Бормана он занимался подготовкой главного (южноамериканского) плацдарма Гитлера в предстоящей битве за мировое господство. После побед над Европой и Советским Союзом у фюрера, расправившегося с могущественными соседями и завладевшего неисчерпаемыми ресурсами, на всей планете остался бы один серьезный противник — Соединенные Штаты Америки. Именно к этой схватке нацисты приступили в середине тридцатых годов: курс на сотрудничество со странами Латинской Америки теперь имел целью не только экономическое сотрудничество, но и подготовку к будущему вторжению. Опираясь на многочисленные немецкие колонии на Американском континенте, Гитлер рассчитывал без труда овладеть Латинской Америкой и — при поддержке дружественных режимов — ринуться на север.

Во исполнение этих планов Борман и Боле осуществляли широкое внедрение германского капитала в экономики этих стран, прививали нацистскую идеологию на благодатной почве бедствующих слоев нищих государств, снабжали оружием дружественные армии и группировки таких деятелей, как

Стресснер в Парагвае. Ситуация складывалась благоприятно [264] еще и потому, что с середины двадцатых годов связи с немецкими колониями в Южной Америке наладили влиятельные члены национал-социалистского движения и штурмовики, которые скрывались здесь, ожидая окончания кампании преследований после путча 1923 года, а впоследствии приезжали обучать армии и отряды своих местных коллег.

Словом, ни Борман, ни Боле не сомневались, что и африканские колонии — когда таковые появятся — будут отданы им. Мартин стремился взять под свой контроль и группу Бухлера, но тому вовсе не хотелось оказаться в подчинении у Бормана. Впрочем, пока это больше походило на дележ шкуры неубитого медведя. Поскольку Гитлер решил не обижать человека, проработавшего в партии пятнадцать лет, Борману пришлось подыскивать для Бухлера иную область деятельности, которая соответствовала бы его высокому партийному званию. И тут Мартину пришла мысль одним умным ходом решить сразу несколько задач: поручив Бухлеру осуществление нового проекта нерасторопного в практических делах Розенберга, он пристраивает на достойный пост первого, наносит удар по самолюбию второго и выполняет поручение фюрера, приказавшего принять меры для сплочения партии в период войны!

9 июля 1940 года, ровно через два месяца после отъезда фюрера из Берлина, многочисленные толпы людей восторженно встречали специальный поезд, триумфально прибывший на главный вокзал Мюнхена. Накануне Гитлер с трибуны рейхстага обратился к своим солдатам с благодарственной и хвалебной речью. Теперь он решил оказать своему верному вассалу честь, которой удостаивались лишь единицы: он дал обед в доме Бормана в Пуллахе, на который пригласил [265] мюнхенских художников. Затем последовали — в честь победы! — торжественные церемонии на государственном уровне и серия поездок между Бергхофом, Линцем, Мюнхеном, Берлином, а также визит в Эссен на празднование дня рождения оружейного короля Круппа, которому Борман от имени Гесса вручил бюст Гитлера.

Во время мирного периода Борман, как и все высшие партийные чины, строил планы по освоению и использованию захваченных огромных территорий. Первым выступил Гиммлер, представив фюреру отчет о состоянии дел с жителями негерманских национальностей. Фюреру этот доклад понравился, и он приказал оставить всего несколько экземпляров (сие означало, что материалы признаны сверхсекретными), которые

разослали восточным гауляйтерам — Эрику Коху (Восточная Пруссия), Альберту Форстеру (Данциг — Западная Пруссия), Артуру Грейсеру (Вартеланд) и генерал-губернатору Польши Гансу Франку. Борман тоже получил копию. Автор отчета исходил из того, что территорию Польши следовало очистить от неполноценных в расовом отношении народов и германизировать. Местному населению была уготована участь «рабочей силы рейха». До скончания времен уровень образования покоренных народов надлежало ограничить умением считать не более чем до пятисот и писать свое имя, а также пониманием того, что промыслом Божиим их удел — покорность, напряженный труд и благоговение перед немцами. Умение читать им не понадобится. Несмотря на одобрительное отношение Гитлера к идеям Гиммлера, Борман не считал этот документ точным выражением пожеланий фюрера. Он знал лучше других, с какой охотой Гитлер раздает похвалы. К тому же предложения исходили от конкурента в черном — здесь дружеские отношения в счет не шли. Поэтому в начале октября 1940 года рейхсляйтер НСДАП инициировал [266] встречу фюрера с генерал-губернатором Польши Франком, чтобы во время беседы высказать свои собственные соображения. Борман полагал, что Польшу надлежит превратить в рабочий лагерь, жители которого лишь временно будут использоваться для сезонных работ. Скрещивание с немцами запретить. Полякам следовало платить достаточно для того, чтобы те могли прокормить семьи, но последний крестьянин-немец должен получать на 10 процентов больше, чем лучший из поляков. Желательно было сохранить институт католических священников, которые и впредь оглупляли и отупляли бы их. Польскую же интеллигенцию следовало искоренить.

Впрочем, вскоре выяснилось, что поляки не смирились с рабским положением, и хозяйственно-экономические планы оказались сорванными. Лучше других в экономическом отношении дела шли у гауляйтера Восточной Пруссии Коха, который отличался крайней жестокостью и проводил операции по массовому уничтожению поляков. Увидев, что дело принимает такой оборот, Борман отрекся от своих указаний Франку и наладил дружеские отношения с Кохом.

План порабощения Польши дал осечку и в другом аспекте. Поляки, вывезенные в Германию для работы на фабриках и в крупных хозяйствах, вступали в интимные связи с «чистокровными арийками», которые страдали от недостатка мужчин (вследствие мобилизации немцев в армию). Женщин, забывших о «национальной гордости», гестапо ссылало (как

минимум на несколько месяцев) в концентрационные лагеря. Худшая доля ожидала их любовников, которых, согласно приказу Гиммлера, вешали без суда. Однако сначала фотографии соблазнителей отсылали в специальный отдел гестапо и, если внешне они достаточно подходили под критерии «германского расового типа», их могли «германизировать» и оправдать. [267]

Запреты и казни Борман считал единственно действенными методами. Он также приказал гауляйтерам строго исполнять постановление министра внутренних дел (к созданию этого документа он сам приложил руку), предписывавшее учреждать специальные дома для содержания проституток. Но и в этом отношении следовало твердо соблюдать принципы расизма: для иностранных рабочих надлежало создать отдельные бордели. В случае возникновения каких-либо трудностей при осуществлении этой программы Борман предписал немедленно обращаться напрямую в партийную канцелярию.

Вместе с тем Мартин понял, что демографическая обстановка в Германии серьезно ухудшилась. Он решил осуществить эксперимент, призванный решить одновременно несколько проблем: материнства, рождаемости и «чистоты арийской крови». Верный систематичному подходу, рейхсляйтер НСДАП создал поистине бесчеловечную систему. Под пропагандистскую кампанию о главном долге «ариек» — численном увеличении «избранной расы» — Борман учредил движение «Лебенсборн» («Источник жизни»). В Мюнхене открылся дом свиданий для интимных встреч прошедших проверку в расовом отношении женщин со столь же чистокровными «арийцами». В роли партнеров выступали в основном офицеры СС. Женщина получала документ, подтверждавший одобрение фюрером ее внебрачных связей. Она, со своей стороны, посещала заведение до зачатия ребенка. После рождения матери три месяца вскармливали детей в специальных клиниках и пансионах, после чего младенцев забирали и передавали на воспитание в семью, твердо придерживавшуюся нацистских взглядов. Фамилия и имя ребенка регистрировались в специальных списках СС. Со временем в разных городах Германии было открыто полтора десятка таких домов свиданий. [268]

Существовали также приюты «Лебенсборна» для детей, вывезенных из оккупированных стран. Туда отбирали детей, которые по размерам головы, носа, подбородка, составу крови и прочим «признакам» удовлетворяли требованиям «нордического типа». На основе этих данных чиновники СС решали, кто «достоин стать сыном великой Германии», а остальных отправляли в концлагерь. Избранным прививали нацистские

«добродетели»: преданность фюреру, повиновение воспитателям из СС, жестокость, ненависть к неарийским народам.

* * *

Одной из наиболее существенных проблем освоения оккупированных земель рейхсляйтер НСДАП считал — во исполнение планов фюрера о завоевании «жизненного пространства» для немцев — «освобождение» территории Польши от евреев. «Все, кто вершил убийства, умерли: Гитлер, Гиммлер, Борман, Гейдрих, Эйхман», — заявил Эрнст Кальтенбруннер, последним возглавлявший тайную полицию и службу безопасности, когда на Нюрнбергском процессе над военными преступниками зашла речь о массовом истреблении евреев. Он ошибался, полагая, что Эйхмана нет в живых, и забыл причислить к инициаторам Геббельса. Гиммлер, Гейдрих и Эйхман стояли у рубильника, включившего машину уничтожения. Геббельс в театральных припадках фанатизма раздувал истерию. Гитлер — реальная управляющая сила — давал устные указания своим «товарищам по партии» во время непринужденных бесед, не оставляя письменных подтверждений своей причастности к убийствам.

Роль Бормана хорошо видна на примере инцидента, случившегося ближе к концу 1940 года. Генерал-губернатор Ганс Франк был вызван в партийную канцелярию для обсуждения состояния дел в Польше, [269] территорию которой собирались использовать для создания центров размещения депортированных евреев. На той встрече, кроме гауляйтера Эриха Коха и гауляйтера Вены Бальдура фон Шираха, присутствовал также и Борман. Как обычно, после обеда Гитлер долго вещал, а его гости покорно внимали и с готовностью поддакивали. Борман сидел молча и вел запись беседы, одновременно намечая основные пункты будущего циркуляра.

Франк похвастал, что многие районы Польши, включая Краков, где находилась его резиденция, почти полностью очищены от евреев, которых свозили в специальные гетто. Но он возражал против направления туда евреев из других округов, ибо имевшиеся гетто уже оказались переполненными. Кроме того, если некоторые районы Польши войдут в состав рейха, то у него не останется места для создания новых еврейских резерваций. Кох заявил, что вообще очистит свой округ от евреев и поляков, а Ширах требовал вывезти более шестидесяти тысяч остававшихся в Вене евреев на оккупированную Германией территорию Польши.

Педантичный исполнитель, Борман не замедлил превратить слова в дело. Несколько дней спустя он напомнил Гитлеру о венских евреях, вновь возбудив в фюрере нетерпимость молодых лет, выплеснувшуюся на страницы «Майн кампф». Решение фюрера было коротким: в связи с дефицитом жилой площади в Вене «шестьдесят тысяч евреев, по-прежнему проживающих в венском округе, депортировать в Польшу без промедления, где удерживать вплоть до окончания войны»{37}. Борман сразу передал распоряжение Ламмерсу, который 3 декабря 1940 года направил сей приказ Шираху и руководителям СС и полиции. [270]

В начавшихся повсюду преследованиях и истреблении евреев роль Бормана была бюрократической — составителя приказов и законов, обычно подписывавшего их лишь совместно с главами и представителями других ведомств, ведавшего воплощением в жизнь воли фюрера и тщательно следившего за тем, чтобы никто не выпал из поля зрения палачей.

Теперь-то рейхсляйтер НСДАП проявил изобретательность, какой и в помине не было во время кампании против христиан. Гитлер создал для него прекрасную ширму, укрывшись за которой он — безвестный для широкой общественности — мог дать волю инстинкту убийцы. Более того, Борман даже гордился своей миссией. Зачастую нескольких антисемитских фраз, оброненных Гитлером за обеденным столом, хватало ему для создания нового указа. Особенно вдохновляло его то обстоятельство, что усердие, проявленное на этом поприще, никогда не покажется фюреру излишним; главное — ни малейшей жалости.

Борман знал, что в октябре 1940 года (всего за два месяца до конференции в Ванзее) Гейдрих приступил к депортации евреев в другие страны. Один из предложенных проектов предполагал создание транзитного коридора для переправки их на Восток. Но Гитлер уже отдал предпочтение «окончательному решению» (вместо дорогостоящей депортации — нещадная эксплуатация и физическое уничтожение) — не без содействия Бормана, который постоянно находился рядом, внимательно выслушивал все сентенции фюрера и имел возможность склонить его к выбору, совпадавшему с мнением самого рейхсляйтера.

От Гитлера не укрылось, что Борман порой действует своевольно и зачастую жестко. «Однако для победы в войне он мне необходим», — сказал фюрер [271] о своем доверенном помощнике именно в тот период, когда уже готов был принять предложение Бормана воздвигнуть вокруг себя глухую стену. Впрочем, у него всегда оставалась отдушина для связи с внешним миром: институт личных адъютантов — особый штат помощников

наподобие тех, какие были у монархов. В обязанности адъютантов входили не только обслуживание и курьерская работа, но и представительские функции при министерствах и организациях. Через них глава государства поддерживал связь со своими подчиненными. Хотя большинство из них не обладали влиянием и служили прежде всего слушателями полночных монологов, они могли передать лично фюреру те или иные послания, устные сообщения или слухи, а также беспрепятственно провести посетителей, что не раз нарушало планы Бормана. Борман старался решить эту проблему, налаживая дружеские отношения с адъютантами. Если же этот маневр не удавался, он начинал войну нервов, скрытую под глянцем холодного официального сотрудничества.

Одной из его излюбленных мишеней стал Вильгельм Брюкнер, в свое время принявший награду от герцога Кобургского и слывший любимым адъютантом Гитлера. Кроме всего прочего, Борман завидовал ряду преимуществ Брюкнера, в том числе во внешности: высокий и хорошо сложенный, он был офицером в годы первой мировой войны, участвовал в путче 1923 года, был осужден вместе с Гитлером и сидел с ним в ландсбергской тюрьме. Он знал о прошлом фюрера больше, чем кто бы то ни было. Форма обергруппенфюрера СА подчеркивала его лидирующее положение в личном штате Гитлера. Отсутствие политических амбиций, флегматичность и нежелание участвовать в каких-либо интригах вовсе не делали его фигуру более приемлемой в глазах Бормана. Гитлер лояльно относился к соратникам [272] по старым временам, пока те верно служили ему, даже если они иногда совершали промахи. Борман же терпеливо фиксировал ошибки, совершенные Брюкнером, — а таковых было немало, — чтобы в подходящий момент представить фюреру весь список. Этот день, настал 18 октября 1940 года. Борман записал в дневнике: «Увольнение старшего адъютанта Брюкнера за неисполнение указаний Канненберга».

История связана с визитом в Оберзальцберг принцессы Италии. Во время посещений Бергхофа титулованными дамами хозяин требовал особенно тщательного соблюдения норм этикета. В данном случае Гитлер даже привез своего берлинского мажордома Артура Канненберга. Естественно, фюрер принял принцессу в знаменитом Кельштейне (что Борман не преминул отметить в дневнике). Естественно, во время светской беседы подали чай, но… чай оказался слишком горячим, и принцесса обожгла рот. И это произошло в ситуации, когда все должно было работать как часы!

После встречи Гитлер дал волю своему гневу и поручил

Борману разобраться в этой истории. Канненберг доложил, что соответствующие указания он дал, но работавший на кухне Брюкнер не удосужился их точно выполнить. Представляя результаты своего расследования Гитлеру, Борман, как будто оправдывая Брюкнера, отметил, что тот просто уже постарел и не может досконально точно исполнять обязанности старшего адъютанта. Естественно, у рейхсляйтера нашлись примеры, подтверждавшие эту мысль. Борман предложил заменить Брюкнера адъютантом Юлиусом Шаубом — другим представителем «старой гвардии», который ничем особенным не выделялся, если не считать идеальное соответствие «германскому расовому типу». Борман считал, что этим человеком он сможет манипулировать. [273]

* * *

Рейхсляйтера НСДАП сильно обеспокоило намерение министра юстиции Франка Гюртнера распространить действие германского уголовного кодекса на присоединенные восточные территории, вошедшие в округа Данциг — Западную Пруссию, Вартеланд, Восточную Пруссию и Силезию. Такой шаг положил бы конец безнравственности, беззаконию и насилию партийных функционеров, ибо за преступные действия пришлось бы отвечать перед германским судом. Борман направил Ламмерсу пространный — на семи страницах! — протест. Точнее, он лишь подписал это послание, а готовили обоснование специалисты его бюро, поскольку сам рейхсляйтер не знал ни тонкостей юриспруденции, ни специальной терминологии, которой изобиловал сей документ. Но суть позиции безусловно была сформулирована именно Борманом: введение уголовного кодекса не позволит гауляйтерам воплотить провозглашенный фюрером девиз «Германия — только для немцев»; лишь с помощью силы — то есть в условиях жесткого чрезвычайного положения и без каких-либо юридических ограничений — можно заставить поляков подчиниться.

Борман был уже настолько уверен в своей силе, что выступил не как интерпретатор повелений хозяина, а как политический деятель, имевший право самостоятельно определять направление важнейших шагов! Конечно, он ссылался на фюрера, действовал как бы «во исполнение», но на самом деле вмешался в решение вопроса, затрагивавшего основы государственного устройства на оккупированных территориях. Подобными делами ведал сам фюрер! Выдающийся бюрократ, Борман таким образом не

позволил предложению министра попасть на стол Гитлера, — Ламмерс испугался, что Борман изложит свою аргументацию [274] фюреру (в результате он оказался бы в положении слуги, неспособного понять, что соответствует пожеланиям хозяина и что им противоречит), и положил документ под сукно. В конце концов министр юстиции предложил ввести на территории Польши особый уголовный кодекс. Борман решил не уступать ни на йоту и разразился новым посланием Ламмерсу, утверждая, что единственно допустимым шагом в области борьбы с преступлениями может стать только создание карательно-полицейских трибуналов, и требуя введения практики коллективных наказаний в отношении местного населения.

Свою идею Борман пояснил в следующем письме на примере действий гауляйтера Грейсера: когда в одной из польских деревень забросали камнями немецкого солдата, гауляйтер арестовал виновных и еще двенадцать человек из той же деревни, а затем, согнав жителей деревни на площадь, повесил всех арестованных. Гитлер, узнав об этом происшествии и предложении Бормана, согласился на создание трибуналов, в состав каждого из которых должны были входить три человека: председатель (функционер НСДАП) и два члена трибунала (представители полиции). Борман объявил, что эти трибуналы могут выносить только два вида решений: концентрационный лагерь или смерть. Гитлер воздал гауляйтеру Грейсеру почести за скорую расправу над поляками и подписал постановление, согласно которому все вопросы правосудия в отношении местного населения переходили из ведения министра юстиции в руки гауляйтеров. [275]

Партийная канцелярия

В голове Бормана прочно засела мысль прибрать к рукам часть недвижимости, принадлежавшей церкви. Его особенно привлекала собственность монастырей с обширными земельными владениями. 13 января 1941 года под грифом «Строго конфиденциально» он разослал всем гауляйтерам телеграфное сообщение, фактически ставшее сигналом к началу грабежей. Это послание в несколько строчек — прекрасная иллюстрация методов, которые исповедовал глава партийной канцелярии НСДАП.

> «Опыт показывает, что общественность не выражает негодования, когда переоборудование монастырей оправдано полученной от этого пользой. Не вызывает сомнения полезность госпиталей, домов отдыха, центров национал-политического образования, школ Адольфа Гитлера и т. д. Такие работы следует развернуть как можно шире».

Телеграмма, конечно, не являлась юридически закрепленным законом или декретом о конфискации собственности. Любопытно также, что Борман даже не ссылался на распоряжение Гитлера. Однако никто не сомневался, что внутри партии Гитлер поддержал бы рейхсляйтера НСДАП, а в случае серьезного скандала фюрер мог официально откреститься от причастности к этой программе.

Уже в марте гауляйтеры получили инструкции о том, какие предлоги рекомендовалось использовать [276] для проведения этих операций. Например, указывалось, что в Австрии конфискацию следовало производить под предлогом «нужд военного времени», то есть в связи с необходимостью налаживания производства (продуктов питания, тканей, изделий из кожи и т. д.), создания тюрем для содержания военных преступников (дезертиров и тех, кто нарушал режим военного времени, а также политических противников), обеспечения армии помещениями для солдат и складов боеприпасов. Поводом могло послужить также нарушение режима военного времени: утаивание даже нескольких литров молока; критические замечания в адрес партии; ружья, развешанные на стене в качестве декоративного украшения. В подобных случаях речи о компенсациях вообще не было.

Инструкция содержала косвенное указание на причастность

Гитлера: отчеты по фактам реквизиций надлежало направлять фюреру. Более того, во время визита в Вену Гитлер рекомендовал (не приказал!) передавать конфискованное имущество в собственность местных властей. Борман немедленно сообщил об этом решении Ламмерсу, стремясь упредить меры рейхсминистра финансов, который собирался рассматривать это имущество как собственность центрального правительства.

С добычей обходились согласно установленному Гитлером порядку: кто мог урвать кусок пожирнее, тот его и хватал. У Бормана появилась возможность проявить себя защитником интересов гауляйтеров и настоять на передаче конфискованного имущества монастырей в их ведение. В письме Ламмерсу он подчеркнул, что всякий, кто отрицает право гауляйтеров забрать это имущество в собственность партии, покушается на независимость гауляйтеров от правительственных органов. Тем самым рейхсляйтер НСДАП заодно оставил не у дел и министра внутренних дел Фрика. [277]

Тяжбу по поводу Клостернейбурга — одного из крупнейших и красивейших монастырей Австрии — можно считать типичным примером того, как готовилась и осуществлялась сама процедура конфискации. Через несколько дней после издания Борманом указания о начале кампании против монастырей партийные лидеры Остланда (восточных земель) собрались в Вене, чтобы выбрать жертву пожирнее. Их взоры привлек монастырь в окрестностях Вены. Раскинувшийся на площади более девяти тысяч гектаров (что соответствовало доброй сотне крупных ферм) и владевший, кроме того, еще несколькими отдельными земельными участками, многими зданиями (все поддерживались в отличном состоянии), церковью XII века, произведениями искусства, ценной коллекцией монет, библиотекой из 120 тысяч томов и знаменитыми винными погребами, Клостернейбург оказался поистине лакомым кусочком. Предварительно решено было разместить в стенах монастыря одну из школ Адольфа Гитлера, цель которых состояла в воспитании молодого пополнения партии. Размеры владений, наличие хороших зданий и почти идеально ровные поля, на которых предполагалось создать комплекс спортивных площадок, сочли особенно подходящими условиями. Однако действовать следовало без промедления, поскольку за право открыть очередную школу боролся также Гамбург.

На следующий день венское гестапо приступило к изучению накопленных материалов. Среди прочего выяснилось: некогда возникло подозрение в том, что в монастыре производились незаконные операции с валютой (впрочем, впоследствии

оказалось, что подозрения были беспочвенными); прелат поддерживал дружеские отношения с бывшим канцлером Куртом фон Шушнигом; некоторых монахов обвиняли в нарушении правил морали и монастырского устава, других подозревали в подрывной деятельности. Было [278] решено возбудить судебный процесс по последнему пункту. Буквально через месяц, то есть в феврале 1941 года, рейхсляйтер и губернатор Вены Бальдур фон Ширах подписал приказ о конфискации.

В декабре 1940 года рейхсляйтер НСДАП вновь пожаловался Гитлеру на своевольного гауляйтера Йозефа Вагнера, не желавшего отдавать бразды правления ни в одном из подчиненных ему округов. Диктатор внял просьбам верного паладина, и в дневнике последнего появилась запись: «Фюрер потребовал, чтобы Йозеф Вагнер убирался в Южную Вестфалию». Неделю спустя, когда Гитлер интенсивно занимался подготовкой нападения на Советский Союз и находился буквально на грани нервного срыва, Борман опять вернулся к этой проблеме. «Фюрер повторил, что этот вопрос решен окончательно, что Вагнер должен подчиниться и принести извинения и что в противном случае он будет вообще разжалован». Однако до увольнения дело не дошло: возмутитель спокойствия счел за лучшее отступить и возвратиться в Бохум. В январе 1941 года Гитлер подписал приказ о разделе Силезии и назначениях, предложенных Борманом.

* * *

Долгие годы Борман шел к вершине, прокладывая себе путь интригами и расталкивая конкурентов локтями. В то же время успех стал возможен в огромной степени благодаря его поразительной работоспособности, граничившей с одержимостью. В итоге он одержал верх почти над всеми приближенными фюрера. Лишь несколько высших руководителей сохранили относительную независимость, но и те не смели вступать в открытую конфронтацию, поскольку Борман [279] обладал правом вещать от имени самого фюрера. И все-таки не была бы его власть столь всеобъемлющей, если бы не произошло из ряда вон выходящее событие, глубоко шокировавшее всю страну, — тем более что случилось оно в тот момент, когда Гитлер покорил пол-Европы.

11 мая 1941 года, приблизительно в 10 часов утра, в Бергхофе появились адъютанты Рудольфа Гесса Дитш и Летген. Перепуганные, с побелевшими от страха лицами, они сообщили, что доставили от своего патрона личное письмо фюреру. В эти

утренние часы Гитлер, по обыкновению, еще спал, и гостям пришлось дожидаться в приемной. Когда пришел Шпеер с охапкой архитектурных эскизов, приехавшие попросили пропустить их вперед ввиду срочности миссии. Наконец, Гитлер вышел из своих покоев на втором этаже и не спеша спустился по широкой лестнице. Фюрер пригласил Дитша в примыкающую комнату. Шпеер только начал раскладывать эскизы, как вдруг услыхал нечленораздельный звериный вопль, перешедший в визгливые крики: «Бормана, живо! Где Борман?»

Тем, что так разъярило Гитлера, немедленно потребовавшего к себе самого доверенного слугу, было письменное сообщение Гесса о намерении вылететь в Англию, дабы, воспользовавшись поддержкой влиятельных друзей, положить конец войне против Британской империи до начала тщательно спланированной кампании против Советского Союза. Борман получил задание немедленно вызвать Геринга, министра иностранных дел фон Риббентропа и генерала люфтваффе Эрнста Удета. Суть происшедшего вскоре прояснилась.

Накануне после полудня Рудольф Гесс — военный летчик, постоянно поддерживавший летные навыки, — вылетел из аэропорта Аугсбурга на самолете «Мессершмитт-110» в сторону Северного моря, взяв [280] максимальный запас топлива, карты и последние сводки погоды. Удета спросили о шансах Гесса добраться до Англии. Справившись о состоянии погоды, тот рапортовал, что, учитывая трудности навигационного характера, этот перелет в равной степени может окончиться как успехом, так и неудачей.

У Гитлера появилась надежда: «Хоть бы он упал в Северное море! Тогда он исчезнет без следа и мы сможем придумать объяснение». На деле же Гесс, проявив удивительное умение, добрался до цели своего полета, дотянув аж до Шотландии, и приземлился за двенадцать часов до того, как ад разверзся в Бергхофе.

Гитлер был уверен, что Гесс не выдаст государственные секреты, но его чрезвычайно заботило, как сообщить германской общественности и союзникам об исчезновении заместителя фюрера, официально назначенного вторым (после Геринга) преемником высшей власти в государстве. Консультации по этому поводу тянулись часами и завершились принятием предложения Бормана объявить Гесса обезумевшим. Шеф германской прессы Дитрих получил задание распространить от имени правительства заявление о том, что Рудольф Гесс, нарушив приказ Гитлера, запретившего ему летать по причине прогрессирующего заболевания, вновь сел в самолет, но из полета не вернулся.

Письмо назвали свидетельством душевного расстройства Гесса. Поэтому, увы, оставалось предположить, что он разбился.

С экспертом в области пропаганды Геббельсом не посоветовались, и он, узнав о случившемся, назвал выбранное объяснение «идиотским». В ближайшее время выяснилось, что он оказался прав: британская радиостанция Би-Би-Си сообщила, что Гесс находится в плену у англичан. Пришлось подготовить еще одно заявление. Суть его сводилась к тому, что Гесс, [281] подверженный душевному недугу (на самом деле он был вполне здоров), под влиянием гипнотизеров и астрологов впал в кризисное состояние и вообразил себя исполнителем некой особой миссии{38}. Говорилось также о необходимости установить степень причастности представителей упомянутых эксцентричных профессий к данному инциденту.

Обоих адъютантов Гесса, хотя они ни в малой мере не были посвящены в детали всей этой истории, отправили в концентрационный лагерь. Всех, кто в последние дни видел Гесса, допрашивали; многие оказались под арестом.

Многие подозревали, что именно Борман подговорил Гесса совершить этот полет. Однако Гесс действительно верил в свой шанс обезопасить Германию от удара в спину во время войны против Советского Союза. Конечно, Мартин знал о пристрастии заместителя фюрера к «нетрадиционным» наукам. Гесс изучал труды древних египетских астрологов и восхищался профессором геополитики мюнхенского университета Карлом Хаусхофером{39}, преклонявшимся перед научными достижениями древних. Удивительно, но именно этот чудаковатый профессор, лекции которого Гесс посещал еще в 1920 году, оказал неоценимую услугу Борману. Как и Гесс, Хаусхофер верил в предчувствие и предвидение. Его астрологические [282] выкладки «свидетельствовали» о том, что немцы станут расой господ, Германия раскинется от Атлантики до Урала и объединится с Японией, и эти предсказания его студент внес в «Майн кампф» своего фюрера.

Мистицизм в трактовке Хаусхофера разделяли многие представители нацистской верхушки, включая самого Гитлера. С началом второй мировой войны профессор горячо проповедовал свою теорию о том, что, согласно мистическим признакам, конфликт с Англией на раннем ее этапе являлся серьезной ошибкой. Гесс оказался тем проводником, посредством которого идеи Хаусхофера достигали Гитлера.

Разделяя теорию профессора, Гесс предложил договориться с англичанами о разделе мира на сферы влияния. Впервые он обсудил эту тему с фюрером в октябре 1940 года. Идея Гитлеру

понравилась, но он не знал, как ее осуществить. Гесс поделился планами со своим штабсляйтером. Борман предположил, что в таком деле наиболее эффективным средством могли бы оказаться личные связи с влиятельными английскими деятелями, способными произвести соответствующую подготовку внутри самой Англии. Заместитель фюрера внял этому совету и решил действовать через герцога Гамильтона, с которым у него некогда установились дружеские отношения — оба фанатично любили летать. Герцог на письма не отвечал (ведь Германия и Британия находились в состоянии войны), и Гесс решил добраться до его имения и побеседовать лично.

Несколько месяцев Гесс готовился к дальнему одиночному перелету, изучал навигационную специфику воздушного путешествия из Германии в Шотландию. Второй после фюрера человек в НСДАП имел в собственном распоряжении современный боевой самолет «Мессершмитт-110». Для обеспечения дальнего перелета на фюзеляже истребителя был [283] смонтирован дополнительный бак для горючего. За неделю до вылета, 4 мая, сразу после завершения сессии рейхстага Гесс в личной беседе с Гитлером вновь убедился в том, что фюрер не возражает против его идеи разделить весь мир на две сферы влияния.

Интересно мнение камердинера Гитлера Линге, который был свидетелем сцены, разыгравшейся 11 мая, когда Борман несколько минут поносил своего бывшего патрона, обвиняя его в измене, и проводил параллели с предательством в Пархиме. Скорее всего, такое поведение стало проявлением страха: рейхсляйтер НСДАП опасался, как бы фюрер не заподозрил его в соучастии. Линге увидел тогда в выражении лица и в глазах Бормана свидетельство того, что полет Гесса был для него полной неожиданностью. В течение следующих дней Мартин подробно записывал в дневнике все о происходивших событиях и потом тщательно анализировал записи. Не мудрено: этот момент мог оказаться переломным в его жизни. Либо он выстоит и сделает еще один шаг наверх, либо сорвется, и тогда вчерашние вассалы растопчут его. Конечно, он собрал на них горы компрометирующих материалов, но кто прислушается к нему, если он попадет в опалу?

12 мая, едва Би-Би-Си сообщило о перелете и пленении Гесса, Гитлер приказал на следующий же день созвать в Оберзальцберг всех рейхсляйтеров и гауляйтеров. Телетайп Бормана работал безостановочно; невзирая на расстояния, почти все приехали вовремя. О случившемся они знали лишь то, что сообщалось в первом заявлении, и, сталкиваясь с Борманом в Бергхофе,

забрасывали его вопросами. Но тот, напустив [284] на себя важный вид занятого человека, отмахивался от назойливых коллег. Наиболее влиятельные особы все-таки прорвались к Гитлеру, но прочих Борман приказал не пускать.

Геринг, еще не лишившийся благосклонности фюрера, задал Гитлеру вопрос о преемнике Гесса и сразу высказался против кандидатуры Бормана, отметив, что на самом деле внутри партии у рейхсляйтера НСДАП были только враги. Лею, сброшенному Борманом с прежде завоеванных высот и долгое время терпевшему от него притеснения, представился удобный случай расквитаться. Приняв стойку «смирно», он отрапортовал, что, несмотря на занятость, готов взять на себя обязанности заместителя фюрера по делам партии. Лей тут же подчеркнул, что первый помощник предателя ни в коем случае не должен стать преемником предателя. Гитлер пообещал Герингу и Лею, что ни при каких обстоятельствах не назначит Бормана своим заместителем по делам партии. Кроме того, он заявил о намерении взять на себя ответственность за промахи политических лидеров и упразднить бюро Гесса: по обыкновению, фюрер не стеснялся давать обещания, ибо не считал себя обязанным их выполнять.

К 4 часам пополудни в гостиной собралось около семидесяти человек. Гитлер, Геринг и Борман вышли к ним с траурной торжественностью.

Борману выпала честь огласить послание Гесса. Содержание письма произвело на присутствовавших потрясающее впечатление. Но не успела затихнуть последняя фраза, как Гитлер, переживавший один из черных дней в своей карьере, взорвался гневом и яростью, закричал, что Гесс отрекся от истины, изменил делу и нарушил дисциплину в тот самый момент, когда германские дивизии стягивались к восточным рубежам «великого рейха» и могли в любую минуту получить приказ о начале «величайшей [285] военной операции». Заявление о ближайших планах шокировало присутствовавших, которые в большинстве своем не подозревали, что война против Советского Союза должна начаться так скоро.

Между тем один из присутствовавших — Эрнст Вильгельм Боле, гауляйтер всех немцев, проживавших за рубежом, — не на шутку испугался, узнав о содержании послания Гесса. Он родился и вырос в Англии и хорошо знал английский язык. Теперь он вспомнил, что несколько месяцев назад Гесс среди ночи вызвал его в свою берлинскую резиденцию и попросил перевести на английский язык письмо, адрессованное герцогу Гамильтону. Послание содержало те же идеи, о которых говорилось в

документе, только что зачитанном перед собранием гауляйтеров.

Боле решил рассказать о том случае и попросил Бормана организовать для него приватную беседу с фюрером. Вскоре он получил желаемое. Гитлер впился взглядом ему в глаза и спросил: «Вы что-нибудь знали об этом раньше?» Едва Боле начал говорить, Гитлер обрушился на него с кулаками. Борман предпочел не вмешиваться, но Геринг предложил Гитлеру все-таки выслушать Боле до конца.

Хотя никто не высказывал это вслух, все уже поняли, кто именно станет преемником Гесса. Мартин Борман… вдруг повел себя отвратительно официально, — с этими отталкивающими манерами каждый был знаком по временам, когда рейхсляйтер НСДАП был «на коне». Стало очевидно, что гнев фюрера прошел стороной, и Борман умудрился вызвать к себе еще большие симпатии хозяина.

Поздней ночью приглашенных отпустили. Получив папки с руководящими документами, они отправились по домам и только потом в этих папках обнаружили указ фюрера. [286]

> «Фюрер приказывает: прежнюю службу заместителя фюрера переформировать в партийную канцелярию, которая отныне будет действовать под моим личным руководством. Старшим чиновником партийной канцелярии назначается рейхсляйтер Мартин Борман.
>
> 12 мая 1941 г. Адольф Гитлер».

Как и обещал, Гитлер не назначил Бормана преемником Гесса: этот пост был просто упразднен. Однако если кто-то надеялся заодно избавиться и от штабсляйтера НСДАП, то просчитался. Организационная структура партии не изменилась, просто бюро Гесса стало называться партийной канцелярией и получило возможность еще более расширить свою деятельность. А править партийной канцелярией остался все тот же лукавый бюрократ, умело избегавший широкой известности, но в действительности гораздо более амбициозный, чем его предшественник. Заняв место «нации номер два», он мечтал теперь стать «человеком номер два» и в государстве.

Примечательно, что в указе Гитлера не говорилось о Гессе, хотя он улетел всего два дня назад, тогда как одним из первых шагов Бормана стало распоряжение принять меры к тому, чтобы стереть имя Гесса из памяти народа, предав «изменника» забвению. В связи с этим много работы появилось у гестапо. Из Оберзальцберга пришли конкретные указания: изъять портреты Гесса из всех партийных и государственных учреждений, а тех, кто вознамерится препятствовать этому, строго наказывать.

Подробный отчет об операции лег на стол Бормана, который изыскивал новые и новые средства, стараясь смыть с себя подозрения в причастности к злополучному перелету.

Чтобы выразить свое негодование по поводу поступка бывшего шефа, он решил даже сменить имена своих детей. Гесс был крестным отцом Рудольфа, родившегося [287] 31 августа 1934 года, а фрау Ильзе Гесс приходилась крестной матерью Ильзе, появившейся на свет 9 июля 1931 года. После измены заместителя фюрера детей стали называть соответственно Гельмутом и Эйке.

Борман использовал любую возможность, чтобы усилить гонения против всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к Гессу. Под общую гребенку в руки Мюллера и Гейдриха попал даже гауляйтер Боле. Однако благодаря вмешательству рейхсляйтера НСДАП его быстро оправдали и выпустили.

Ильзе Гесс утверждала, что ничего не знала о планах мужа. Однако ей не давали покоя, и она пожаловалась Гитлеру на действия Бормана. Мартину пришлось поубавить рвение. В доказательство своей непричастности фрау Гесс предъявила фюреру письма, присланные мужем из Англии. По стилю и содержанию они напоминали бессвязный бред сумасшедшего. Борман немедленно создал группу цензоров и приказал: впредь подобные письма не должны доходить до фрау Гесс. Но Гитлер распорядился снять с нее всякое наблюдение и назначить пенсию в соответствии с министерским окладом ее мужа. Однако Борман затягивал с выплатой пенсии — он был большой мастак на такие дела. После длительной переписки о доме Гесса в Берлине, который — как вдруг выяснилось — тоже числился на балансе партии, Борман содрал с фрау Гесс двойную цену за дом и лишь после этого начал выплату пенсии.

Одним из упрямцев, выступивших в защиту Гесса, был все тот же профессор геополитики мюнхенского университета Хаусхофер, знавший Гесса еще студентом и поддерживавший с ним тесные отношения в последние годы. За дело профессора, которому исполнилось семьдесят два года, и его сына Альбрехта Мартин взялся с особой свирепостью. [288]

Обоих арестовали, причем сына продержали в тюрьме долгое время. Научные труды отца были запрещены{40}.

Борман инициировал преследования всех, кого можно было отнести к категории гипнотизеров, астрологов и им подобных, хотя не существовало свидетельств того, что они повлияли на решение Гесса. Просто бывший заместитель фюрера был ипохондриком, страдавшим от целого букета психических комплексов и абсолютно не доверявшим официальной медицине.

Он верил в силы природы и в мастерство знахарей и лечился — как, кстати, и Гиммлер — у знахаря и массажиста Феликса Керстена, который считал, что в данном случае причиной расстройства психики является сексуальное бессилие. Узнав об этом, Борман написал Гиммлеру, что перелетом в Шотландию Гесс, возможно, стремился продемонстрировать свою мужественность.

Примитивный реалист, Борман и прежде приходил в недоумение, выслушивая странные откровения своего патрона, которые не укладывались в рамки национал-социалистской идеологии. Теперь же он разослал гауляйтерам инструкцию, направленную против религиозных и оккультных кругов, предписывая самым решительным образом оградить общество от неопределенности и смуты; как клерикалы пугали людей неизбежным концом мира, так и предсказатели, ясновидцы, астрологи и гадалки твердили, что некие сверхъестественные силы природы выше политических и военных законов развития войны. Гауляйтерам следовало поработать над идеологическим просвещением населения, доказывая, что лозунги политических предсказателей опровергнуты практикой национал-социализма, всегда опиравшегося [289] на научное познание законов расы, жизни и природы.

Две недели спустя Розенберг, рейхсляйтер идеологии, получил от Бормана циркуляр, предписывавший принять меры, которые поощряли бы в народе изучение национал-социалистской идеологии, настоятельную необходимость которого подтвердили события прошедшей недели. Глава министерства пропаганды получил указание провести соответствующую чистку магазинов, торговавших книгами и периодическими изданиями, ликвидировав все материалы по астрологии и прочим лженаукам, основанным на вере в сверхъестественное.

Благодаря рвению Бормана эта кампания растянулась на несколько месяцев и привела к появлению огромного числа приказов, инструкций, циркуляров, разъяснений и прочих документов, на которые было потрачено неимоверное количество бумаги, чернил и рабочего времени. Маги и иллюзионисты надолго исчезли с большинства цирковых арен и подмостков варьете. Им разрешали работать только в том случае, если они подписывали обязательство (перед партией и гестапо) объяснять в конце представления технику исполнения своих номеров — от карточных фокусов до распиливания женщины, — доказывая тем самым, что ничего сверхъестественного в этом нет{41}.

Оказавшись шефом партийной канцелярии, Борман ринулся в бой, завоевывая для себя и своего ведомства главенствующее

положение. Он понимал, [290] что вряд ли у него есть истинные друзья в среде рейхсляйтеров и гауляйтеров и что новое назначение наверняка увеличило ряды его недоброжелателей. Первым своим приказом он вновь утвердил в должностях всех партийных лидеров и дал понять: для любого у него найдется не только пряник, но и кнут.

Подчеркнув, что партийная канцелярия (а значит, и ее руководитель) действует под непосредственным руководством фюрера, с его ведома и по его приказам (что делало Бормана недосягаемым для критики), рейхсляйтер НСДАП привел длинный перечень своих достижений и заслуг, заключив его выводом, что для блага партии он «работал, как лошадь, и даже более, ибо у лошади есть возможность отдохнуть в выходные дни и поспать ночью», в чем он зачастую себе отказывал.

Борман был абсолютно уверен в поддержке фюрера и даже предложил всем, кто считал, что справится со столь ответственной работой лучше его, в ближайшее время лично заявить о своих претензиях Гитлеру, обещая немедленно выслать всем желающим приглашения к фюреру на ленч. Однако все уже понимали, чем обернутся эти мероприятия после того, как Борман получит полный список визитеров, не говоря уже о том, что Гитлер и сам мог вспылить, расценив подобные заявления как открытое неповиновение.

Всего через две недели после памятного сбора лидеров НСДАП, 29 мая 1941 года, Гитлер подписал приказ о присвоении Борману правительственных полномочий на уровне министра и ввел его в состав совета министров по вопросам обороны на правах члена правительства. Кроме того, фюрер объявил, что в компетенцию главы партийной канцелярии отныне входят все аспекты, которые прежде — в соответствии с законами, постановлениями и декретами — находились в ведении заместителя фюрера. Таким [291] образом, Борману были даны все прежние прерогативы Гесса, за исключением официальных должностей министра и заместителя фюрера. Итак, Гитлер сдержал слово: формально Мартин не стал преемником Гесса. Но Борман не расстраивался: без громких званий и титулов он мог и далее оставаться в тени, сосредоточив в своих руках огромную реальную власть.

Весьма примечательно, что теперь рейхсляйтер НСДАП доводил приказы фюрера до сведения Ламмерса, который возглавлял административный аппарат правительства и осуществлял связи между главой государства и министерствами. Вопреки законам, Гитлер установил новый порядок в иерархии, о чем известил каждого руководителя правительства специальным

письмом с грифом «Лично в руки!». Отныне фюрер правил самодержавно, восседая на троне в заоблачных высотах; шеф партийной канцелярии оберегал его от необходимости самому разбираться в ворохе многочисленных предложений, планов и просьб. Таким образом, Борман стал советником, интерпретатором и глашатаем высшей воли — и притом единственным!

* * *

В то время его опаснейшими противниками были Геринг и Лей, принадлежавшие к высшим кругам нацистской иерархии и старавшиеся настроить против него самого Гитлера. Инстинкт подсказывал Борману не затевать борьбу одновременно с обоими. Декрет Гитлера от 29 мая сохранил его влияние в правительственном секторе, но внутри партии Лей собирал союзников, надеясь, что без поддержки Гесса Борман не устоит.

4 июля 1941 года Борман отправился к Герингу, заранее испросив у того согласие на встречу. В ходе [292] беседы рейхсмаршал подчеркнул, что осведомлен о распространенном мнении, будто партией можно пренебречь, но сам его не разделяет. Борман же обратил внимание собеседника на попытки отдельных рейхсляйтеров создать некие группировки внутри НСДАП, чтобы проводить (каждый — в своей области) согласованную политику посредством законов, указов, циркуляров и пр. Поразмыслив, Геринг назвал подобные планы нереальными. После полуторачасовой беседы они пришли к соглашению. В заключение Борман просил рейхсмаршала немедленно обращаться к нему напрямую, если возникнут какие-либо идеи, в реализации которых партия сможет оказать поддержку. Сразу после этих переговоров рейхсляйтер НСДАП приказал своим помощникам Гельмуту Фридриксу и Герхарду Клопферу работать в тесном сотрудничестве с аппаратом Геринга.

Соглашение между ними было мерой временной, направленной против общих врагов всех рангов и званий. Оба стремились надеть узду на самовольных рейхсляйтеров и гауляйтеров. Теперь у Бормана появилась уверенность в том, что правительственный сектор его службы не подвергнется сокрушительному нажиму конкурента и ему не придется вести войну на два фронта. Пришло время начинать кампанию против бунтовщиков. Начало июня Гитлер полностью посвятил последним приготовлениям к нападению на Советский Союз и, предвкушая роль верховного командующего и отгородившись от

всех государственных чиновников — исключение было сделано только для Бормана, — обживал ставку «Вольфшанце» («Волчье логово») в Восточной Пруссии.

Одновременно Борман сумел приобрести еще одного важного союзника (его высоко ценил Гитлер) в лице рейхсминистра Фрица Тодта, который возглавлял министерство вооружений и «Организацию Тодта» (ОТ) — особые полувоенные формирования [293] рабочих и инженеров, занятых в основном возведением фортификационных сооружений вдоль побережья Атлантического океана. Борман жаловался ему на негативные последствия, к которым вела раскольническая деятельность Лея вкупе с рядом рейхсляйтеров внутри партии. Альянс с Тодтом не стал для Бормана неожиданной удачей. Давние разногласия между Леем, как руководителем германского трудового союза, и Тодтом, как главой ОТ, были столь глубоки, что они не смогли даже договориться, кому отвечать за организацию торговых лавок в поселках строителей. Борман отметил для своих помощников: «Отвечая на мой вопрос, доктор Тодт сказал, что осуществление планов Лея недопустимо, поскольку это может полностью разрушить партию и нанести значительный ущерб планам правительства».

Долговременной целью Лея была полная власть над политическим корпусом, то есть власть как над самой партией, так и над ее вспомогательными структурами. Он не мог открыто обратиться к гауляйтерам с подобными предложениями, поскольку каждый из них оставался деспотом в своем округе и смертельным врагом центральной власти. Поэтому Лей постарался привлечь рейхсляйтеров, которые наравне с ним хронически страдали от посягательств на свои властные полномочия, пообещав им твердо соблюдать границы ведомственной компетенции. Установив жесткий порядок внутри самой НСДАП, он рассчитывал предотвратить вторжение партийной канцелярии в чужие сферы деятельности. Ему удалось заручиться поддержкой многих рейхсляйтеров, среди которых выделялись влиятельные фигуры Фрика, Франка и Розенберга. Лей начал открытую войну, объявив, что не партийная канцелярия, а его организационный отдел должен принимать решения относительно назначений внутри партии. В этом состоял [294] ключевой момент стратегии Лея; он полагал, что, взяв верх на этом направлении, обеспечит себе общую победу. Дело же обернулось так, что эта битва стала его Ватерлоо.

Борман подошел к решающей схватке во всеоружии, но ему чрезвычайно важно было закрепить свои позиции третьим декретом. Первые два определили его положение, третий же

должен был обеспечить ему особые полномочия. Он уже написал набросок соответствующего указа и передал его помощникам для окончательной доработки. Фридрикс настаивал на соблюдении особой осторожности, ибо ситуация не требовала немедленного обращения к фюреру с таким предложением, да и среди гауляйтеров оно могло вызвать взрыв недовольства. К тому же в порядке консультации Гитлер мог ознакомить с проектом самого Лея.

Борман решил придержать декрет до тех пор, пока не подготовит фюрера соответствующим образом, и в качестве первого шага сообщил хозяину о наметившихся тенденциях к расколу среди рейхсляйтеров. Он тщательно следил за тем, чтобы не дать повода заподозрить себя в каких-либо интригах, и во время ежедневных докладов старался всеми возможными способами внушить хозяину уверенность в том, что слуга ни в малейшей степени не наделен властью действовать самостоятельно, но верно и хорошо трудится над тем, что представляется особенно важным для господина. А партийная канцелярия ныне является структурой, никоим образом не отделенной от фюрера и подчиняющейся непосредственно ему.

Лей не получил от Бормана вразумительных ответов по сути своих запросов и, потеряв терпение, 1 июля направил ему резкое послание, потребовав передать его ведомству досье на всех руководителей, назначения которых утверждались фюрером. Он заявил, что конфликт будет окончательно исчерпан лишь [295] после передачи ему всех личных дел, хранившихся в партийной канцелярии.

Это письмо догнало Бормана в «Вольфшанце» в тот самый день, когда там с радостью подсчитывали потери Советов под Минском и рассчитывали на новые крупные победы в ближайшем будущем. Гитлер был полностью занят величайшей военной кампанией в истории; партия и ее внутренние проблемы могли подождать. Борман понимал, что хозяин не захочет отвлекаться от боевых сводок и вникать в перипетии бюрократической возни, и вскользь упомянул о тяжбе с Леем. Гитлер только отмахнулся: оставить пока все по-старому — желанный результат! А уж умением подать указание фюрера в наиболее выгодном для себя ракурсе Борман владел в совершенстве. 15 июля он написал Лею, что фюрер распорядился проинформировать его о своем приказе не изменять действовавший порядок и оставить личные дела в ведении партийной канцелярии, что выдвигать предложения о кадровых перемещениях и назначениях в партии имеет право лишь тот, кто постоянно находится рядом с фюрером и верен ему. Таким образом, в ведении центрального кадрового бюро Лея по-

прежнему осталась только чудовищно огромная картотека на миллионы рядовых членов НСДАП.

Фраза об исключительном праве ближайшего соратника фюрера фактически означала достижение поставленной цели: сфера интересов Бормана была надежно защищена от посягательств противника. Кто осмелится подвергнуть сомнению целесообразность приказа самого Гитлера? Теперь нужда в третьем декрете отпала{42}. [296]

* * *

23 июня 1941 года, выезжая специальным поездом из Берлина в «Вольфшанце» с фюрером и его свитой, Мартин Борман считал, что начинается эпоха великого переселения немцев на восточные равнины, которое было названо в «Майн кампф» главной задачей третьего рейха. Никто не знал тогда, какую территорию накроет вал завоеваний, где пройдут дальние рубежи «Великой Германии». Недалеко от Москвы? Вдоль гор Урала? Или волна наступления преодолеет эту горную гряду и обрушится на Сибирь? Лишь победа в войне сомнений не вызывала. В планах недостатка не было. Гитлер, Геринг, Розенберг и Гиммлер дали волю фантазии, решая судьбы народов и земель. Борман пока оставался в стороне. Он не обладал ни буйным воображением, ни широкими познаниями и не тратил времени на раздел шкуры неубитого медведя. Рейхсляйтер НСДАП спокойно ждал, когда настанет пора сесть за рабочий стол и заняться реальными назначениями. Вот тогда-то он вновь раскинет тенета бюрократического аппарата, умножит ряды своих верных бойцов на том невидимом фронте, где сражения сопровождаются не лязгом гусениц, а скрипом перьев, не артиллерийской канонадой, а трелями телефонных звонков, не автоматными и пулеметными очередями, а треском телетайпов.

Задолго до нападения на Советский Союз у Бормана уже имелись обширные и подробные записи о том, какие планы наметил Гитлер в отношении народов Востока. Модель подобных действий отрабатывалась на поляках, обсуждению статуса которых была посвящена беседа, состоявшаяся в рейхсканцелярии [297] в октябре 1940 года (приглашенные: Франк, Ширах и Кох). Гитлер объявил поляков «лентяями от природы», которых следовало заставить трудиться и приучить к роли слуг. Об их национальной культуре и цивилизованности впредь не могло быть и речи: предписывалось поддерживать образование и жизнеобеспечение на самом низком уровне. С особым

удовольствием Борман записал, что будущее «недочеловеков-большевиков» должно оказаться еще худшим.

Вопрос состоял в том, какому из предложенных подчиненными планов Гитлер отдаст предпочтение. Идея вермахта опиралась на систему кайзеровских времен, когда на оккупированной территории победители устанавливали жесткую диктатуру, опиравшуюся на силу армии, а экономику регулировали представители крупной промышленности. Концепция Гиммлера была построена на принципе подчинения низших рас, предназначенных для рабского труда на благо высшей расы, а земли следовало просто поделить между «сверхчеловеками». Кроме того, был еще план Розенберга, эмигранта из Прибалтики, ненавидевшего русских большевиков и предлагавшего истребить их руками украинских националистов.

Когда германские войска уже приготовились к нападению, Борман принял свое решение относительно планов конкурентов: как можно дольше поддерживать пламя вражды между ними, — точно в стиле Гитлера, использовавшего этот метод с момента образования НСДАП. Он оказал моральную поддержку Розенбергу, пообещав отстоять точку зрения партии в борьбе как против военных, вознамерившихся взять в свои руки управление огромными территориями, так и против полиции и СС, желавших избавиться от надзора гражданских лиц и бесконтрольно осуществлять кампанию всеобщего террора. [298]

Перед вступлением в должность рейхсминистр Востока потребовал от Гиммлера полного подчинения в решении главных вопросов. Однако рейхсфюрер СС сослался на распоряжение Гитлера, разрешившего ему действовать совершенно независимо в пределах своих полномочий, и призвал в свидетели именно Бормана. «Конфиденциально» Гиммлер сообщил «дорогому Мартину», что совместная работа с Розенбергом — самое трудное задание, которое когда-либо ставила перед ним партия.

16 июля 1941 года Гитлер решил разделить пирог на всех. В то время он был воодушевлен результатами первых сражений: советские войска не могли прийти в себя, постоянно попадали в окружение и несли огромные потери. Шестерка главных действующих лиц (кроме Гитлера и Бормана присутствовали Розенберг, Геринг, Ламмерс и Кейтель) не сомневалась в победе. По обыкновению, протокол, который впоследствии лег в основу «совершенно секретного документа государственного значения», вел Борман. Остальные участники позже получили копии — ошибок в документе быть не могло, так как окончательный вариант подписал сам Гитлер. Геринг и Розенберг вознегодовали при виде столь «неквалифицированно составленного» документа,

но ничего изменить уже не могли. Борман придал указу именно такой вид, который оставлял свободу маневра ему самому и ставил его над членами правительства. Кроме того, он внес в его содержание собственные предложения, не согласовывая их с прочими участниками совещания, которое длилось до пяти часов утра. Естественно, большую часть времени Гитлер произносил монологи, а в паузах слушатели могли задать вопросы, выяснить отношение фюрера к своим идеям.

Нетрудно понять, почему отсутствовал Гиммлер: суд не приглашает палача для вынесения приговора. Дело последнего — исполнять решение. Гейдрих, [299] специальный уполномоченный Гиммлера, находился в это время в ставке СС, укрытой в лесу всего в нескольких километрах от «Вольфшанце». Нетрудно представить ярость, охватившую Гейдриха при известии, что его оставили не у дел. Никто из собравшихся не высказал сожалений по поводу отсутствия Гиммлера, а Розенберг был даже откровенно рад этому. Ни Борман, ни Геринг не причисляли рейхсфюрера СС к деятелям второго эшелона власти. В меморандуме Бормана были четко определены полномочия Гиммлера: в отношении местного населения предпринять шаги, необходимые для восстановления мира, обеспечения исправности линий коммуникаций и поставок продовольствия, применяя все меры вплоть до расстрелов, выселения и т. д.; уничтожить всякого, кто вздумает противиться германскому владычеству. Для выполнения этой миссии бригады СС надлежало укомплектовать соответствующей техникой, начиная от бронемашин и кончая «юнкерсами» для бомбардировок населенных пунктов, жители которых могли оказать упорное сопротивление. Подавлять, заставлять, управлять — вот приоритетная задача.

После перелета Гесса Борман объединился с Герингом в борьбе против остальных рейхсляйтеров. Эти двое задолго до совещания договорились между собой о предстоящих назначениях на ключевые посты. Комиссаром богатой Украины они хотели видеть гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, тогда как Розенберг справедливо опасался, что своевольным Кохом, опиравшимся на поддержку могущественных покровителей, трудно будет управлять. Розенберг добивался назначения на пост комиссара Остланда Генриха Лозе, гауляйтера Шлезвиг-Гольштейна, но Борман жестко отринул эту кандидатуру. Крыму предстояло стать вотчиной гауляйтера Австрии Альфреда Фроенфельда, а гауляйтеру Бранденбурга Вильгельму [300] Кубе было уготовано место либо в Москве, либо в Белоруссии. Вновь назначенные — все без исключения — могли похвастаться дружескими отношениями с Борманом. Рейхсляйтер

НСДАП и рейхсмаршал договорились в будущем сделать уступку Розенбергу и утвердить его ставленника на пост комиссара Кавказа (как известно, до этого не дошло — советские войска и история распорядились иначе).

Когда конференция уже подходила к концу, участники вспомнили о рейхсфюрере СС. Борман записал в протоколе: «На совещании были определены также полномочия рейхсфюрера СС. Фюрер, рейхсмаршал и остальные согласились, что полномочия Гиммлера должны остаться такими же, как и в рейхе». Эта формулировка позволяла создать у Розенберга впечатление, будто в пределах попадавшей под его власть территории полиция будет подчинена ему. С другой стороны, вписав фразу фюрера «решительно расстреливать, выселять и тому подобное», Борман обеспечил своему союзнику Гиммлеру достаточную свободу действий. Геринг же отнесся к этому спокойно, поскольку должность председателя совета министров по вопросам обороны позволяла ему — если бы понадобилось — поставить Гиммлера на место. В то время министр оккупированных территорий еще не имел зданий для нового министерства и на совещании обратился к Гитлеру с просьбой разместить штаб-квартиру ведомства в Берлине. Соответствующие здания были выделены, и сие означало для Розенберга личную победу: незадолго до этого его личный враг Риббентроп отказался предоставить необходимые помещения. Борман тоже был доволен таким поворотом событий, поскольку штаб Розенберга оказался настолько удаленным от самих оккупированных территорий, что гауляйтеры могли, не опасаясь жесткого контроля, действовать и принимать решения по собственному усмотрению. Точнее — [301] в соответствии с пожеланиями Бормана, который не только географически находился к ним гораздо ближе, но и имел на них большее влияние как партийный руководитель.

* * *

К лету 1941 года Борман поставил конфискацию церковного имущества на широкую ногу: в западных областях Германии реквизиции подверглись тридцать пять монастырей; в епархии Бреслау зарегистрировано более шестидесяти актов конфискации; в Австрии — более двухсот. Протесты и обращения в суд не помогали. Лишь в нескольких случаях у истцов оставалась надежда со временем добиться своего, но затягивание слушаний в суде грозило сделать процессы бесконечными. И все-таки в июле 1941 года случилось то, чего Гитлер хотел избежать во что бы то

ни стало: разразился громкий скандал. Все началось с мюнстерского епископа графа Клеменса Августа фон Галена, в епархии которого гестапо реквизировало восемь монастырей. В своих проповедях он заявил, что национал-социалисты осуществляют гонения против христиан и церкви, а также убивают людей, страдавших душевными расстройствами, в ходе реализации проекта «Эйтаназия». Зарубежная пресса запестрела соответствующими сообщениями, а внутри страны его проповеди расходились по рукам в нелегальных рукописях. 15 августа 1941 года Борман записал в дневнике: «Остается ждать шагов фюрера против епископа — вполне подошел бы смертный приговор. Но в условиях военного времени такая мера может оказаться нежелательной».

Действительно, Галена лишь посадили под домашний арест и запретили покидать свою резиденцию. Тем не менее глава партийной канцелярии разослал гауляйтерам извещения о том, что фюрер распорядился [302] временно прекратить конфискации имущества церкви и монастырей. В особых случаях, когда реквизиция представлялась необходимой, следовало обращаться к фюреру — естественно, через партийную канцелярию.

Как обычно, Гитлер предпочитал оставаться в стороне. Когда его бывший вице-канцлер Франц фон Папен нанес визит в ставку фюрера и завел разговор о Галене, Гитлер ответил, что распорядился покончить с этой «чепухой», приказав Борману распространить соответствующий циркуляр. Однако Ламмерс проговорился фон Папену, что Борман сопроводил приказ фюрера пояснением, предписывавшим гауляйтерам не воспринимать запрет всерьез. В таких случаях шеф партийной канцелярии становился ширмой для своего хозяина и отлично понимал, что тем самым доказывает свою незаменимость.

Гитлер из осторожности не стал вмешиваться в конфликт между Борманом и гауляйтером Аугсбурга Карлом Валем. Когда эмиссар Бормана передал гауляйтеру требование начать активные действия против монастырей, тот возразил, что у начальника партийной канцелярии, по-видимому, не все в порядке с головой, если в военное время он рискует сеять раздоры внутри страны. Посланец заметил, что программа отчуждения монастырских земель — любимое детище Бормана, но Валь остался тверд в своем решении. Рейхсляйтер НСДАП направил к строптивому гауляйтеру другого эмиссара и пригрозил большими неприятностями, но тот вновь не поддался и счел за благо строго придерживаться указов фюрера. Гитлер же решил даже разбирательство с Галеном отложить до окончания войны. Он последовал совету Геббельса, предупредившего, что в случае

ареста епископа возможны серьезные беспорядки — в военное-то время! — не только в Мюнстере, но и во всей Вестфалии. [303]

Мюнстерский округ, среди населения которого преобладали католики, никогда не был плодородной почвой для национал-социалистской идеологии. Гауляйтер Альфред Майер чувствовал бы себя гораздо комфортнее на этой должности, если бы объектом для своих нападок Борман выбрал не христиан, а кого-нибудь другого. Когда псевдопротестантский епископ Людвиг Мюллер попытался создать «церковь рейха», чем вызвал ярость среди протестантов, Майер предложил пойти на компромисс. Именно в это время Борман, присвоивший себе роль партийного «папы», решил: пришла пора объявить, во что призывает верить национал-социализм. Подробный ответ Майер, как и другие гауляйтеры, получил в июне 1941 года в виде циркуляра «Отношения между национал-социализмом и христианством».

В предисловии вновь утверждалось, что идеи национал-социализма и христианства несовместимы. По мнению Бормана, церковь пренебрегала личностью и добивалась власти именно за счет того, что подавляла в человеке гордость, самоуважение и самостоятельность. А национал-социализм опирался на научные принципы и потому превосходил христианство, на самом деле являвшееся лишь разновидностью иудаизма. Теологию Борман объявил лженаукой. Бога же он готов был признать: «Тот, кого мы называем Всевышним, или Богом, есть сумма законов природы, управляющих развитием неисчислимых планет Вселенной и определяющих судьбу всего живого — от микроба до человека — и неживого мира».

Впервые в истории Германии церковь была официально отделена от государства. «Только правительство и партия вправе руководить народом. Влияние церковников — наравне с астрологами и прочими мошенниками — надлежит искоренить».

Не вдаваясь в детали, Геббельс — уж он-то кое-что смыслил в пропаганде — в беседе с Борманом мягко [304] заметил, что неблагоразумно в военное время проводить столь яростные выпады против церкви. Присутствовавший при этом Розенберг назвал такие внутрипартийные циркуляры неприемлемыми и торжествовал, видя выражение растерянности на лице Бормана, которому нечего было сказать в ответ. Оказалось, что Гитлер тоже высказал рейхсляйтеру НСДАП неудовольствие по поводу излишней спешки в этом вопросе и приказал изъять разосланные гауляйтерам копии. Тут-то и выяснилось, что автором текста был якобы не Борман, а его помощник, который и понес соответствующее наказание: сменив коричневую форму на защитно-серую, он отправился на фронт. Однако терминология в

стиле лозунгов, очень примитивная аргументация и ущербность идей явно указывают на авторство рейхсляйтера НСДАП. По-видимому, клерку поручили отредактировать текст, ибо Борман не отличался грамотностью. Исполнителя в конце концов и выставили виноватым.

И все же это событие не отбило у Бормана желания заниматься идеологической работой. Так, он ввел в школах изучение дополнительного курса «Афоризмы национал-социализма» — то есть отрывки из этого учебника следовало зачитывать на утренних политических занятиях и «классных часах». Вместе с тем Борман разослал гауляйтерам инструкцию, в которой призывал их воспрепятствовать склонности многих членов НСДАП к придумыванию партийных ритуалов наподобие церковных церемоний, ибо видел в этом замену осознанной приверженности научным принципам на бездумное следование догмам в стиле культового религиозного поклонения.

Более того, Борман решил, что сообщать горестную весть о гибели солдата должен не священник, а представитель партии. «Но почему священнику не остаться вестником несчастья?» — недоумевал Геббельс, самый последовательный оппонент рейхсляйтера [305] НСДАП в вопросах религии (возможно, причиной тому была детская мечта стать священником). Однако министр пропаганды расходился с Борманом не в целях, а в методах: религию следовало искоренить, но форсировать события именно в тот момент было ни к чему. Он полагал, что после войны сломить церковь будет легче.

Геббельс уступил, когда Борман, поддержанный Гиммлером, накануне рождественских праздников 1941 года потребовал изъять из радиопередач традиционное исполнение гимна Христу. В качестве компромисса согласились заменить этот гимн на песенку «Елочка». Борман рекомендовал передавать легкую музыку и популярные мелодии. Геббельс согласился выполнить требования рейхсляйтера НСДАП лишь потому, что предвидел мощный поток писем от возмущенных слушателей, о чем смог сразу после праздников сообщить Гитлеру (в следующий раз Борман предпочел не рисковать и в 1942 году согласился на привычную «Тихую ночь»).

Начавшаяся таким образом грызня между шефом партийной канцелярии и министром пропаганды растянулась еще на два месяца, ибо в то же время появились две книги неоязыческого толка, причем одна из них принадлежала перу Шмидта, шефа отдела образования при ведомстве Лея. Кроме ряда других рискованных утверждений автор высказывал мысль о том, что именно национал-социалистам уготована загробная жизнь в раю,

обещанная христианской верой.

Геббельс объявил: окажись автор шпионом противника, ему достаточно было бы только написать эти книги, ибо «для немецкой нации ничего более вредного придумать просто невозможно». Он поручил своему помощнику Вальтеру Тисслеру спросить у Бормана: во-первых, следует ли немцам верить в загробную жизнь и, во-вторых, следует ли национал-социализму пропагандировать какую-то конкретную [306] точку зрения по этому вопросу или позволить каждому немцу решать эту проблему по-своему? Ответ гласил, что национал-социализм занимается только земной жизнью, а вопрос о мире ином — личное дело каждого.

Поначалу Борман не соглашался конфисковывать книги под предлогом гарантированной немцам свободы совести. Однако в конце концов он признал, что НСДАП не стоит связывать себя принятием какой-то определенной позиции в этом вопросе, и распорядился изъять из обращения... только брошюру Шмидта!

Вместе с тем Мартин не сомневался в надежности своей позиции: Гитлер вновь дал понять, что рейхсляйтер НСДАП придерживается правильного курса.

Фюрер «подарил» Борману Вартеланд в качестве полигона для отработки средств борьбы против христианства. Гауляйтер Артур Грейсер, штаб-квартира которого располагалась в Познани, получил полномочия на проведение особой политики по отношению к церкви в пределах подчиненной ему территории. После падения Польши прежние условия деятельности церкви на ее землях потеряли силу, и потому такой шаг даже формально не стал противозаконным. Борману выпал шанс «поработать» над моделью будущей «Великой Германии».

Главный принцип — отделение церкви от государства. С точки зрения закона религиозные сообщества представляли собой всего лишь клубы, которым запрещалось распространять свои идеи за пределами специально отведенных помещений. Тот, кто желал вступить в подобные клубы, должен был написать заявление. Несовершеннолетним вступать в эти сообщества запрещалось. Религиозные организации (например, детские или молодежные) любого толка были строго запрещены. На нужды клуба его члены могли собирать взносы, но не имели права принимать пожертвования. Освобожденные должности для священников [307] или глав сообществ были отменены — то есть им следовало обеспечивать себя средствами к существованию за счет какой-то иной работы. Клубу разрешалось иметь только одно культовое помещение (церковь).

Итак, Борман сделал все, что мог. Теперь гестапо должно

было обеспечить исполнение установленных порядков. Отныне рейхсляйтер НСДАП направил всю свою энергию и агрессивность против евреев и «недочеловеков» с Востока. Естественно, он не обделил вниманием своих конкурентов и недоброжелателей.

* * *

На Востоке Борман в полной мере реализовал то, что при оккупации стран Западной Европы ему удалось лишь отчасти: он приобрел немалую реальную власть. Поскольку Борману выпало сообщать миру волю фюрера, его приказы принимали к исполнению все: рейхскомиссары и их подчиненные; служба безопасности Гиммлера; гауляйтер Фриц Заукель, которому поручили пригнать на принудительные работы в Германию миллионы мужчин и женщин. Даже сам Гитлер все больше и больше попадал под влияние Бормана, поскольку тот оказался единственным представителем партийной верхушки, постоянно внимавшим ему. Вследствие этого привычка фюрера натравливать подчиненных друг на друга не задевала рейхсляйтера НСДАП, который всегда знал, куда дует ветер. Кроме того, обретя статус единственного толкователя воли фюрера, он неизменно выступал в роли третейского судьи во всех распрях в нацистской верхушке, что также помогало ему в осуществлении собственных планов.

Таким образом, Борман оказывал гораздо большее влияние на политику на Востоке, чем могло показаться [308] на первый взгляд, хотя не имел квалификации, необходимой для успешной работы таких масштабов. Что мог он знать о пространстве между Балтийским и Черным морями? Обширные лесные массивы, непроходимые болота, бескрайние просторы черноземов были для него лишь символами и названиями на карте. Незнание реальных условий и особенностей населявших эти земли народов вкупе с алчностью, предубеждением и высокомерием завоевателя — все это обрекало его умозрительные планы на провал.

Весь мир Бормана умещался на двух столах — его собственном и Гитлера. Сначала из этого мира еще можно было полюбоваться красотами лесов, позже он перекочевал в бетонные бункеры без окон, но с кондиционированием. Где бы ни находился штаб, бункеры Бормана и Гитлера были рядом, огороженные от внешнего мира трехметровой стеной. На внутренней территории располагалась сверхсекретная зона, обнесенная колючей проволокой с электрическим током и защищенная такими дополнительными оборонительными

укреплениями, как доты, зенитные батареи, автоматические пулеметные установки. По признанию генерала Йодля, ставка в Растенбурге являла собой нечто среднее между монастырем и концентрационным лагерем, хотя «Вольфшанце» находился не на захваченной территории, а в сорока километрах от советской границы.

Образ жизни Гитлера позволял Борману постоянно держать в поле зрения все его ближайшее окружение. Первое правило гласило: никаких дел до девяти часов утра. Курьерский самолет из Берлина со сведениями обо всех событиях дня предыдущего, новыми документами и газетами прилетал в десять часов. Гитлер никогда не просыпался раньше десяти — обычно он вставал намного позже. После завтрака совершал пятнадцатиминутную прогулку в небольшой сосновой рощице в компании с Борманом, изредка — в обществе [309] кого-нибудь из адъютантов. Благодаря этой привычке фюрера Мартин мог обсудить с ним некоторые дела в полуофициальной обстановке. Совещания по военным вопросам начинались обычно после двенадцати часов. Поскольку генералы не терпели присутствия Бормана, у него появлялась возможность заняться собственными делами. Затем он вновь присоединялся к Гитлеру во время ленча и сидел за столом по диагонали от него, вслед за Кейтелем. Встав из-за стола, фюрер вызывал к себе Бормана. Рейхсляйтер НСДАП предлагал вниманию диктатора отобранную почту, документы, затребованные им данные и подготовленные по его заданию приказы, декреты и т. д. Эта работа никогда не занимала более тридцати минут, что свидетельствовало об отличной предварительной подготовке документации, об умении Бормана кратко и точно изложить суть дела.

Следующие два часа обычно были отмечены в календаре личного камердинера Гитлера, гауптштурмфюрера СС (что соответствует званию армейского капитана) Линге, как «личное время». То есть до обеда фюрер отдыхал от дел, чаще всего — спал. После обеда (в восемь часов вечера) он вновь звал к себе Бормана и беседовал с ним до полуночи. Совещания и консультации с нацистскими бонзами обычно тоже проводились в этот отрезок времени. Затем следовал вечерний чай, после чего Гитлер произносил свои ночные монологи в присутствии приближенных, в числе которых, естественно, был и рейхсляйтер НСДАП. После трех часов ночи Гитлер обычно отпускал приглашенных, а Борман уточнял, какие из решений фюрера, принятых за прошедший день, следует немедленно оформить в виде декретов, приказов и инструкций. В четыре часа ночи Гитлер удалялся в спальню. Борман же вновь усаживался за рабочий

стол, просматривал записи прошедшего дня и делал необходимые пометки. Он вообще никогда не спал более шести [310] часов в сутки. Только необыкновенное здоровье помогало ему много лет подряд выдерживать столь напряженный ритм без пребывания на свежем воздухе, без дневного света, а физическим упражнениям он посвящал — лишь эпизодически — не более одного часа в день. Режим добровольного заточения изредка прерывался поездками в Берлин, Мюнхен или Оберзальцберг (в связи с исполнением обязанностей шефа партийной канцелярии) и в тех случаях, когда Гитлер проводил некоторое время в Бергхофе. Нога Бормана лишь дважды ступала на восточные земли, когда фюрер выезжал в ставку, расположенную на Украине. Причем во время одной из этих поездок он поддался не характерному для него любопытству и даже решился выйти за колючую проволоку, чтобы осмотреть окрестности.

Сведения о России Борман черпал из рассказов тех, кто ее почти не видел. Любой солдат, оказавшийся в начале зимы 1941 года недалеко от Москвы, узнал эту страну в тысячу раз лучше. Сведения о русских Борман получал прежде всего из монологов фюрера: славяне — ленивые, склонные к анархии, нецивилизованные варвары, неспособные на великие достижения; они дики и сумасбродны, и потому служащим германской полиции придется постоянно держать руку на кобуре. Борман никогда не видел воочию, как поднимаются в атаку, как умирают на поле боя, как страдают раненые, какие пытки переносят пленные. Для него все эти люди оставались абстрактными фигурами. Его реальностью были фантазии Гитлера о будущем этой страны: немцы — владельцы обширных плодородных земель; немецкие города с величественными зданиями, соединенные между собой скоростными автострадами; прекрасные пригородные виллы — рай для сотен миллионов немцев; а русские где-то далеко, в глуши — разгромленные, обездоленные, покоренные, безропотно и непрерывно работающие. [311]

Коллеги по партии, не верившие в скорую победу, были в глазах Бормана пораженцами. К таковым он относил, например, Геббельса, в конце 1941 года предложившего (и представившего по этому поводу доклад на двадцати девяти страницах!) пообещать восточным народам освобождение от большевизма и призвать их к сотрудничеству в борьбе за свободное светлое будущее.

Не лучше был Розенберг, выступивший с идеей присвоить особый статус украинцам и прибалтийским народам, что означало создать культурные центры, открыть университеты, обеспечить приличные жилищные условия, дать право на

владение землей и даже создать собственные военизированные формирования для борьбы против коммунистов. Слабоумные генералы предлагали возобновить — после десятилетий атеизма! — религиозные службы в надежде, что проповеди против дьявола Сталина сделают верующих людей их союзниками. Борман внимательно следил за тем, чтобы подобные документы не попадали на стол Гитлера, и использовал их для натравливания конкурентов друг на друга: Гиммлер ненавидел священнослужителей; военные не желали доверять оружие сочувствовавшим представителям местного населения; а чтобы не оставить камня на камне от идеи предоставления особого статуса украинцам, достаточно было позвонить Герингу и гауляйтеру Коху, о котором Гитлер был очень высокого мнения. [312]

За первенство среди равных

Завершить расправу над рейхсляйтером Розенбергом не составило для Мартина особого труда. Он даже позволил себе насладиться долгой местью, неспешно добивая обессиленного конкурента, с иезуитской изощренностью выискивая и поражая его самые чувствительные места. Розенберг, основатель и проповедник путаной философии культуры, не приобрел последователей и оставался в одиночестве. Гитлер, прочитав лишь начало книги Розенберга «Мифы двадцатого века», отложил ее в сторону и отметил, что она не соответствует официальной позиции партии и что само ее название может ввести в заблуждение.

Внутри партии насмехались над речами рейхсляйтера по идеологии и не стеснялись дремать на его выступлениях. В отличие от своих давних соратников, которые не только заработали громкую славу, но и добились определенной реальной власти, Розенберг не добрался до кормушки. Титул рейхсляйтера остался за ним с тех давних времен, когда еще существовал отдел иностранных дел НСДАП. На международную политику третьего рейха он уже не оказывал ни малейшего влияния. Фюрер поручил ему надзор за идеологическим образованием членов партии, но эффективность работы этого ведомства была меньше количества документов, которые оно выпускало. [313]

В начале 1940 года Розенберг получил-таки от Гитлера пост «уполномоченного по защите национал-социалистской идеологии», однако вряд ли кто-либо в партии серьезно отнесся к этому известию, поскольку полномочия рейхсляйтера не производили достаточного впечатления. Всего через три недели после начала русской кампании Гитлер — по наущению Бормана — назначил своего теоретика, который не брал на себя смелость принимать практические решения и был далек от реальности, рейхсминистром оккупированных восточных (советских) земель. Причина первая: Розенберг был родом из Прибалтики. Причина вторая: это назначение могло послужить компенсацией за обещанное, но не предоставленное Розенбергу место рейхсминистра иностранных дел. С помощью этих аргументов Борману удалось склонить фюрера к принятию столь странного решения. На самом же деле Мартин преследовал свои цели.

Перед нападением на Советский Союз Гитлера долго терзали сомнения, и Борман убеждал фюрера прислушаться к зову Провидения, которое неизменно указывало ему путь в критических обстоятельствах, восхвалял его интуицию и умение

свести воедино все факторы и верно оценить значение всех мельчайших деталей. Гитлер был падок на лесть, и Мартин умело этим пользовался. В высших кругах СС полагали, что предложенная Борманом политика балансирования на грани войны (в ожидании «знака») свидетельствовала не только о вторжении рейхсляйтера НСДАП в область милитаристской политики, но и — основной двигавший им мотив! — о его желании стать наместником в гигантской восточной империи. Не подлежало сомнению: тот, кто получит этот пост после окончательной победы над Советами, окажется вице-королем и наследником трона фюрера. [314]

Еще в апреле 1941 года в высших кругах ломали голову над проблемой: как на новых просторах — по мере захвата советских территорий — налаживать управление и экономику. СС и вермахт стремились заполучить в свое распоряжение широкую полосу вдоль линии фронта под предлогом поддержания там достаточно спокойной обстановки. Борман же хотел, чтобы лучший кусок пирога достался партии. Он небезосновательно полагал: вермахт и СС станут угрожающе влиятельными, если не учредить «гражданское правление, ставящее во главу угла достижение политических целей немецкого народа». Если первые два ведомства предлагали решить вопрос на совещании с фюрером, то Борман настаивал на другом: каждый составляет свой проект и передает его Гитлеру для тщательного изучения (конечно, в последнем случае Мартин обеспечивал себе явное преимущество, ибо имел возможность повлиять на фюрера, с которым его соперники не могли общаться ежедневно){43}.

Истинная причина решения Бормана, остановившего свой выбор именно на Розенберге, состояла в том, что он предпочитал видеть на посту министра восточных территорий «не интеллигента, а чокнутого». К тому же глава партийной канцелярии не сомневался, что будет держать новое ведомство Розенберга [315] под своим контролем. Для этого следовало дать в помощь далекому от реальности теоретику нескольких энергичных практиков. Этих людей назначил собственным приказом Гитлер, о чем и сообщил на совещании в «Вольфшанце» в присутствии Ламмерса, Розенберга, Геринга и Кейтеля. Как обычно, записи на совещаниях, затрагивавших государственные тайны, вел Мартин Борман, и ему оставалось просто присовокупить к протоколу собрания заранее заготовленный список членов НСДАП, которых он счел способными установить жесткий режим на Востоке.

С самого начала Розенберг фактически оказался не у дел, поскольку право выбирать методы и конкретные меры по тем или

иным направлениям деятельности нового министерства получили его подчиненные, назначенные самим фюрером. Северный регион, объединивший Прибалтийские республики, переходил в ведение гауляйтера Шлезвиг-Гольштейна Генриха Лозе — человека, по мнению Розенберга, «обладавшего врожденной интеллигентностью, но чрезмерно упрямого в делах тривиальных». Борман же отмечал в нем бескомпромиссность и безжалостность к врагу. Розенберг с явной неохотой согласился на назначение комиссаром Украины гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Борман был в дружеских отношениях с Кохом и хотел поставить этого верного человека на важный пост в новом министерстве. Геринг, возглавлявший в военные годы министерство экономики, поддержал предложение рейхсляйтера НСДАП, ибо не сомневался, что Кох сможет выжать богатые территории, как лимон. По мнению же Розенберга, Кох оставался мелким буржуа и хвастуном, а список его добродетелей исчерпывался умением выслуживаться перед Борманом.

Борман с удовлетворением наблюдал за тем, [316] сколько проблем возникало у нового министра в отношениях с наместниками. Геринг, министр по осуществлению четырехлетнего плана, требовал поставок невообразимого количества продуктов и сырья. Фриц Заукель призывал удовлетворить потребности третьего рейха в рабочей силе с Востока и увеличить поток депортируемых в Германию рабов. Пока Гиммлер не принял окончательного решения, какие земли следовало полностью очистить от славян, чтобы переселить туда германских колонистов, войска СС повсюду планомерно истребляли местное население. Наконец, был еще и вермахт, который следовало обеспечить аэродромами и линиями коммуникаций.

Кох исправно докладывал Борману об ошибках начальника, а Мартин, естественно, скрывал от Розенберга имя доносчика. Адъютант Розенберга, прикомандированный к ставке Гитлера для обеспечения своевременной и четкой взаимосвязи, был отослан Борманом обратно под тем предлогом, что «адъютант в основном слоняется без дела»{44}.

Один из наиболее чувствительных ударов Борман нанес Розенбергу, когда затронул область, которую тот считал своей вотчиной. Речь идет об отношении к христианству, в качестве альтернативы которому Розенберг [317] предложил свои «Мифы». Но в конце концов Борман собственным циркуляром закрепил за собой исключительное право на определение политики в отношении христианства. Христианам такой оборот событий грозил огнем и мечом: рейхсляйтер НСДАП повел борьбу против

них чрезвычайно жестко и радикально, — ни о чем подобном Розенберг даже не задумывался.

Единственное преимущество Розенберга состояло в том, что его недалекий соперник не мог противопоставить идеям иудаизма и христианства новую концепцию. Чтобы еще раз доказать свое превосходство в этом отношении, он решил написать продолжение «Мифов». По-видимому, Розенберг проговорился о своих замыслах, ибо Гейдрих вскоре оповестил о них Бормана (на письме стояли сразу три грифа: «секретно — строго конфиденциально — лично») и посоветовал показать эту книгу фюреру еще до ее поступления в продажу. Книга не вышла даже в печать: подвластного Борману института цензоров оказалось достаточно, чтобы вновь одолеть противника.

Тем не менее Розенбергу было доверено основать «Академию» идеологии национал-социализма. Он уже фактически укомплектовал штат университетских профессоров, которым надлежало после войны вести соответствующие исследования и доказывать превосходство нацизма. Для будущих «исследований» предстояло собрать огромное количество материала о традициях и культуре остального мира. Район поисков — все занятое третьим рейхом пространство от Северного мыса до Салоников и от побережья Атлантического океана до Уральских гор, до которых, как было принято считать, скоро докатится вал германского наступления. На территории Германии поиски велись в архивах и библиотеках закрытых к тому времени монастырей; в оккупированных [318] странах — в синагогах, святилищах масонских лож, музеях и академических институтах. Все вызвавшие интерес материалы, в число которых входили и произведения искусства, подлежали конфискации.

Однако и тут Розенбергу вставляли палки в колеса. Если среди подобранных материалов попадались книги идеологических противников, то их конфисковывало гестапо. Причем Гейдрих обещал: если после войны эти книги потребуются для научного изучения в стенах академии идеологии, то гестапо выдаст их Розенбергу.

Борман не испытывал желания портить отношения с СС из-за такой мелочи. Он отписал Розенбергу, что фюрер приказал оставить все рукописи и произведения искусства из монастырей в распоряжении гауляйтеров. После победы будет достаточно времени, чтобы обстоятельно изучить архивы и прочие материалы. Для обеспечения сохранности библиотечные фонды следовало собрать в специальные централизованные хранилища.

Письмо остановило «коллекционеров» Розенберга на Западе, но потом пали Югославия и Греция. Однако Борман запретил

посылать туда экспертов, ибо, согласно мнению Гитлера, «в этих регионах нет достойных произведений искусства, которые следовало бы сохранить».

* * *

Рейхсляйтер НСДАП опасался, что кто-нибудь предпримет атаку против него, используя неподконтрольный ему штат личных адъютантов, а он не сумеет вовремя принять контрмеры. Кому, как не Борману, было знать, что Гитлер не станет церемониться с человеком, опороченным в его глазах. С другой стороны, став главой партийной канцелярии, Мартин [319] значительно укрепил свои позиции, и теперь мало у кого могло возникнуть желание вступить с ним в схватку. Угрозу представляли лишь те, кто пользовался таким же доверием у Гитлера и имел личные заслуги перед фюрером. Таковых почти не осталось среди политических лидеров, но в СС... Это ведомство вообще доставляло определенное беспокойство уже тем, что стали возникать трения между его представителями и партийными функционерами. Зная обыкновение Гитлера сеять раздоры между властными структурами, нетрудно было предположить, что однажды ему могла прийти в голову мысль о крупномасштабной чистке: отлучить от власти партийных лидеров и заменить их командирами гиммлеровского СС.

Осторожный политик, Гиммлер определенно не стремился оказаться на слишком опасной вершине, но рядом с ним был Рейнхард Гейдрих. Некогда его выгнали из военно-морского флота за скандальную историю с женщиной. Однако теперь он стал шефом СД (служба безопасности) и офицером СС. Как глава тайной полиции и шеф СД — таким образом, он обладал властью как по линии партийного СС, так и по линии правительства, — обосновавшись в берлинском штабе гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, он сконцентрировал в своих руках больше информации о немецких гражданах, чем кто-либо другой, и одновременно руководил карательным ведомством. Внешне «человек с железным сердцем» (так называл Гейдриха фюрер) являл собой образец «нордического типа»: он был высоким голубоглазым блондином.

Политические лидеры не испытывали симпатий к Гейдриху, поскольку опасались, что в архивах СД имеются материалы об их прегрешениях. Стремясь получить именно такие сведения, Борман сумел наладить сотрудничество с Гейдрихом. Он использовал [320] материалы СД об «общественной морали»,

чтобы выбить из седла того или иного зарвавшегося партийного функционера и — про запас — пополнить свой собственный архив. Амбициозный и внешне непроницаемый, Гейдрих, однако, постоянно наращивал свое могущество. Борман забеспокоился, когда — вскоре после перелета Гесса в Шотландию — распространились слухи, будто Гейдрих предложил свою кандидатуру на ближайший к фюреру пост. В сентябре 1941 года Борману предоставился удобный случай перевести стрелку и направить локомотив потенциального противника на запасный путь.

Карл Герман Франк, который происходил из судетских немцев и ненавидел чехов, служивший государственным секретарем при пражском рейхспротекторе Константине фон Нейрате, направил Гитлеру в «Вольфшанце» доклад: он жаловался на неоправданную мягкость своего начальника в отношении актов саботажа на пражских предприятиях военной промышленности. 22 сентября 1941 года в ставку фюрера был вызван Гиммлер, а на следующий день туда же прибыл фон Нейрат. В присутствии Геббельса и Бормана фон Нейрату было объявлено, что он не оправдал доверия и что, хотя его не увольняют, Богемия и Моравия отныне переходят в ведение специального уполномоченного. На новую должность Борман предложил назначить Гейдриха, кандидатуру которого Гиммлер поддержал, поскольку даже ему этот удачливый и хваткий молодец казался зловещей фигурой. Обоим стало без него спокойнее.

В календаре Бормана, где он регистрировал всех важных посетителей фюрера, имя Гейдриха последний раз отмечено октябрем 1941 года. Впрочем, его еще однажды вызывали в «Вольфшанце», о чем он сообщил Вальтеру Шелленбергу — своему бывшему помощнику, [321] который унаследовал его пост. Причиной вызова послужил интерес, проявленный Гитлером к состоянию экономики в протекторате. Гейдриха заставили долго ждать у входа в бункер. Наконец, появился фюрер в сопровождении Бормана, но успел лишь с неудовольствием посмотреть на визитера — Мартин сразу увлек его прочь. На следующий день Борман сухо проинформировал Гейдриха о том, что фюрер уже принял решение, и необходимость в его участии в обсуждении отпала. Рейхсляйтер НСДАП держался официально, но подчеркнуто ледяная холодность была очевидной.

* * *

В борьбе за власть внутри партии важное значение имел

исход тяжбы Бормана с влиятельным гауляйтером Йозефом Вагнером. Осенью 1941 года рейхсляйтер НСДАП нанес противнику решающий удар: гестапо предоставило рейхсляйтеру НСДАП надежное средство против непокорного возмутителя спокойствия. Дело было в следующем. Дочь Вагнера Герда влюбилась в Клауса Вейля, служившего в личной гвардии фюрера (охрана СС). Когда молодые люди решили пожениться, родители Герды выступили против этого брака. Во-первых, ее избранник пользовался не лучшей репутацией. Во-вторых, он отрекся от церкви, что чрезвычайно возмутило фрау Вагнер. В письме дочери она запретила ей выходить замуж за Вейля и предупредила, что перестанет считать Герду своей дочерью, если та ослушается. Это «пропитанное ядом» письмо (так охарактеризовал его Борман) было перехвачено гестапо и, проделав путь наверх, попало на стол шефа гестапо группенфюрера СС{45} Генриха Мюллера, который вызвал Клауса [322] Вейля в Берлин и допросил его, намекая на якобы имевшиеся подозрения об измене Йозефа Вагнера, прикрывавшего «грязные замыслы» золотым партийным значком и эмблемой гауляйтера. Оказалось, добросовестный гауляйтер совершил достаточно проступков, которые заставили бы нахмуриться любого гражданина.

Список этих прегрешений, естественно, тоже лег в сейф Бормана. Тем временем Йозеф Вагнер легкомысленно игнорировал сгустившиеся над его головой тучи. Впрочем, от него все тщательно скрывали. Гитлер планировал выплеснуть свою ярость в драматической сцене расправы и навсегда покончить с непослушанием среди гауляйтеров. Рейхсляйтер НСДАП был доволен: в последние годы Вагнер не только не осуществлял антихристианские меры в своем округе, но и критиковал политику Бормана в беседах с другими гауляйтерами.

Вечером 8 ноября 1941 года вся партийная элита собралась в мюнхенском пивном зале «Левенбрау», где Гитлер выступил с речью в честь очередной годовщины путча 1923 года (в пивной «Бюргербрау» еще не закончились ремонтные работы). От традиционных проклятий в адрес союзников фюрер перешел к оппозиции внутри Германии: «Мы должны помнить о всех врагах, независимо от того, в каком лагере они находятся. Вы знаете мой метод. Я готов дать испытательный срок. Но когда приходит время, я действую с быстротой и неотвратимостью молнии, и тогда не спасет ни одно укрытие, даже религия». Эти фразы послужили предисловием к событиям следующего дня, и Борман с особым удовольствием слушал слова, истинный смысл которых был известен пока ему одному и которые предвещали его триумф в грядущей драме.

На следующий день рейхсляйтеры и гауляйтеры собрались в «Фюрербрау» на Кениглишеплац. Гитлер [323] появился в сопровождении Бормана. И тут произошло то, что гауляйтер Валь назвал «четко спланированной атакой на Вагнера». Борман вслух зачитал злополучное письмо, написанное фрау Вагнер своей дочери. Затем на сцену вышел Гитлер и коротко заявил, что не потерпит в партии подобной религиозной одержимости. Он попросил Вагнера немедленно покинуть зал и само здание. Оскорбленный чиновник твердо заявил, что готов аргументированно опровергнуть все обвинения, чем привел фюрера в еще большую ярость. Фюрер повторил свой приказ, но более требовательно и жестко, и добавил, что уже вычеркнул Вагнера из списка лидеров партии. Кроме Бормана и Гиммлера, всех охватила оторопь и шок… никто не посмел вступиться за несчастного коллегу. Борман же с превеликим удовольствием записал в дневнике: «Фюрер изгнал Вагнера; заместитель гауляйтера Пауль Гислер стал гауляйтером Южной Вестфалии».

Торжества еще не закончились, а верховный судья партии Вальтер Бух уже получил указание возбудить дело против Йозефа Вагнера. Обвинение гласило, что подсудимый остался приверженцем католической церкви даже после того, как епископы выступили против нацистской партии. Хуже того, Вагнер отправил своих детей учиться не в центр гитлеровской молодежи, а в школу при монастыре в Бреслау. Письмо его жены лишний раз доказало, что он не сумел утвердить национал-социалистское мировоззрение даже в собственной семье. Было известно также, что фрау Вагнер опустилась на колени перед папой римским во время приема в Ватикане.

Однако в свою защиту Вагнер приводил цитаты из доктрины «позитивного христианства», которая входила в изначальную программу партии и с тех пор не была отменена и не подвергалась ревизии. Он ничего не знал ни о письме, ни о поступке жены в Ватикане. [324]

Ни судья-председатель, ни шесть членов суда (все — гауляйтеры) не сочли импульсивное решение Гитлера справедливым и в феврале 1942 года отменили его. В письме Борману Гиммлер возмущенно заявил, что был поражен таким вердиктом. Так или иначе, фюрер не утвердил решение суда своей подписью. Бух считал, что причина тому — происки «крысы» (так он называл своего зятя).

Попутно шеф партийной канцелярии получил возможность расправиться с еще одним личным врагом. В ходе процесса Вагнер проговорился о критических замечаниях высших руководителей партии, высказанных в Бергхофе во время

совещания, посвященного перелету Гесса. Кружок недовольных собрал вокруг себя бывший начальник штаба СА Франц Пфаффер фон Саломон, которому вплоть до августа 1930 года подчинялся и Борман, возглавлявший в ту пору «кассу взаимопомощи». После увольнения с должности начальника СА Пфаффер получил пост руководителя партийного отдела «за порядок в культуре» — не более, чем почетное звание для человека, который слишком много знал и потому не мог быть просто выброшен на обочину. Впоследствии в этой роли он оказался в подчинении заместителя фюрера и, следовательно, его начальника штаба. Став объектом постоянного давления со стороны Бормана, в октябре 1934 года Пфаффер фон Саломон ушел в отставку. Однако он продолжал поддерживать связи с представителями «старой гвардии», в том числе с Гессом. После перелета Гесса в Англию Борман включил бывшего шефа СА в список тех, кого следовало арестовать.

После выхода на свободу Пфаффер в письмах старым товарищам по оружию критиковал политику Гитлера и протестовал против творившегося беззакония. [325] Некоторые из этих писем попали на стол Бормана. 10 декабря 1941 года рейхсляйтер НСДАП записал в дневнике: «От имени фюрера я известил бывшего начальника штаба СА Франца Пфаффера (ранее уже подвергавшегося аресту в связи с делом Р. Гесса) об исключении из рядов НСДАП и предупредил, что продолжение подобной переписки приведет к повторному аресту»{46}.

* * *

В апреле 1942 года Борман решил, уподобившись барону Мюнхгаузену, который вытащил самого себя из болота за волосы, посредством собственного постановления возвыситься над партийными функционерами всех рангов. Он просто разослал сотне высших чиновников от партии циркуляр (!), который предварил указанием, гласившим, что сей документ составлен под руководством фюрера, в соответствии с его основополагающими указами, положениями о порядке внутри партии и жизненно важными задачами по сохранению за партией лидирующей роли в обществе, а также с учетом предложений рейхсляйтеров, гауляйтеров и руководителей молодежных и прочих организаций, учрежденных при партии. Долгие годы Борман боролся за полное подчинение гауляйтеров Гитлеру (а в конечном счете и себе); теперь пришла очередь рейхсляйтеров и руководителей организаций, учрежденных при партии. Отныне по всем аспектам партийной работы их обязали подчиняться

рейхсляйтеру НСДАП, осуществлявшему «общее руководство в соответствии с приказами, директивами и пожеланиями фюрера». Какая пародия: убежденный противник христианства, Борман теперь [326] мог бы сказать о себе почти дословно по Библии: «Никто не предстанет пред фюрером, кроме как со мною».

Роберт Лей первым почувствовал, какие шипы таит в себе это нововведение. Как глава германского трудового фронта, он совместно с министром финансов подготовил совершенно обычное межведомственное постановление. Его запрос, согласно принятой процедуре, лег на стол Ламмерса. Однако тот просил запастись терпением, со злостью в голосе сославшись на новое — еще печать не просохла — указание, предписывавшее направлять фотокопии поступавших документов в партийную канцелярию и ждать согласования.

Утратив реальный престиж в высшем эшелоне НСДАП, Лей решил завоевать поддержку широких масс, надеясь с помощью публикаций, речей и выступлений доказать, что по-прежнему сохранил за собой ведущие позиции. В патриотическом экстазе он проповедовал, что победа обязательно придет, если каждый будет верно служить Германии и фюреру, с удвоенным рвением выполняя на своем посту порученную работу. Однако длинные речи такого рода собирали меньше аплодисментов, чем несколько фраз, содержащих критику различных недостатков. Лей любил использовать этот прием, чтобы метать стрелы в своего недруга Тодта, министра вооружений. Однако когда он повторил тот же ход в газетной статье, Борман немедленно предъявил неопровержимую улику Гитлеру. Когда фюрер возвратился в Берлин, Лей был вызван в рейхсканцелярию. Борман сначала забросал его упреками, а затем провел в святая святых, где фюрер долго и строго отчитывал шефа трудового фронта за подрыв авторитета партии и правительства. [327]

Тем не менее Борман в общем одобрил пропагандистскую деятельность Лея и поощрил его к продолжению оной, ибо тот направлял свою энергию на такое поприще, где его успехи не представляли реальной угрозы позициям рейхсляйтера. По этому поводу Лей однажды сказал Шираху: «Между мной и Борманом сложились странные отношения: он совершенно удовлетворен тем, что я всегда нахожусь на трибуне, а он не высовывает носа из штабов и архивов. Я однажды посоветовал ему появиться на публике, выступить перед аудиторией. Однако он ответил, что выступления — не его конек, что этим лучше заниматься мне. Это, мол, мой вклад в победу».

* * *

Следующим обработке Бормана подвергся Ганс Франк. Еще в «период борьбы» он начал разрабатывать «Свод германских законов», а после победы стал министром юстиции Баварии, старшим нацистским законоведом и президентом академии закона Германии. Как глава партийного отдела юстиции, он предписал рейхсляйтерам в качестве знаков отличия носить нашивки на воротнике коричневой униформы. Отдел юстиции, учрежденный при службе Бормана, занимался более важными делами. Франка уже почти забыли, когда он, ко всеобщему удивлению, в сентябре 1939 года был назначен генерал-губернатором Польши. Теперь он восседал в старинном замке Кракова, держал пышный двор, но реальной властью не обладал. На самом деле Польшей правили Гиммлер и его сподручные — правили с помощью террора, массовых облав и казней, со снисходительной усмешкой встречая все приказы генерал-губернатора.

Гиммлер и СС были рады служить Борману глазами и ушами. Они докладывали, что генерал-губернатор [328] Польши и его подчиненные забыли о всяких приличиях и что при каждой поездке в Мюнхен Франка сопровождает целый караван машин, груженных присвоенными им мехами, драгоценностями и картинами, среди которых были даже работы кисти Рембрандта. Собрав достаточно улик, Борман вызвал Франка на «консультацию», на которой присутствовали также Ламмерс и Гиммлер. Однако представление пошло по непредвиденному сценарию. Франк сумел доказать, что заплатил за все из собственного кармана. Поскольку Гитлер закрывал глаза даже в случаях неприкрытой коррупции, Борман не стал раздувать дело: он выяснил все, что хотел узнать.

Фигура Франка уже не представляла угрозы. Однако черный список Бормана составлялся в течение периода, охватывавшего более десяти лет, именно для того, чтобы расквитаться со всеми обидчиками. Тедерь подул попутный ветер. Гитлер презирал законоведов даже больше, чем прежде, ибо ныне они даже не смели вставлять ему палки в колеса. Во время одного из своих полночных монологов в марте 1942 года фюрер заявил, что может перекраивать систему законов по собственной воле и девять юристов из десяти отныне просто не нужны. Так что саму профессию можно было вменить Франку в вину. Кроме того, в своих речах он грешил такими выражениями, как «полицейское государство» и «анархия абсолютной власти». Все его печатные работы были конфискованы, ему запретили проводить публичные выступления в пределах третьего рейха. Оставалось лишь слегка подтолкнуть Франка, чтобы он пал окончательно.

Сделав это, Борман получил бы удобную возможность пристроить на высокие посты своих сторонников. Пост министра юстиции третьего рейха официально оставался вакантным с момента смерти Гюртнера [329] в январе 1941 года. Кандидатуру ветерана партии Роланда Фрейслера Гитлер отверг, назвав его «большевиком». Ставленником Бормана был Отто Георг Тирак, президент народного суда, который в случае назначения на пост министра намеревался принять Клемма, юриста из ведомства Бормана, на должность государственного секретаря министерства юстиции.

Гитлеру приглянулся Курт Ротенбергер, член рейхстага от Гамбурга и президент верховного суда своего округа. Следуя совету гауляйтера Гамбурга, Ротенбергер направил в партийную канцелярию свои предложения по реформированию германской системы юстиции, и Клемм пригласил его на конференцию в Мюнхен. Однако, не получив по делу никакого отзыва, Ротенбергер передал копию своего меморандума адъютанту Гитлера бригаденфюреру Альбрехту, с которым был знаком лично. С позволения Альберта Бормана этот документ попал на стол фюрера, и тому так понравились предложенные идеи, что он приказал Ламмерсу назначить Ротенбергера на пост государственного секретаря министерства юстиции.

* * *

Осознание того факта, что к Гитлеру можно было проникнуть, воспользовавшись услугами корпуса его личных адъютантов, то есть через голову шефа партийной канцелярии, отравляло Борману жизнь до последних дней войны. Всякий, кто пытался пробраться таким образом, немедленно оказывался под подозрением. Ротенбергеру вскоре дали это понять, но к тому времени уже невозможно было предотвратить назначение Тирака министром, а Ротенбергера — государственным секретарем министерства юстиции, что и произошло в августе 1942 года. Борману [330] приходилось утешаться лишь признанием Ротенбергера, сделанным в письме фюреру, о том, что он никогда не стал бы работать в одной упряжке с Гансом Франком.

Разжалование Франка было всеобъемлющим: Тирак возглавил лигу защиты юстиции и академию закона Германии, а партийная канцелярия поглотила остальные прерогативы юридического отдела НСДАП. Имя Франка не числилось более в списке рейхсляйтеров, но он оставался генерал-губернатором Польши. Вместе с тем Борман и Тирак устроили столь трудную

жизнь Ротенбергеру, что через несколько месяцев тот добровольно отказался от должности и вернулся в Гамбург.

Франка предали забвению, предоставив ему тешиться роскошью замка (его депеши доходили до Бормана, но ситуация не менялась: в Польше бал правили Гиммлер и СС). Когда в феврале 1944 года Франка вызвали в ставку фюрера, он настолько удивился, что даже попросил подтвердить вызов. СС продолжало следить за ним и посылало Борману отчеты о его действиях вплоть до января 1945 года. [331]

Шаг за шагом

Временами даже Розенберг склонялся к мысли об использовании религии для решения восточных проблем. 15 февраля 1942 года он представил фюреру проект резолюции, гарантировавшей восточным народам свободу вероисповедания. Он утверждал, что такой шаг будет иметь огромный пропагандистский эффект. Однако Борман, ознакомившись с документом, тотчас нашел контраргументы. Возможно ли вообще учредить единое вероисповедание, единую восточную церковь? Не станет ли единая религия тем мощным центром, вокруг которого объединится движение сопротивления? Если же возникнет несколько мощных конфессий, трудно будет удержать их под контролем. Пусть уж лучше каждая деревня поклоняется своему богу. Гитлер согласился с этим подходом Бормана.

Борман был не одинок в желании беспощадно эксплуатировать народы и земли восточных стран. Геринг откровенно призывал к этому в своих речах и обращениях. Кох осуществлял безжалостный террор на практике. Начальники всех уровней скупали по мизерной цене тонны продуктов и отсылали их морем в Германию. Фактически они брали пример с правительства, которое на восточных территориях практически конфисковывало продукты, а в Германии продавало по жестко установленным высоким ценам. В [332] конце марта 1942 года экономист-любитель Борман похвально отозвался о такой системе, отметив, что эта политика позволяет окупать военные расходы на проведение восточной военной кампании за счет восточной же продукции.

* * *

Весна 1942 года принесла рейхсляйтеру НСДАП и неожиданные тревоги. Гейдрих подозревал Бормана в причастности к интригам против себя, но доказательств тому не имел. Тем не менее не мешало «подцепить на крючок» всесильного партайгеноссе, который осенью 1941 года вдруг изменил их сотрудничеству. Гейдрих не зря слыл мастером расставить западню. Слабое место Бормана было общеизвестно: женщины. Весной 1942 года Гитлер и его приближенные коротко отпраздновали в Берлине день рождения вождя. В театре (естественно, Гитлер слушал оперу Вагнера) в поле зрения скучавшего Бормана попала обворожительная брюнетка Анхель,

представившаяся актрисой. Рейхсляйтер давно уже не видел ничего удивительного в уступчивости дам... По доведенной до автоматизма привычке на следующий же день он попросил шефа гестапо Генриха Мюллера поискать в архивах гестапо данные на новую пассию, и к вечеру на его стол легло досье. Взглянув на фотографию и увидев милое личико Анхель, Борман удовлетворенно улыбнулся: ему нравилось покопаться в тайнах любовниц, чтобы потом поражать их своей осведомленностью, доказывавшей его могущество. Но, переведя взгляд на графы титульного листа, он почувствовал внезапно накатившую слабость, внутри похолодело... Анхель Гронер: полукровка-чешка; урожденная Анжелика Гронкова. Пометка берлинского гестапо: полукровкой признана в Праге, но наличие немецкой крови среди предков сомнительно. [333] Все сходилось на том, что Анхель-Анжелика давно служила у Гейдриха. Косвенное подтверждение было получено через несколько часов: Анхель на вторую встречу не явилась. Расовое преступление! Полный крах!

Единственный шанс — Мюллер, сомнительных дел мастер. Впрочем, исчезновение одной лишь женщины ничего не решало, а с Гейдрихом такой операции не провернешь. Однако и медлить было нельзя: когда противник потянет за ниточку, Борман увязнет окончательно. Обсуждать эту тему с Гиммлером — значит дать ему козырь, которым тот всегда сможет воспользоваться. Хорошо, что у Мартина был негласный союзник Мюллер: десять лет тайного сотрудничества и обоюдного молчания доказали, что они могут доверять друг другу в щекотливых делах. Ведь Мюллер остался единственным, кто знал все подробности о деле Гели Раубаль (остальных Гитлер и Борман устранили до 1935 года). Он умел хранить чужие секреты и оказывал неоценимые услуги. На тайной встрече с рейхсляйтером шеф гестапо пообещал в крайнем случае прибегнуть к «радикальному способу».

В мае 1942 года Мюллер предупредил Бормана о том, что Гейдрих жаловался Шелленбергу на явное ухудшение отношений с шефом партийной канцелярии и рейхсфюрером СС и даже подумывал прикомандировать к ставке фюрера своего наблюдателя, дабы разобраться в причинах такой немилости. Борман же полагал, что прикомандированным окажется эмиссар, который объявит ему условия Гейдриха. Тучи сгущались... Борман торопил шефа гестапо.

Действительно, довести свой план до конца Гейдрих не успел: 27 мая чешский патриот смертельно ранил его, и он умер 4 июня. Той же ночью Гитлер обсудил с Борманом кандидатуру его преемника и [334] все, что касалось похорон, прощальных почестей и т.д.{47}

В мае 1942 года смерть убрала с дороги Бормана еще одного неприятеля из числа гауляйтеров: умер Карл Ревер, который был главой НСДАП в округе Везер — Эмс с 1929 года. Независимость и активное сопротивление Ревера досаждало Борману не меньше, чем его постоянные тесные контакты с Розенбергом.

13 мая 1942 года Ревер объявил, что собирается посетить ставку фюрера, а затем провести переговоры о мире с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем. Эту программу он хотел начать с предварительной четырехчасовой речи. Почти сразу же гауляйтера доставили в клинику СС, и тамошние врачи заявили о его быстро прогрессирующем слабоумии, причиной которого послужила якобы поздняя стадия сифилиса; высказывалось предположение, что эту болезнь он подцепил в Южной Африке, где был с деловой поездкой еще до первой мировой войны. Ревера упрятали в изолированный бокс клиники.

Борман приказал сохранить в тайне сведения о болезни и срочно отправил в Ольденбург двух агентов, которые возвратились уже 15 мая и доложили, что Ревер, согласно официальной версии, скончался от сердечного приступа. Место непокорного гауляйтера занял ставленник Бормана. Рейхсляйтер НСДАП вновь добился своего.

В первой половине 1942 года сама Смерть, казалось, пошла в услужение Борману. В середине июня умер Адольф Хюхнлейн, командовавший НСКК (моторизованный национал-социалистский корпус) и постоянно враждовавший с рейхсляйтером НСДАП, [335] хотя основал НСКК именно Борман. Преемником Хюхнлейна стал человек, не обладавший в партии существенным влиянием; Борман же сразу дал понять, кто отныне главный, сообщив руководителям подразделений НСКК фамилию их нового начальника за несколько дней до того, как фюрер объявил об этом назначении.

С гауляйтером округа Мюнхен — Верхняя Бавария Адольфом Вагнером Борман внешне поддерживал дружеские отношения, но лишь потому, что тот принадлежал к влиятельной группировке бойцов «старой гвардии», был тезкой Гитлера и говорил на том же диалекте и с теми же интонациями, что и сам фюрер. Рейхсляйтеру НСДАП влиятельный соратник фюрера был явно не по зубам. Но середина июня 1942 года выдалась для Бормана полной приятных неожиданностей. Едва узнав о смерти Хюхнлейна, он получил вызов в Траунштейн: Адольфа Вагнера разбил паралич. Приехав, он увидел человека, который говорил с превеликим трудом и почти не двигался. Через несколько дней у постели больного побывал Гитлер и, признав Адольфа Вагнера недееспособным, поручил Борману подобрать замену. Выбор

рейхсляйтера НСДАП пал на того же Пауля Гислера: едва устроившись в кресле гауляйтера Вестфалии, он получил еще и округ Мюнхен — Верхняя Бавария.

Для своих ставленников Борман был заботливым и благосклонным начальником. Так, на званом обеде в своем доме в Пуллахе он познакомил Гислера с рейхсляйтером по делам печати Аманном, рейхсляйтером Францем Ксавье Риттером фон Эппом и президентом правительства округа. Несколько дней спустя Борман представил Гислера и нового руководителя НСКК Герингу. Двух вновь назначенных гауляйтеров Шиля (Зальцбург) и Лаутербахера (Южный Ганновер — Брюнсвик) он почтил приглашением на аудиенцию к фюреру. Представители нового — послушного [336] и дисциплинированного — поколения местных партийных лидеров, обязанных своим назначением Борману, прошли стажировку в структурах партийной канцелярии и строго следовали указаниям рейхсляйтера НСДАП.

* * *

Генералы фактически утратили право голоса при принятии стратегических решений еще в начале второй мировой войны, ибо их пессимистические прогнозы были полностью опровергнуты успешными операциями, выполненными в соответствии с планами, подсказанными интуицией дилетанта Гитлера. Не стоило забывать и о традиционном недоверии партии к высшим военным чинам. Разве не рейхсвер в 1930 году изгнал молодых офицеров, симпатизировавших НСДАП? Разве не генерал Курт фон Шлейхер, бывший в свое время канцлером, хотел с помощью оружия преградить национал-социалистам путь к власти, объявив «отечество в опасности»? Подобно многим другим представителям «старой гвардии», Борман не доверял генералам и подозревал, что многие из них в душе являются реакционерами, противниками национал-социалистской революции.

Конечно, разоблачить их было чрезвычайно сложно, поскольку военная форма и традиционно жесткая дисциплина рождали в их среде корпоративную солидарность; проникнуть в их ряды поистине не представлялось возможным. Во-первых, солдатам вообще запрещалось состоять в какой-либо партии (политика — не дело рядовых). Во-вторых, партийные функционеры, служившие в офицерском корпусе, постоянно жаловались, что принадлежность к НСДАП отрицательно сказывается на карьере. В ставке Борман оказался в окружении генералов, которые, подобно Хайнцу Гудериану и Францу

Гальдеру, [337] в большинстве своем относились к нему пренебрежительно либо вообще не замечали. Другие общались с ним по необходимости, — например, военные адъютанты фюрера вследствие особенностей своей службы видели Бормана денно и нощно. Лишь некоторые соглашались посидеть с ним за бутылкой шнапса. Для остальных он оставался человеком гражданским, партийным функционером, не имевшим ничего общего с их родом деятельности, несмотря на его форму обергруппенфюрера и знаки различия генерала СС. Как обычно, Борман избегал прямой конфронтации и постепенно наращивал давление на периферийных направлениях, используя ситуации, позволявшие ему выглядеть радетелем справедливости.

Он регулярно посылал руководству вермахта протесты в связи с притеснениями атеистически настроенных солдат, которых за нежелание посещать церковные службы нередко наказывали штрафными и воскресными работами. Ему хотелось вообще упразднить штат военных капелланов, но все его попытки оказались тщетными. И хотя даже Гитлер не придавал особого значения влиянию христианской религии на армию, Борман продолжал считать институт военных священников вредным, ибо они, по его мнению, внушали солдатам страх смерти, который был неуместен на поле брани.

Борман потребовал, чтобы высшее командование вермахта обязательно советовалось с партией, когда дело касалось политического статуса военнослужащих. Он прикомандировал своего помощника к отделу кадров вермахта, подробно проинструктировав его о критериях НСДАП в отношении продвижения офицеров по службе. Борман никогда не заявлял открыто о своих намерениях, но по предыдущему опыту его цель была ясна: как и в случае с правительством, партия хотела влиять на назначения на высшие [338] военные посты, определять карьеру военнослужащих.

Видя, что между Гитлером и руководством вермахта нередко возникают разногласия, Борман не уставал нашептывать фюреру о реакционности генералов. А в середине мая 1942 года разгорелся скандал в военном флоте. Боевой офицер обратился к командованию с просьбой о разрешении на брак, но моралисты в синей форме, узнав, что невеста забеременела до свадьбы, отказали — согласно традиции, невесте морского офицера якобы надлежало быть девственницей либо безукоризненно выдавать себя за таковую. Борман написал десять пунктов в доказательство того, что «неписаные законы» офицерской чести следовало считать признаками «морального разложения» и пережитками феодализма. Формулировки опуса не оставляли сомнения в

согласии Гитлера с точкой зрения автора.

Впрочем, военные тоже находили способы выразить свои антипатии к Борману. Они не могли лишить его сведений о своих оперативных совещаниях, поскольку стенограммы неизбежно попадали в руки рейхсляйтера НСДАП. Но как же он был разъярен, когда (в июле 1942 года), приехав в ставку «Вервольф», обнаружил, что его личные покои в бункере — в отличие от комнат генералов — не обеспечены проточной водой! Вместо этого на табурете стояли таз и кувшин, изрядно потемневшие от долгого употребления. Генеральская шутка удалась: рейхсляйтер НСДАП метал громы и молнии и приказал коменданту немедленно соорудить надлежащий санитарный узел.

Вместе с тем некоторые генералы завоевывали благосклонное отношение Бормана. К числу последних принадлежал Эдуард Дитл, «герой Нарвика», командовавший германскими войсками в Норвегии. Генерал не упускал из виду, что солдатам, оказавшимся [339] в холодной северной стране за тысячи километров от дома, нужны и удобства, и теплая постель. Он не возражал против временных связей германских солдат с норвежками, но не считал последних достойными партнершами для брака. Блондинки из Норвегии соответствовали всем требованиям нацистской расовой теории и были признаны сестрами германцев по крови. Тем не менее Дитл выдал разрешения на брак лишь нескольким своим солдатам и — вопреки выводам теоретиков — распространил в подчиненных ему подразделениях приказ, которым объявил немок женщинами более высокого сорта, чем норвежки.

Борман приветствовал такой подход, ибо остальные армейские начальники на захваченных восточных территориях проявляли в этом отношении чрезмерную терпимость. Он разослал текст приказа Дитла гауляйтерам как пример пропаганды, которую следовало неустанно вести партийным организациям, чтобы усилить в обществе отрицательное отношение к бракам с иностранцами и предотвратить нежелательное смешение крови. В качестве альтернативы он предлагал партийным функционерам шире использовать услуги членов нацистской организации женщин («Frauenschaft») совместно с представительницами старшей возрастной группы женских отделений гитлерюгенд, чтобы напоминать солдатам о радостях родного дома и превосходстве женщин высшей расы.

* * *

Гитлер, казалось, был вполне удовлетворен ходом событий и деятельностью рейхсляйтера НСДАП. Во время полночного монолога в «Вольфшанце» он рекомендовал Борману снабдить гауляйтеров всеобъемлющим набором инструкций, внести единообразие в [340] их работу. Предпочитая руководить достаточно многочисленной гвардией мелких (и потому безопасных) вассалов, чем несколькими могущественными властителями, фюрер не забыл ублажить их, создав им выгодные условия для самообогащения. Он не опасался, что процветание породит среди гауляйтеров стремление к независимости, ибо не составляло труда изгнать любого из них. Гитлер согласился удовлетворить ходатайство Бормана, просившего отпустить гауляйтерам больше времени на осуществление масштабных программ. Впрочем, на практике глава партийной канцелярии добивался поблажек лишь для своих фаворитов.

На чаепитиях у Гитлера, не стесняясь присутствия других гостей, среди которых бывали и такие его личные недоброжелатели, как Шпеер, Борман не раз делал выпады против Шираха. Так, он мог как бы случайно заговорить о распространенных в Вене анекдотах, в которых содержалось немало колкостей в адрес Гитлера. Тирада обычно заканчивалась выражением мнения, что в Вене, «к счастью», руководящий пост занимает человек, способный в конце концов превратить австрийцев в истинных германцев. После года подобного «промывания мозгов» Гитлер явно невзлюбил Шираха. Внутри партии, где каждый замышлял интриги против остальных, Борман дал понять, что венский вассал — не лучший избранник для столь славного трона. Намек послужил сигналом для всей своры гауляйтеров, которая готова была растерзать Шираха в отместку за те милости, которые прежде ему оказывал фюрер. В сентябре 1942 года Ширах провел в Вене конгресс европейской молодежи и во время этого помпезного форума заявил о своих претензиях на роль лидера всех молодежных организаций, включая объединения, возникшие на захваченных территориях [341] и в союзных государствах. Однако Риббентроп запретил своим подчиненным присутствовать на форуме, а Геббельс не позволил германской прессе освещать это событие. Объяснение простое: Борман намекнул, что бесполезно тратить время на болтовню о «детской партии Шираха».

* * *

Возможно, справедливо, но не имея конкретных оснований,

Борман подозревал возглавляемый адмиралом Вильгельмом Канарисом абвер — контрразведывательную службу вермахта — в подрывной деятельности. В письмах он обычно скрывал имя Канариса под кличкой «наш особенный друг». Невозможно представить себе две более несхожие личности, чем вежливый, изысканный в манерах шеф абвера и грубый, простоватый начальник партийной канцелярии. Бормана отнюдь не расстроило известие, в конце 1942 года пришедшее от гауляйтера партийной организации немцев, находившихся за границей, Вильгельма Боле. В донесении сообщалось, что почти все члены НСДАП в Швейцарии завербованы абвером. Борман обратился с протестом к Кейтелю, объявив, что малейшая ошибка в действиях на территории нейтральной страны могла спровоцировать громкий скандал и привести к разрыву дипломатических отношений. Заставив абвер отказаться от использования агентов в Швейцарии, рейхсляйтер НСДАП сразу же передал эту уже готовую агентурную сеть шефу СД Вальтеру Шелленбергу. Поскольку между Борманом и Гиммлером установились тогда дружеские отношения, они договорились между собой, что упомянутые члены партии не бросят контрразведывательную деятельность, а будут продолжать ее, просто перейдя в подчинение к другому начальнику. [342]

* * *

Первыми, кто почувствовал на себе истинные планы гитлеровцев относительно восточных народов, были те огромные массы славян, которые попали в руки захватчиков на оккупированных территориях в 1941 году. Их осматривали, как рабочий скот, сгоняли в концентрационные лагеря и, поскольку многие железнодорожные линии были выведены из строя, отправляли в Германию морем. Однако кораблей не хватало, люди тысячами умирали в лагерях от голода и от холодов необычайно суровой зимы. В письме Кейтелю Розенберг отмечал, что такое обращение с местным населением приумножает упорство советских войск и приводит к увеличению потерь с германской стороны. Кейтель оказался в нелегком положении. В пору жестоких холодов отсутствие необходимых транспортных артерий стало главной причиной недостаточного снабжения теплым обмундированием и, следовательно, огромного числа обморожений среди немецких солдат. Борман же не уставал обвинять Розенберга, который «нянчился с недочеловеками, которых и так слишком много повсюду».

Бесчеловечность Бормана нашла отражение и в циркуляре, в котором он предписывал не хоронить по отдельности умерших заключенных концентрационных лагерей, а обматывать трупы промасленной бумагой или тканью и складывать в штабеля. Впоследствии следовало сбрасывать трупы в ямы для массовых захоронений. Проведение каких-либо церемоний при этом было запрещено.

В июле 1942 года Гитлер переместился в ставку «Вервольф», располагавшуюся на Украине возле города Винница. Именно тогда Борман решил собственными глазами взглянуть на «недочеловеков». Он посвятил этому один день: 22 июля 1942 года вместе с Карлом Брандтом и еще двумя сопровождающими [343] он проехал по окрестностям от деревни к деревне, от колхоза к колхозу. Германские комиссары по сельскому хозяйству с гордостью демонстрировали гостям огромные пространства пшеничных полей. Вечером Борман рапортовал Гитлеру о том, что увидел за последние двенадцать часов, — докладывал бесстрастным тоном безжалостного конкистадора, ледяной взор которого не оттаивал при виде заранее отрепетированных сцен хлебосольного гостеприимства.

Он видел детей... слишком много детей. По его мнению, со временем это могло стать серьезной угрозой, поскольку они «принадлежали к расе, жившей в гораздо более суровых условиях, чем германская. Вот некоторые замечания: никто из детей не нуждается в очках; почти у всех — отличные зубы; при достаточном питании эти люди сохраняют хорошее здоровье до преклонного возраста, даже несмотря на то, что обычно они пьют неочищенную воду, от которой мы непременно заболели бы». Эти «так называемые украинцы» (для Бормана все они были славянами), похоже, обладали иммунитетом от всяких лихорадок, ибо не подвержены им, хотя на них достаточно вшей. Большинство крестьян — голубоглазые блондины, но лица плоские, с грубыми чертами — не арийского типа. При хорошей немецкой организации они станут быстро размножаться, что весьма нежелательно, поскольку «в конечном счете на этой земле должна остаться только немецкая раса».

Такие сведения, если следовать расовым теориям самих нацистов, доказывали, что немцы столкнулись с расой, которая в будущем одолеет их. Эта раса оказалась более сильной, более приспособленной и здоровой, более динамичной. Однако у Гитлера был свой взгляд на вещи, и доклад Бормана привел его в ярость: «Нам нужна рабочая сила! Возможно, настанет такой день, когда мы запретим местному [344] населению пользоваться контрацептивами, а нарушения будем карать расстрелом. А вот с

распространением еврейской заразы мы будем бороться всегда! Однако старания сохранить здоровую рабочую силу должны соответствовать разумным пределам: например, проводить общую вакцинацию населения ни к чему».

В беседах с фюрером Борман настойчиво возвращался к различным проблемам, связанным с местным населением, и в соответствии с полученными указаниями готовил инструкции. В конце концов он направил рейхсминистру восточных территорий всеобъемлющий документ (восемь параграфов), в котором были изложены пожелания Гитлера. Среди прочего указывалось, что в тот момент следовало сокращать численность негерманского населения оккупированных территорий. С этой целью надлежало расширить торговлю контрацептивами и максимально упростить процедуру осуществления абортов. Вакцинацию проводить не следовало, так же как и налаживать систему здравоохранения для славян. Никакого высшего образования: умения читать и писать вполне достаточно. Кроме того, украинское письмо предстояло перевести с кириллицы на латинский алфавит. Главное — не допускать сближения между немцами и местным населением!

Для Розенберга послание рейхсляйтера НСДАП оказалось настоящей бомбой: всего за несколько дней до этого он отправил Гитлеру доклад, в котором предлагал гарантировать украинцам относительную независимость — по крайней мере в культурной и административной сферах, — чтобы заручиться их поддержкой в крестовом походе против большевизма русских.

Таким образом, поездка по украинским деревням была вызвана отнюдь не любопытством и не стремлением ознакомиться с истинным положением дел. [345]

Глубинная причина заключалась в ином: получив меморандум Розенберга от 15 февраля 1942 года, рейхсляйтер НСДАП предпринял ответный шаг. Поездка лишь стала предлогом для долгого обсуждения, из которого Борман выудил те фразы Гитлера, которые позволяли ему отвергнуть идеи конкурента.

В письменном ответе обескураженный Розенберг провозгласил, что любая воля фюрера должна быть исполнена и что им уже отданы соответствующие распоряжения. По его собственному признанию, сделанному позднее, он пошел на такой шаг, чтобы разрядить атмосферу, и надеялся вновь напомнить о своих предложениях в более подходящий момент. Весь штаб Розенберга призывал своего шефа к действию, и более остальных — Георг Лейббранд, возглавлявший политический отдел, и его заместитель Маркул. В сентябре 1942 года последний составил меморандум по поводу ущерба от деятельности на

Украине гауляйтера Коха и его единомышленников. Маркул обнаружил «явные расхождения» между делами Коха и содержанием предписаний Бормана. «Министерство пришло к выводу, что изложенная в письме рейхсляйтера Бормана программа полностью противоречит проводимой политике и может посеять неразбериху и разочарование».

К тому времени министр оккупированных территорий превратился в чисто номинального руководителя, лишенного реальной власти. В сентябре 1942 года его даже не пригласили на совещание представителей партии и правительства, на котором обсуждались способы наиболее эффективного использования женского населения оккупированных земель. В стенограмме этой конференции упоминалось мнение Бормана о целесообразности использования женщин в качестве домашней прислуги, для чего следовало организовать массовую депортацию украинок в Германию. Указывалось также, что фюрер распорядился [346] отправить в Германию четыреста — пятьсот тысяч таких домохозяек в возрасте от пятнадцати до тридцати пяти лет. На проведение этой операции Фрицу Заукелю отвели три месяца. Кроме того, Борман объявил, что нелегальный вывоз домашней прислуги представителями вооруженных сил и прочих ведомств признан санкционированным, то есть разрешенным. Рейхсляйтер НСДАП отметил также, что «вывозить позволено лишь женщин, обладающих красивой фигурой и привлекательной внешностью».

В дополнение к запрещению вакцинации, отмене обеспечения санитарных норм для местного населения, распространению контрацептивов и массовым убийствам Борман предложил еще одну идею. «Согласно особому указанию фюрера, следует германизировать значительное количество украинских женщин». По-видимому, Гитлер и Борман оправились от первого шока, вызванного осознанием того, что столь сильные и здоровые люди относятся к славянской расе. Во время одной из бесед за «вечерним чаем» фюрер решил пересмотреть «академическое отношение к проблеме великого переселения», обратив светловолосых и голубоглазых украинок в воспитанниц германского племени. Таким образом, онемечивание последних становилось лишь делом времени. Новая установка состояла в том, чтобы «в течение ста ближайших лет заселить Европу 250-миллионным германоязычным народом».

Мужской же части восточных народов была уготована простейшая альтернатива: рабство или смерть. 19 августа 1942 года Борман записал: «Их предназначение — работать на нас; там, где они окажутся ненужными, следует позволить им умереть». Вплоть до окончания войны он без устали настаивал на

истреблении военнопленных и утверждал, что армейская охрана концентрационных лагерей чрезмерно гуманна с заключенными. Борман даже направил высшему командованию [347] вермахта письмо, в котором ссылался на «самоотверженно работавших немцев, не понимавших, почему в военное время, когда на карту поставлена судьба отечества, военнопленные живут лучше их». Он заявил, что армия скорее не охраняет, а защищает пленных. В конце концов рейхсляйтер НСДАП добился передачи всех концентрационных лагерей в ведение СС — уж они-то умели поставить пытки и убийства на широкую ногу.

В декабре 1942 года, когда положение германских войск под Сталинградом уже стало безвыходным, Маркул составил обзор «Управление восточными землями», в котором доказывал, что «поддерживать необходимый порядок на огромных территориях можно только при условии использования восточных народов, однако проводимая политика настроила их против нашего правления. В частности, за несколько последних месяцев реализация указаний, изложенных в письме Бормана от 23 июля 1942 года, серьезно подорвала доверие к нашей политике и морали. Следует признать, что такой курс неприемлем». Однако Розенберг не посмел отстаивать эту позицию перед руководством партии (читай — перед Борманом) и безропотно воспринял приказ об отправке на фронт Лейббранда, который нес непосредственную ответственность за оба отчета.

* * *

В сентябре 1942 года одна из германских газет, издававшихся во Львове, поместила статью о Бормане и сопроводила ее фотографией. Однако в пределы самой Германии попало всего несколько экземпляров. Бормана называли «верным соратником фюрера, пользовавшимся всеобщим уважением и любовью» — обычный штамп нацистской печати. Для Бормана же подпись под приказом или инструкцией была важнее [348] любой формы известности; и уж вовсе не стремился он к медалям и наградам. «Я заслужил больше, чем могли бы выразить какие бы то ни было медали», — писал он жене. Впоследствии Муссолини дважды награждал его итальянскими орденами, но Борман никогда не надевал эти знаки отличия. Он постоянно носил лишь «Орден Крови».

* * *

На Нюрнбергском процессе выяснилось, что все антисемитские законоуложения, увидевшие свет после 1941 года (то есть после перелета Гесса в Шотландию), были подписаны или завизированы Борманом. Борман и его помощник Герхард Клопфер определяли цели и готовили формулировки. Как рейхсляйтер НСДАП, так и другие лидеры третьего рейха, подписывавшие вместе с ним указы и распоряжения, были обеспокоены не вероломством и жестокостью избранных ими методов, а тем, чтобы никто не улизнул из расставленных сетей.

Хотя Клопфер не играл в этой программе решающей роли, именно он был представителем рейхсляйтера НСДАП на конференции, организованной 20 января 1942 года в Ванзее отделом СС по «еврейской проблеме». Борман же оставался в «Вольфшанце»: Гитлер был занят проблемами, возникшими в связи с прорывом фронта советскими войсками. У немцев, измотанных тяжелыми боями, потерями и лютыми морозами, не было сил противостоять этому натиску; они отступали. Борман выехал в Берлин лишь через два дня после окончания конференции, откуда сразу направился в Оберзальцберг. От Клопфера он узнал о принятых на совещании в Ванзее решениях.

Борман разослал гауляйтерам приказ «немедленно направлять в концентрационный лагерь любого еврея при малейшем нарушении установленных правил». [349]

Та же кара ждала и «арийцев». Его подпись стоит и под декретом, запрещавшим евреям (в том числе детям, начиная с шестилетнего возраста) выходить из дому без нашитой поверх одежды желтой «звезды Давида».

Адъютант фюрера по делам армии полковник Герхард Энгел записал монолог диктатора, произнесенный в присутствии Бормана, Шпеера и Кейтеля. Гитлер объявил, что к концу войны на территории Германии не должно остаться ни одного еврея. Следовало учесть, что количество евреев увеличивалось по мере захвата новых земель. «Следует решительно от них избавиться. Несколько миллионов евреев — не так уж много», — заявил в конце монолога Гитлер.

Несмотря на все старания полиции осуществлять перемещение «детей Израиля» в концентрационные лагеря по возможности тайно, в обществе зрело недовольство, вызванное чрезмерной жестокостью властей по отношению к евреям. Как-то во время ленча Гитлер выразил возмущение поведением «так называемой буржуазии, которая вздумала лить крокодиловы слезы по поводу депортации евреев». Чтобы предотвратить рост недовольства, все письма с фронта стали подвергать цензуре, поскольку солдаты то и дело писали о массовых расправах над

евреями, проживавшими на вновь захваченных территориях.

В октябре 1942 года Борман направил гауляйтерам тезисы, с помощью которых следовало объяснять гражданам антисемитскую политику правительства. Прежде всего рекомендовалось говорить, что борьба между евреями и германцами длится уже более двух тысяч лет. И если теперь приходилось сгонять евреев в концентрационные лагеря и приучать их к тяжелому труду, то это соответствовало природе вещей, которой и объяснялась необходимость решить проблему с использованием самых суровых мер. [350]

В октябре 1942 года Борман заставил рейхсминистра продовольствия Герберта Баке, сменившего на этом посту Дарре, значительно сократить обеспечение евреев продуктами. Однако эта мера была не его идеей. Месяцем раньше гауляйтер Берлина Геббельс запретил раздачу бесплатных продуктов берлинским евреям, которую осуществляли благотворительные организации.

Кто-то в высшем армейском командовании решил, что в исключительных случаях (то есть при наличии специального разрешения) солдат имеет право вступить в брак с женщиной, побывавшей замужем за евреем. Рейхсляйтер НСДАП довел эту информацию до сведения Гитлера. Дело закончилось партийным циркуляром, согласно которому «брачный союз между женщиной германского происхождения и евреем свидетельствует о полной утрате ею расового инстинкта, вследствие чего вступление этой женщины в новый брак с солдатом недопустимо». Довольно необычная ситуация возникла, когда Борману доложили, что проверка предков поварихи Гитлера, мастерски готовившей вегетарианские блюда, показала, что одна из ее бабушек была еврейкой. Вышел великий конфуз, ибо Гитлер часто хвалил ее кулинарное искусство и иногда приглашал за свой стол. Все сошлись на том, что человек, кровь в жилах которого на четверть еврейская, не может служить поваром у фюрера. Борман доложил об этом открытии хозяину, но тот уклонился от принятия решения. Борман известил повариху об увольнении письмом, когда она была в отпуске. Но это тоже не устраивало Гитлера: он не собирался отказывать себе в удовольствии поесть хороший вегетарианский суп. Поэтому увольнение пришлось отменить.

В глазах Гитлера Борман утвердил за собой репутацию специалиста и достойного советника по еврейскому вопросу. Фюрер поручил ему разъяснить суть [351] нацистского антисемитизма членам венгерской правительственной делегации, прибывшей с визитом в Берлин. Министр иностранных дел Риббентроп, стремившийся забронировать себе определенную нишу в идеологической деятельности, хотел бы оставить эту

миссию за собой, но вынужден был уступить воле фюрера. Борману предстояло разъяснить венграм, что им необходимо развернуть антисемитскую кампанию в полном соответствии с германскими порядками. В качестве политических мер следовало отлучить евреев от участия в культурной и экономической жизни страны, немедленно конфисковать их собственность, заставить нашить на одежду желтые шестиконечные звезды и начать их депортацию.

Гости приехали в Оберзальцберг ранним утром. Их накормили, провели по комплексу сооружений и пригласили в Зальцбург на представление оперетты «Летучая мышь». Борман получил возможность погреться в лучах славы, играя роль хозяина и уполномоченного «великого германского рейха». На следующий день караван черных блестящих «мерседесов» доставил гостей по автостраде в Мюнхен. После посещения мюнхенской штаб-квартиры НСДАП Борман дал обед в своем доме в Пуллахе. На третий день он показал венграм оружейные заводы и нюрнбергский комплекс сооружений для проведения партийных съездов. Однако результаты разочаровали. Венгры без должного энтузиазма восприняли предложенный план действий. Два месяца спустя Гитлер заявил, что решение еврейской проблемы проводится в Венгрии наихудшим образом и что весь государственный аппарат там по-прежнему «напичкан» евреями. [352]

«Комитет трех»

На состоявшемся в конце 1942 года совещании был согласован окончательный вариант декрета о евреях, который состоял теперь из девяти параграфов. Однако министерство внутренних дел неожиданно отклонило проект: Фрик заявил, что в сложившихся к тому времени условиях необходимости в таком документе уже нет. Очевидно, он считал, что лишать прав мертвых людей бессмысленно. Но в марте 1943 года шеф тайной полиции Эрнст Кальтенбруннер вновь вернулся к этому вопросу: оказалось, что без подобного декрета конфискация имущества превращается в слишком долгую тяжбу. Например, наследники от еврейско-немецких браков, которые, согласно действовавшему в то время закону, не подлежали депортации, обладали правом унаследовать это имущество от родственников. Дело решил главный координатор кампании Борман, в конце концов утвердивший этот декрет собственной подписью 1 июля 1943 года. С того дня все обвинения против евреев рассматривала только полиция (она же принимала решения, она же эти решения приводила в исполнение). Как и поляков в Вартеланде, евреев лишили права на судебное разбирательство и отдали в руки карательного аппарата Гиммлера.

Отныне имущество приговоренного к смерти еврея подлежало немедленной конфискации в пользу [353] государства, независимо от наличия у него наследников. В действительности указ узаконил уже сложившуюся практику (он лишь устранил те препятствия, которые выявились в ходе проведения антисемитской программы). Например, еще за год до подписания этого документа, в мае 1942 года, полторы тысячи евреев — мужчин, женщин и детей — были отправлены в газовые камеры Освенцима{48}.

Уже в апреле 1943 года Гиммлер составил статистический отчет о ходе осуществления программы «Окончательного решения еврейского вопроса в Европе». Предварительно ознакомившись с этими материалами, Борман отослал их обратно, указав; что для представления оных Гитлеру следует заменить слово «уничтожение» на термин «специальная обработка», дабы не ранить «чувствительную душу» фюрера. Согласно данным Гиммлера, к тому времени были арестованы один миллион четыреста пятьдесят тысяч евреев, из которых один миллион двести семьдесят тысяч «прошли через специальные лагеря». Последняя формулировка тоже оберегала «тонкие чувства» Гитлера и означала массовые убийства.

Согласно архивам ведомства Розенберга, в конце января 1943 года «рейхсляйтер Бухлер посетил рейхсляйтера Розенберга и выдвинул предложение о своем переходе вместе с комиссией по защите национал-социалистской литературы под управление Розенберга, о чем был подписан соответствующий протокол». Такой шаг позволил устранить одно из многих организационных противоречий, умышленно созданных Гитлером. Дело в том, что в ведомстве Розенберга существовала [354] структура «центральный департамент литературы при заместителе фюрера по контролю за духовным и идеологическим образованием при НСДАП», по роду деятельности сходная с упомянутой комиссией Бухлера. Теперь эти организации объединились внутри ведомства Розенберга (руководителем объединенной службы стал, конечно, Бухлер).

Однако едва просохли подписи рейхсляйтеров на договоре, между ними завязалась борьба. Яблоком раздора стал кадровый вопрос: один из сотрудников, переходивших в составе комиссии Бухлера в подчинение Розенбергу, слишком благожелательно относился к астрологии. Рейхсляйтер идеологии не захотел принимать такого. Оба стали слать жалобы Борману, который оказался теперь в положении высшего арбитра. Бухлер настаивал на своем праве рейхсляйтера выбирать сотрудников по собственному усмотрению. Розенберг же высказывал опасения, что с таким подходом к кадровым вопросам Бухлер мог по собственной воле выгнать тех, кто изначально работал в ведомстве рейхсляйтера идеологии.

Стремясь вернуть утраченные позиции, Розенберг попытался заручиться поддержкой сильных мира сего с помощью конфискованных его «специалистами» произведений искусства (в его каталогах числилось более двадцати тысяч экземпляров). Геринг никогда не отказывал себе в роскоши и забрал не самые дешевые предметы, но в склоку ввязываться не стал. Тогда Розенберг представил Гитлеру фотографии наиболее ценных экземпляров, чтобы фюрер сам выбрал себе сувениры ко дню рождения. Вместе с изъявлениями благодарности Розенберг, словно в насмешку, получил от Бормана указание передать всю коллекцию в ведение партийной канцелярии, к которой отныне переходили и все права на нее.

Все это время — несколько месяцев! — Борман с удовольствием наблюдал за возней пауков, которых [355] посадил в одну банку, и не поддерживал ни одну из сторон. Лишь однажды он коротко ответил Розенбергу, мол, нет ничего удивительного в том, что один рейхсляйтер находится в подчинении у другого, и пообещал вскоре разобраться по другим

пунктам его запроса. Держать же паузу, не давая конкретных ответов, Борман умел. Прикрываясь именем Гитлера, он то и дело подливал масла в огонь конфликта, стараясь измотать врагов этой междуусобицей. Он не сказал ничего конкретного даже в личной беседе с Розенбергом (она состоялась в мае 1943 года в Берлине), который хотел заручиться хотя бы его устным распоряжением.

Тем не менее в результате беседы у Розенберга сложилось впечатление, что Борман на его стороне, и задумал вновь вывести свою комиссию из-под власти Бухлера. Каково же было изумление Розенберга, когда в июне Борман объявил решение Гитлера: в НСДАП не должно быть двух ведомств по вопросам литературы! Получалось, что фюрер хотел оставить все так, как сложилось к тому времени. То есть победу присудили Бухлеру. Однако не таков был Борман, чтобы позволить победителю почивать на лаврах.

На литературной ниве работы становилось все меньше и меньше по мере того, как экономика военного периода урезала отчисления на издательскую деятельность. Единственной областью, где Бухлер оставался по-прежнему востребованным, была «медицинская» программа варварских экспериментов над заключенными концентрационных лагерей{49}. Однако она [356] попала в разряд секретных правительственных работ и не могла серьезно поправить его реноме.

А ведь в свое время бухлеровская личная канцелярия фюрера сильно докучала Борману тем, что он не мог ни контролировать, ни осуществлять цензуру материалов, поступавших к Гитлеру по этому каналу. Своей волей рейхсляйтер НСДАП приказал оградить фюрера от внешнего мира, чтобы обеспечить ему возможность полностью сосредоточиться на решении наиболее важных задач. Это позволило самому Борману стать единоличным властителем приемной диктатора. Возможно, Гитлер просто никогда не задумывался над тем, что умелый «директор приемной» способен управлять своим же начальником. Именно так было с Гессом, который полностью доверился своему помощнику, отдав ему всю реальную власть в пределах собственных полномочий заместителя фюрера. Причем такой поворот событий не вызывал у рейхсляйтера НСДАП стремления свергнуть начальника. Метод Мартина состоял в другом: добиться, чтобы решения начальника совпадали с его собственными пожеланиями. Однажды Борман написал жене, что Роберт Лей, возможно, приобрел значительную известность благодаря многочисленным выступлениям, но он, Борман, добился гораздо большего: пусть его слова не слышны широким

массам, зато те, кто вершит судьбы Германии, стараются не пропустить ни одного его слова!

Гитлер верил, что добьется скорого перелома и успешного окончания войны против Советского Союза, если отдаст этой кампании всю свою энергию, перепоручив на время все прочие дела доверенным лицам, которым оставалось лишь строго придерживаться его основополагающих указаний. На этот случай [357] «комитет трех» казался идеальной управленческой структурой, позволявшей обеспечить взаимодействие всех действенных государственных механизмов. Правительство представлял министр и глава администрации канцлера (рейхсканцелярии) Ганс Ламмерс, военным сектором руководил фельдмаршал Вильгельм Кейтель, а Борман защищал интересы партии. Комитет являл собой уменьшенный вариант Совета по национальной обороне, причем малочисленность должна была обеспечить ему большую эффективность и оперативность.

Борману не нравился термин «комитет трех», но пользоваться новым государственным органом он научился быстро и со временем превратил его в свой собственный инструмент управления страной. Хотя поначалу деятельность комитета напрямую затрагивала лишь отдельные направления, вскоре тройка государственных деятелей высшего ранга сумела подчинить себе фактически всю государственную машину. Повторяя заклинание о строгом исполнении воли фюрера, они фактически стали теневым правительством. Кейтель, не отличавшийся достаточной прозорливостью в делах государственных, интересовался исключительно военными вопросами и служил торжественным фасадом нового образования. Ламмерс, многоопытный государственный чиновник, остерегался принимать ответственные решения и по натуре вовсе не был борцом. Ни вместе, ни по отдельности эти двое не могли оказаться достойным противовесом Борману — более агрессивному, более примитивному, более коварному, более динамичному, более упорному и более влиятельному. Вдобавок ко всему, никто не мог сравниться с ним в доверии со стороны Гитлера.

По свидетельству Геринга, «Борман был доверенным лицом Гитлера даже в делах сугубо личных. Зачастую важнейшие проблемы решались во время ночных [358] чаепитий в присутствии Бормана и одного-двух личных адъютантов». Такое доверие само не приходит: его надо ежедневно заслуживать-завоевывать-оправдывать, неустанно доказывать заново свою незаменимость и верность. Один из помощников Розенберга, Вернер Кеппен, которого Борман с помощью интриг в конце

концов выжил из ставки «Вольфшанце», отмечал, что рейхсляйтер НСДАП неизменно находится рядом с Гитлером и, едва фюрер высказывает какую-то мысль, Борман тут же облекает ее в форму приказа.

Борман всегда держал себя в руках, не допуская ни малейшего промаха в личных отношениях с Гитлером. Заядлый курильщик, он никогда не доставал сигарету в присутствии фюрера; если совещания затягивались, он выходил покурить в мужской туалет во время перерывов. Борман любил шнапс — и порой крепко выпивал, — но не брал в рот ни капли, если в ближайшее время его могли призвать дела служебные. Ни одно дело Мартин не считал пустяковым. Несмотря на невообразимую массу дел государственных, он сам составлял отзывы на книги; сам постоянно контролировал поставку продуктов для специальной диеты фюрера; сам ведал финансированием работ по созданию фильма о Бисмарке (одно из пожеланий фюрера), вышедшего на широкий экран в 1942 году и заслужившего высокую оценку Геббельса; сам уволил шефа офицерской столовой в «Вольфшанце», который принял ящики с вином в кладовую, не проверив их на наличие взрывчатки.

Ганс Зиглер, покровительствовавший Борману в Веймаре, с гордостью следил за карьерой своего бывшего протеже и полагал, что важнейшим достижением рейхсляйтера НСДАП стало принятие им на себя руководства не только над гауляйтерами, но и над «двенадцатью паладинами» (то есть рейхсляйтерами). По мнению Зиглера, своим «самоотверженным [359] трудом Борман дал фюреру возможность вздохнуть свободнее и уберечь нервную систему от перегрузки».

Шпееру ситуация виделась в ином свете: Борман разогнал помощников-паладинов и изолировал фюрера сверх меры. Тем не менее в разговорах с ним Гитлер не раз отмечал, что в это трудное время очень рад возможности работать в уединении и благодарен стражу, удерживавшему всех на достаточном удалении от него. Право Бормана определять, кого допустить к фюреру, а кого лишить такой возможности, Гитлер воспринимал как совершенно естественную часть сделки.

Мартин считал своей обязанностью оберегать хрупкий гений «фюрера германского народа» от колючих ветров реальности. Неприятные известия от Гитлера скрывали, в частности сведения о результатах мощных авиационных налетов на города Германии. Делалось все необходимое, чтобы тревожные сообщения не нарушали сомнамбулического существования фюрера. Благодаря этому Гитлер до самого конца не усомнился в своем высоком предназначении, в том, что самим провидением ему была

уготована особая великая миссия. Он не видел разрушенных бомбежками городов, не общался, как часто бывало прежде, с людьми на улицах, не присутствовал даже на партийных съездах последних лет.

Как Борман мог добиться огромной власти, лишь тщательно скрываясь в тени фюрера, так и Гитлер нуждался в слуге, способном оградить его от всего, что он не желал видеть и знать.

Не используй рейхсляйтер НСДАП такую ситуацию в собственных интересах, он мог бы служить образцом бескорыстности. Но на самом деле таковым Борман не был. С 1942 года министерство внутренних дел лишилось непосредственных контактов с фюрером, включая переписку и телефонную связь. Геббельс [360] сдавал свои еженедельные обзоры Борману, который впоследствии представлял их на суд диктатора — естественно, с собственными комментариями. Рейхсляйтер НСДАП не смог подавить довольную улыбку, когда Гитлер разочарованно согласился с его заключением о том, что Геббельсу не стоит составлять обращения к войскам, поскольку речь человека сугубо гражданского сильно отличается от обыденного языка солдат.

Министр финансов имел последнюю личную беседу с фюрером в 1942 году и не без оснований подозревал (он уговорил Ламмерса информировать его о ситуации в ставке), что отчеты и прогнозы министерства вообще не появляются на рабочем столе Гитлера. Рейхсминистр экономики Вальтер Функ жаловался, что невозможно вести аргументированную беседу с фюрером, поскольку Борман постоянно прерывает выступление гостя и вмешивается в разговор.

По указанию фюрера Борман собирал анекдоты о высших лицах государства и от его же имени отсылал им эти коллекции. А бывшего министра экономики Шахта Гитлер даже лишил ветеранского золотого партийного значка — месть Мартина одному из тех, кто некогда относился к нему пренебрежительно.

* * *

В конце 1942 года возможности Бормана расширились вследствие... провала немецкого наступления на Кавказе. Генералы предъявили фюреру претензии в том, что он отдает взаимоисключающие приказы. «Величайший стратег всех времен» обиделся и уединился в своем бункере. Через два дня он распорядился, чтобы на совещаниях военных присутствовали стенографисты — фюрер хотел на будущее заручиться

письменным свидетельством своего «алиби». Естественно, дело поручили Борману. Он привез стенографистов [361] из Берлина, привел их к присяге и взял с них расписки в том, что они будут записывать только политическое и общее тактическое содержание совещаний, не упоминая конкретных номеров воинских соединений и частей. Нет необходимости пояснять, что стенограммы попадали на стол рейхсляйтера НСДАП, таким образом получившего доступ в тот сектор ставки, который прежде был закрыт для него.

В конце 1942 года Борман оказался вовлеченным в склоку между недавно назначенным министром юстиции Отто Тираком и высшим лицом в полицейской иерархии Гиммлером. Вражда вспыхнула вследствие недовольства Гитлера действиями юристов, недостаточно щедрых на смертные приговоры. Новый министр был полон решимости «исправить» положение, но Гиммлеру сама процедура суда, даже упрощенная до абсурда, казалась совершенно излишней. Соответствовавшее новой процедуре, которую собирались ввести на оккупированных территориях, «специальное полицейское расследование» могло если не сорвать гиммлеровскую программу массового уничтожения заключенных концентрационных лагерей, то лишить ее завесы секретности. Гиммлер сообщил о возникших трудностях Борману и предложил оставить осуществление правосудия на восточных территориях в ведении полиции. Следовательно, вопрос стоял так: Тираку или Гиммлеру быть высшим арбитром третьего рейха?

Противники встретились в полевой ставке Гиммлера в Житомире. Следуя советам Бормана, после пяти часов переговоров они достигли соглашений по основным вопросам. Гиммлер получил право «ликвидировать посредством усиленного труда» немцев и чехов, приговоренных к восьми и более годам тюрьмы. Для прочих этот срок ограничивался всего тремя годами. Борман требовал прежде всего преодолеть медлительность и неэффективность суда — вот и соответствующий [362] результат. Кроме того, Тирак и Гиммлер просили, чтобы в случае возникновения спорных ситуаций окончательное решение принимал Борман. Однако последний не собирался брать на себя ответственность за непосредственное вынесение приговоров и отказался под предлогом чрезмерной загруженности.

В 1942 году шеф партийной канцелярии стал играть активную роль и в ряде важнейших вопросов, прежде находившихся исключительно в ведении правительства. Так, Гитлер пожелал сохранить наследное владение семейством Круппа заводов по производству вооружений в Эссене. Борман дважды гостил на вилле президента кампании, занимался

налоговыми проблемами промышленного клана и, в частности, налогами с наследства. Главной целью было создание особых условий, благоприятных для дальнейшего увеличения мощи этого клана и расширения производства вооружений. Переписка свидетельствует о добрых отношениях, установившихся между Борманом и Круппами. Совместно они подготовили проект закона о льготах для концерна. Гитлер почему-то медлил и подписал его лишь в ноябре 1943 года. Впрочем, эта задержка была на руку Борману: постоянный контакт с крупнейшими промышленными воротилами позволял наладить важные связи и усилить свое влияние в экономике страны. О реальном экономическом могуществе он мечтал еще в двадцатые годы, но предпочел более быструю партийную карьеру. Теперь же с высоты нынешнего положения в иерархии НСДАП он мог штурмовать и вершины экономики. В его руках уже находились финансовые рычаги партии и государства, но чрезвычайно мощные ведущие банковские и промышленные компании частного сектора, превратившиеся в крупнейшие международные корпорации, оставались вне его досягаемости. Именно они сохраняли за собой главные роли в экономике [363] и стояли над политикой, ибо их будущее не зависело даже от исхода войны. Равноправное сотрудничество с ними — а рейхсляйтеру НСДАП было под силу выступить достойным партнером — сулило радужные перспективы и Борману.

* * *

В начале 1943 года в поле зрения шефа партийной канцелярии попал генерал Вальтер фон Унруэ, который предлагал учредить специальные агитационно-консультационные пункты для вербовки граждан на военную службу. Однако, памятуя о прошлом, Борман не доверял генералу. В 1935 году Унруэ пытался создать солдатскую ассоциацию, членами которой мечтал сделать всех мужчин, когда-либо служивших в армии или в военизированных подразделениях. Ассоциация виделась Унруэ средоточием резервистов для всех военизированных организаций, причем во главу угла ставились не политические мотивы, а дух военщины и беспрекословная дисциплина. Конечно, в напряженной обстановке 1943 года не грех было использовать любые усилия, направленные на укрепление военной мощи, но Борман стремился подчинить нацистской идеологии и вермахт, а потому был против откровенно аполитичной военной организации. Кстати, в том же направлении пытался работать и

Розенберг, который укомплектовывал армейские библиотеки нацистской литературой и мечтал создать в армии подразделения проповедников нацистского катехизиса, для чего планировал использовать авторитет отслуживших в армии ветеранов.

В середине мая 1943 года Розенбергу случилось вновь побывать в «Вольфшанце». Сначала состоялось обсуждение текущих вопросов, в котором принимали участие Гитлер, Кох и Борман, а на следующий [364] день он беседовал с секретарем фюрера о делах партийных. Они быстро согласились на том, что следует изыскать способы эффективного внедрения нацистских идей в солдатскую среду. Когда Розенберг излагал свою программу действий, Борман не прерывал собеседника, и тот воспринял это молчание как согласие. Вернувшись к себе, министр оккупированных восточных территорий запишет: «Мы признали, что идеи национал-социализма не настолько закрепились в вермахте, как того хотелось бы. Однако провозглашение тотальной войны дает возможность добиться идеологического единства партии и вермахта».

Так совпало, что именно в этот момент ставку посетил бывший сослуживец Гитлера Ганс Юнг, который поведал о многочисленных листовках, распространявшихся вдоль протяжения линии фронта от имени комитета «Свободная Германия» — антифашистской организации германских военнопленных, которую возглавляли генералы, попавшие в плен под Сталинградом. Гитлер увидел в этом «самую большую угрозу на Восточном фронте в данный момент».

Борман вновь оказался на коне: он немедленно доложил фюреру, что подготовка соответствующих действий уже идет полным ходом. Однако Розенберг в течение нескольких недель не получал от него каких-либо сообщений. Только после повторного обращения Борман договорился с Кейтелем, и министр оккупированных территорий приступил к формированию лекционных групп, состоявших в основном из профессоров, которым предстояло проводить встречи и митинги с офицерами вермахта. Но генералы считали свастику обычным элементом униформы и не воспринимали планы идеологического воспитания всерьез. Поэтому предварительная стадия создания новой службы сильно затянулась. [365]

* * *

С непостижимым постоянством легкомысленный гауляйтер Вены попадал в странные ситуации. Безобидные на первый

взгляд, в трактовке рейхсляйтера НСДАП они приобретали неблаговидный оттенок, что постепенно уменьшало расположение фюрера к Шираху. Например, в начале 1943 года он организовал в Вене экспозицию «Живопись молодежи третьего рейха». Выставленные картины Гитлер — высший судия в области искусства в третьем рейхе — охарактеризовал как «живопись вырождения». Ширах был вызван на аудиенцию в Оберзальцберг. Фюрер не предложил гостю сесть, а Борман положил на стол раскрытый журнал организации гитлеровской молодежи «Wille und Macht»{50} с фотографиями, сделанными на упомянутой выставке. Отчужденно и холодно, громко и с расстановкой произнося слова, Гитлер сразу продекламировал резюме: «Зеленая собака! Да вы мобилизуете против меня большевистскую культуру! Это, — удар пальцем в разворот журнала, — призыв к неповиновению!» В конце быстротечной «беседы» фюрер приказал закрыть выставку.

Тем не менее вскоре Ширах и его супруга получили приглашение посетить Оберзальцберг в качестве гостей. Они восприняли это событие как добрый знак, но не знали, что инициатором приглашения был Борман. Расчет коварного интригана оказался прост и точен: в эти дни в Бергхофе находилась Ева Браун, у которой были весьма натянутые отношения с Генриеттой фон Ширах, дочерью личного фотографа Гитлера Хофмана. Дело в том, что в свое время Хофман прочил свою дочь в жены фюреру! Естественно, Ева Браун не могла забыть соперничества и приняла гостей подчеркнуто холодно. К тому же Генриетта, недостаточно зная Гитлера, допустила непростительный [366] промах: во время послеобеденной беседы у камина она посочувствовала еврейкам, которых у нее на глазах гнали по улицам Амстердама. Фюрера мгновенно охватил приступ ярости, и он заорал: «Что могут значить для вас эти еврейки?!»{51} Распалившись, Гитлер напустился на Шираха: «Напрасно я направил тебя в Вену. Ты сам стал венцем!»

Итог визита четы Ширахов вполне удовлетворил. Бормана. После этой встречи Геббельс записал в дневнике: «Отныне Шираху нечего ждать от фюрера. Рано или поздно он окажется на дипломатической работе».

Последней каплей стал отказ Шираха следовать антирелигиозной политике партии. Он не настаивал на отречении членов гитлерюгенда от церкви. Более того, всем призванным в армию молодым венцам он выдавал книги христианского содержания и свою собственную религиозную поэму. Адъютант Шираха сообщил Борману, что у его босса состоялось несколько дружеских встреч с примасом католической

церкви Австрии кардиналом Теодором Иннитцером. С весны 1943 года выпады партийной канцелярии против гауляйтера Вены резко участились. Его обвинили даже в недостаточной подготовке к обороне города от воздушных налетов, хотя экспертная комиссия дала положительный отзыв. Распространившиеся слухи гласили, что «безалаберные управляющие Придунайских Альп не могут установить должный порядок и допускают утечку важной информации».

* * *

Сражение за Сталинград, завершившееся в феврале 1943 года полным разгромом гитлеровской группировки, оказалось началом общего поражения в войне. [367]

С того поворотного момента среди партийных лидеров стали раздаваться голоса, призывавшие к проведению более умеренного курса по отношению к восточным народам. На встрече, состоявшейся 5 марта 1943 года, Геббельс, Геринг и некоторые другие лидеры критиковали жестокую политику Бормана и признали, что прежними методами уже не удается держать восточные народы в узде. Геббельс даже задумал написать специальный трактат, чтобы аргументированно объяснить: национал-социализм не ставит задачей физическое истребление восточных народов.

Однако Борман не обращал внимания на критические уколы. Два месяца спустя Геббельс совместно с отделом СС по пропаганде выпустил памфлет «Об основных принципах использования рабочих с Востока», текст которого Борман присовокупил к циркуляру, разосланному во все партийные ведомства. В «закрытом» письме он утверждал, что «следует должным образом объяснить партии и обществу необходимость строгого, но справедливого отношения к иностранным рабочим». Вместе с тем рейхсляйтер НСДАП не хотел, чтобы полный текст памфлета получил всеобщую известность, и запретил публиковать его в печати.

Естественно, цель памфлета состояла отнюдь не в облегчении участи двенадцати миллионов иностранных рабочих, завезенных к тому времени в Германию. В нем говорилось лишь о «необходимости достаточно аккуратного к ним отношения, чтобы они не утратили работоспособность». Кроме того, следовало сохранять определенную дистанцию между собой и представителями «низших варварских рас». Всякого немца, нарушившего расовые принципы национал-социализма, ждало

суровое наказание.

Борман неспроста уделил столько внимания трактату Геббельса. Ситуация изменилась: состояние здоровья Гитлера ухудшилось, диктатор был уже не столь [368] деятелен. Стоило подумать о союзниках, чтобы в будущем не оказаться в плотном кольце врагов. Геббельс казался вполне подходящей кандидатурой. В последнее время он заметно укрепил свои позиции. Гитлеру нужен был энергичный помощник-агитатор, способный взять на себя большую часть его работы на трибуне, — человек, который непрерывно и умело бил бы в барабан патриотизма. С другой стороны, Геббельс был не столь влиятелен, чтобы серьезно угрожать самому Борману. Как и прежде, рейхсляйтер НСДАП одним лишь росчерком пера мог провалить любой план, любую кампанию министра пропаганды.

Геббельс не оставлял попыток повлиять на восточную политику Германии. Не зная о секретных решениях совещания, состоявшегося 16 июля 1941 года, он долгое время поддерживал идею предоставления Украине автономии. В конце апреля 1942 года министр пропаганды записал в дневнике, что уже никто более не считает Гитлера освободителем и спасителем Европы. «Выстрел в голову не всегда оказывается лучшим аргументом, но именно так мы действовали в отношении украинцев и русских». Если Геббельсу удалось вернуть расположение Гитлера, то лишь потому, что Борман решил не мешать этому.

Открещиваясь от идей своего старого противника Розенберга, Геббельс предложил собственный план «завоевания всеобщей симпатии среди населения восточных территорий». Но этот ход оказался бессмысленным, потому что фюрер не собирался идти на компромисс с побежденными. Их следовало рассеять, депортировать, изгнать или — если иное не срабатывало — уничтожить. В мае 1942 года во время одного из ночных чаепитий в «Вольфшанце» обсуждался вопрос о предоставлении германского гражданства некоторым из покоренных народов. По сообщению гауляйтера Данцига Альберта Форстера, профессор Гюнтер, авторитет в вопросах теории рас, во время десятидневной [369] поездки по Восточной Пруссии пришел к выводу, что большинство поляков достойны германского гражданства, а для улучшения расы в заранее определенных районах можно было бы разместить специальные подразделения СС.

Но Борману не нравились подобные «послабления»: он полагал, что славянская кровь полек отрицательно сказалась бы на чистоте арийских генов. Как и Гитлер, он твердо выступал против «смешения крови» с каким бы то ни было побежденным народом. Компромисс предполагает, что следует предложить что-

нибудь другой стороне, а фюрер хотел отнять все: и землю, и свободу. Вот почему Гитлер отклонил план Розенберга об особом статусе Украины.

Когда министр оккупированных территорий выступил с проектом предоставления ограниченной автономии Прибалтике, Борман сразу понял, что и этот план обречен на провал. Он выступил с критикой проекта Розенберга и получил похвалу и поддержку фюрера, заявившего, что не допустит создания «Соединенных Штатов Прибалтики» и что отныне и навсегда эти земли стали неотъемлемой частью третьего рейха.

Впрочем, это не помешало Гиммлеру втайне рекрутировать в войска СС эстонцев и латышей: если надо воевать и погибать, тут уж не до расовых различий. Он сформировал несколько батальонов, в составе которых насчитывалось около пятидесяти тысяч украинцев, казахов, татар и представителей других национальностей. Рейхсфюрер СС ссылался на недостаточную численность своих войск, которым приходилось не только вести борьбу против партизан, но и затыкать дыры на фронте. Да и вермахт к тому времени уже рекрутировал в восточных странах сотни тысяч человек добровольцев («hilfswillige»), которые служили на фронте водителями, автомеханиками и поварами. [370]

«Дорогой Мартин, — писал Гиммлер в марте 1943 года, — пожалуйста, проинформируй фюрера о том, что вермахт выносит планы с целью создания русской освободительной армии. Кажется, до недавнего времени это противоречило намерениям Гитлера. Пожалуйста, сообщи мне о решении фюрера».

Подозрения Гиммлера были небезосновательны. Кейтель и Йодль намеревались поставить во главе русских военных формирований бывшего советского генерала Андрея Власова, попавшего в плен в 1942 году. Геббельсу понравились планы военных — ведь такой поворот событий раскрывал перед ведомством пропаганды новые перспективы. Однако Гитлер, поддержанный Борманом, остался непреклонен: «Мы никогда не будем способствовать созданию русской армии. Чем больше русских рабочих будет завезено в Германию, тем больше немцев смогут участвовать в войне». В середине мая Борман распространил специальный указ фюрера, запрещавший принимать самостоятельные решения такого рода. Рейхсляйтер НСДАП считал, что восточные народы следует покорять и подавлять, а не стремиться к налаживанию с ними дружественных или союзнических отношений. Он подкреплял свою точку зрения следующим утверждением: лишь освободив себя от каких бы то ни было обязательств перед «недочеловеками», немцы смогут

получать с восточных территорий достаточное количество продуктов. Поэтому следовало беспощадно расправляться со всеми проявлениями сопротивления и недовольства. [371]

Секретарь фюрера

В начале 1943 года произошел окончательный перелом в негласном соперничестве Бормана и Ламмерса: последний стал передавать документацию для фюрера через партийную канцелярию — отступил! Несмотря на постоянную тесную совместную работу с Гитлером, Ламмерс так и не стал в полной мере его доверенным лицом. Часто бывая на ночных чаепитиях, присутствуя при обсуждении важнейших проблем, формально (и долгое время практически) обладая правом первого советника в отношении назначений на правительственные должности, начальник рейхсканцелярии так и остался на приличной дистанции от фюрера. Вначале многие чиновники посмеивались над потугами Бормана, с безоглядной решимостью разъяренного быка пробивавшего себе дорогу через бюрократические частоколы. Но вскоре стало ясно: безапелляционность и необыкновенный дар бюрократа — умение несколькими фразами, полностью соответствовавшими сути распоряжений фюрера, подстроить под себя отдельные узлы большой бюрократической машины — приведут в конце концов к тому, что вся эта машина будет послушна его воле.

В феврале 1943 года, накануне отъезда в ставку под Винницей, Мартин торжествующе писал Герде: «Завтра утром ОН{52} вылетит в новый штаб [372] в сопровождении ближайших друзей... Обрати внимание: Ламмерс, Гиммлер, Риббентроп и прочие остаются в своих штаб-квартирах».

Одним из наиболее эффективных средств в борьбе рейхсляйтера НСДАП против конкурентов всех рангов и мастей оставалось методичное накопление компрометирующих материалов. Сам факт наличия в его руках огромных архивов такого рода заставлял трепетать любого соперника. Вот замечательный образчик методов, с помощью которых Борман пополнял досье на крупнейших деятелей третьего рейха. В конце апреля 1942-го из Оберзальцберга он отправил телеграмму гауляйтеру и губернатору Зальцбурга Адольфу Шилю. Рейхсляйтер НСДАП указывал, что, согласно поступившему сообщению, после сессии рейхстага гауляйтер отвез нескольких ее участников, в том числе Ламмерса, в Мюнхен на своей машине; компетентным органам стало известно, что беседа попутчиков затрагивала интересы партии... Естественно, перепуганный Шиль сразу написал подробный отчет о содержании разговора. Как гауляйтер округа, на территории которого находился Бергхоф, Шиль подчинялся непосредственно Борману. В рапорте он

упоминал, что, кроме самого Шиля и Ламмерса, в беседе принимали участие шеф президентской канцелярии Отто Мейсснер и другие высокопоставленные чиновники. Попутчики обсуждали речь фюрера, посвященную вступлению в силу законов об увольнении большого числа юристов и о пересмотре судебных приговоров. Сам гауляйтер, занятый разговором с одним из присутствовавших, слышал лишь отрывки из беседы Ламмерса и Мейсснера. По мнению Шиля, Ламмерс был отнюдь не в восторге от нового закона. Конечно, эта информация оказалась не столь конкретной, чтобы можно было использовать ее в качестве доказательства вины. Будучи по образованию врачом, Шиль тем не менее имел определенный [373] навык в делах такого рода, поскольку давно сотрудничал с гестапо.

В апреле 1943 года Ламмерсу стало ясно, что ему остается лишь играть вторую скрипку как при Гитлере, так и в «комитете трех». Отпечатанный на листе специальной бумаги, в левом верхнем углу которого красовалось золотое тиснение «ФЮРЕР», приказ Гитлера гласил:

> «Присвоить моему личному помощнику рейхсляйтеру М. Борману звание «Личный секретарь фюрера».
>
> Адольф Гитлер Ставка фюрера 12 апреля 1943 г.».

Событие произошло как раз между двумя визитами иностранных гостей: до этого Борман проводил итальянского дуче, а прилетевшего через два дня румынского маршала Иона Антонеску он встречал уже в новой ипостаси.

Словарь Брокгауза толкует слово «секретарь» как производное от французского слова «секрет» и означающее «писарь, тайный писарь, звание государственного чиновника среднего ранга». Однако Гитлер, конечно, удостоил Бормана отнюдь не рядовым званием. Это назначение соответствовало посту королевского секретаря, в руках которого находились тайные дела и интриги монарха и рычаги управления всего государства, а также все сведения об амурных похождениях короля и его приближенных. Чиновник такого ранга обладал фактически неограниченной властью, всегда и везде действовал от имени властелина.

Буквально несколько дней спустя Борман отправил из Оберзальцберга личное письмо Гиммлеру, достаточно красноречиво показавшее новое положение вещей. Послание не содержало конкретных разъяснений, но всякий внимательный читатель нашел бы в [374] нем множество свидетельств недавно обретенного могущества. Например, письмо было отпечатано на

бумаге без изображения свастики, но со штампом «Секретарь фюрера». Обычное прежде обращение «дорогой Генрих» сменилось на «дорогой товарищ Гиммлер», а фамильярное «ты» уступило место официальному «вы».

Что касается целей, ради достижения которых якобы вводилась новая должность, то Борман нашел следующее объяснение: несмотря на общеизвестность его полномочий, с формальной точки зрения подпись «рейхсляйтер Борман» означала, что действие подписанного таким образом документа распространяется на сферы партийные, а не государственные. Поэтому учреждение новой должности — это якобы не более чем попытка предотвратить неправильное понимание назначения того или иного документа.

Уже через месяц Ламмерс разослал в правительственные ведомства инструкцию о новом порядке: фюрер сообщает о принятых им решениях своему личному секретарю Мартину Борману; указания, предназначенные для правительства, Борман направляет в рейхсканцелярию Ламмерсу; последний доводит эти решения до соответствующих министерств. Таким образом, Борман твердо занял позицию между Ламмерсом и Гитлером, окончательно оттеснив шефа рейхсканцелярии на роль второго помощника.

* * *

Элита третьего рейха встретила назначение Бормана на пост секретаря фюрера со скрежетом зубовным: несколько лет они — как по отдельности, так и общими усилиями — старались дать укорот наглому выскочке, остановить, отпихнуть обратно в задние ряды. Однако они недооценивали редкостный сплав [375] его настойчивости с хитростью и услужливостью, рвением и амбициозностью, не придавали значения твердому взгляду его черных глаз, которые очаровали Герду при первой же встрече и в которых Гитлер каждый день читал выражение безграничной преданности. Их негласный заговор против Бормана рухнул, и теперь-то они осознали, сколь рискованно поступили, заняв позицию по другую сторону баррикад в те годы, когда был шанс заручиться его дружбой.

Собственно говоря, заговор возник 12 мая 1941 года — в тот самый день, когда после перелета Гесса в Англию была учреждена партийная канцелярия. Практически никто в окружении фюрера не хотел, чтобы полномочия Гесса достались Борману. Но рейхсляйтер НСДАП проявил себя прозорливым и умелым

бюрократом и — ради упрочения своих позиций в противостоянии с Леем — заключил союз с Герингом, занимавшим вторую ступеньку вслед за Гитлером и официально провозглашенным его преемником. Борман не боялся Гиммлера, поскольку некогда они решили действовать заодно, — оба пытались пробиться сквозь плотный строй тех, кто уже занял выгодные позиции. Шпеер еще не добился достаточно высокого ранга, а остальные противники по отдельности были не так уж влиятельны.

Единственное исключение — Геббельс. Однако министр пропаганды, как мы помним, впал в немилость из-за любовного романа с киноактрисой Лидой Бааровой. Вернуть утраченные позиции было делом нелегким. Рейхсминистру предстояла долгая работа на пределе революционной самоотверженности. Лишь 20 марта 1942 года Геббельс удостоился беседы с Гитлером в «Вольфшанце» (впрочем, молчаливый и настороженный, на встрече присутствовал и Мартин Борман). После неудачи под Москвой и раздоров с генералами фюрер благосклонно отнесся к человеку, своевременно предложившему план мобилизации [376] всех сил государства. «Одно за другим фюрер принял без замечаний все мри предложения», — записал Геббельс в дневнике. Впрочем, все закончилось отчаянной пропагандистской кампанией — и только. Гитлер поручил «комитету трех» обсудить предложения Геббельса и предпринять соответствующие действенные меры. Итог: еще одна пачка документов и никаких реальных шагов.

Разъяренный Геббельс обвинил Бормана, Ламмерса и Кейтеля в том, что они «взяли на себя роль келейного правительства и воздвигли преграду между фюрером и министрами». Главным виновником он считал Геринга, который, будучи председателем Совета обороны, не воспрепятствовал узурпации власти «комитетом», да и сам наделал великое множество ошибок. «Комитет трех» Геринг насмешливо называл «тремя восточными мудрецами», считал их просто исполнительными секретарями и ошибочно полагал, что они не обладали реальными властными полномочиями. На самом же деле Гитлер, как всегда, не позаботился установить эти самые полномочия, и «комитет» заполучил столько власти, сколько удалось взять при общем попустительстве.

Геббельс, обладавший достаточно острым чутьем, понимал тактику Гитлера и стал действовать вполне логично. Если рейхсляйтеры договорятся и не позволят фюреру сеять раздоры между собой, они смогут объединить усилия и потребовать от Гитлера возвращения правительству и партии достаточной

свободы действий. В итоге секретари «комитета» вновь станут лишь формальными управленцами, а министры и гауляйтеры смогут работать с полной эффективностью. Прежде всего Геббельс привлек Шпеера: во-первых, энергичной пропагандистской кампанией он помог Шпееру заполучить пост министра вооружений; во-вторых, все знали, что Шпеер и Борман сильно недолюбливают друг друга. Министр экономики Вальтер [377] Функ и глава германского трудового фронта Роберт Лей с готовностью поддержали план. Геббельс пригласил всех к себе, и, приятно побеседовав у камина, они договорились «вышвырнуть этого примитивного гэпэушника» — министр пропаганды сравнил шефа партийной канцелярии с советской политической полицией.

План был таков: развернуть шумную кампанию с требованием начать тотальную войну и возложить на «трех восточных мудрецов» вину за то, что этот шаг не был сделан гораздо раньше. Заговорщики не сомневались в поддержке Геринга и многих других влиятельных деятелей. Уже в начале октября Геббельсу и Шпееру выдалась возможность приступить к первой фазе плана — обсудить с фюрером идею всеобщей мобилизации. На этом этапе они еще не могли начать атаку непосредственно против Бормана. К тому же и день выдался не самый благоприятный: Гитлер уже встречался с впавшими — благодаря усилиям Бормана — в немилость гауляйтером Вены Ширахом, генерал-губернатором Польши Гансом Франком и партийным арбитром Вальтером Бухом. Впрочем, Гитлер обещал в ближайшее время отдать распоряжение о начале тотальной войны.

Это распоряжение он отдал 27 декабря 1942 года… Борману! В своем блокноте секретарь фюрера отметил: «После нескольких консультаций с Гитлером М. Б. отправился в Берлин и 28 декабря провел беседы с Ламмерсом и Геббельсом о всеобщей мобилизации, которая призвана усилить военный потенциал страны».

Ход событий существенно отличался от планов заговорщиков: они невольно укрепили позиции Бормана, поскольку теперь перед каждым новым шагом им приходилось испрашивать его одобрение. А 28 декабря секретарь фюрера предписал Геббельсу подготовить заявление о начале всеобщей мобилизации, которая [378] в понимании Бормана означала привлечение к обеспечению военной мощи страны всех трудоспособных мужчин и женщин. Наброски выступления были представлены на рассмотрение в январе 1943 года.

В ночь на 30 декабря Борман выехал обратно в «Вольфшанце». После встречи Нового года он с гордостью

записал: «С вечера 31 декабря и до четырех часов утра М. Б. и Гитлер беседовали наедине». И хотя не приходится сомневаться, что почти все это время диктатор произносил монологи, а Борман внимал и поддакивал, сие событие красноречиво говорило о том, насколько они сблизились.

План мобилизационных мероприятий, заранее обдуманный и отпечатанный, уже лежал в ящике письменного стола Геббельса. Совместное обсуждение, в котором участвовали Геббельс, Шпеер, Функ и члены «комитета трех», состоялось в Берлине, в резиденции министра пропаганды. Собравшиеся быстро согласились, что следует закрыть ряд мелких и средних предприятий, не имевших стратегического значения. С заводов оборонной промышленности можно было мобилизовать на фронт всех, чье здоровье удовлетворяло медицинским требованиям, а освободившиеся вакансии заполнить теми, кто остался без работы после закрытия мелких и средних предприятий (там работали в основном женщины и пенсионеры).

Не обошлось и без мелких конфликтов в верхах. Так, в числе закрываемых оказались также и рестораны, что пропаганда объясняла трудностями периода и необходимостью строжайшей экономии даже в еде. Геринг попытался добиться исключения для своего любимого ресторана «Хорхер», знаменитого изысканной кухней, но потерпел фиаско: ресторан закрыли, когда возбужденная речами Геббельса толпа едва не разгромила его витрины. Ева Браун была возмущена [379] планами полной остановки производства косметики и средств для перманента, однако фюрер одернул ее, сказав, что любая немка предпочтет косметике возвратившегося с победой солдата.

Оказавшись в Берлине, Борман не упустил случая продемонстрировать свое право предъявлять требования к Геббельсу: он вызвал в рейхсканцелярию его помощника Тисслера и потребовал усилить пропагандистскую работу не только внутри страны, но и за рубежом. Следовало убедить остальной мир в том, что Германия спасает всю западную культуру от нашествия большевизма. В самой же Германии каждый немец должен был знать, сколь ужасная судьба его ждет в случае поражения.

13 января 1943 года Борман доложил Гитлеру о принятых решениях. Фюрер сразу подписал резолюцию, которая объявляла приказы о всеобщей мобилизации обязательными для всех немцев в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти лет и немок в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет. Однако Геббельс и его единомышленники остались неудовлетворенными — прежде всего тем, что их усилия вязли в трясине мелочей, а проблема резкого увеличения производства оружия так и оставалась

нерешенной.

Гиммлер тоже был удручен, но по другим причинам. Он появился в ставке 16 января, и беседа с ним доставила Борману немало неприятных минут. Рейхсфюрер СС жаловался, что ему едва хватает времени на формирование новых дивизий, которые приходится сразу отправлять на фронт. При этом Гиммлер извергал такие потоки критики, что любого другого Борман немедленно оставил бы без погон и выгнал прочь. К тому же он сочувствовал шефу СС, зная о его чрезмерной загруженности и полагая, что у того просто случился нервный срыв.

Геббельс считал, что огромное значение в этот [380] момент имело бы обращение Гитлера к народу. Повод был достаточно веский: в битве под Сталинградом советские войска полностью уничтожили 6-ю армию, и следовало обратиться к немцам с призывом собрать воедино все силы, отдать все на нужды войны. Однако фюрер ответил отказом — после поражений он никогда не оправдывался. Более того, Гитлер считал, что генералы и солдаты опозорили немецкое оружие и предали его, отступив от берегов Волги. Они должны были погибнуть в бою или покончить с собой, но не сдаваться. Произносить речь пришлось Геббельсу. Выступление состоялось на огромной арене дворца «Спортпалас». Министр пропаганды не зря слыл талантливым оратором: траурный многотысячный съезд вошел в историю как небывалый пример массовой истерии. Речь произвела эффект сродни сеансу массового гипноза — с той разницей, что масштаб был поистине невероятным. «Хотите ли вы тотальной войны?» — спрашивал он чистым, слегка вибрирующим голосом, и после короткой паузы воздух сотрясала чудовищная ударная волна ответного вопля, рвавшегося из десятков тысяч глоток.

Борман слушал выступление Геббельса по радио в «Вольфшанце» и не мог не почувствовать, что косвенным образом оратор очень тонко сформировал негативное отношение к нему самому. Всего четыре дня назад он написал Герде, что чрезвычайно занят вопросами всеобщей мобилизации и что успешный старт кампании — это прежде всего его заслуга. Уже на следующий день после выступления Геббельса Герда написала Мартину, что его мать посоветовала продемонстрировать приверженность Борманов планам тотальной войны и отпустить на фронт двух-трех слуг. Однако Борман грубо ответил, что матери не следует соваться не в свои дела.

Геббельс решил приступить к активным действиям. [381] Он пригласил к себе Шпеера, Функа, Лея и других представителей нацистской верхушки. Тут были: доверенный друг Геринга со времен первой мировой войны фельдмаршал Эрхард Мильх,

министр юстиции Тирак, несколько государственных секретарей. Общее мнение состояло в том, что следовало положить конец неразберихе, четко разграничить обязанности министерств и возобновить эффективную деятельность кабинета министров. Шпеер и Мильх предложили Геббельсу и Герингу совместно возглавить эту работу, стать своеобразным объединительным центром. С этой целью 2 марта 1943 года Геббельс нанес визит Герингу в резиденции рейхсмаршала в Оберзальцберге. Они могли спокойно обсудить дела: Гитлер и Борман находились в ставке «Вервольф» на Украине.

В течение часа Шпеер и Геббельс излагали суть своего плана. Геринг с абсолютной убежденностью подтвердил, что такие шаги действительно необходимы, и обещал оказать всемерную поддержку. Однако на Геббельса встреча произвела удручающее впечатление, и он скептически заметил: «По-моему, Геринг слишком долго оставался вне политики и уже не в состоянии заниматься практической управленческой работой. И вообще он выглядит слишком уставшим и апатичным. Поэтому прежде всего необходимо встряхнуть его, разбудить от спячки».

По-видимому, Борман более не нуждался в поддержке Геринга для достижения своих амбициозных целей{53}, и тот остался не у дел. Геббельс же верил, что с помощью рейхсмаршала ему удастся раскрыть Гитлеру глаза на Бормана и Ламмерса и что такой шаг станет величайшей услугой фюреру.

Через несколько дней Геббельс известил Лея и [382] Функа об итогах визита к Герингу, и те очень обрадовались такому результату. Несмотря на явное пристрастие к алкоголю, первый еще сохранял ясность рассудка и так охарактеризовал противника: «Борман управляет партией чисто бюрократическими методами, и в этом — главная причина ее бездеятельности. Борман не работает с массами, умеет исполнять только административную работу и не способен решать задачи, с которыми всякий лидер сталкивается на практике».

Казалось, заговор приобретал ясные очертания; к нему присоединились все, кто еще что-то собой представлял, за исключением Фрика и Гиммлера: первого все недолюбливали, а со вторым Геббельс обещал расправиться в свое время. Вскоре выдалась подходящая возможность для решительной атаки. В полдень 9 марта 1943 года Геббельс, заранее предупрежденный Шпеером об отсутствии Бормана, приехал в ставку «Вервольф». Пока рейхсляйтер НСДАП демонстрировал членам венгерского правительства красоты Баварии, заодно разъясняя гостям основы антисемитизма, Геббельс — при поддержке Шпеера — старался «раскрыть фюреру глаза». Причиной визита он назвал полную

беспомощность берлинских властей и заявил, что фюрер недостаточно информирован о деятельности «комитета трех».

Впрочем, беседа началась с приятного: Гитлер дал высокую оценку речи Геббельса в «Спортпаласе» и назвал ее образцом «истинного пропагандистского и психологического мастерства». В отличие от Бормана фюрер полностью одобрил антибольшевистскую пропаганду Геббельса. Вторая часть дискуссии имела целью — в завуалированной форме, посредством ненавязчивых советов — настроить Гитлера нужным образом. В отношениях с церковью (в исполнении Бормана линия партии была чрезмерно жесткой) следовало избрать более мирную тактику, чтобы не сеять рознь [383] внутри страны; необходимо было приструнить партийных боссов, многие из которых преступили рамки морали и вели неподобающе шикарный образ жизни; среди сотрудников личной канцелярии фюрера, руководимой Бухлером, — вопиющее безобразие! — процветала коррупция.

К середине марта Германию охватила мощная волна борьбы с торговцами черного рынка; кампания уличала в отсутствии патриотизма тех высокопоставленных чиновников, которые приобретали продукты именно на черном рынке; их имена предавались огласке. В числе разоблаченных оказались рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик, рейхсминистр образования Бернхард Руст, рейхсминистр сельского хозяйства Вальтер Дарре, глава государственной службы трудоустройства Константин Гирл, фельдмаршал Вальтер фон Браухич и гросс-адмирал Эрих Редер. В определенной степени эти скандалы сослужили Геббельсу хорошую службу, поскольку подтвердили его решимость воплотить в жизнь идею тотальной войны. С другой стороны, некоторые из влиятельных деятелей, попавших под огонь критики, были врагами Бормана, и министр пропаганды предпочел бы видеть их в рядах участников заговора.

Борман почувствовал, что за таким оборотом событий кроется угроза и в его адрес. В тот же день он написал Герде письмо, в очередной раз наказав ей ни в коем случае не давать повода для критики. Коль скоро он требовал от других строгого соблюдения установленных правил, то в его доме нарушения были тем более недопустимы — особенно ввиду его особого положения при фюрере.

18 марта его оппоненты вновь провели встречу в Берлине. Геббельс, Шпеер, Лей, Функ и Геринг совещались три часа. Критически оценив ситуацию, они пришли к выводу, что «комитет трех» действовал [384] сверх ожидания умно и предусмотрительно. Наибольшую опасность представлял Борман.

Чтобы не позволить ему вбить клин между ними и Гитлером, следовало немедленно вдохнуть жизнь в Совет обороны, для чего решили усилить этот орган такими влиятельными фигурами, как Шпеер, Лей и Гиммлер. Главным условием по-прежнему была осторожность: «комитет трех» не должен был подозревать об объединении своих противников. Геринг обещал начать наступление при следующей беседе с фюрером.

Все полагали, что ждать осталось недолго, ибо Гитлер планировал провести некоторое время в Бергхофе. Однако Геринг так и не получил возможности встретиться с фюрером. Конечно, много времени занимали визиты иностранных гостей, но ведь среди посетителей-немцев Геринг не значился вообще! Просто в дело вмешался Борман. Он уже получил предупреждение от шефа гестапо Мюллера о том, что в Берлине стали регулярно проводиться встречи влиятельных деятелей третьего рейха. Увидев заявку Геринга на визит к фюреру, рейхсляйтер НСДАП забеспокоился: рейхсмаршал давно не проявлял политической активности, и такой шаг облепившегося барина вызывал недоумение. По праву давнего союзника (союз был заключен после полета Гесса в Англию) Борман сам отправился к Герингу. Он не добился ясного объяснения, что вызвало еще большую тревогу. Впрочем, Мартин (и не он один) умел использовать слабости рейхсмаршала. Борман просто предложил сделку: Геринг получает шесть миллионов марок из фонда «Адольф Гитлер» и не доставляет лишних хлопот ни себе, ни фюреру. От столь щедрого предложения рейхсмаршал не в силах был отказаться.

Поводом для следующего собрания заговорщиков (в апартаментах фюрера) стала гибель начальника [385] штаба СА Виктора Лутце: он погиб в автомобильной катастрофе, когда вместе со своей семьей ехал на служебной машине, а использование служебного транспорта в личных целях было строжайше запрещено в связи с дефицитом газа. Гитлер выступил перед приближенными с соответствующей речью, в которой сделал критические замечания в адрес нескольких высокопоставленных чиновников. Любопытно, что известного подобными злоупотреблениями Геринга он обошел стороной, а имя Геббельса упомянул трижды. Министр пропаганды все понял. Ему оставалось только сожалеть о том, что некогда он решил привлечь к участию в заговоре разжиревшего и облепившегося рейхсмаршала. И все-таки Геббельса распирала гордость, ведь уже несколько лет он не получал приглашений на конфиденциальные беседы у Гитлера. В своем дневнике министр пропаганды отметил: «Борман был весьма лоялен — по-видимому, критика

подействовала. Падение Геринга сомнению не подлежит. Он более не обладает реальным влиянием».

На самом же деле теперь Борман мог позволить себе лояльность по отношению к Геббельсу, ибо, заняв официальный государственный пост личного секретаря фюрера, рейхсляйтер НСДАП стал вторым лицом в государстве. Министр пропаганды не упустил этого из виду и хорошо понимал, что завоевать место в окружении Гитлера сможет только с позволения его новоиспеченного секретаря. Он пообещал впредь не предпринимать самовольных шагов и осуществлять связь с фюрером исключительно через канцелярию Бормана. Наброски своих речей — Гитлер выразил желание заранее узнавать их содержание — министр пропаганды должен был отправлять тем же путем. Наброски речи для выступления на массовом митинге во дворце «Спортпалас» 5 июля претерпели значительные изменения: Гитлер собственноручно вычеркнул целый абзац и внес многочисленные [386] поправки и замечания. Кроме того, имелись и исправления, сделанные другим почерком, — секретарь фюрера тоже приложил свою руку. Отправляя материалы обратно, Борман сопроводил их общим замечанием: «Слишком много повторений, слишком длинно, необходимо сократить. Пожалуйста, впредь направляйте фюреру уже окончательный вариант вашего выступления».

Недовольство Геббельса выпадами Бормана выплескивалось на страницы дневника, но открыто высказывать претензии министр пропаганды поостерегся. В ноябре 1943 года они обменялись мнениями об очередных кадровых перестановках и согласились, что первый кандидат на увольнение — Риббентроп, поскольку внешняя политика Германии не соответствовала требованиям ситуации. Позиция Геббельса тем более понятна: он давно метил на пост министра иностранных дел. Проблема состояла в том, что Гитлер не выказывал неудовольствия действиями Риббентропа. Так или иначе, некоторое время спустя министр пропаганды составил пространный (на сорока листах!) меморандум, аргументированно объясняя необходимость замены Риббентропа и решительного поворота во внешней политике. Геббельс предложил начать переговоры со Сталиным о мире!

Следующая встреча Бормана и Геббельса произошла лишь через несколько недель, и секретарь фюрера пожурил собеседника за составление предложений, которые Гитлер не принял бы никогда и ни при каких обстоятельствах. Тем не менее при встрече с Гитлером Геббельс выяснил, что фюрер знает о сути документа. Однако тщательно продуманная аргументация была навеки похоронена в сейфах Бормана. Фюрер и его секретарь

предпочитали видеть на посту министра иностранных дел человека без инициативы и собственного мнения. [387]

* * *

К лету 1943 года машина уничтожения евреев уже работала на полных оборотах. Борман вплотную занялся мишлинге{54} — теми, у кого хотя бы один из представителей двух предыдущих поколений предков имел еврейское происхождение. Партайгеноссе знал, что эта проблема волнует Гитлера: еще в декабре 1941 года во время одного из традиционных послеобеденных монологов, посвященных расовым теориям, фюрер объявил, что брак с человеком еврейской национальности создает в семье проеврейскую ориентацию, и во втором или третьем поколении обязательно совершается повторный брак с евреями. Эту тему Гитлер затронул и 1 июля 1942 года, когда назвал американского президента Рузвельта (считавшегося наполовину евреем) примером всеобщего немыслимого смешения рас. Следовало признать недопустимым призыв мишлинге в армию, ибо тем самым их приравняли бы к чистокровным немцам.

Не откладывая дело в долгий ящик, Борман предостерег гауляйтеров от чрезмерно мягкого отношения к полукровкам, хотя те и не попадали под действие «нюрнбергского расового закона». За несколько месяцев до смерти Гейдрих получил задание изучить возможность практического осуществления принудительной стерилизации семидесяти тысяч мишлинге первого и второго поколений. Его заключение гласило, что в каждом случае потребуется десятидневная госпитализация — непозволительные траты в условиях военного времени. Тогда Борман предложил поручить специалистам по расовым проблемам постепенно разделить всех мишлинге на тех, у кого преобладают германские признаки, и тех, в ком преобладает еврейская кровь, а уж потом решить, что делать с последними. Но Гитлер объявил этот проект чрезвычайно [388] дорогостоящим, и вопрос по-прежнему остался открытым.

В мае 1943 года Гиммлер предложил Борману следующий вариант: всем, у кого среди предков двух последних поколений имеются евреи, надлежало пройти проверку еще нескольких поколений предков. Если выяснится, что прежде эта семья уже допускала родство с евреями, их следовало подвергнуть стерилизации. Но и этот план был отклонен.

* * *

Лишь в середине ноября 1943 года Розенберг констатировал, что «достигнут заметный прогресс в пропагандистской работе на фронте». Об этом он доложил фюреру и просил его присвоить проповедникам нацизма достойное звание, предложив свои варианты: «офицер национал-социалистского образования» и «офицер идеологического образования». Гитлер, как всегда, предпочел нечто среднее — «офицер национал-социалистской идеологии».

Все это время Борман поддерживал переписку с Розенбергом, но ни единым словом не обмолвился о том, что готовит собственную организацию. Проведя ряд встреч и бесед, он разработал собственную программу и подобрал соответствующий штат сотрудников. Чтобы не прибегать к использованию лекторов Розенберга, рейхсляйтер НСДАП наладил сотрудничество с Геббельсом и Гиммлером. Теперь ему осталось лишь измыслить способ оттеснить проповедников конкурента.

Для начала Борман высказал опасения, что звание «офицер национал-социалистской идеологии» не охватывает всего круга обязанностей, которые надлежало исполнять военнослужащим нового типа: не только проповедовать принципы во время митингов, но и воодушевлять войска, поддерживать бодрость духа [389] повседневными беседами и дискуссиями. Розенберг, за которым закрепилась репутация скучного оратора, с подобной работой не справился бы. Борман обратился с собственными предложениями к фюреру, и новая должность стала называться «офицер национал-социалистского управления».

Упрямый и недалекий, Розенберг заглотил и наживку, и леску, и грузило. 26 ноября 1943 года он отправил в ставку фюрера «примечания», в которых подчеркнул, что эти офицеры призваны обучать и наставлять, а не участвовать в сражениях. В нынешней же редакции звание не уступало званию боевого командира. Несмотря на долгие годы совместной деятельности, Розенберг так и не понял фюрера: Гитлера не интересовали тонкости идеологии; ему нужна была власть, а создание доктрин имело единственной целью заставить солдат с большим желанием умирать по приказу фюрера.

Естественно, «примечания» Розенберга попали на стол Бормана да так там и остались. «Неужели вы думаете, что я рискну представить подобные пояснения фюреру?» — саркастически спросил он министра оккупированных территорий. Очень кстати пришелся рапорт одного из гауляйтеров, жаловавшегося на чрезмерную «сухость и заумность» лекций,

прочитанных функционером организованной Розенбергом службы в военной академии Вартеланда. Кроме того, автор рапорта сообщал, что лектор обескуражил собравшихся призывами к терпимому отношению к религии и заявлением о расовой неполноценности населения некоторых регионов Германии.

Лишь из письма Бормана от 30 ноября 1943 года Розенберг понял, что у него отобрали право на осуществление программы. В послании сообщалось: «Партийная канцелярия занимается созданием новой службы в действующей армии. В обязанности офицеров этой службы входит не только идеологическое образование, [390] но и повседневное политическое просвещение... В отношениях с вермахтом партийная канцелярия впредь будет единственным партийным органом, представляющим интересы всех ведомств НСДАП. Недопустимо, чтобы Вы или иные рейхсляйтеры и министры обращались к вермахту с самостоятельными, нескоординированными предложениями... Согласовав вопрос с высшим командованием вермахта, я приказал гауляйтерам составить списки сотрудников, которых они готовы рекомендовать для работы в этой службе. Впоследствии все данные будут переданы вермахту».

Зная строптивость Розенберга, Борман основательно подготовился к атаке. Еще в середине октября в «Вольфшанце» он обратился к некоторым видным начальникам вермахта со своим предложением и выбрал человека, чей генеральский мундир мог придать достаточный авторитет проекту. То был Герман Рейнеке, член генерального штаба вооруженных сил, столь рьяно поддерживавший линию партии, что Народный суд даже избрал его членом жюри. 22 декабря 1943 года Борман добился окончательного решения проблемы в свою пользу: Гитлер подписал декрет о создании национал-социалистского оперативного штаба при высшем командовании вермахта. Формально главой этого штаба стал Рейнеке, но на самом деле руководящая роль принадлежала партийной канцелярии.

Борман поставил генералов в известность, что работники политической службы в армии не будут носить военные шинели, и предупредил, что непременно заберет из вермахта особенно отличившихся офицеров, доказавших свою приверженность идеям национал-социализма. Он не стремился создать в армии громоздкий партийный аппарат наподобие института комиссаров Красной Армии. Борман назначил двести человек на руководящие посты (на уровне штаба армии). [391]

Показательно, что более половины из них отреклись от церкви. Многие из работников пропаганды не считали верховное командование вермахта своим начальством и направляли

рапорты напрямую в партийную канцелярию. Когда Борман решил использовать полученную таким образом информацию, чтобы сделать ряд замечаний военному командованию, у него произошла яростная стычка с генералом Гудерианом, после чего последний распорядился отыскать авторов этих писем и наказать «шпионов».

С другой стороны, отнюдь не все офицеры-пропагандисты играли ту роль, которая им отводилась в планах Бормана. В отличие от комиссаров Красной Армии они не могли обосновать мотив справедливого возмездия, способный разжечь в душах солдат яростное пламя фанатизма, а философские рассуждения и лекции не могли поддержать боевой дух после шести лет изматывающих упорных сражений. Эти офицеры нашли свое место только за несколько недель до окончания войны, когда, используя в качестве последнего аргумента пистолет, удерживали солдат от поголовного дезертирства и даже поднимали их в контратаки. Борман же требовал от них таких действий еще в 1943 году: «Сомнения в победе Германии следует пресекать самым решительным образом, действуя в духе «периода борьбы».

* * *

У матери Бормана были причины жаловаться на старшего сына. Он не простил ей того, что она позволила другому мужчине занять место его отца, а взятая от второго мужа фамилия Воллборн и дом в Обервеймаре, купленный в 1909 году, постоянно напоминали об этом. Мартин Борман полагал, что все лучшие черты — чувство долга, работоспособность, упорство, предприимчивость — передались ему с генами отца. [392]

Когда же Герда укоряла его за несдержанность и грубость, он объяснял эти свои качества наследственностью с материнской стороны. По заведенному Мартином порядку, мать могла навестить внуков в Пуллахе или в Оберзальцберге только с его позволения. Когда она пыталась давать старшему сыну советы, тот сразу обрывал ее коротким «не твое дело».

Мартин говаривал, что «беспокойная кровь» не дает ей покоя и она слишком часто отправляется в разъезды. Во время войны он послал ей резкое письмо, в котором настоятельно рекомендовал оставаться дома. Когда под впечатлением знаменитой речи Геббельса о начале тотальной войны мать Бормана посоветовала Герде продать один из домов, чтобы вырученные деньги внести в фонд обороны и освободить слуг, способных пойти на фронт, Борман с крайним негодованием ответил: «Ты просто не в

состоянии понять, сколько слуг и служащих необходимо при моем положении... Здесь решаю я и только я один... Повторяю: не суйся в мои дела. Не позволяй себе критических замечаний — это особенно опасно в наше время — и не задумывайся о вещах, которые тебя не касаются».

Визиты родителей Герды вообще не приветствовались. Тот факт, что удачным поворотом карьеры Борман во многом был обязан родству с Бухом, в расчет давно уже не принимался. Эти двое оказались людьми столь различными по характеру, что с трудом переносили друг друга. Благородная простота бывшего майора, воспитанного на традициях прусского офицерства, явно не соответствовала повадкам высших нацистских кругов. Он отнюдь не был безоговорочно покорным партийным функционером, каким желал бы его видеть Гитлер, и не собирался постоянно подгонять свое мнение по правовым вопросам в соответствие с командами верхов. Зачастую Бух так упрямо стоял на своем, что на партийном Олимпе все давно [393] ждали, когда «этого старого дурака» прогонят прочь из его кабинета. Однако фюрер видел в этом персонаже немалую пользу: фигура честного партийного арбитра создавала ложное впечатление о справедливости системы. С другой стороны, Гитлер был довольно сентиментален по отношению к старым друзьям, которые с первых дней шли с ним рука об руку. Если они доставляли ему значительные неудобства, фюрер просто лишал их реального влияния, но старался не обижать официальными отставками. В 1933 году Гитлер предложил Буху должность своего личного адъютанта, желая использовать репутацию этого честного человека, чтобы представить весь свой аппарат в выгодном свете. С другой стороны, бывший майор слыл офицером, готовым отстаивать свое мнение, и его следовало держать на более коротком поводке. Однако Бух отклонил это предложение.

Сначала Борман был в восторге от своего тестя. Для начальника гессовского штаба оказалось выгодным родство с высшим партийным арбитром, которому фюрер доверил вершить правосудие среди соратников. Однако вскоре Мартин Борман был неприятно поражен тем, с какой решимостью его тесть готов противостоять диктату самого Гитлера. Бух считал себя независимым судьей, на которого никто не имеет права оказывать давление ни в процессе разбирательства, ни при вынесении решения. Однако со временем Гитлер возжелал казнить и миловать по собственному усмотрению.

Гитлера также раздражало, что Бух распространяет среди лидеров НСДАП идею использования зала заседаний «партийного

сената» по прямому назначению, то есть призывает создать действенный внутрипартийный сенат (наподобие «великого фашистского совета» в Италии), где самые достойные выборные представители НСДАП решали бы наиболее важные вопросы. Бух мечтал о том, чтобы высшие чины [394] партии следовали традициям прусского офицерства и являли собой пример самодисциплины и чести.

В итоге к 1943 году отношения между Борманами и Бухами совсем охладели, а Мартину необходимы были не только данные о своих предках, но и о родословной жены. Вместо того чтобы обратиться за соответствующими документами к Бухам (те уже собрали все необходимые сведения для себя), он направил запрос директору германского агентства по родословным. К тому же в конце 1942 года Мартин получил полномочия, которые ставили Вальтера Буха в унизительное положение: Гитлер издал распоряжение о том, что отныне только Борман был вправе давать верховному судье НСДАП санкции на возбуждение расследования и на оглашение приговора. [395]

«Четвертый рейх»

В январе 1944 года Гитлер поручил Борману принять решение в отношении «проблемы полукровок». Рейхсляйтер НСДАП издал два указа — для правительственных ведомств и партийных организаций — с требованием предоставить списки людей, в крови которых содержалась еврейская или иная расовая примесь. Чтобы предотвратить возможные протесты, Гитлер подписал третий указ, которым наделил Бормана высшей властью в решении расовых проблем. Ламмерс и Кейтель получили устные распоряжения фюрера, обязавшего их оказывать шефу партийной канцелярии всю необходимую помощь, когда дело касалось соответственно гражданских и военных служащих. Отныне никто не мог поставить штамп «ариец» без ведома Бормана. В первые годы правления нацистского режима Геринг заявил: «Я скажу вам, кто — еврей, а кто — нет!» Теперь это решал Борман.

Через две недели рейхсляйтер НСДАП уже показал себя в роли верховного арбитра по расовым проблемам: он поставил гауляйтеров в известность о том, что браки арийцев с мишлинге во втором поколении пока не запрещены, но отныне считаются нежелательными. Тех, кто вступил в такой брак, запрещалось принимать в НСДАП и трудоустраивать на некоторые виды работ. Правило распространялось даже на тех, чьи отцы верно служили партии и прославились на фронте. [396]

Жестко следуя установленным принципам, в январе 1944 года Борман запретил всем партийным лидерам «поддерживать личные отношения» с композитором Рихардом Штраусом. Хотя маэстро никогда не состоял в оппозиции к режиму и даже служил ему символом культуры, в ходе своей долгой карьеры ему случалось работать с евреями над либретто к своим произведениям, а его сын женился на еврейке, которую — как невестку великого человека — не стали подвергать репрессиям. Если бы Борман продолжал в том же духе, то в июне 1944 года восьмидесятилетие Штрауса не получило бы статус официального празднования. Но Бальдур фон Ширах, покровительствовавший служителям муз, пренебрег требованиями рейхсляйтера НСДАП и приехал в Баварию, чтобы выразить восхищение дарованием композитора и пригласить маэстро на церемонию в его честь, которую собирался провести в своей венской резиденции. «Он поцеловал руку этой еврейке!» — кричал Борман, возмущенный галантностью, проявленной Ширахом по отношению к невестке Штрауса.

Три месяца спустя Мартин получил письмо от Герды: она

сокрушалась по поводу всевластия евреев, которые завоевывают мир скорее с помощью денег, чем посредством распространения своей скверной крови. «Ни болезни, ни унижения не искоренят этих паразитов. Можно ли на нашей земле спастись от этой напасти?» По-видимому, Герда не была посвящена во все детали деятельности своего мужа и не знала, возможно ли решение «еврейской проблемы», о которой ей твердили с юных лет. Борман знал! Но свято хранил покров секретности.

* * *

Борман не мог обходиться со Шпеером — тот был любимцем Гитлера — столь же беспардонно, как с Геббельсом, но не упускал шанса доставить неприятности [397] бывшему придворному архитектору, занявшему после гибели Тодта пост министра вооружений. Так, в августе 1943 года Шпеер представил на утверждение фюрера проект закона, согласно которому вся промышленная продукция Германии переходила в его ведение. Однако Гитлер подписал указ не сразу: Борман посоветовал не делать этого без согласия Геринга и Ламмерса. Шпеер же, проявив расторопность, быстро получил необходимые визы и тем самым поставил точку в интриге.

Впрочем, особенности реальной ситуации не позволили министру вооружений добиться желаемого. Многие гауляйтеры противились переводу промышленных предприятий своих округов на выпуск продукции военного характера. Борман поддерживал оппозицию, для чего вполне успешно использовал ранее созданный инструмент: экономические комитеты округов. Эти комитеты с давних пор существовали в структуре органов, подчинявшихся гауляйтерам, но заметной роли прежде не играли. Став начальником штаба в бюро Гесса, Борман обнаружил эти «бесхозные» семена и понял, сколь мощные ростки они могут дать при терпеливом и заботливом уходе. В результате он реорганизовал комитеты по экономике и сумел внедриться в ту область, где деятельность партийных организаций была затруднена. Лишь Лей, как глава германского трудового фронта, в пределах своих полномочий имел право давать указания отдельным чиновникам министерства экономики. Начиная с 1940 года Борман все чаще и чаще созывал конференции представителей окружных комитетов по экономике и значительно укрепил их репутацию. Итог: благодарные чиновники стали его верными последователями, готовыми по приказу Бормана единым фронтом встать «в ружье» и противодействовать любым шагам

сотрудников службы Геринга по контролю за выполнением четырехлетнего [398] экономического плана, министра экономики Функа, своих собственных гауляйтеров, а теперь и Шпеера.

Прежде Борман ограничивался налаживанием контактов с недоброжелателями Шпеера, с такими, как, например, архитектор Герман Гисслер, считавший удачливого коллегу личным врагом. Теперь же прямая конфронтация усилилась еще и тем обстоятельством, что министр вооружений утратил расположение Гитлера. Поводом послужило предложение Шпеера перевести на выпуск военной продукции фарфоровый завод в Нимфенбурге — одно из предприятий, которым симпатизировал сам фюрер. Гитлер держал под личным патронажем и мюнхенский завод по выпуску ткацких станков. Когда вышел приказ о закрытии этого предприятия, Борман заметил Шпееру, что производство ткацких станков находится под защитой фюрера, но тот посоветовал «просто не беспокоить фюрера подобными сообщениями». Естественно, совет не был услышан, и Гитлер узнал о закрытии любимого детища. Не прибавил Шпееру популярности и шаг, на который его толкнул сам Борман: по требованию секретаря фюрера министру вооружений пришлось отнять у известного актера Йоханна Римана шикарную виллу, некогда конфискованную у богатого еврея.

Представляя Гитлеру программу производства вооружений на 1944 год, Шпеер понимал, что его репутация в глазах фюрера сильно подорвана. Он предлагал впредь не вывозить рабочую силу из Франции, Бельгии и Нидерландов, а постараться сохранить там местную промышленность. Кейтелю и Гиммлеру его план понравился, ибо они надеялись, что такой шаг приведет к снижению недовольства среди местного населения и активности подпольных антифашистских организаций в этих странах. Однако Борман при поддержке Заукеля, отвечавшего за поставку в Германию [399] иностранной рабочей силы, отверг предложение Шпеера. Рейхсляйтер НСДАП назначил дату обсуждения этой программы лишь после того, как убедился: барометр в душе фюрера показывает «шторм». Министру вооружений пришлось защищаться от нападок Заукеля и Бормана, причем последний даже высказал предположение, что Шпеер попал под влияние политических противников системы.

Однако министр вооружений не собирался сдаваться и весной 1944 года дождался-таки улучшения в настроении фюрера. Гитлер гостеприимно принял его в Бергхофе. Борман понял, что следует сменить тональность отношений. Он даже принялся заверять Шпеера в своей непричастности к каким-либо

интригам против него. Более того, несколько дней спустя Борман пригласил Шпеера и Ламмерса на обед в своих апартаментах в Оберзальцберге, во время которого провозглашал здравицы в честь гостя и фамильярно обращался к нему на «ты».

Следует отметить, что подобная фамильярность стала чрезвычайно редкой в поведении Бормана, возвысившегося до положения секретаря фюрера. Ежедневно находясь рядом с Гитлером, теперь именно он делал доклады диктатору, с которым Ламмерс (руководивший администрацией главы государства!) встречался один раз в месяц.

* * *

По мере ухудшения обстановки Борман все чаще употреблял слова «решительно» и «жестко». Поскольку судам вермахта недоставало решимости выносить смертные приговоры за панические разговоры, рейхсляйтер НСДАП попытался передать все подобные дела в ведение министра юстиции Отто Тирака. Летом 1943 года это ему не удалось только из-за протеста, с которым адмирал Дениц обратился непосредственно [400] к фюреру. Однако год спустя Борман добился-таки своего.

Рейхсляйтер НСДАП «предписал» решимость и беспощадность всем немцам, включая мирных жителей, страдавших от воздушных налетов союзников по антигитлеровской коалиции. Когда стало ясно, что люфтваффе не в состоянии отразить налеты авиации противника, Борман, Геббельс и Гиммлер долго изыскивали способ «достойно ответить на воздушный террор». Цель состояла в том, чтобы дать выход накопившемуся ожесточению населения и нанести урон моральному духу англичан, совершавших массированные бомбовые удары не по военным объектам, а по крупным городам.

В апреле 1944 года Эрнст Кальтенбруннер предложил «в некоторых случаях» не препятствовать расправе местных жителей над катапультировавшимися пилотами сбитых вражеских самолетов. Полиции не следовало слишком усердствовать, защищая пойманных летчиков от разъяренной толпы, желавшей линчевать тех, кто только что сбросил бомбы на их родных и близких. В газетах и на радио Геббельс принялся разжигать гнев общественности в связи с «варварскими бомбардировками мирных поселений». Однако суд Линча торжествовал лишь в нескольких подобных случаях. Чтобы придать процессу дополнительный импульс, в конце мая 1944 года Борман разослал гауляйтерам под грифом «Секретно» документ, о

содержании которого достаточно красноречиво говорит само заглавие: «Правосудие народа над англо-американскими убийцами». Следовало настроить местное население, состоявшее в основном из женщин и детей, на самовольные расправы «разгневанного народа» над попавшими в их руки вражескими летчиками. Предлагалось просто забыть о цивилизованности и международных договорах. Но и эта инструкция не возымела действия, поскольку многие партийные и [401] местные функционеры, в устном виде получавшие от гауляйтеров соответствующие инструкции, сочли ее призывом к убийству, которому не решились последовать.

* * *

Борман все решительнее вмешивался в различные сферы военной деятельности. В марте 1944 года, удалившись от пекла сражений и вместе с Гитлером наслаждаясь тишиной и покоем Оберзальцберга, он составил пространный меморандум о действиях гауляйтеров в случае вторжения врага на территорию третьего рейха. Сей документ был подписан фюрером 30 мая. Автор ставил гауляйтеров в известность о том, что верховное командование вермахта не исключает возможности вторжения противника на территорию рейха и что в этом случае следует привлекать женщин к такой вспомогательной работе, как рытье окопов и установка заграждений. Неделю спустя союзники высадились на атлантическом побережье Франции.

В середине июля Гитлер дополнил инструкции Бормана приказом «о координации действий партии и вермахта во время военных действий в пределах рейха». В случае, если вражеские войска вторгнутся на территорию Германии, все партийные ведомства и организации в целом должны перейти в подчинение военных командиров, которые получают всю полноту власти. Координацию действий НСДАП в районе театра военных действий осуществляли бы гауляйтеры соответствующих округов. Наиболее важный для Бормана параграф приказа гласил, что рейхсляйтеру НСДАП надлежит «во исполнение декрета подготовить инструкции, действие которых распространяется и на вооруженные силы».

Причины, которыми Борман объяснял свое стремление заполучить эту прерогативу, можно найти [402] в письме Герде, отправленном им 15 июля сразу по возвращении из Баварских Альп в «Вольфшанце». Оказалось, что его «присутствие было действительно необходимо, ибо среди военных высшего ранга не

нашлось стойких борцов, готовых упорно вести тяжелую оборонительную войну; истинный характер проявляют лишь фюрер и члены партии».

Естественно, теперь генералов трудно было убедить в неизбежной победе германского оружия. Вопреки предсказаниям Гиммлера, высадившийся во Франции десант союзников не удалось сбросить в море в течение восьми часов. Несмотря на тяжелые бои, англичане и американцы закрепились на французском побережье; на востоке передовые части Советской Армии вышли к границе Восточной Пруссии. 18 июля в письме жене Борман признался: «Сейчас повсюду царит полная неразбериха. Если у русских хватит сил в настоящий момент осуществить глубокий танковый прорыв, то за линией фронта они не встретят никакого сопротивления. Нервы фюрера напряжены до предела».

Из рук вон плохо обстояли дела не только на фронте, но и в тылу. В мае Борман разослал гауляйтерам обзор о плачевном состоянии «внутреннего фронта», призвал их сплотить ряды членов НСДАП и уже сейчас решительно взяться за подготовку к ведению боев на тот случай, если противник продолжит наступление. Дельцы черного рынка и спекулянты подрывали моральный дух общества и стойкость солдат. Проекты оборонительного характера проваливались из-за чудовищной коррупции; на черный рынок в огромных количествах поступали дефицитные продукты, ценное сырье, горючее, предметы роскоши. Армейские офицеры глубоко увязли в подобных аферах, проводимых на оккупированных территориях. На мобилизационных пунктах офицеры за денежное вознаграждение помогали призывникам укрываться [403] от службы в армии. «Нам необходимо создать мощную оборонительную систему не только для победы в этой войне, но и для уверенности в будущем мире», — писал Борман.

* * *

Событие, происшедшее 20 июля 1944 года в 12.24 пополудни, окончательно убедило рейхсляйтера НСДАП в том, что касту армейских офицеров следует лишить прежнего могущества. Мы не будем подробно останавливаться на самом покушении. Напомним лишь, что полковник фон Штауффенберг пронес в зал для совещаний бомбу, которая взорвалась под прочным дубовым столом, на котором офицеры генерального штаба раскладывали оперативные карты. Бормана там не было, но взрыв он услышал

из своего кабинета. Когда он прибежал к месту событий, Кейтель уже выводил из комнаты Гитлера, одежда которого была разорвана и окровавлена. Вскоре врачи Морель и Хассельбах сообщили, что фюрер отделался легкими царапинами.

Полчаса спустя Борман и Гиммлер совещались, прохаживаясь вдоль изгороди охраняемой зоны. Агенты службы безопасности еще работали на месте преступления. И тут в руки Бормана попал ключ к разгадке: к нему подошел сержант караула и доложил, что полковник фон Штауффенберг, явно взволнованный, покинул зал совещаний непосредственно перед взрывом. Это показалось Борману подозрительным, и он немедленно провел свидетеля к Гитлеру, не обращая никакого внимания на генералов, дружно запротестовавших против обвинения в адрес своего коллеги. Так подозрение пало на Штауффенберга, который в тот момент уже летел на самолете в Берлин.

К четырем часам пополудни стало очевидно, что за покушением стоит широкий заговор. В Берлине [404] по кодовой команде «Валькирия», исходившей из штаба генерала Фридриха Фромма (непосредственного начальника Штауффенберга), были приведены в действие подчиненные ему войска резервной армии, а верховным главнокомандующим вооруженных сил бунтовщики провозгласили фельдмаршала Эрвина фон Витцлебена. Но тут инициативу перехватил Гиммлер, немедленно объявивший о смещении генерала Фромма. Человек в пенсне неожиданно оказался во главе колоссальной властной машины: как министр внутренних дел он руководил всеми силами полиции, войсками и военизированными службами министерства; как рейхсфюрер СС он командовал всеми войсками СС на фронте и могущественными ведомствами СС внутри страны; в его распоряжении находились военизированные подразделения, охранявшие концентрационные лагеря. Вместе с шефом службы безопасности Кальтенбруннером Гиммлер вылетел на самолете в Берлин, чтобы подавить мятеж.

Он не стал сразу наносить удар по логову бунтовщиков в штабе Фромма, находившемся в бывшем здании министерства обороны на Бендлерштрассе, а уделил особое внимание периферии. В шесть часов вечера заговорщики попытались разослать в местные комендатуры приказ арестовать всех рейхсляйтеров, гауляйтеров, министров и начальников полиции, а также взять под контроль все узлы связи. Однако это распоряжение прошло лишь в отдельные районы. Буквально через полчаса все радиостанции прервали вещание и после небольшой паузы передали сообщение о покушении на жизнь фюрера и о том, что Гитлер почти не пострадал. Таким образом, всем стало известно, что главная цель заговора не достигнута. Оборона

бунтовщиками захваченных зданий государственных ведомств в Берлине стала бессмысленной, итог был предрешен. [405]

Хотя большая часть средств связи «Вольфшанце» оказалась временно выведенной из строя (начальник армейской службы связи тоже участвовал в заговоре), телеграфная система Бормана оставалась в рабочем состоянии. Однако в течение двух часов после объявления по радио гауляйтеры напрасно ждали от шефа партийной канцелярии новых сообщений и инструкций. Казалось, накал событий на какое-то время просто выбил его из колеи{55}, о чем свидетельствовали на удивление бессвязные телеграфные послания, отправленные Борманом в партийные организации после 9.30 вечера. Он посадил за аппарат свою личную секретаршу Эльзе Крюгер, которой передалось его смятение, что стало причиной большого числа опечаток.

Первые три сообщения были противоречивы и только усилили общую растерянность. Гауляйтерам следовало немедленно принять все необходимые и самые решительные меры и вместе с тем действовать чрезвычайно осмотрительно. Борман просто не знал, что предпринять. Он отделался предписанием «исполнять только приказы фюрера Адольфа Гитлера и верных ему руководителей» и ни в коем случае не следовать распоряжениям предателей-генералов. Гауляйтерам надлежало совместно с начальством местных полицейских сил обеспечить твердый порядок в своих округах и немедленно арестовать всех причастных к заговору преступников: Фромма, Хюбнера, Витцлебена, фон Штауффенберга и их единомышленников. В третьей телеграмме к этому списку был [406] причислен генерал Ольбрихт, обвиненный в связях с организованным Москвой комитетом «Свободная Германия».

Двадцать минут спустя очередное — уже четвертое — послание наконец-то успокоило всех, ибо было выдержано в обычном для Бормана стиле и свидетельствовало о нормализации обстановки. Вдохновителем переворота назвали генерала Бека, который якобы вознамерился объявить преемником фюрера фельдмаршала фон Витцлебена. Рейхсляйтер НСДАП заверил коллег, что заговор провалился, и закончил сообщение традиционным «Хайль Гитлер!».

Лишь далеко за полночь Борман сообразил, что надо известить соратников по партии о подробностях происшествия. В 3 часа ночи — уже наступило 21 июля — телеграфные аппараты отстучали двадцать девять строк, в которых содержалось чуть больше информации, чем в обращении Гитлера, переданном всеми радиостанциями Германии. Тем не менее рейхсляйтер НСДАП сопроводил свое сообщение грифом «Секретно».

Партийная элита успокоилась; Гиммлер навел порядок в резервной армии и полностью контролировал ситуацию в вооруженных силах. В 11.35 Борман, следуя совету Гиммлера, предписал гауляйтерам не предпринимать никаких шагов против армейских офицеров, но тщательно собирать свидетельства их враждебных намерений. Рейхсфюрер СС планировал провести широкомасштабную облаву и хотел сам взять всю добычу.

В списках заговорщиков, упоминавшихся в телеграфных сообщениях и выпусках новостей информационных агентств, генерал Фромм неизменно фигурировал на первом месте. На самом деле к подготовке переворота он не имел непосредственного отношения, а о попытке покушения узнал только днем 20 июля из телефонного разговора с Кейтелем. Когда заговорщики предложили ему присоединиться к путчу, он [407] отказался, заявив, что не может нарушить «слово чести». После провала операции Фромм арестовал пятерых зачинщиков и расстрелял их во внутреннем дворе своего штаба. Несмотря на непричастность к заговору, Фромм был арестован и долго томился в тюрьме. Его казнили незадолго до окончания войны, но не за соучастие в покушении на фюрера, а за то, что он не воспрепятствовал заговорщикам своевременно.

Каким образом фамилия Фромма попала в составленный Борманом список заговорщиков уже вечером 20 июля? Дело в том, что с этим генералом были связаны неприятные воспоминания Мартина о своей молодости. В последние месяцы первой мировой войны Фромм командовал 55-м полком полевой артиллерии, в котором Борман служил денщиком офицера. Будущий рейхсляйтер старательно начищал сапоги господина, а тот со всем рвением, на какое был способен, спасал себя и своего слугу от передовой. Именно в те месяцы Борман, возмущенный классовым неравенством, навсегда возненавидел тех, кто стал свидетелем его унижений и, по его мнению, олицетворял собой царившую систему. А таковыми — по воле случая — оказались Пфаффер фон Саломон, Рем, Фромм, Герман Геринг. Борман навсегда внес эти имена в список своих личных врагов и мстил при всяком удобном случае. С тех давних пор он приобрел и «комплекс обуви»: у него было более тридцати пар обуви (черные ботинки для формы СС и коричневые — для партийной формы), всегда начищенной до блеска.

Борман использовал попытку покушения для того, чтобы получить небывалую власть в НСДАП. Гитлер подписал указ, согласно которому все без исключения партийные функционеры переходили в прямое подчинение начальнику партийной канцелярии. Принцип «вассал моего вассала — не мой вассал»

[408] был отменен! Отныне рейхсляйтер НСДАП росчерком пера мог отправить на передовую любого провинившегося партийного клерка.

В ночь 20 июля 1944 года Борман прилег вздремнуть всего на полтора часа. Он слишком утомился, чтобы подробно описать события той ночи в письме жене, и ограничился лишь тем, что отослал ей копии своих телеграмм гауляйтерам, чтобы она имела хотя бы общее представление о случившемся. В ее письме содержались именно те фразы, которые он надеялся от нее получить: «Ты слишком напряженно работаешь — гораздо больше, чем остальные». Мартин же ответил, что отдыха не будет, пока всех виновников событий 20 июля не постигнет заслуженная кара.

Первым делом следовало сформировать в сознании людей мнение, что путч замышляла небольшая кучка преступников, противопоставивших себя обществу. В инструкции, распространенной среди партийных руководителей 24 июля, Борман потребовал не предпринимать действий, направленных против офицеров, генералов и вермахта в целом, и пресекать любые стихийные выступления подобного рода. Ведь армия не подчинилась приказу заговорщиков арестовать рейхсляйтеров и гауляйтеров. В послании содержалось также радостное известие: Гитлер дал понять, что отныне высшей властью в округах располагают гауляйтеры; командиры вермахта получают право действовать независимо только в обстановке кризиса, то есть в случае ведения военных действий на территории округа. 26 июля Борману пришлось констатировать, что после берлинского путча министр пропаганды вновь оказался в фаворе: фюрер назначил его полномочным министром по вопросам ведения тотальной войны. Казалось, Геббельс мог распоряжаться практически всем правительственным аппаратом. Однако назначение было осуществлено [409] таким образом, что реальные полномочия отнюдь не соответствовали громкому титулу. Кроме того, Гитлер одновременно поручил Герингу, как председателю Совета обороны, «подчинить все аспекты общественной жизни интересам тотальной войны», возложив исполнение программы на Геббельса. Отдельная роль в игре отводилась и Борману: фюрер предписал ему строго придерживаться своих обязанностей и освободил от подчинения Герингу и Геббельсу. Ламмерсу надлежало обеспечить координацию действий всех правительственных органов. Борман разослал оба декрета гауляйтерам и обещал в недельный срок снабдить их подробными инструкциями. В начале августа он провел две конференции гауляйтеров в «Вольфшанце».

Меморандум от 12 августа 1944 года Борман посвятил мерам в отношении предателей, пораженцев и прочих «сообщников врага». Немецкий народ вправе требовать, чтобы преступники получили по заслугам. Если возникало подозрение о соучастии кого-либо в неудавшемся заговоре, следовало немедленно направить соответствующий доклад лично рейхсляйтеру НСДАП. Кроме того, надлежало сообщить о всех, кто когда-либо давал повод усомниться в своей приверженности идеям национал-социализма. Послание послужило сигналом к началу большой чистки. Даже самому Борману приходилось постоянно быть настороже. Когда Франц фон Папен, бывший вице-канцлер, исполнявший в то время обязанности посла в Анкаре, получил приказ прибыть в ставку и приехал в Берлин, Борман встретил его на вокзале с циничной усмешкой, таившей невысказанную угрозу: «Тебе тоже не увернуться от большой чистки».

Рейхсляйтер НСДАП держал руку на пульсе событий. Мюллер и Кальтенбруннер регулярно направляли ему отчеты о действиях гестапо. Помощники Бормана постоянно присутствовали на заседаниях [410] суда, разбиравшего дела заговорщиков. Министр юстиции Тирак лично докладывал ему о ходе судебных процессов. В одном из своих сообщений он критиковал действия обвинителя, грубо накричавшего на адвокатов защиты, когда в зале присутствовало более трехсот слушателей. Подобное ведение дела могло вызвать недоверие у широкой публики. Поэтому Борману пришлось охладить пыл Геббельса, задумавшего прямо в зале суда снять фильм о процессе над заговорщиками. Рейхсляйтер НСДАП мотивировал свой отказ тем, что демонстрация фильма перед широкой аудиторией могла вызвать совершенно неожиданные отклики и произвести нежелательный эффект.

«Расследование событий 20 июля по-прежнему далеко от завершения», — писал Мартин Герде в октябре. Враги действовали скрытно, и разоблачение подпольных организаций требовало немалого времени. Искоренить же внутренних врагов следовало сразу, ибо, как утверждал Борман, уцелевшие заговорщики не остановятся перед повторным использованием бомбы или яда, и мятеж офицеров оставался реальной угрозой. Поэтому его чрезвычайно озлило случайно услышанное высказывание личного адъютанта фюрера Гюнше, утверждавшего, что процесс стал таким шумным только благодаря усилиям отдельных политических лидеров, которым было выгодно использовать выходку кучки военных для организации широкой кампании чистки.

В августе Борман причислил к списку подозреваемых

командующего Западным фронтом фельдмаршала Гюнтера фон Клюге. Последний, по мнению рейхсляйтера НСДАП, старался объединить оставшихся на свободе участников заговора. В подтверждение своих обвинений Борман отметил, что фон Клюге прежде командовал армиями группы «Центр», а более двух десятков некогда подчиненных ему генералов, [411] попав в плен в июне — июле 1944 года, уже вступили в созданную Москвой антигитлеровскую организацию «Свободная Германия».

В сентябре 1944 года Борман посетил Галле и встретился с местным гауляйтером Иоахимом Эгглингом. Во время беседы он высказал свои подозрения в адрес Клюге и связал поражение группы армий «Центр» с событиями 20 июля. В числе лидеров мятежа Мартин упомянул и начальника штаба фон Трешкова, позиция которого повлияла на выбор многих генералов. Эгглинг поинтересовался, почему заговор не был своевременно раскрыт. По мнению Бормана, причиной тому послужило чувство корпоративной солидарности и товарищества среди офицеров вермахта и тот факт, что никто даже представить себе не мог размах организации и вероломство ее лидеров.

Конечно, эта информация носила конфиденциальный характер и не предназначалась для широких масс. Рядовым функционерам НСДАП внушали совсем иную точку зрения: обобщения, сделанные на примере нескольких исключительных случаев, недопустимы, ибо «могут породить сомнения в честности и верности сотен и тысяч храбрых офицеров». Такой же позиции должны были придерживаться пропагандисты Бормана в войсках. Что же касается разгрома группы армий «Центр», то отдельным предателям, после пленения сразу переметнувшимся на сторону врага, был уготован смертный приговор суда наравне с заговорщиками.

Далее последовала полоса сюрпризов, о которых Борман писал жене: «Только представь: планы покушения на жизнь фюрера и лидеров национал-социализма задумывались еще в 1939 году!» В сейфах гестапо нашлись документы, принадлежавшие Канарису и разоблачавшие мятежников. Герда ответила: «Надеюсь, никому из заговорщиков не удастся скрыться. [412] Ох, страшно подумать, что произошло бы, не будь тебя и Генриха (Гиммлера) рядом. Фюреру одному это оказалось бы не под силу».

Несколько недель спустя гестапо обратило внимание Бормана на Эрвина Роммеля, который в ту пору находился на излечении в своем доме в Герлингене близ Ульма: самый популярный в Германии фельдмаршал попал в автомобильную аварию во время наступательной операции во Франции в середине июля. Из

докладов Кальтенбруннера Борман заключил, что легендарный «лис пустыни», по-видимому, принимал участие в заговоре. На очередном совещании у фюрера он предложил арестовать Роммеля. Гитлер, Борман, Гиммлер, Кейтель и старший адъютант генерал Вильгельм Бургдорф долго размышляли, как бы провести эту операцию, не привлекая всеобщего внимания. Фельдмаршала вызвали в Берлин под предлогом нового назначения. Однако врачи высказались против этой поездки, и он попросил направить к нему доверенного офицера с соответствующей депешей. 14 октября 1944 года Борман послал в Герлинген Бургхофа в сопровождении еще одного генерала. Они предложили фельдмаршалу небогатый выбор: либо судебный процесс и позор, либо самоубийство при условии достойного содержания его семьи и оказания последних воинских почестей в полном объеме. Роммель выбрал второе; Борман сохранил его «измену» в тайне (согласно официальным сообщениям, фельдмаршал скончался от ран) и точно выполнил все обещанное в отношении его семьи.

Любопытно, что Борман заботился и о благополучии вдовы еще одной своей жертвы — Гейдриха. Обычно обеспечение семей погибших высокопоставленных чиновников брали на себя их ведомства. Подобная помощь была невелика, и этим семьям приходилось существенно менять образ жизни. Герда Борман однажды написала мужу: «Береги себя! Ты необходим [413] не только нам, но и фрау Тодт, фрау Гейдрих, фрау Клюге и многим другим»{56}.

Фрау Гейдрих доставляла ему определенные хлопоты, ибо не могла сжиться с мыслью, что отныне является частным лицом. Те же проблемы возникли и с вдовой Виктора Лутце (начальник штаба СА), погибшего в автомобильной аварии: она не желала переезжать из официальной резиденции, хотя партия предлагала ей более просторные апартаменты. Чтобы решить вопрос раз и навсегда, Борман поставил Гитлера в известность об этих трудностях, и фюрер подписал специальный указ: в случае смерти высокопоставленных чиновников их вдовам следует покинуть предоставленные государством апартаменты.

«Это касается и тебя. Если я умру, выезжай из дома как можно скорее», — писал он Герде. В то время, в июле 1943 года, когда сотни тысяч немцев лишились крова в результате бомбардировок, у Бормана было три дома: в Пуллахе, в Оберзальцберге и в Мекленбурге. Четвертый же дом, реквизированный у евреев в Шлюкзее, еще не был отремонтирован. Хотя два из них — в Оберзальцберге и в Мекленбурге — были официально оформлены на его имя, в действительности они принадлежали Гитлеру. Борман понимал,

что если бы (в случае его смерти) фюрер оставил Герде какой-то из домов, Ева Браун могла бы доставить ей очень много неприятностей: например, прекратить обеспечение овощами из теплиц Оберзальцберга. Словом, Герде лучше было бы полагаться только на себя.

Вообще же Борман считал, что ему суждено погибнуть в результате либо несчастного случая, либо покушения. Подход к проблеме жизни и смерти он решал с позиций национал-социализма: индивидуум [414] может умереть — нация не умрет. Только повседневное вбивание этой мысли в головы немцев могло заставить их идти в бой ради планов Гитлера о мировом господстве.

Нетрудно заметить, что за недолгий период после путча высшее командование вермахта понесло серьезные потери, а партийная элита добилась права осуществлять общее руководство армией.

* * *

Покушение на жизнь Гитлера заставило Бормана поторопиться с подготовкой фундамента для «четвертого рейха». Всего двадцать дней спустя, 10 августа 1944 года, он собрал в Страсбурге глав немецких промышленных династий. Что бы он ни говорил о планах послевоенного возрождения Германии, все присутствовавшие на встрече в гостинице «Мезон Руж» понимали, что на будущем троне Борман видит себя. Однако и они нуждались в талантливом организаторе, способном объединить их капиталы так, чтобы они неизбежно оказались на высоте и после разгрома Германии. Никто уже не верил в феномен фюрера или в «чудо-оружие». Однако следовало подумать о вывозе капиталов и новейших военно-технических разработок за рубеж, подготовить базы для продолжения начатых исследований. Например, Мессершмитт был близок к выпуску нового самолета, но поражение могло помешать окончанию работ{57}. Эти люди не были ни дураками, ни фанатиками, ни истериками. Они просто проиграли одну из войн и не собирались погибать вместе с нынешним фюрером.

Во время выступления перед промышленниками 4 июля в Оберзальцберге Гитлер заявил, что с первого [415] дня своей политической карьеры всегда шел ва-банк, и добавил: «Господа, если война будет проиграна, экономику переориентировать на мирное производство будет уже ни к чему». Эта фраза отнюдь не обрадовала слушателей, поскольку предрекала им не самый

приятный выбор: виселица, выстрел в затылок, смерть от голода, Сибирь или самоубийство. Если прежде Борман не исключал, что внезапное озарение позволит «гению фюрера» — как в первые годы войны — найти абсолютно нелогичное решение, которое неожиданно приведет к спасению, то теперь иллюзии окончательно рассеялись; оставалось только бороться за собственную жизнь. Энергичные действия на случай поражения в войне Борман начал еще в 1943 году. Естественно, крупнейшим германским промышленникам его реалистичность и предприимчивость были гораздо больше по душе, чем пассивность и обреченность Гитлера. К тому же планы Бормана сулили им хорошие перспективы.

Логичный шаг: сохранить капиталы и секретные технологии. Этому и было посвящено совещание. Промышленники нуждались в помощи разведывательных и полицейских ведомств не только внутри Германии, но и за рубежом. Получив необходимые каналы и гарантии, они могли приступить к массированному переводу в другие страны капиталов, чертежей и специалистов. При этом, естественно, промышленники должны были вступить в более тесный союз с нацистами, в руках которых находились соответствующие службы. А партия — это Борман.

Рейхсляйтер НСДАП уже подготовил ряд конкретных предложений, которые были одобрены партнерами по переговорам. Стратегический план Бормана предусматривал послевоенное объединение нации и воссоздание в Германии государственной системы нацистского типа. Основой для этого должен был [416] стать реванш в новой мировой войне — войне финансовой. На пути к этой цели, по мнению Бормана, предстояло решить следующие задачи:

1. Освобождение немецкого народа от оккупации.
2. Возвращение изгнанных.
3. Объединение германского общества по расовому принципу.
4. Избавление от произвола врага.
5. Федеративное объединение Европы.
6. Право на расовую автономию.
7. Единая Европа ради общего блага.
8. Всеевропейский арбитражный суд.
9. Сообщество родственных наций; цель — создание Германской империи.
10. Объединение Германии с Богемией и Моравией.
11. Защита чистоты расовой группы.
12. Экономическое объединение Европы.

Рейхсляйтер НСДАП указал основные каналы вывоза капиталов и людей. Большую часть грузов — золото,

драгоценности, деньги, произведения искусства, научные материалы — предполагалось вывезти на подводных лодках (в последние годы ускоренными темпами создавались крупные субмарины нового типа) в Южную Америку (операция «Огненная земля») и Японию, остальное захоронить в Альпах, где заключенные концлагерей вырубали в скальных породах глубокие шахты. Для беглецов были подготовлены многочисленные маршруты, которые вели в глухие уголки Скандинавии и Средиземноморья и далее в порты, которые они должны были покинуть на пассажирских судах по фальшивым документам. Секретные службы обладали всем необходимым для изготовления таких документов. Кроме того, часть людей предполагалось эвакуировать на подводных лодках. Иных же решили просто перевести на работу в зарубежные филиалы германских фирм. [417]

В конце 1944 года эта скрытная деятельность осуществлялась с максимальным размахом. Наиболее ценные специалисты военных отраслей тайно покидали страну либо были переведены на работу в гражданские учреждения и институты. Финансовые средства переводились на счета фирм, заранее подготовленных и разбросанных по всему миру{58}.

На помощь пришли и союзники Германии: адмирал Исо Коима возглавил рейд японских подводных лодок, вывезших из Германии ценных специалистов и отборных эсэсовцев (команду пассажиров укомплектовал генерал-майор СС Вильгельм Монке), а также груз золота на миллиард американских долларов. Один из пунктов программы Бормана предусматривал передачу золота на хранение проверенным членам НСДАП, проживавшим в сельской местности{59}.

Часть золотого запаса планировалось спрятать в шахтах Баварии, где подготовка тайников велась в рамках возведения «неприступной альпийской твердыни».

Чтобы противостоять наступлению союзников, уже занявших значительную часть Италии, в конце июля 1944 года Гитлер приказал возвести систему оборонительных сооружений в предгорьях Альп на всем протяжении от швейцарской границы до Венеции. [418] Вскоре аналогичные задания получили главы партийных организаций западных округов. Дело в том, что Борман ознакомил фюрера с успешными работами в Восточной Пруссии, руководство которыми взял на себя Кох{60}, и Гитлер решил передать в ведение гауляйтеров общее управление строительными службами вермахта и «организации Тодта».

В конце августа Борман с гордостью оповестил своих коллег: «Отныне возведение полевых фортификационных сооружений

поручается гауляйтерам, то есть не правительственным чиновникам (комиссарам по делам обороны), а партийным работникам».

На самом деле почти повсеместно гауляйтеры являлись одновременно и комиссарами по делам обороны, но для Бормана сей приказ означал, что он официально поставлен во главе программы возведения сложной системы укреплений в масштабах всего рейха. Циркуляр рейхсляйтера НСДАП предписывал в связи с огромным объемом работ ежедневно отправлять в партийную канцелярию подробные отчеты о ходе строительства (для обработки поступавшей инффрормации Борман сразу же выделил трех секретарей).

Гитлер официально утвердил этот указ лишь 1 сентября 1944 года — он хотел сначала убедиться в действенности такой меры. Потому неудивительны рвение и чрезвычайно высокая требовательность Бормана в период этого «испытательного срока». Ознакомившись с отчетами, присланными за первую неделю, рейхсляйтер НСДАП разразился гневным посланием, предупредив, что, если гауляйтеры оставят работы на усмотрение инженеров вермахта и ОТ, фюрер заставит их самих взять в руки лопаты. Со времен первой мировой войны в окрестностях многих [419] городов сохранились фортификационные сооружения, их следовало только восстановить и модернизировать. Сотни тысяч женщин, подростков, стариков и иностранных рабочих целыми днями работали лопатами и кирками, получая в качестве питания жалкие крохи и ютясь в ужасной тесноте наспех сколоченных бараков. Но отступавшим германским войскам практически не удалось этими укреплениями воспользоваться.

* * *

Гитлер нуждался в дивизиях больше, чем в укреплениях и рвах. В конце июля Гиммлер и Геббельс приступили к формированию «народных дивизий» — ополчения, в которое, невзирая на состояние здоровье, отправляли всех мужчин, способных держать в руках оружие. Однако регулярные войска опасались ополченцев больше, чем неприятеля, поскольку в военном противостоянии они были непредсказуемым фактором. Если Борман хотел сохранить ведущие позиции в борьбе за благосклонность фюрера, ему тоже следовало заняться формированием новых дивизий. Как обычно, не имея собственных идей, он заимствовал их у других.

В августе советские войска вошли на территорию Восточной

Пруссии, и генерал Вальтер Венк, глава оперативного отдела генерального штаба, предложил объявить мобилизацию всего мужского населения. Генерал Гудериан поддержал этот план, но гауляйтер Кох опередил военных и самостоятельно создал многочисленные подразделения ополченцев под своим командованием; эта армия не подчинялась вермахту и выполняла только приказы Коха. Гудериан предложил фюреру сформировать такие резервные армии во всех округах и отметил, что организовать набор и обеспечить достаточно умелое управление смогут [420] офицеры СА. Рассчитывая на содействие гауляйтеров, Борман взял осуществление этих планов на себя.

В 1937 году, рассуждая о событиях французской революции, Гитлер сказал, что вооруженная толпа остается всего лишь толпой и что всплеск революционного энтузиазма не превратит разношерстное сборище в настоящих солдат. Однако осенью 1944 года фольксштурм был последним резервом живой силы, остававшимся в его распоряжении.

26 сентября 1944 года Борман написал Герде: «Сегодня после напряженной подготовительной работы фюрер подписал приказ о создании фольксштурма. Я чувствовал себя подобно роженице — измученным, но счастливым». Он не мог самостоятельно оттеснить от этого проекта Гиммлера, командовавшего резервной армией регулярных войск, но Гитлер тоже воспротивился дальнейшему усилению позиций рейхсфюрера СС и разделил обязанности следующим образом: гауляйтеры проводят набор рекрутов и командуют войсками фольксштурма в пределах своего округа, а Гиммлер несет ответственность за обучение, вооружение и обмундирование ополченцев. Борману же поручалось определить политические и организационные принципы фольксштурма.

Однако рейхсляйтер НСДАП не собирался ограничивать свои полномочия и еще за три дня до подписания декрета приступил к активным действиям: он создал при своей канцелярии штаб из представителей всех партийных ведомств и обязал подчиненных регулярно присылать материалы о проделанной работе и накопленном опыте. В письмах жене Мартин зачастую сопровождал слово «фольксштурм» притяжательным местоимением «мой».

Время поставило новый вопрос: кому будет принадлежать реальная власть Германии на заключительном этапе войны? Борман знал лучше других, что здоровье [421] фюрера заметно ухудшилось. У Гитлера участились спазмы желудка, и 28 сентября после очередного острого приступа он слег. Естественно, в кулуарах активно муссировался вопрос о

заместителе и преемнике фюрера. Первым претендентом на место во главе правительства официально был Герман Геринг, который, однако, потерял популярность в народе и утратил реальное влияние. В последнее время быстро «пошел вверх» Геббельс, но он не имел широкой поддержки ни в партии, ни в вермахте. Чрезвычайные полномочия Гиммлера делали его не последней фигурой в перечне претендентов. И все-таки в хорошо информированных кругах наиболее вероятной кандидатурой считали именно Бормана.

18 октября 1944 года состоялось торжественное официальное приведение к присяге фольксштурма — войска, созданного Борманом и гауляйтерами. Опытные солдаты считали его жалким подобием настоящей армии. В фольксштурме насчитывалось более миллиона человек, но из этих стариков и юношей — под призыв попали мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет — почти никто не имел опыта участия в боевых действиях. В большинстве своем эти люди не рвались в бой, и перспектива спасти Германию ценой своих жизней вовсе не вызывала у них энтузиазма. Эта армия не являлась видом регулярных войск. Днем члены фольксштурма работали на производстве, а вечером возвращались в казармы. Военной подготовке отводились только воскресные дни. Из-за плохого вооружения, состоявшего в основном из устаревших винтовок, учиться приходилось на макетах. Недостаток амуниции гауляйтеры восполняли тем, что собирали обувь и ткани у жителей окрестностей — те отдавали, сколько могли пожертвовать, — или закупали на подешевевшем черном рынке в северных областях Италии.

Борман отказался от какого-либо взаимодействия [422] фольксштурма с вермахтом. Кроме того, отряды фольксштурма действовали только вблизи места жительства их членов{61}.

Борман призвал Гиммлера поскорее оказать действенную помощь в обучении ополченцев и предупредил, что в противном случае ему придется обратиться к генералу Гудериану, а такой шаг «был бы нежелателен, поскольку изначально фольксштурм — детище партии». Тон письма не оставляет сомнений: одержав победу над генералами, Борман уверился, что ни в чем не уступает Гиммлеру.

После покушения на жизнь Гитлера Борман считал всех офицеров и генералов реакционерами и врагами. Поэтому в сентябре 1944 года он утвердил положение, согласно которому партийные функционеры получили право контролировать действия военных, а тем, в свою очередь, следовало учитывать мнение чиновников от НСДАП.

Обнаружив трещину в монолите армии, Борман усилил давление, все более внедряясь в сферы деятельности военных. Особо его привлекла проблема «уклонистов». По оценкам партийной канцелярии, тех, кто уклонялся от призыва в армию, насчитывалось более миллиона человек. В конце февраля состоялось совещание рейхсляйтера НСДАП с помощниками Клопфером и Фридриксом, участники которого пришли к выводу, что возвращение дезертиров в строй не только удовлетворило бы потребности фронта в живой силе, но и обеспечило бы наличие человеческих ресурсов, необходимых в промышленности. [423]

Чтобы изловить уклонистов, следовало произвести серию облав. Один из помощников предложил для острастки повесить нескольких дезертиров и оставить трупы несколько дней болтаться на веревках — в назидание остальным. На том и порешили.

* * *

Один из приближенных Гитлера, фотограф Генрих Хофман, вызывал у рейхсляйтера НСДАП особую неприязнь, поскольку был ему неподвластен. Хофман не имел никакого влияния в партии. Лишь в прежние времена он обладал рядом исключительных привилегий, в том числе правом готовить фотографии для отчетов о парадах и партийных съездах. Поскольку привилегии были дарованы самим Гитлером, Борман не мог подвергнуть работы фотографа цензуре. Кроме всего прочего, Хофман имел монопольное право производить съемки фюрера в неофициальной обстановке.

Он начал фотографировать фюрера и его соратников еще в пивных Мюнхена. Именно в ателье Хофмана Гитлер познакомился с Евой Браун. С приходом нацистов к власти он стал придворным фотографом и, оказавшись в числе непременных участников застольной светской болтовни, развлекал Гитлера анекдотами о партийных бонзах.

В сентябре 1944 года Борман измыслил способ избавиться от Хофмана. Во время одного из приездов последнего в «Вольфшанце» рейхсляйтер НСДАП озабоченно отметил болезненный вид фотографа и посоветовал ему обратиться к Теодору Морелю, личному врачу Гитлера. Хофман ничего не заподозрил, тем более что много лет назад он сам рекомендовал фюреру этого врача. Проверка анализов потребовала определенного времени, и две недели спустя, уже вернувшись в Мюнхен, фотограф узнал [424] из телефонного разговора с

Морелем, что, хотя он мог еще не чувствовать себя заболевшим, у него обнаружены опасные тифозные бактерии типа «В». Гитлер отказался впредь с ним встречаться, а Борман приказал мюнхенскому департаменту здравоохранения немедленно обеспечить Хофману режим карантина.

Засомневавшись в данных обследования, фотограф решил проверить их в Вене и воспользовался услугами врача своего зятя Бальдура фон Шираха. Тот направил его к специалисту-бактериологу военного госпиталя. Проверка на наличие болезнетворных бактерий дала отрицательный результат! Хофман немедленно сообщил эту весть Борману, но напрасно ждал отмены запрета посещать фюрера. Более того, венский департамент здравоохранения получил указание фюрера поместить фотографа в изолированный бокс в связи с заразным характером заболевания, — от столь жесткой меры Хофмана спас только сертификат, выданный солидным медицинским учреждением.

В декабре от Гитлера прибыл следователь с поручением «допросить причастных к случаю с Хофманом и арестовать всех, кто вызывает подозрения». Анализы фотографа вновь были направлены в лабораторию — на сей раз в клинику СС. Исследование подтвердило отсутствие болезнетворных микробов. Хофман вновь направил соответствующие документы Борману, но двери ставки так и остались закрытыми для него.

Борман решил воспользоваться испытанным способом: подтасовать данные. Привлечь Мореля к участию в заговоре не представлялось возможным, но в этом не было необходимости. Врач отправлял анализы на исследование в лабораторию клиники гестапо, а уж там-то у Мюллера и рейхсляйтера НСДАП имелись «свои люди», готовые выполнить любой приказ. [425]

Борман вообще стремился к взаимовыгодному союзу с личным врачом фюрера. Гитлер благоволил Морелю, и тот использовал его расположение для достижения своих собственных целей, нисколько не претендуя на политическое влияние. Так, он убедил фюрера, что создал порошок, который уничтожает вшей, ставших настоящим бичом солдат на передовой, и предупреждает их распространение. Гитлер приказал — под страхом сурового наказания — каждому бойцу вермахта непременно иметь при себе пакет с этим порошком. На практике же солдаты вылавливали вшей, запускали их в пакеты с порошком и наблюдали за успешным размножением надоедливых тварей! Можно лишь предполагать, какие прибыли получал сей эскулап от массового производства этого «гигиенического средства».

Выполняя распоряжение фюрера, Борман добился присвоения Морелю профессорского звания, а когда тому понадобился электронный микроскоп, именно секретарю фюрера пришлось достать инструмент и оплатить его стоимость. Вместе с тем сам Борман никогда не препоручал себя заботам докторов. Однажды, когда рейхсляйтер НСДАП слегка захворал — такое иногда случалось, — Гитлер направил к нему Мореля. Больной таблетки взял, но принимать не стал.

Осенью 1944 года, когда Гитлер несколько дней не вставал с постели из-за сильной зубной боли, Борман писал жене, что врачи Карл Брандт и Ганс Карл фон Хассельбах считают лечение Мореля неправильным. Впрочем, не будучи медиком, он не брался выносить собственное решение. Борман не затевал интриг против Мореля лишь потому, что счел более удобным использовать его. Кроме интриги против Хофмана, он прибегнул к этому средству и в борьбе против Карла Брандта, который вместе с рейхсляйтером Филиппом Бухлером осуществлял [426] программу массовых убийств душевнобольных и умственно неполноценных. К тому же Бухлер поддерживал дружеские отношения с Альбертом Шпеером, врагом Бормана, а этого факта было вполне достаточно, чтобы причислить к неприятельскому клану и хирурга. Выяснилось, что Брандт претендует на пост рейхсминистра здравоохранения, а такой поворот событий совсем не устраивал и Мореля. Министр промышленности Шпеер и министр здравоохранения Брандт совместными усилиями могли положить конец фактической монополии Мореля на производство пенициллина.

В противовес конкурентам Борман выставил кандидатуру доктора Конти, своего друга со времен «кассы взаимопомощи», ставшего теперь главным врачом третьего рейха. Мартин написал Герде, что день, когда он пришел к фюреру с предложением о назначении Конти на пост рейхсминистра здравоохранения, выдался неудачным: Гитлер не только отказался принять протеже Бормана, но даже не прислушался к аргументам своего секретаря, обвинявшего Брандта в крайней амбициозности и интриганстве. Борман заявил, что не сядет с этим смутьяном за один стол, и даже попросил освободить его от занимаемого поста и отправить на Восточный фронт — он прекрасно понимал, что подобный маневр не таит в себе ни малейшего риска, ибо фюрер уже не мог обходиться без своего расторопного секретаря. Грубая попытка оказать давление разозлила Гитлера, но через несколько дней гнев прошел и к Борману вернулись все признаки благосклонности диктатора.

Рейхсляйтер НСДАП не собирался сдаваться. 15 сентября

Борман вызвал в «Вольфшанце» Конти, и они встретились с Морелем. На следующий день доктор пробыл у Гитлера целый час. Через два дня заговорщики встретились вновь. У всех троих были причины ненавидеть Брандта, который высказывал подозрение [427] о покушении на жизнь фюрера посредством яда. 4 октября он открыто заявил, что Морель постоянно подмешивает в лекарства стрихнин. Однако Гитлер не прощал критики в адрес своего любимца. Вскоре Борман известил жену о триумфе: «Брандт более не является штабным врачом». Уволен был и Хассельбах. Новым врачом при ставке фюрера стал Людвиг Штумпфеггер, прежде работавший в системе СС и причастный, как и Брандт, к использованию медицины в преступных целях. Рейхсфюрер СС рассчитывал получить в его лице собственного осведомителя при ставке, но просчитался: быстро сориентировавшись, Штумпфеггер переметнулся на сторону Бормана.

* * *

Закулисная война между Борманом и Шпеером началась еще в те времена, когда последний занимался реконструкцией апартаментов фюрера в Берлине. Костер конфликта вспыхнул яростным пламенем после гибели (в феврале 1942 года) в авиакатастрофе министра вооружений Фрица Тодта, преемником которого Гитлер назначил Шпеера. К концу 1944 года Борману при поддержке гауляйтеров удалось овладеть таким влиянием в промышленности, что даже полномочия министра не всегда позволяли Шпееру своевременно реализовать свои решения в подчиненных ему отраслях. В округах власть оказалась в руках партии, которая контролировала выпуск промышленной продукции и распоряжалась рабочими, привлекая их к сооружению укреплений, ремонту разрушенных хозяйственных объектов, направляла их в вермахт или в фольксштурм. Отчаявшись должным образом наладить выпуск продукции военного назначения, Шпеер представил Гитлеру меморандум, в котором выразил протест против вмешательства [428] гауляйтеров и потребовал восстановить полномочия министра. Не взглянув на документ, фюрер переадресовал его своему секретарю: Шпееру надлежало решать этот вопрос с шефом канцелярии НСДАП Мартином Борманом и уполномоченным фюрера по организации тотальной войны Йозефом Геббельсом.

Несколько часов спустя министра вооружений вызвали в бункер Бормана. Секретарь фюрера был подчеркнуто

бесцеремонен: вышел навстречу без кителя, в нарукавниках и подтяжках, плотно охватывавших его тяжелый живот. Геббельс же, как обычно, одет был строго и аккуратно. Наряд каждого полностью соответствовал избранной им роли: один настроился самым решительным образом отринуть всякие нападки на партию и предотвратить любую попытку повлиять непосредственно на фюрера; другой приберег арсенал угроз и циничные аргументы. В конце концов Шпеер ничего не добился. Более того, его ближайшие сподвижники тоже переметнулись в лагерь Бормана.

В конце 1944 года Шпеер предпринимал отчаянные усилия, чтобы снабдить оборонные предприятия достаточным количеством угля, несмотря на серьезные повреждения, нанесенные сети железных дорог бомбардировками авиации союзников. 29 декабря он обратился к Борману с требованием призвать партийных боссов к порядку: вместо того чтобы самим предпринять действенные меры по обеспечению поставок топлива, гауляйтеры просто реквизировали проходившие по территории их округов составы с углем. Борман остался нем как рыба. 20 сентября Шпеер направил Борману еще одно письмо с этим требованием и отметил, что из-за разбоя гауляйтеров на железных дорогах пришлось остановить работу нескольких крупных предприятий. Но и тогда реакции не последовало. [429]

* * *

Следуя принципу «разделяй и властвуй», Гитлер бывал непоследователен и нерешителен в вопросах назначений, особенно в тех случаях, когда дело касалось бывших фаворитов. Так, даже в конце 1944 года фюрер по-прежнему колебался и не принял решение относительно нового хозяина Вены. Поэтому Борман направил туда сразу двоих: своего помощника Фридрикса и Кальтенбруннера, ставшего преемником Гейдриха.

Оба посланника — порознь — получили указания составить отрицательные отзывы о деятельности Шираха. Однако даже таким образом не удалось добиться от фюрера решительных действий. С одной стороны, Гитлер опасался негативной общественной реакции, поскольку лидер молодежной организации пользовался популярностью не только в третьем рейхе, но и в странах-союзницах. С другой стороны, заместитель Шираха в гитлерюгенде Артур Аксман тоже был фигурой влиятельной и энергично поддержал своего босса. Эта парочка представляла определенную опасность даже для рейхсляйтера НСДАП. От своего осведомителя Мюллер получил тревожные

сведения (и известил об этом Бормана): Ширах и Аксман располагают неопровержимыми доказательствами того, что в шести случаях рейхсляйтер НСДАП неверно информировал Гитлера; основываясь на ложных сведениях, фюрер принимал решения, которые привели к негативным последствиям; оба намерены добиваться аудиенции фюрера. Борман понимал, что подобная акция со стороны противников не повергнет его в прах, но непременно повредит его личным доверительным отношениям с Гитлером. Готовность врагов к решительным действиям заставила его ускорить собственную атаку, чтобы заблаговременно нанести Шираху решающий удар. [430]

* * *

Еще в 1943 году Розенберг вступил в противоборство с Геббельсом, потребовав, чтобы пропаганда на восточных территориях перешла в его ведение. Гитлер, как обычно, принял двусмысленное решение, и соперники принялись заваливать канцелярию депешами с новыми аргументами. Естественно, фюрер поручил Борману разобраться в конфликте. Тому схватка между конкурентами была на руку, и он тянул с решением и поддерживал накал борьбы аж до декабря 1943 года. В конце концов Борман избрал в союзники Геббельса и представил Гитлеру дело в таком свете, что тяжбу выиграл рейхсминистр пропаганды.

Ни пропагандистская программа Геббельса, ни кампания Розенберга по примирению не нашли понимания у населения восточных территорий. Кроме того, — существенный момент, который отметили и местные жители, — активная деятельность такого рода началась лишь после того, как победы сменились отступлением, в результате чего германские войска оставили огромные пространства. Только летом 1944 года Гитлер и Борман согласились на создание добровольных союзнических воинских формирований из представителей восточных народов. Гиммлеру было позволено то, чего прежде не позволили ни Розенбергу, ни вермахту: сотрудничать с генералом Власовым. Причем министр оккупированных территорий даже не был извещен об этом.

В августе 1944 года, когда советские войска подходили к Варшаве, а союзники на французском и итальянском театрах приближались к рубежам Германии, Розенберг решил, что настал удобный момент напомнить о своем плане. Однако теперь он был королем без королевства. От всего прежнего блеска и могущества остался только персонал его представительства в Берлине,

старавшийся оправдать [431] свое существование оказанием помощи добровольцам с восточных территорий, спасавшимся бегством от наступавших советских войск. Розенберг полагал, что теперь ему разрешат сотрудничать с Власовым, и обратился к Борману с просьбой организовать встречу с фюрером для обсуждения этого вопроса. Однако Борман ответил, что у Гитлера нет свободного времени, поскольку он полностью занят военными проблемами, и даже не соблаговолил сообщить Розенбергу о полномочиях, данных в этом отношении Гиммлеру.

7 сентября 1944 года министр оккупированных территорий направил Борману письменное обращение, настаивая на том, что «даже в нынешней трудной обстановке не следует забывать об этом резерве: мы можем привлечь под ружье несколько миллионов восточных рабочих, которых привезли в Германию и которые теперь оказались в одной лодке с нами». Он полагал, что при умелой работе под знаменами «освободительной армии» можно собрать четыре-пять миллионов союзников. Розенберг заявил, что подготовил план действий, который хотел бы обсудить лично с фюрером. Тем самым он давал понять, что считает Бормана ответственным за провал восточной политики. Кроме того, Розенберг подчеркнул: «Если вы и сейчас откажете в содействии своевременному и правильному решению этой проблемы, то вся ответственность ляжет на вас».

Поскольку все обращения, посланные непосредственно Борману, регистрировались лишь его канцелярией и оставались без ответа, на сей раз Розенберг действовал иначе: он направил письмо Борману в «Вольфшанце» через канцелярию Ламмерса. Ламмерс должен был зарегистрировать и ответ — значит, Борману следовало ответить, поставив Ламмерса в известность о сути своего ответа! Однако Борман оказался далеко не так прост. В ответе от 18 сентября он, [432] во-первых, назначил совместную встречу Гитлера, Розенберга и... Гиммлера! Во-вторых, на случай непредвиденного переноса встречи Розенбергу следовало переслать Борману перечень своих предложений, дабы ни при каких обстоятельствах «не допустить промедления в важном и срочном деле».

Будучи неоднократно обманутым, министр оккупированных территорий решил выждать, не отсылая Борману своих набросков. И действительно, уже 22 сентября пришло уведомление о том, что Гитлер не сможет принять его в ближайшем будущем. А 26 сентября партийная канцелярия распространила сообщение «О статусе генерала Власова», в котором сообщалось о передаче вопроса о взаимодействии с переметнувшимся генералом на рассмотрение Гиммлера — единственного из представителей

нацистской верхушки, никогда по уровню властных полномочий не уступавшего министру оккупированных территорий в том, что касалось восточных земель. Но в отличие от Розенберга Гиммлер никогда прежде не был сторонником компромиссов со славянами. Почувствовав, что остался вовсе не у дел, Розенберг официально известил Бормана о своем отказе участвовать в обсуждении вопросов, касавшихся восточных народов, и о снятии с себя ответственности за выработку восточной политики партии. Более того, он потребовал, чтобы Борман разослал в партийные ведомства меморандум с заявлением о том, что рейхсминистр оккупированных восточных территорий всегда имеет правильное понимание проблем и стремится к осуществлению верных шагов, но ему мешают гнусные интриги.

Борман проигнорировал эти требования. На состоявшуюся в середине ноября в Праге торжественную церемонию по поводу образования «русской освободительной армии» (в строю РОА стояли несколько рот деморализованных, потерявших всякую надежду [433] беженцев) Розенберга не пригласили. Приняв новый курс, рекомендованный Розенбергом с самого начала, Борман стал искать виновного в том, что прежде проводилась иная политика. Очевидный ход: кто был главной административной фигурой на Востоке, тот и несет ответственность за все ошибки! Объяснение: министр оккупированных восточных территорий проводил «колониальную политику плюралистическими методами» и не смог своевременно разобраться в проблеме и направить работу с массами в нужное русло.

Розенбергу удалось-таки «по личным каналам» переправить непосредственно фюреру объяснение случившегося; в послании он перечислял свои действия, разоблачал интриги противников и просил восстановить свое честное имя. Однако Гитлера не интересовала правда. Наоборот, он воздал новые почести Борману! Ясно, за что: рейхсляйтер НСДАП нашел человека, на которого можно было свалить вину за все ошибки, грехи и промахи, допущенные в ходе восточной кампании. [434]

Агония

Многих нацистских лидеров пугала перспектива восшествия Бормана на фюрерский трон после смерти Гитлера, но и при жизни нынешнего правителя они не чувствовали себя в безопасности: секретарь фюрера был могуществен и беспощаден к недругам. Так, для охраны своей резиденции Каринхале, где располагался и штаб люфтваффе, Геринг использовал дивизию десантников, готовых отразить любые акции серого кардинала. Альфред Розенберг поддерживал тесные связи с группой лидеров гитлерюгенда, которые в союзе с Аксманом планировали помешать рейхсляйтеру НСДАП стать преемником Гитлера. Казначей Шварц не сомневался, что Борман одним ударом сметет всю «старую гвардию» в тот самый день, когда придёт к власти.

Другие, подобно Эрнсту Кальтенбруннеру и шефу гестапо Генриху Мюллеру, безоговорочно подчинялись Борману. Третьи — к их числу принадлежали группенфюрер Фегелейн, старший адъютант фюрера генерал Вильгельм Бургдорф и последний начальник штаба вермахта генерал Ганс Кребс — старались поддерживать с ним приятельские отношения, обращались к нему на «ты» и с готовностью принимали его приглашение распить бутылку вина. Наконец, глава организационного отдела партии Роберт Лей, потерпевший поражение в борьбе за [435] власть, молча раскланивался с Борманом во время своих визитов в ставку.

Капитан Герхард Боддт, появившийся в ставке в феврале 1945 года, так описывал человека, порой уже не скрывавшего своей власти над Гитлером: мужчина приблизительно лет сорока пяти, чуть ниже среднего роста, коренастый, с бычьей шеей, почти тяжеловес; круглое лицо с сильными скулами и прямым носом полно энергии и твердости; в темных глазах — коварство и беспощадность.

Верный правилу доводить дело до конца, упорно и терпеливо идти к цели, Борман не собирался сдаваться. Чем дольше продлится война, тем больше будет времени для подготовки собственного спасения, тем больше будет шансов наилучшим образом заложить основы будущего реванша. Естественно, на словах рейхсляйтер по-прежнему отстаивал лозунг «Война до победного конца», который вполне соответствовал главной цели: выиграть время. При этом формула «победы» была так же незатейлива, как и большинство пропагандистских клише: в конце концов, гений фюрера и его непобедимый дух одержат верх и будет сделан тот самый шаг, который повергнет врага в прах. В

этой ситуации назначение рейхсляйтера НСДАП — заставить народ отдать все силы борьбе и оградить фюрера от всего, что могло отвлечь вождя от высоких целей или подорвать его веру в провидение. Попытка покушения доказала: повсюду царила измена. Все старались спасти лишь собственную шкуру, а потому должны были погибнуть, чтобы Германия — естественно, вместе с избранными — смогла выжить. Упорно отвергая очевидную неизбежность катастрофы, рейхсляйтер НСДАП при каждом удобном случае — во всех циркулярах и телеграммах, на всех конференциях и совещаниях, даже в письмах жене — провозглашал, что окончательная победа непременно останется за германским оружием. С каждой неделей [436] враг приближался, времени оставалось все меньше, деятельность Бормана становилась все более лихорадочной, требования ужесточались. Но в письмах Герде ни разу не прозвучала нотка сомнения в возможности спасения.

Чтобы твердо держать бразды правления, приходилось неустанно проводить перетряски и чистки. 16 августа 1944 года Борман приказал своим помощникам Клопферу и Фридриксу составить обширный (и секретный!) список лиц, достойных — в случае отставки нынешних руководителей — назначения на такие ответственные должности, как посты рейхсминистров, государственных секретарей, гауляйтеров, рейхсляйтеров и глав ведомств. Из соображений секретности список существовал в единственном рукописном варианте. В случае увольнений некоторых чиновников Борман предполагал соответствующие управленческие функции передать непосредственно в ведение партийной канцелярии. Например, такой шаг он запланировал в отношении организационного отдела НСДАП на тот случай, если бы удалось полностью устранить с дороги Роберта Лея. Поистине Борман уже видел себя кем-то вроде генерального секретаря партии (наподобие Сталина в КПСС), выше которого пока оставался только витавший в заоблачных высях и утративший реальную власть фюрер.

Непрестанно курсируя между рабочим кабинетом Гитлера и своим письменным столом, Борман восемнадцать часов в сутки отдавал сплочению партии в единый могучий механизм. Его инструкции заставляли прочих лидеров партии трудиться с такой же отдачей. Он насильно превращал своих гауляйтеров в пример для подражания и не терпел тех, кто не выдерживал бешеного ритма.

Борман не обделил вниманием и армию: военным предлагалось следовать пуританским требованиям его трактата «Партия и вермахт на оккупированной территории [437]

Польши». Новые призывы к самоограничению следовали один за другим. В декабре 1944 года появилось его обращение, призывавшее к разведению кур и кроликов. Гауляйтерам поручалось собрать сведения о клетках для кроликов и курятниках, имевшихся у населения. Если количество животных превышало норму, установленную для семьи, лишних следовало реквизировать и пустить на производство мясных продуктов{62}.

Однако самоограничение противоречило образу мышления нацистских бонз. С наступлением последней фазы агонии режима борманский партийный аппарат начал рассыпаться с поразительной быстротой. Чем дальше продвигался противник, тем меньше заботы о простых гражданах выказывали нацистские бонзы, тем откровеннее утоляли они жажду наживы, надеясь каким-то чудом сохранить награбленное и после войны. Примером может служить поступок гауляйтера Дюссельдорфа Фридриха Карла Флориана. В конце 1944 года англичане сбросили многочисленный десант в тылу германских войск на датской территории. Парашютисты на некоторое время захватили город Арнхем, превратив его в арену сражения. Жители в панике бежали, бросив имущество. Когда англичане покинули Арнхем, Борман разрешил немцам из городов Рурской области воспользоваться имуществом, брошенным датскими гражданами. Гауляйтер Дюссельдорфа решил действовать с размахом и отрядил целый караван грузовиков и триста грузчиков. Разграбление Арнхема длилось три месяца!

Гитлер строго выговорил Борману, подчеркнув, что подобные поступки подрывают боевой дух в войсках. [438]

Рейхсляйтер НСДАП немедленно отрапортовал, что уже поручил службе безопасности Дюссельдорфа арестовать всех, кто был причастен к этой «операции».

* * *

В первые часы 1945 года Мартин написал Герде из ставки в Цигенберге, что начался роковой год. Ожидалось, что из-за неумелых действий люфтваффе этот год будет гораздо труднее предыдущего. «Однако мы должны стойко пройти свой путь до конца, — продолжал он, — ибо наша судьба, как и судьба многих других семей, зависит от исхода войны». Всего час назад, встречая Новый год в обществе Гитлера и Евы Браун, Борман держался намного оптимистичнее и с энтузиазмом поддержал заявление фюрера, предсказавшего Германии победу в этой войне.

Через пять дней — в самый разгар зимы — рейхсляйтер НСДАП распорядился немедленно восполнить потери на фронте за счет женских батальонов и фольксштурма. Еще большую озабоченность рейхсляйтера НСДАП вызывали действия партийных лидеров на занятых врагом территориях. К досаде Бормана, соратники по партии не столь точно придерживались его наставлений, как ему хотелось. Рейхсляйтер НСДАП призвал гауляйтеров в трудную для Германии минуту приложить все усилия, чтобы собственным примером показать народу достоинства партии и завоевать его доверие. Он обвинил их в том, что они ценят свою шкуру гораздо выше жизни Гитлера. 23 января Борман приказал местным лидерам НСДАП не эвакуироваться вместе с населением, а вступать в ряды вермахта или фольксштурма. Уже 12 февраля он издал еще более жесткий указ: всем партийным функционерам, покинувшим восточные округа в связи с угрозой захвата их советскими войсками, надлежало в недельный срок предстать перед своими прежними руководителями — [439] в противном случае они будут объявлены дезертирами и подвергнутся высшей мере наказания.

30 января 1945 года, в день двенадцатой — и последней — годовщины «тысячелетнего рейха», Борман с пафосом в голосе заявил, что сейчас, в момент наибольшей опасности, каждый член НСДАП должен являть собой пример стойкости и преданности. Спасение материальных ценностей из районов, над которыми нависла угроза вторжения противника, уже не имело смысла. Задача состояла в организации «физического и духовного сопротивления». Два дня спустя партийные функционеры получили приказ — секретный! — следить за точным исполнением всех распоряжений. Всякого, кто проявил беспечность или халатность, следовало беспощадно наказывать. 23 февраля Борман сформулировал свои требования более конкретно: всякого, кто пренебрег своими обязанностями или использовал служебное положение ради собственной выгоды или выгоды семьи, кто бросил доверенных его руководству товарищей, кто пытался отречься от НСДАП, кто отказался от борьбы и собирался сдаться на милость врага, ждало суровое наказание. Исключение из партии и трибунал были неизбежным следствием таких поступков. Рейхсминистр юстиции Тирак объявил о введении драконовских мер 15 февраля. Борман же подкрепил этот шаг передачей гауляйтерам судебных полномочий. Им поручалось выносить приговоры трибунала в соответствии с его требованиями и вешать тех, кто отказывается воевать.

Одновременно гауляйтеры и рейхсляйтеры получили

приглашения присутствовать 24 февраля на праздновании годовщины основания партии, которое произошло в 1920 году. На сей раз торжественная церемония проходила не в Мюнхене, а в рейхсканцелярии. По предложению Бормана собравшиеся приняли резолюцию о том, что спасения можно добиться только силой. Такая точка зрения не сулила радужных [440] перспектив, но подсознательно многие еще надеялись, что интуиция Гитлера укажет им некий выход.

Столица встретила их пожарами, охватившими город после ночной бомбардировки. Помощники Бормана посоветовали гостям ожидать приглашения в ресторанах — из-за частых налетов они тоже находились в плачевном состоянии — поблизости от комплекса правительственных зданий. Затем при входе в рейхсканцелярию их заставили освободиться от верхней одежды и личного оружия. На некоторое время предоставленные себе, приглашенные могли свободно побеседовать. Гауляйтер Дассау Рудольф Йордан вспоминал: «Звучали резкие слова, фюрера критиковали за то, что он, запершись в бункере, отгородился от всего мира». Выйдя к гостям, Борман коротко изложил программу дня и проинструктировал всех не обращаться к Гитлеру с вопросами ни после его речи, ни во время ленча, поскольку «фюрер занят важнейшими проблемами, от которых его не следует отвлекать».

Собравшихся поразил вид постаревшего, трясущегося лидера. Голос его звучал утомленно, новые лозунги не вдохновляли, хотя он пообещал им целый флот подводных лодок и реактивные ракеты, которые позволят Германии встать с колен и повернуть ход войны вспять. В тот момент все поняли, что он лжет, поскольку хорошо знали положение дел в оборонной промышленности своих округов. В нависшей тишине всеобщей подавленности сидевшие в первых рядах услышали слабое «о Господи», слетевшее с губ Гитлера, когда он уходил из зала. Позднее, во время ленча, когда фюрер заканчивал монолог и приглашенные готовы были, нарушив запрет, засыпать его вопросами и сообщениями, вошел Борман и передал Гитлеру записку — предлог покинуть гостей. Сопровождая фюрера, рейхсляйтер НСДАП у двери обернулся и объявил: «А теперь — до свидания! Следующая встреча состоится через две недели». [441]

Все, кто пытался как-то привлечь внимание фюрера, вызывали у Бормана раздражение — по его утверждению, подобные обращения отвлекали фюрера от дел исключительной важности, но на самом деле рейхсляйтер опасался, что при личной встрече эти люди могут разъяснить Гитлеру, чего именно добивался он сам. Так, попытку Геббельса обсудить с диктатором

положение мирного населения (рейхсминистр пропаганды прислал фотографии, сделанные в разрушенных городах) Борман отклонил под тем предлогом, что «эти картинки произведут слишком удручающее впечатление, а сейчас фюреру необходимо душевное спокойствие». Рапорты гауляйтеров о плачевном состоянии страны перекочевывали со стола Бормана прямо в сейфы архива.

* * *

В начале апреля, всего за несколько недель до окончания войны, ставшего для всех очевидным, Хофман набрался смелости и приехал в Берлин по собственной инициативе — на свой страх и риск. Неизвестно, двигало им чувство дружбы или стремление запечатлеть исторический момент падения третьего рейха. Гитлер проворчал, что гость может заразить и уничтожить весь штаб. Борман немедленно напустился на фотографа: «Кто надоумил тебя явиться сюда? Как ты посмел прийти, не предупредив заранее?» Гитлер же пригласил Хофмана в свои апартаменты, послал за бутылкой шампанского и провел ночь в разговорах с давним приятелем. Он попросил фотографа отвезти Еву Браун в Мюнхен, но Ева отказалась. Когда Хофман прощался с Гитлером, раздался пронзительный вой сирены — воздушная тревога! Гитлер посоветовал переждать налет, но гость поспешил улизнуть, опасаясь немедленной расправы со стороны Бормана. Подхватив свой маленький чемоданчик, он [442] выскочил из бункера рейхсканцелярии и заспешил прочь через лабиринты разрушенного города, улицы которого, казалось, навсегда заволокло дымом. Добежав до здания министерства связи, Хофман сел в автомобиль, в котором его уже ждал генерал связи Вильгельм Онезорге, и они направились в Баварию.

В истории с Брандтом просто победы Борману было мало — он жаждал мести. Во второй половине апреля 1945 года представилась такая возможность. Брандт появился в ставке в сопровождении семьи. Он хотел попрощаться с давними знакомыми и получить разрешение перевезти жену и сына в Айзенах, чтобы они попали в руки американцев, после чего намеревался отправиться на передовую. Естественно, Брандт решил сначала поехать с семьей — лично убедиться, что родные нормально добрались до места назначения. Однако уже в Айзенахе его арестовали как дезертира. В ставку пришел соответствующий запрос. Узнав о случившемся, Гитлер вдруг вспомнил, что в сейфах штабных медиков хранилась

засекреченная информация о новом нервно-паралитическом газе «Табун», и поручил Борману проверить, не похитил ли Брандт эти документы. Если бы подозрения подтвердились, врача следовало казнить как предателя. Секретарь фюрера убедился в сохранности документов, но не стал заступаться за бывшего врача ставки. Он объяснил, что единственный долг верного сторонника фюрера — быть на передовой или рядом с Гитлером; долг перед семьей в расчет не принимается! Брандта содержали в тюрьме гестапо, но и Гиммлер не стал освобождать старого знакомого, надеясь — если будет возможно — в последний момент воспользоваться его международными связями. В итоге Брандт попал в руки союзников, и Нюрнбергский процесс признал его виновным в преступлениях в области медицины.

Реальные шаги к освобождению Брандта предпринимал лишь его верный союзник Шпеер. Именно он [443] добился перевода арестованного в бункер под рейхсканцелярией и устроил последнюю встречу врача с Гитлером. Преследование Брандта было частной задачей Бормана в борьбе против Шпеера, в которой рейхсляйтеру НСДАП так и не удалось одержать полной победы.

В начале февраля 1945 года Гитлер, Борман, Геббельс, Шпеер и Лей проводили частые ночные совещания, стараясь отыскать методы, которые позволили бы остановить продвижение противников в глубь территории третьего рейха. Были составлены планы эвакуации, указаны способы вывоза оборудования и объекты, подлежавшие уничтожению. Шпеер попытался противостоять разрушениям, утверждая, что эта территория будет отдана врагу лишь временно. Борман поначалу поддержал эту позицию, поскольку, как писал он Герде, «трудно поверить, что судьба привела Гитлера и нас к вершине славы лишь для того, чтобы теперь повергнуть в прах».

Здание партийной канцелярии в Берлине находилось в районе, подвергнувшемся значительным разрушениям, вследствие чего оказалось отрезанным от снабжения теплом, водой и электроэнергией. В письмах, написанных после середины февраля, все чаще встречались пессимистические нотки: «Бывают времена, когда надежда оставляет меня, ибо германский солдат уже не воюет так, как мог бы... Мы еще не видели худшего — оно ждет нас впереди».

18 марта 1945 года в ставку приехал Шпеер. Он ничуть не исправил всеобщее подавленное состояние меморандумом о том, что война проиграна и уничтожение библиотек, общественных зданий, транспортных магистралей и промышленных предприятий бессмысленно и даже вредно, поскольку ухудшает

шансы немцев на последующее возрождение нации. [444]

Гитлер не стал читать обращение министра, но, чувствуя, чему оно могло быть посвящено, отнесся к гостю с подчеркнутой холодностью. Борман в те дни уехал в Оберзальцберг, и Шпеер воспользовался его отсутствием, чтобы добиться отмены приказа о разрушении немецких городов хотя бы в западных округах. Однако Гитлер был полон решимости продолжать тактику «выжженной земли» и не собирался менять избранный курс. В соответствующем приказе вермахту он провозгласил также, что, коль лучшие из немцев погибли в боях, об остальных не стоило заботиться.

20 марта в 2 часа ночи Борман вернулся в Берлин и немедленно явился к Гитлеру. Три дня спустя гауляйтеры получили его указание: поскольку вермахт занят осуществлением тактики «выжженной земли», вся полнота власти на местах переходит в руки партийных руководителей. Он распорядился эвакуировать из городов и деревень последних жителей, которым надлежало пешком двигаться в центральные районы страны. Если бы эти не подготовленные заранее действия были выполнены, практически все жители лишились бы своего имущества, здоровья, а многие — жизни. Однако вермахт воспротивился под тем предлогом, что армия не сможет оперативно маневрировать, поскольку все дороги будут запружены беженцами. Такой же позиции придерживался Шпеер, неожиданно нашедший единомышленника в партийной канцелярии в лице Клопфера. То была величайшая измена, ибо помощник Бормана поддержал идею Шпеера.

* * *

Призывая свою жену быть осторожнее и держаться подальше от опасностей, Борман в то же время изыскивал возможности использовать женщин на воинской службе. В сентябре он предложил привлечь около восьмидесяти тысяч женщин для обслуживания прожекторов [445] противовоздушной обороны. 16 ноября Борман написал Геббельсу, что необходимо подготовить немецкий народ к более широкому участию женщин в оборонных мероприятиях и даже к призыву их на действительную службу. К концу ноября женские подразделения заняли рабочие места в системе связи, освободив для передовой более ста пятидесяти тысяч мужчин. Борман назвал службу в системе связи «чисто женским занятием». Политическую, идеологическую и культурную подготовку этих женщин осуществляла организация

«Фрауэншафт», работу которой курировал сам рейхсляйтер НСДАП.

В конце ноября Борман запретил использовать женские подразделения в районах ведения боевых действий. Но уже в начале декабря потребовал, чтобы вермахт направлял на передовую женщин, изъявивших такое желание. 28 февраля 1945 года Гитлер — под давлением Бормана — подписал официальное распоряжение о создании первого женского батальона. При успешном осуществлении плана надлежало сформировать еще несколько подобных подразделений (на самом деле две боевые женские части уже существовали). Борман подчеркивал в своей инструкции: «По мнению фюрера, такой шаг должен вдохновить мужчин». Время шло, положение дел не менялось, а в марте значительная часть территории рейха уже оказалась в руках противника. Борман не забыл о своих воительницах и предписал активно использовать женщин любого возраста при организации партизанского движения «Вервольф». Жены представителей партийной элиты от такой обязанности были освобождены.

Глава партийной канцелярии, окопавшийся в бункере и ни разу не слышавший настоящего залпа орудий, 9 марта 1945 года обнародовал открытое письмо, в котором выразил недоумение в связи с появлением «заблудившихся» солдат. Любой солдат, потерявший [446] связь со своим полком, должен идти на звук боя и присоединиться к любому другому подразделению германских войск. В противном случае военный трибунал будет считать его дезертиром. На следующий день рейхсляйтер НСДАП опубликовал второе открытое письмо, посулив наказание также и тем, кто симулировал ранение.

В конце марта 1945 года Борман одержал еще одну победу над вермахтом: на совещании фюрер распорядился о передаче политической работы в армии в ведение партийной канцелярии, тем самым поставив вооруженные силы в зависимость от НСДАП. Впрочем, Гитлер так и не подписал декрет, но достаточно было и устного приказа.

Важнейшей своей задачей Борман считал сплочение рядов партии и восстановление ее престижа. Несмотря на напряженную работу помощников, рейхсляйтер оставался недоволен — серию инструкций и обращений готовили почти полмесяца. В циркуляре от 6 марта 1945 года он наставлял гауляйтеров: «Следует предпринять все возможные шаги для преодоления кризисной ситуации в прифронтовых округах. Некоторые города и деревни сдаются без сопротивления, хотя многие жители еще способны держать оружие… Зачастую одного энергичного человека достаточно, чтобы круто изменить развитие событий». Однако в

партийном руководстве на местах явно не хватало людей, желавших (и способных) возглавить борьбу. В таких случаях надлежало привлекать деятельных и фанатичных нацистов. В каждой провинции, не захваченной пока врагами, следовало назначить пять уполномоченных лидеров. Причем каждый из них должен был быть одновременно офицером, умелым организатором и убежденным национал-социалистом — с таким «набором» не приходилось рассчитывать на снисхождение противника.

В середине марта этих ультрапатриотов собрали в [447] тренировочном лагере в олимпийской деревне Вустерзаузен под Берлином. Обучали их инструкторы партийной канцелярии. Будучи посредственным оратором, Борман в основном обращался к ним посредством листовок. «Вы наделены всеми необходимыми полномочиями. Опираясь на опыт и непоколебимую волю к победе, вам следует остановить противника; враг должен понести невосполнимые потери. Наша цель — не эвакуация, а организация упорного сопротивления на каждом клочке земли. Каждый город, каждая деревня должны превратиться в неприступную крепость. Необходимо ставить в строй каждого, кто в состоянии держать оружие, и расстреливать всех дезертиров и тех, кто отказывается исполнить свой долг». Эти меры не укрепили оборону, но тысячи немцев погибли от рук этих патриотов-фанатиков.

Идея «Вервольфа» — подпольной партизанской организации — потерпела фиаско. 10 марта 1945 года Борман предписал гауляйтерам приступить к осуществлению специальных операций в тылу врага. Под флагом «Вервольфа» должны были объединиться все добровольцы, готовые взрывать вражеские склады, пускать под откос поезда, разрушать линии связи и электропередачи, готовить тайные взлетно-посадочные полосы для немецкой авиации во вражеском тылу. Геббельс активно поддерживал идею проведения таких операций и развернул широкую кампанию, прославляя «оборотней, наводивших ужас в стане противника». На самом же деле их «операции» оказались абсолютно неэффективны: изгороди из колючей проволоки были сметены танками, а несколько метких выстрелов снайперов привели к тому, что союзники открывали шквальный огонь при малейшем подозрении на засаду «Вервольфа» — не из страха, а с целью беспощадного подавления всякого сопротивления.

Нет необходимости пояснять, что в последние недели войны трудно было найти национал-социалистов, [448] готовых погибать за фюрера, народ и отечество. Даже гауляйтеры не верили в победу, питая лишь призрачные надежды на чудо-оружие, которое со дня на день обещали им комиссары Бормана.

И уж конечно, никто лучше рейхсляйтера НСДАП не знал, что такого оружия не существует.

* * *

Зато существовало рукотворное чудо Бормана — подпольный зародыш «четвертого рейха». Подготовленный к началу сороковых годов южноамериканский плацдарм для завоевания мирового господства{63} предполагалось использовать в качестве безопасного приюта для глав разгромленного фашистского рейха. Наличие немецких общин, многолетнее политическое и экономическое сотрудничество с правителями этих стран, пестрота национального состава населения (в котором преобладали иммигранты), огромная территория континента (было где бесследно исчезнуть) — вот основные факторы, благоприятствовавшие исходу нацистских бонз и преступно нажитых капиталов из Германии в Южную Америку. Часть золота Борман оставил в Европе, чтобы в случае необходимости оно было «под рукой». Последнее посещение альпийских шахт — эти инспекционные поездки стали особенно частыми в первые месяцы 1945 года — отмечено в его дневнике датой 18 марта.

В конце апреля Мартин Борман сделал выбор варианта своего бегства, о чем известил телеграммой своего помощника Хуммеля: [449]

> «22.04.45 Оберзальцберг. Хуммелю.
> С перемещением за океан на юг согласен.
> Рейхсляйтер Борман».

Борману оставалось сделать последний шаг — не только фактически занять трон фюрера «четвертого рейха», но и официально унаследовать его! Что ж, прирожденному психологу, обладавшему огромным опытом манипулирования Гитлером и хорошо изучившего повадки своих конкурентов, решение этой задачи не составило труда. Прежде всего следовало дождаться опрометчивых действий конкурентов — а они не могли не ошибиться в часы агонии третьего рейха.

28 апреля 1945 года в рейхсканцелярию фюрера пришла радиограмма от Германа Геринга:

> «Ввиду Вашего решения остаться в Берлине согласны ли Вы с тем, чтобы я немедленно принял на себя — в качестве Вашего преемника на основе закона от 29 июля 1941 года — общее руководство рейхом с полной

свободой действий внутри страны и за ее пределами? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у Вас свободы действий... и буду действовать во имя блага нашей страны и нашего народа...»

В ночь на 29 апреля рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер бросил своего фюрера и сбежал из Берлина.

Итак, основные конкуренты скомпрометировали себя! Один посмел заявить о своих претензиях на высшую власть, другой предал в трудную минуту! Гитлер был полностью подавлен и сдался чувству обреченности, став податливым мягким воском в руках умелого мастера психологической интриги. В ночь на 29 апреля Борман сообщает фюреру о позорной смерти лидера итальянских фашистов Бенито Муссолини, который вместе со своей любовницей Кларой Петаччи был расстрелян партизанами, а трупы обоих были повешены [450] на столбах вниз головой. Конечно, Гитлер не мог не содрогнуться от страха при мысли о расправе, которая могла быть уготована ему и Еве Браун. К тому времени в рейхсканцелярию уже пришло немало сообщений о самоубийствах видных нацистских сановников. Поэтому нетрудно было предвидеть, какое решение примет Гитлер. Со скорбным видом выслушав заявление фюрера о желании покончить с собой, Борман пообещал последовать за ним и посоветовал оставить наказ потомкам — политическое и личное завещания. Отметив верность Бормана и Геббельса, «решивших добровольно присоединиться ко мне и не пожелавших покидать столицу ни при каких обстоятельствах», Гитлер исключил из партии, разжаловал и снял со всех постов Гиммлера и Геринга.

Фюрер произвел и новые назначения: адмирал Дениц унаследовал пост рейхспрезидента (Борман не считал эту бесцветную и безликую личность сколько-нибудь серьезным противником), а должность рейхсканцлера получил Геббельс (Борман не сомневался, что Геббельс выполнит обещание последовать примеру Гитлера). Более того, в планах спасения не было места ни тому, ни другому. Поэтому Борман полагал, что в крайнем случае с ними расправятся победители, тем самым оставив его самого единственным реальным претендентом на «законное» наследование фюрерского трона в «четвертом рейхе». Опытный интриган и тонкий психолог, он понимал, сколь важное значение приобретет вопрос преемственности высшей власти в недалеком будущем, когда все избранные переведут дух в безопасности далеких убежищ и начнут делить полномочия и спасенные богатства. Ключи от сокровищницы хранились у

Бормана, он оставался главой партии и — после устранения Деница и Геббельса — оказывался в роли наследника трона. [451]

Из небытия

Разбирательство дела Бормана на Нюрнбергском процессе еще продолжалось, а уже поступило заявление его личного шофера Якоба Гласа о том, что он недавно видел бывшего рейхсляйтера на улице Мюнхена. Следующим сообщением подобного рода стало выступление в печати немецкого писателя Генриха Линау, утверждавшего, что случайно столкнулся с Борманом в поезде Гамбург — Фленсбург. Затем сведения подобного рода стали появляться довольно часто — каждый «открывал» своего Бормана. Новые показания и свидетельства то и дело будоражили мировую прессу, вызывая к жизни все новые и новые версии о послевоенной судьбе рейхсляйтера, но со временем забывались.

Впрочем, Борман был не единственной крупной фигурой третьего рейха, канувшей в неизвестность. Бесследно исчезли многие опаснейшие преступники: шеф гестапо Генрих Мюллер, проводивший широкомасштабную программу медицинских экспериментов над заключенными Освенцима врач-изувер Менгеле, возглавлявший отдел гестапо по решению «еврейской проблемы» Эйхман, лионский палач Клаус Альтман-Барбье... В списке разыскиваемых нацистских преступников, составленном союзниками по антигитлеровской коалиции, числилось более ста семидесяти тысяч фамилий. Многие из этих нелюдей так и не были найдены. [452]

Как же исчезла в последние месяцы войны целая армия убийц? Длившиеся много лет исследования привели к несомненному выводу: к масштабным операциям по укрывательству «цвета» нацистской Германии был привлечен ряд могущественных организаций. Первой в этом ряду следует назвать «организацию бывших членов СС» (ОДЕССА). Не подлежит сомнению, что Мартин Борман проявил себя великим мастером невидимой конспиративной борьбы. Много лет он крепко держал в своих руках власть в фашистской Германии, терпеливо играя роль верного слуги. В лице подручных Мюллера и Калътенбруннера Мартин Борман заполучил хорошо подготовленную, отлично вышколенную армию профессиональных конспираторов и детективов, обладавших богатым опытом проведения тайных операций.

Секретные службы третьего рейха наладили широкий спектр каналов вывоза людей и капиталов за рубеж, из которых руководители этих операций могли выбрать средства и методы, наилучшим образом подходившие для тех или иных конкретных

случаев. Эти ведомства располагали мощной технической базой и отменными мастерами сыска и разведки, умевшими не только распутывать чужие следы, но и заметать свои. В 1944 году технические эксперты СС приступили к осуществлению программы массового изготовления высококачественных подделок — фальшивых паспортов разных стран. Во многих странах (прежде всего в Южной Америке) нацисты установили тесные связи с местными властями, и для высокопоставленных особ и наиболее «ценных» специалистов с помощью полицейских служб других государств были подготовлены бланки подлинных документов, в которых, естественно, фигурировали вымышленные имена.

Часть охваченных программой Бормана людей осталась в Европе. Сменив имена и места жительства, [453] они либо «легли на дно» в западных областях самой Германии, либо осели в тихих уголках нейтральных стран. Всех эмигрантов агенты СС прежде всего переправляли в нейтральные страны: по суше — через горные перевалы в Швейцарию, Италию и Испанию; морем — практиковалось как использование гражданских судов, так и высадки с подводных лодок — в страны Скандинавии и Средиземноморского побережья; по воздуху — пока авиация союзников не перекрыла воздушные коридоры. Далее запутать следы было проще. На иностранных кораблях беглецов отправляли в дальние плавания к берегам Южной Америки, иногда — в страны Ближнего Востока или Юга Африки.

Капиталы и людей, которых следовало вывезти с минимальным риском разоблачения, отправляли в Южную Америку или в Японию на подводных лодках. В месте назначения грузы и людей обычно уже ждали и встречали. К концу войны Германия еще обладала мощным подводным флотом, состоявшим приблизительно из двухсот субмарин, в числе которых было около тридцати подводных лодок нового типа. Последние проходили без дозаправки 31 500 миль со скоростью десять узлов в погруженном состоянии и могли принять на борт до 252 тонн груза. Известно, что с 1943 года эти субмарины совершали частые походы в Японию и Южную Америку. Согласно показаниям Отто Вермута, командира подводной лодки U-530, с 1943 года в Аргентину регулярно ходили субмарины с бортовыми номерами U-34, U-239, U-530, U-547, U-957, U-977 и U-1000. В последние месяцы войны в доках Швеции была спущена субмарина под номером U-313. Как выяснилось, она ушла от берегов развалившегося третьего рейха 9 мая 1945 года. Через полтора месяца она вошла в Рио-Негро, где незадолго до окончания войны немецкая колония закупила около ста гектаров земли вдоль

побережья. Очевидно, на [454] этой лодке в Аргентину прибыли высокие чины фашистской Германии, ибо их встречали руководители ОДЕССА — бывший генерал фон Аллен и бывший штурмбаннфюрер СС Швенд (последний стал казначеем нацистской подпольной организации в Южной Америке).

После окончания второй мировой войны у побережья Южной Америки был замечен целый «косяк» субмарин — поодиночке, по две, а то и по три они появлялись близ немецких колоний. В районах всплытия подводных лодок несколько раз находили на берегу предметы аквалангистского снаряжения германского производства.

Важнейшим каналом исхода нацистских преступников из Германии стала католическая церковь. Среди части высшего духовенства антисоветские настроения были настолько сильными, что толкнули многих священников на союз с гитлеровцами, в которых святые отцы увидели союзников в борьбе с коммунистическим атеизмом. Разгромленные, фашисты казались им теперь меньшим злом, чем победители-большевики. Одной из центральных фигур профашистского течения в католицизме являлся епископ Алоис Гудал, еще в 1936 году в одной из своих статей утверждавший: «Против большевизма и коммунизма существует только одно средство — уничтожение». В конце войны он возглавлял институт «души святой Марии», структуру которого использовал для укрывательства нацистов. По сведениям западных исследователей, епископ Гудал выдал фальшивые иностранные паспорта и удостоверения сотням нацистов, в том числе двенадцати крупнейшим военным преступникам — таким, как глава фальсификационного отдела СС Швенд и воздушный ас Рудель.

Весной 1947 года американский дипломат в Риме Винсент ла Виста подготовил секретный доклад (содержание было предано гласности в середине восьмидесятых [455] годов), неопровержимо доказывавший, что Ватикан был крупнейшей организацией, занимавшейся перевозкой за рубеж беглых нацистов. Участвовавшие в таких операциях священники обеспечивали преступников поддельными паспортами, укрывали в монастырях, подготавливали маршруты передвижений. Подобным образом заслуженной кары избежали десятки тысяч гитлеровских палачей. Осуществляли эту работу специально созданные Ватиканом «комитеты». Осведомленность американской стороны удивления не вызывает, поскольку стратегическая разведка Соединенных Штатов УСС (Управление стратегических служб, позднее преобразованное в ЦРУ) создала разветвленную агентурную сеть в Италии, причем особое

внимание уделялось внедрению агентов в структуры католической церкви.

Более того, начиная с 1943 года, когда стал очевиден перелом в ходе войны между фашистской Германией и Советским Союзом, когда советские войска стали неумолимо теснить захватчиков, западные стратегические спецслужбы пересмотрели свои задачи во второй мировой войне. Теперь уже речь шла о послевоенных перспективах, и в высших эшелонах власти западных союзников больше думали о том, чтобы раньше русских добраться до военных технологий и ведущих ученых Германии. Цинизм принципов стратегической разведки состоял в том, что ради обладания секретными данными и использования «опыта» изуверов и убийц она готова была спасти от возмездия преступников, повинных в гибели миллионов людей, не говоря уже о перспективах использования огромных богатств нацистов, разграбивших развитые страны Европы.

Негласное разрешение на фактически свободное вложение этих средств в экономики западных стран означало бы эффективное их использование и приток [456] существенных сумм, необходимых для подъема разоренных войной стран, тогда как жесткая линия в отношении фашистских бонз привела бы к оттоку огромных богатств в государства «третьего мира».

Расчетливый аналитик, опытный финансист и хладнокровный интриган, Борман отлично знал свои козыри в послевоенной игре и, основываясь на этом, планировал возрождение германского нацизма. Напомним его план восстановления послевоенной Германии, составленный еще в 1944 году:

1. Освобождение немецкого народа от оккупации.
2. Возвращение изгнанных.
3. Объединение германского общества по расовому принципу.
4. Избавление от произвола врага.
5. Федеративное объединение Европы.
6. Право на расовую автономию.
7. Единая Европа ради общего блага.
8. Всеевропейский арбитражный суд.
9. Сообщество родственных наций; цель — создание Германской империи.
10. Объединение Германии с Богемией и Моравией.
11. Защита чистоты расовой группы.
12. Экономическое объединение Европы.

Вдобавок ко всему — несомненно, поднаторевший во властных и финансовых играх Борман это отлично понимал! — истинные правители Запада, то есть владельцы крупнейших мировых корпораций, задолго до последних залпов второй

мировой готовы были к сотрудничеству с утратившими военную мощь фашистами в борьбе против проникновения на Запад коммунистических веяний. Конечно, в этом сотрудничестве не оставалось места для наиболее одиозных фигур, но многие из таковых все-таки нашли пристанище в крысиных норах, с поразительной легкостью миновав заслоны западных спецслужб. [457]

Послевоенный «крестовый поход» против коммунизма — вот план Бормана, призванный создать практический механизм для безбедного существования беглых нацистов и объединить их с влиятельными кругами Запада. С его точки зрения, идеальным развитием событий было бы перерастание войны против фашистской Германии в вооруженный конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции. Пусть это не произошло, но достигнутые «успехи» вполне могли его удовлетворить: усилиями ярых антикоммунистов Германии, влиятельных политических и финансово-промышленных кругов Запада и верхушки католического духовенства была поднята мощная волна антисоветизма. Между недавними союзниками вырос непреодолимый «железный занавес». В США призывы граждан и журналистов предать суду обнаруженных в стране фашистских преступников отклоняли с формулировками наподобие: «Обвинения против так называемых бывших нацистов явно инспирированы коммунистами и коммунистической пропагандой». В годы маккартизма власти США не допускали и намека на упомянутую «коммунистическую пропаганду», обвинения в нацизме сразу отклоняли, а всякого, кто посмел выдвинуть подобные обвинения, немедленно объявляли агентом коммунизма.

Поистине поразительны результаты череды громких судебных процессов над военными преступниками, обнаруженными в послевоенные годы. «За давностью лет» убийц раз за разом оправдывали! Причем дело доходило до суда лишь в тех случаях, когда в руки правосудия попадали такие преступные монстры, как хирург-изувер Менгеле или лионский палач Альтман (сменивший фамилию на Барбье). В 1951 году вышел на свободу Альфред Крупп фон Болен-унд-Гальбах, осужденный в Нюрнберге как военный преступник. Отпущены были изобретатель печально известных душегубок [458] Рауфф, палач Латвии и Эстонии фельдмаршал фон Лееб, руководитель тотальных бомбардировок Герники и Варшавы генерал Мильх... Пожалуй, сполна получил только Эйхман. В мае 1961 года его выкрали из Аргентины израильские агенты. Суд состоялся в Иерусалиме, и в 1962 году главный специалист гестапо по решению «еврейской проблемы»

был казнен.

За период до 1980 года в Западной Германии было возбуждено более восьмидесяти восьми тысяч дел в отношении нацистских преступников, из которых более восьмидесяти тысяч были закрыты без вынесения приговора. Вопреки постановлению Нюрнбергского трибунала, здесь вообще ввели особый срок давности, с 1970 года отпустив все грехи убийцам третьего рейха. Запрет на производство Германией вооружений вначале был смягчен, а в 1955 году вовсе отменен. В 1984 году, вопреки решению Потсдамской конференции, был отменен также запрет на производство таких наступательных видов оружия, как бомбардировочная авиация и ракеты дальнего радиуса действия. Подъем военно-промышленных концернов Круппа, «Мессершмитт», «Бельков энтвиклунген КГ» и многих других вновь подтверждает, что установки Бормана относительно послевоенного развития Германии настойчиво претворяются в жизнь. Схема наращивания собственного военного потенциала близка к той, которая была апробирована после первой мировой войны: прежние запреты постепенно и последовательно отменялись, а порой вообще не принимались в расчет.

* * *

Что же известно о судьбе Бормана? Если отвлечься от малоубедительных свидетельств, многие из которых не выдержали критики и были отвергнуты во [459] время пересмотра дела Бормана прокуратурой города Франкфурта-на-Майне (на основе собранных заявлений свидетелей, писем, сообщений в полицию было составлено досье в семь тысяч страниц, в котором отсутствовало главное — документы, неопровержимо доказывавшие, что один из самых зловещих соратников Гитлера действительно жив), можно упомянуть о четырех наиболее сенсационных версиях. Самые слабые из них — «русская» и «английская». С теми или иными вариациями они сводятся к следующему.

После выхода в отставку в 1968 году руководитель западногерманской разведки Гелен (в третьем рейхе возглавлял разведывательный отдел вермахта «Иностранные армии Востока») заявил, что еще в годы войны совместно с Канарисом «вычислил»: Мартин Борман — советский шпион! По версии Гелена, Борман попал в руки красных и был завербован в 1920–1921 годах, когда участвовал в террористических операциях россбаховских фрейкорпов на территории Прибалтики (на самом деле Мартин

стал членом одного из отрядов Россбаха только в 1922 году, когда служил управляющим у барона Трайенфельза). Добившись от Гитлера полной свободы действий, он якобы создал широкую сеть шпионских радиопередатчиков, благодаря чему советское командование своевременно узнавало о всех планах германского командования. Бывший гитлеровский разведчик Гелен обвинил Бормана и в систематическом разрушении фашистской Германии изнутри путем насаждения путаной административной системы, в которой постоянно пересекалась ответственность и сталкивались интересы различных ведомств (принципы такого рода конкуренции между подчиненными были заложены Гитлером в структуру нацистской организации задолго до того, как Борман пробился к вершинам власти). Поездку по украинским селам в период пребывания фюрера в ставке под Винницей (рейхсляйтер [460] отправился в компании нескольких сопровождающих и за эти несколько часов ни разу не уединялся) Гелен счел выездом на встречу с курьером из Москвы. В последние дни войны Борман якобы присоединился к советскому танковому отряду, пробившемуся к рейхсканцелярии и сразу же повернувшему обратно. Он заранее сообщил ничего не подозревавшим Кемпке, Науманну, Аксману и другим «свидетелям» о том, что отправляется исполнять великую миссию возрождения Германии, и проинструктировал их относительно «легенды» своего участия в прорыве в ночь на 2 мая. Далее Гелен заявил, что разведке Западной Германии удалось обнаружить Бормана на секретной и строго охраняемой государственной даче в Советском Союзе, где остаток жизни (до 1956 года) он служил консультантом правительства по германским вопросам.

На поверку оказалось, что версия Гелена построена на будто бы имевшем место личном взаимодействии с Канарисом (который давно уже отошел в мир иной и не в состоянии ничего подтвердить или опровергнуть) и докладах двух агентов (имена которых до сей поры не названы). Эта версия не вызвала доверия в кругах исследователей истории второй мировой войны, но произвела заметный пропагандистский эффект: разведчик-профессионал продолжил исполнять свой долг на благо «Великой Германии»! Действительно, к тому времени он уже вышел в отставку и — как частное лицо — не был официально связан с правительством, а потому не мог нанести ему политического ущерба пропагандистскими заявлениями.

«Английская» версия утверждает, что Борман являлся британским агентом, выскользнул из Берлина 2 мая и добрался до города Плена, где открылся британскому резиденту. Сотрудники Интеллидженс сервис доставили своего суперагента в

Лондон, после чего надежно упрятали. Впоследствии он якобы работал [461] при английском правительстве в качестве советника по германским делам.

Другой вариант «английской» версии выдержан в стиле боевика: получив в конце войны согласие рейхсляйтера НСДАП на сотрудничество, британская разведка выкрала его в ночь на 2 мая 1945 года и вывезла по водным артериям страны. В том прорыве участвовал его двойник — доброволец самоубийца, предварительно прошедший через несколько стоматологических и хирургических операций, чтобы труп создавал полную видимость гибели Бормана.

«Русская» и «английская» версии рассыпались уже на стадии предварительного изучения и канули в небытие как несерьезные и вздорные пропагандистские трюки.

Прежде чем перейти к более правдоподобным версиям, вернемся к тем сведениям, которые получили огласку в те времена, когда стало ясно, что в западных странах фашистским преступникам фактически было даровано прощение. Сначала — о роли разведслужб США. В семидесятые — восьмидесятые годы, когда отпала необходимость тщательно скрываться, на поверхности стали появляться изрядно постаревшие убийцы давно канувшего в Лету третьего рейха. Так, в 1984 году был опознан вернувшийся из США в Европу Артур Рудольф — руководитель производства реактивных самолетов-снарядов «Фау-2», ставший конструктором американских ракет. Летом 1945 года его вместе с фон Брауном и другими ракетчиками переправили из Баварии в Новый Свет (с 1945 по 1955 год США вывезли около восьмисот нацистских специалистов и почти две тысячи членов их семей).

Многих бывших служак германской разведки и СС американцы использовали по прежнему профилю, позволив восстановить законсервированные агентурные сети в странах Европы и в Советском Союзе. Кроме взаимодействия с ранее упомянутым [462] Геленом, ЦРУ привлекло к себе на службу бывшего штурмбаннфюрера СС Вильгельма Хеттля, печально известного в Бельгии расправами над подпольщиками движения Сопротивления бывшего штурмбаннфюрера СС Роберта Вербелена (американская сторона знала о жестоких пытках, которым он подвергал офицеров ВВС США перед отправкой их в Бухенвальд), начальника гестапо в Киле бывшего штурмбаннфюрера Фрица Шмидта, бывшего начальника V управления в Главном управлении имперской безопасности оберфюрера СС Фридриха Панцигера и многих других, — одно перечисление высокопоставленных чинов СС и прочих фашистских спецслужб,

привлеченных американцами к работе по их прежнему профилю, заняло бы слишком много места. Этому вопросу посвящено большое количество исследований, подробных и убедительных работ.

* * *

Еще одна существенная деталь — свидетельские показания людей, которые достаточно хорошо знали Мартина Бормана и не ошиблись бы при личной встрече. Дело в том, что заявления людей, знакомых с человеком только по фотографиям, вряд ли стоит воспринимать всерьез: Борман обладал заурядной внешностью. В час пик на центральных улицах крупного германского города можно в течение часа встретить десяток Борманов. Человек, хорошо знающий другого, узнает того и после незначительной пластической операции — не только по внешности, но и по голосу, манере говорить, жестам, походке и т. д.

Это важно еще и потому, что в последние месяцы войны гитлеровцы подготовили широкомасштабную фальсификационную программу. Вот лишь некоторые детали этой операции: несколько экземпляров [463] подделок дневников фюрера, подделки записных книжек Бормана (во время процесса в Нюрнберге выяснилось, что найдено несколько таких «документов», в которых одним и тем же датам соответствовали разные события; фальшивки призваны были «подтвердить» личность человека, на трупе которого их обнаружили), двойники фюрера (в бункере рейхсканцелярии были обнаружены трупы «эрзац-Гитлеров»). Если, согласно одной из «английских» версий, англичане подготовили двойника рейхсляйтера, то сам Борман — при размахе его деятельности и с помощью хирургов, поднаторевших в бесчеловечных опытах над заключенными концлагерей, — мог без труда наплодить достаточное количество своих «копий» и расклеить их по всей Европе.

Теперь — о свидетельских показаниях, которые выглядят достаточно правдоподобными (ввиду только что упомянутых причин мы не будем принимать во внимание утверждения людей, не знавших рейхсляйтера НСДАП лично). Некоторые из этих заявлений были сделаны во время расследования дела о бегстве Бормана, возбужденного прокуратурой Франкфурта-на-Майне. По итогам разбирательства в 1961 году прокурор земли Гессен Фриц Бауэр заявил, что Мартин Борман жив, но определить место его пребывания не представляется возможным.

В феврале 1961 года старший сын бывшего рейхсляйтера НСДАП Хорст-Адольф Борман на допросе сообщил, что неоднократно беседовал с отцом в Латинской Америке.

Выкраденный израильскими спецслужбами из Аргентины и доставленный в Иерусалим Эйхман перед лицом неминуемой смерти заявил, что бывший «наци номер два» жив. По его словам, Борман использовал тот же маршрут, которым уходил и сам Эйхман: через горные перевалы в Австрию и Италию, затем на корабле в Испанию, откуда на субмарине в [464] Южную Америку. Кроме того, среди обширной корреспонденции, полученной Эйхманом во время процесса, была обнаружена открытка, содержание которой состояло из двух слов: «Мужайся. Мартин». Главный обвинитель на суде заявил, что тщательная графологическая экспертиза установила: послание написано рукой Бормана.

Мать Герды Борман, Хильдегард Бух, сообщила, что ее муж (к тому времени умерший) в 1949 году получил абсолютно достоверные сведения о том, что Мартин Борман в тот момент был жив. Кроме того, впоследствии пришло письмо, в котором ей угрожали расправой, если она решится давать показания о своем зяте.

В 1963 году пресс-атташе посольства Испании в Лондоне Альтасар де Веласко, знакомый с Борманом по прежним временам, заявил, что видел Бормана в Мадриде в мае 1945 года. Впоследствии бывший рейхсляйтер сел на подводную лодку и отправился в Аргентину. Спустя много лет де Веласко встретился с Борманом в Эквадоре — тот сильно изменился после серии пластических операций, постарел и облысел.

В конце 1963 года Вернер Науманн, участвовавший в прорыве 2 мая 1945 года, вдруг «вспомнил», что видел Бормана живым возле Лертерского вокзала. Это противоречит его показаниям на Нюрнбергском процессе: тогда он заявил, что Борман погиб во время взрыва танка, то есть раньше, чем группа добралась до вокзала.

Арестованный в 1965 году бывший штурмбаннфюрер СС Зонненберг (скрывался в Аргентине под именем Карлоса Родригеса) показал, что после похищения Эйхмана бывшие нацисты создали в странах Латинской Америки «организацию самозащиты». Зонненберг утверждал, что среди руководителей он видел Бормана, проживавшего в то время в Бразилии. [465]

* * *

В декабре 1972 года грянула сенсация. В Западном Берлине при рытье траншеи между Лертерским вокзалом и Инвалиденштрассе были обнаружены останки двух людей. Случай отнюдь не редкий. Обычно о находке рабочие сообщали начальникам строительной организации, а те извещали полицию, под руководством которой после составления протокола производились работы по извлечению и перезахоронению останков.

На сей раз с полицейской группой прибыл представитель политической полиции. Трупы сфотографировали и обследовали, после чего увезли, уже на месте обнаружения, прикрепив таблички «Предположительно Л. Штумпфеггер» и «Предположительно М. Борман». Такое развитие событий странно и необычно, ведь здесь и прежде находили много останков: известно, что именно в этом районе в последние месяцы войны гитлеровцы зачастую расстреливали дезертиров и иностранных рабочих, не говоря уже о жертвах бомбежек и артобстрелов. Во время патологоанатомического обследования выяснилось, что на зубах обоих трупов имеются осколки стекла, аналогичного стеклу медицинских ампул.

Что показала идентификация? На трупе Штумпфеггера были обнаружены документы, подтверждавшие личность убитого. Кроме того, сохранились его медицинская и стоматологическая карты, по которым патологоанатомы уверенно определили, что перед ними — труп личного врача Гитлера.

Со скелетом — предположительно — Бормана дело обстояло сложнее. С одной стороны, были совпадающие приметы: тот же рост, деформация надбровной дуги, зубной техник Эхтман опознал изготовленный им зубной мост. Но... точных описаний следователи не имели, поскольку Борман уничтожил [466] все свои медицинские документы. К тому же, согласно показаниям профессора Блашке, зубного врача Бормана, мост стоял на верхней челюсти, тогда как у скелета мост оказался на нижней. Уточнить эту деталь не представлялось возможным — Блашке умер в 1957 году. Впрочем, Эхтман утверждал, что хорошо помнит: он готовил мост на нижнюю челюсть.

К тому же место обнаружения трупов совпадает лишь с показаниями Аксмана. По его словам, от взрыва танка рейхсляйтер не пострадал и вместе с остальными добрался до бомбоубежища Лертерского вокзала. Там все переоделись в гражданское. На Инвалиденштрассе группу остановил советский патруль, но принял их за дезертиров фольксштурма. Русские солдаты были настроены дружелюбно и не собирались их арестовывать; состоялось даже угощение сигаретами. По

непонятным причинам Борман (всегда являвший собой пример хладнокровия и расчетливости, обладавший огромной выдержкой и терпением, не говоря уже о природном таланте психолога) и Штумпфеггер вдруг отделились от остальных и двинулись по Инвалиденштрассе, не обращая внимания на окрики советских солдат. Из руин застучали очереди, скосившие обоих. По логике расследования получалось, что, получив ранения, оба раскусили ампулы с ядом.

Однако слишком большое количество противоречий и подозрительных совпадений привело к тому, что «в эту версию поверили только стоматологи». Во-первых, сомнения посеяли странное поведение полиции и не свойственная ей поспешность в выводах, проявленная в первые часы в столь ответственном случае. Последующее же расследование отличалось столь же удивительной медлительностью. Во-вторых, показания свидетелей и прежде заставляли усомниться в участии Бормана в прорыве или заподозрить наличие двойников. Те, кто в ту ночь видел Бормана выходившим [467] из рейхсканцелярии, разошлись во мнениях при описании одежды: говорили то об эсэсовской форме без знаков различия, то о полевой форме со знаками различия обергруппенфюрера СС, то о партийной коричневой фуражке, то о стальном шлеме... В-третьих, достаточно высокое «качество» подготовки двойников для ставшего ненужным Гитлера позволяет предположить, что для себя Борман наверняка постарался получше.

* * *

Обратимся к наиболее вероятной версии, вырисовывающейся на основе ряда исследований. Большая часть этих данных была обнаружена Ладиславом Фараго и Полом Мэннингом. Первый представил результаты своих предварительных изысканий редакции иллюстрированной газеты «Дейли экспресс» и получил финансирование для продолжения исследований в Южной Америке. Второму также удалось разыскать подручных Бормана, не только знавших его в годы третьего рейха, но и работавших с ним после войны.

...План побега и уловки для сокрытия следов были заранее продуманы и подготовлены совместно с Генрихом Мюллером. 30 апреля 1945 года после сожжения трупов Гитлера и Евы Браун Мартин Борман вызвал личного водителя фюрера Кемпке и поручил ему в ночь на 1 мая произвести осмотр района Лертерского вокзала (это направление было предусмотрено

планом операции) с целью последующей попытки побега.

Следующей фигурой, задействованной «втемную», стал личный врач Гитлера Штумпфеггер. Ему поручалась особая миссия. Группа прорыва покидала [468] рейхсканцелярию в нацистской форме, чтобы уменьшить вероятность получить пулю от своих. На Лертерском вокзале, где всем следовало переодеться в гражданское, доктор вместе с Борманом должны были отделиться от остальных. В этот момент рейхсляйтера подменял двойник (доставленный на вокзал людьми Мюллера), который вместе с Штумпфеггером присоединялся к группе прорыва у выхода из здания вокзала. Доктор должен был идти между двойником и остальными, дабы пресечь возможность расспросов или разговоров с двойником. На Инвалиденштрассе их поджидал переодетый в советскую форму «патруль» из подобранных Мюллером власовцев. Во время разговора с патрулем Штумпфеггер и лже-Борман бросались наутек и скрывались среди руин, где их встречали другие подручные Мюллера и по подготовленному маршруту выводили из Берлина. Цель: для всех участников прорыва Мартин Борман бесследно исчез, сбежав от русского патруля. Эти показания поведут следователей врага по ложному следу.

Выслушав доклад Кемпке и убедившись, что группа беглецов (а значит, будущих свидетелей) достаточно многочисленна, Борман еще раз обдумал приготовления и счел их безукоризненными. Двойник соответствовал описаниям медицинской карты, включая такие особенности, как вмятина на надбровной дуге и сросшаяся после перелома ключица. Что ж, двойников готовили почти год, этот экземпляр — лучший. Для перестраховки оставили еще одного, а остальных устранили еще в феврале. Стоматологическая карта уничтожена. Ее пришлось ликвидировать, поскольку у основного двойника не хватало зуба на нижней челюсти, а не на верхней, мост же можно было ставить только один. Одновременно избавились от необходимости (сложная задача!) формировать тот же прикус — наиболее убедительный элемент стоматологической экспертизы (уж Мюллер-то в этих делах [469] был дока). По прошествии лет это несоответствие можно будет списать на забывчивость врачей, если они останутся живы и будут давать показания. Для дезинформации противника в бункере рейхсканцелярии оставили трупы двух лжефюреров: пока внимание победителей будет приковано к поиску истинных останков Гитлера, Борман получит дополнительно несколько относительно спокойных часов для собственного спасения.

План Бормана — Мюллера был выполнен точно: на

Лертерском вокзале произошла смена Бормана на двойника, а на Инвалиденштрассе их встретил переодетый патруль. Только на самом деле в задачу патруля входило устранение Штумпфеггера и двойника в момент побега. Впрочем, одновременно раздались выстрелы и из разрушенного здания: для перестраховки в руинах засели два эсэсовца, которым поручалось завершить операцию по устранению свидетелей. Когда лжепатруль и группа беглецов покинули Инвалиденштрассе, эти двое раздели двойника, раздавили во рту каждого трупа ампулу с ядом и бросили невдалеке от тел подделку — записную книжку Бормана. Далее им оставалось в условленном месте устранить власовцев из лжепатруля...

Сам же рейхсляйтер покинул Лертерский вокзал в компании проводников Мюллера и беспрепятственно добрался до дома № 117 по улице Курфюрстендамм, в подвале которого прежде находилась телеграфная гестапо. В 1945 году часть помещения выгородили под общее бомбоубежище. Здесь Борман, Мюллер и помощник последнего Шольц поджидали новых проводников. Посланцы Алоиса Гудала не заставили себя долго ждать. Беглецов разделили — каждому был уготован свой маршрут.

Сначала Борман отправился на север Германии к адмиралу Деницу. Им удалось встретиться. Сообщив адмиралу в общих чертах суть поставленных целей и [470] сделанных приготовлений, рейхсляйтер убедил Деница бороться до конца и не спасаться бегством: пленение официального главы третьего рейха, назначенного самим фюрером, автоматически ослабит пресс спецслужб противника и облегчит подпольщикам борьбу за возрождение Германии. Получив согласие Деница, Борман пересек границу с Данией и несколько дней скрывался в эсэсовском госпитале, где, как стало впоследствии известно, прятались многие видные нацисты.

Далее путь Бормана лежал через Берхтесгаден. Верный обыкновению все доводить до конца, десять дней он провел в городе, скрываясь на квартире одного из своих бывших служащих и собирая отчеты наблюдателей, следивших за деятельностью противника поблизости от шахт, в которых была захоронена часть нацистского золота. Здесь его навестила Герда. Мартин наказал жене отправиться вместе с детьми в горы — люди Алоиса Гудала подготовили ей место начальницы одного из детских приютов, открытых под патронажем католической церкви.

Однако вскоре после окончания войны американцы нашли семью бывшего рейхсляйтера НСДАП: в местечке Грендерталь на австро-итальянской границе была обнаружена небольшая вилла, где размещался детский приют, которым руководила фрау

Борман. Естественно, Герда заявила, что ничего не знает о судьбе своего мужа.

На самом же деле здесь проходил один из маршрутов епископа Гудала: в горах недалеко от виллы находилось тайное убежище, которое использовалось для временного пребывания беглецов эсэсовцев. Этим путем ушли в Италию Эйхман и Борман. Впрочем, у последнего еще хватало дел в Европе: следовало поторопиться с перемещением сокровищ из альпийских шахт. Признаки недавних строительных работ были достаточно заметны, ибо в спешке последних недель [471] войны не хватило времени замести все следы этих захоронений{64}. После короткого визита в Южную Америку летом 1945 года Борман возвращается в Европу, проделав оба вояжа на подводной лодке.

Два года Борман занимался «отмыванием» европейской части сокровищ и закладывал фундамент послевоенной Европы (точнее — фундамент нацизма в послевоенной Европе) в соответствии со своими планами. Большую часть времени он скрывался в лабиринтах монастырских погребов. Его связными и посредниками в налаживании связей со спецслужбами США служили избранные руководители католической церкви, в лоне которой все разведки постарались свить свои гнезда. Американская сторона выглядела наиболее привлекательным партнером, во-первых, потому, что третий рейх не осуществлял на территории США агрессивных военных действий и там объективно не существовало такого непримиримого отношения к нацистам, какое возникло в европейских странах, на себе испытавших «прелести» фашизма. Поэтому американцы могли быстрее пойти на полномасштабный сговор. Во-вторых, экономика этого государства не пострадала в последней войне и могла дать наибольшую отдачу от вложения в нее капиталов. Поэтому союз с американцами сулил быстрое и эффективное «отмывание» денег в ближайшие несколько лет. К моменту государственной реабилитации Германии Борман уже обладал бы всем спектром мощных финансовых рычагов. Упор на сотрудничество с американскими спецслужбами позволял также укрепить контакты с ведущими промышленно-финансовыми корпорациями США, способными уже [472] в ближайшем будущем — при условии достижения соответствующих договоренностей — активно и легально поддерживать в Европе линию Бормана.

Тем временем в Южной Америке подручные бывшего рейхсляйтера прибирали к рукам целые государства. Опираясь на поддержку вышколенных нацистами армий и отряды самих эсэсовцев, к власти пришли кровавые диктаторы, под крылом

которых «бывшие» подняли голову и уже не скрывались. Все это происходило с ведома ЦРУ, имевшего в Латинской Америке мощную разведывательную сеть. Мировую прессу заполонили сообщения о многих гитлеровских приспешниках, заслуживших в Европе дурную славу убийц и приговоренных к высшей мере наказания, но процветавших теперь в странах Латинской Америки. Истинным «эльдорадо» стал для них Парагвай, где открыто функционировало около ста крупных фирм с немецким капиталом. Нацисты прибрали к рукам экспортные операции, сельскохозяйственные комплексы и банки, а также по поручению правителей курировали некоторые сделки с другими странами на государственном уровне. Диктатор Альфредо Стресснер заявил, что они — «элита парагвайской нации», и признал, что многие из них очутились в Парагвае лишь после войны.

Однако истинные главари привычнее и спокойнее чувствовали себя в тени. Они старательно подчищали свои следы как в прошлом, так и в настоящем. Несомненно, в свое время именно по инициативе Бормана была осуществлена операция «Зеленый склеп» — попытка обелить образ Гитлера. Кроме выпуска множества профашистских брошюрок, излагавших вымышленные подробности из личной жизни фюрера, был организован показ выдержанных в мечтательном, идиллическом стиле рисунков, якобы выполненных его рукой. Естественно, в исполнении подобных операций первую скрипку играл Мюллер — у Бормана [473] хватало задач политического и экономического характера. Рука «опытного мастера» проявилась и в истории с Ладиславом Фараго. Исследователь выяснил, что Борман поддерживал личное знакомство с президентом Аргентины Пероном. В 1948 году бывший рейхсляйтер получил в Ватикане паспорт на имя Элизера Гольдштейна и отправился в Южную Америку на итальянском пассажирском корабле «Джованни К». В порту Буэнос-Айреса его встретил тогдашний министр обороны Аргентины и лично отвез в подготовленные апартаменты — в дом № 130 по улице Калле Сайта в Сан-Мартино. Получив разрешение на постоянное жительство, Борман-Гольдштейн мог свободно передвигаться по стране. Бывший рейхсляйтер объединил вокруг себя нацистов, к 1952 году создавших мощную нацистскую организацию «Паук». После свержения режима Перона в 1955 году Борман перебрался в Чили — именно к этому периоду относятся и показания свидетелей, якобы видевших его на Тихоокеанском побережье Южной Америки и у западных отрогов Анд.

Очевидно, на каком-то этапе исследователь нащупал истинный след Бормана, коли «бывшим» пришлось разыграть

тонкую многоходовую комбинацию. Как показали последующие проверки, с какого-то времени ему намеренно подсунули фальшивки и убедили, что в архивах полиции хранятся подлинные документы о Бормане. Фараго заявил о сенсационной находке: в архивах аргентинской полиции хранятся документы о сделке между Борманом и президентом Аргентины Пероном. Последний якобы обещал предоставить Борману убежище в Аргентине в обмен на кругленькую сумму. Проверка показала, что эти бумаги не стоили и ломаного гроша (возможно, в свое время Фараго показали подлинные документы, впоследствии изъятые из архива). Специалисты Мюллера добились цели: репутация исследователя [474] была окончательно подорвана, а его версия — дискредитирована.

Нечто подобное случилось и с работой Мэннинга. Многие издания предварительно запросили право издать его книгу, обещая высокие гонорары. Однажды, когда уже был собран большой материал, исследователю показалось, что кто-то рылся в его рукописи. Вскоре издательства стали дружно отказываться от соглашений. Периодическая печать тоже ни словом не обмолвилась о его труде. Исследователь получил информацию о том, что Борман ознакомился с содержанием рукописи — по-видимому, ему передали фотокопию — и, признав работу отличной, приказал принять контрмеры.

Только живые преступники заинтересованы в сохранении своего инкогнито. Однако дуэт Борман — Мюллер явно «засветился» усердными стараниями уйти от преследователей. Генрих Мюллер даже организовал собственное захоронение! Причем «легенда» о кончине шефа гестапо была подготовлена безукоризненно. Единственный промах: следователи быстро добились разрешения на эксгумацию... Могила оказалась пуста! Впрочем, не исключено, что этот трюк был всего лишь издевкой маэстро над бесплодными попытками дилетантов.

А чего стоит официальное признание правительством ФРГ в 1984 году «общества взаимопомощи бывших солдат войск СС» (ХИАГ)? Напоминает «кассу взаимопомощи» НСДАП, не правда ли? В различных землях Западной Германии нацистские организации получали статус «общественно полезных». Полное торжество Бормана, выполнившего пункт своего плана «Возвращение изгнанных»! Если вспомнить остальные одиннадцать, нетрудно заметить, сколь упорно и целенаправленно некие силы добиваются их выполнения. Очевидно, со временем те или иные тенденции в мировом развитии приводили к внесению [475] поправок к первоначальному плану, но главная линия все та же — великая

Германия и всемирное господство нацизма.

Во время суда над военными преступниками в Нюрнберге представитель обвинения с американской стороны Ламберт заявил: «Всем известно, что Гитлер был сатаной. Без помощи людей, подобных Борману, он никогда не обрел бы полную власть». Борман, всю жизнь отдавший созданию заговора против мира, «стал архангелом зла на службе у Люцифера-Гитлера».

В 1945 году гений преисподней растворился во тьме майской ночи, чтобы под покровом небытия возобновить свой дьявольский промысел, окутав мир коричневой пеленой. До сей поры неизвестно, сколь велика невидимая подводная часть коричневого айсберга, где сейчас архангел ада и что готовят миру его потомки со своими подручными.

Примечания

{1} Юнкер — крупный землевладелец.

{2} Антисемитизм бурно расцвел в те годы на почве получивших широкое распространение идей неотевтонства и арийских теорий. С 1900 года свастика являлась символом «Ордена новых тамплиеров», основанного монахом Ланцем фон Либенфальзом.

{3} «Добровольческие корпуса» (Freikorps) были созданы в 1918 году для расправы с растущим революционно-демократическим движением. В январе 1919 года эти вооруженные формирования совершили бросок на Берлин и свергли социалистическую республику (установленную после Ноябрьской революции 1918 года). В итоге 6 февраля образовалась так называемая Веймарская республика (о ее создании объявило Национальное учредительное собрание, открывшееся в городе Веймаре), что привело к новой волне революционных выступлений. Основу фрейкорпов составляли бывшие офицеры и унтер-офицеры кайзеровской армии, которых генералитет в лице Людендорфа и Гинденбурга объединил в нелегальные полувоенные отряды. В дальнейшем ряды этих формирований пополнялись за счет радикальных реакционеров из числа безработных, а также добровольцев, которым не нашлось места в рейхсвере (то есть в регулярной армии), поскольку в соответствии с Версальским договором (28 июня 1919 года) численность германской армии не должна была превышать ста тысяч человек.

{4} Импотенты.

{5} О его мстительности ходили легенды. Говорили, что, обладая феноменальной памятью, он никогда не забывал обид, умел терпеливо ждать удобного момента, а тогда уж действовал расчетливо и жестоко.

{6} Производное слово от старогерманского «Vehmgericht», означавшего форму тайного трибунала, получившего особенно широкое распространение в Вестфалии с конца XII до середины XVI века. Со временем этот термин превратился в «Feme» — «наказание», «кара».

{7} Под давлением националистов правительство прекратило репарационные выплаты, обусловленные Версальским договором. В ответ Франция и Бельгия оккупировали Рурскую область.

{8} «Стальная каска».

{9} Борман, облаченный уже в форму рейхсляйтера,

приезжал в Герцберг в блестящем черном «мерседесе». Впоследствии Эренгард фон Трайенфельз не припомнила этого случая, как и факта получения писем от бывшего управляющего, хотя достоверно известно, что они долгие годы поддерживали переписку. В конце 1944 года в очередном письме она «излила боль души» (так охарактеризовал это письмо Борман в разговоре с женой): власти стали принудительно посылать на фронт юношей из знатных семей. А в конце февраля 1945 года, когда Борман обосновался в бункере под рейхсканцелярией, она прислала ему записку с известием о том, что на фронте погиб третий из четырех ее сыновей.

{10} Годы спустя бывший министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп с усмешкой описывал, как на одном из этих курортов увидел в роли дирижера отца ненавидимого всеми рейхсляйтера. Но это всего лишь выдумка, ибо Теодор Борман оставил музыкальную стезю и переквалифицировался в почтового служащего, когда Иоахим Риббентроп — частицу «фон» он купил позднее — был еще ребенком.

{11} Десятый класс.

{12} Frontbann — вооруженные формирования, под видом которых Рем (пока Гитлер находился в тюрьме) сохранил часть отрядов. Он попытался использовать их в качестве козыря в борьбе за влияние в Партии, но в том не преуспел и вынужден был уйти в отставку.

{13} В соответствии с новой схемой каждый отряд по численности равнялся батальону; таким образом, звание штурмбаннфюрера соответствовало званию армейского майора.

{14} Двадцать лет спустя Заукель, в годы второй мировой войны отвечавший за доставку в Германию «рабочей силы» из оккупированных стран, окончил свой жизненный путь на виселице Нюрнберга.

{15} Впоследствии принц вспоминал: «По выражению лица Бормана я понял, что он никогда не простит мне этого». Но Борман обиделся прежде всего на Геббельса и при каждом удобном случае мстил за унижения, которым подвергался на начальном этапе своей карьеры.

{16} После войны пронацистские силы организовали в Западной Германии выставку рисунков Гитлера. Ханфштангль, сдружившийся с фюрером еще в начале двадцатых годов, заявил, что выставленные работы, посвященные идиллическим сюжетам, не соответствуют стилю Гитлера, и утверждал, что тоже видел «творения» фюрера, натурщицей для которых была Гели Раубаль.

{17} Актриса Рене Мюллер так описала любовное свидание с Гитлером в разговоре с кинорежиссером Цейтцлером (тот дал

соответствующие показания агенту американской разведки в 1941 году в Голливуде): «По приглашению Гитлера я провела с ним вечер в здании канцелярии; встреча закончилась в постели. Мы разделись, после чего он вдруг свалился на пол и стал ругать себя. Он просил меня наказать его, ударить. Адольф производил так много шума, что я действительно набросилась на него и ударила, надеясь, что он утихомирится. Чем больше я его била, тем больше он возбуждался».

Отметим, что вскоре после того разговора Рене Мюллер совершила самоубийство, а Цейтцлер улетел за океан.

{18} Несмотря на все усилия, Борману не удавалось заполучить в союзники телохранителей фюрера. Последние чувствовали свою абсолютную независимость и подчинялись только Гитлеру.

{19} Рем три года провел в Боливии в качестве военного советника, обучая местных офицеров порядкам и традициям германской армии. В те годы страны Южной Америки были буквально наводнены специалистами вермахта, что отражало заинтересованность в источниках дешевого сырья — такого, как боливийское олово или чилийская медь.

{20} Через двадцать пять лет после войны Ханфштангль заявил: «Я всегда считал Бормана исполнительным, добросовестным человеком, хорошо знавшим свое дело. У него не было ничего общего с политикой. Когда он наладил дела в «Фонде пособий», я подумал: наконец-то кто-то всерьез и с умом занялся деньгами. Из этого источника очень многие наполняли свои карманы, в том числе Геринг и Геббельс».

{21} В конце концов Гитлер отомстил Майру за долгие годы страха: последний умер в концлагере Бухенвальд, промучившись там до 1945 года.

{22} То есть «координация». Подразумевалось, что на первом этапе «революции» следовало поставить под контроль нацистов все аспекты политической, экономической и социальной жизни немецкого народа.

{23} Изучив материалы Нюрнбергского процесса, специалисты установили, что за двенадцать лет диктаторского правления Гитлер получил в личное распоряжение 305 миллионов рейхсмарок. Вдобавок к этому на удовлетворение личных нужд, пожеланий и амбициозных проектов фюрера были потрачены многие миллионы из средств партии и государства.

{24} Согласно оценкам спецслужб США, до начала второй мировой войны ФАГ разместил в странах Латинской Америки капиталов более чем на сто миллионов американских долларов.

{25} Позже, открещиваясь от нацистов, Гейм утверждал, что

в бюро Гесса он лишь оказывал гражданам помощь полезными советами. Вспоминая службу у Бормана, он заявил: «Работа оказалась отнюдь не перспективной и совершенно не была связана с политикой».

{26} Мучения старого президента закончились подозрительно быстро — почти сразу вслед за возвращением врача из Бейройта. Вряд ли фюрер сам пошел бы на риск, но преступление мог спланировать его верный паладин и закулисных дел мастер Мартин Борман.

{27} Sicherheitsdienst — служба безопасности.

{28} В своих мемуарах Альберт Шпеер — настоящий архитектор-профессионал — привел внушительный список допущенных ошибок, за которые, по его словам, любого студента исключили бы из института.

{29} В ту пору христиане называли нацистов «новыми язычниками» за готовность многих из них поклоняться своему фюреру, как божеству.

{30} Это случилось в 1943 году — почти пять лет понадобилось упорному и злопамятному рейхсляйтеру НСДАП, чтобы отомстить за надменную усмешку, заигравшую на лице министра при виде склоки Бормана и Лея на съезде в 1938 году.

{31} Несколько лет министерство внутренних дел, в ведении которого находилась эта проблема, медлило с принятием окончательного решения, но в 1941 году утвердило предложение Бормана (с той лишь разницей, что обязательным дополнительным женским именем стало имя Сара, а мужским — Израэль).

{32} Нельзя исключать и возможное участие Бормана не только в общем руководстве, но и в непосредственной подготовке этих преступлений: его талант организатора дел подобного рода проявился еще в Пархиме.

{33} Во время Нюрнбергского процесса Франц фон Папен высказал мнение, что «Гитлер стремился поддерживать мирные отношения с религией, но радикальные элементы в партии — Борман и Геббельс — вновь и вновь уговаривали его предпринять шаги, направленные против церкви».

С другой стороны, служивший в министерстве пропаганды Вернер Стефан утверждал, что Геббельс якобы противостоял чинимым Борманом притеснениям духовенства, разрешил подчиненным не отрекаться от христианства, не скрывал от партийных функционеров, служивших в его ведомстве, своей веры и крестил детей в церкви.

{34} Так нацисты называли тогда территорию присоединенной Австрии.

{35} Впоследствии его заместитель Виктор Брек, выступая на Нюрнбергском процессе, заявил, что Бухлер и Брандт якобы взялись за это дело из гуманистических соображений, поскольку в руках таких палачей, как Борман и Конти, проект «Эйтаназия» не ограничился бы только неизлечимо больными, страдавшими от невообразимых мучений, а стал бы прикрытием для уничтожения многих тысяч людей по политическим, расовым, национальным и личным мотивам. Что ж, метод самооправдания с использованием тезиса, «чтобы предотвратить нечто худшее», новизной не отличается.

{36} В 1932 году, после отступничества Грегора Штрассера, вознамерившегося сотрудничать с администрацией Гинденбурга, Гитлер объявил о «независимости местных лидеров движения, ответственных отныне только перед фюрером».

{37} Следует иметь в виду: в тот момент планами Гитлера предусматривалось, что война против Советского Союза продлится не более одного года.

{38} Возможно, интраверт Гесс отправился в полет потому, что чувствовал, как неотвратимо Борман прибирает к рукам его власть. Бальдур фон Ширах предположил: «Вероятно, перелет Гесса в Англию стал протестом против негласного отстранения от дел». В тюрьме Шпандау, где после войны Гесс и Ширах просидели вместе двадцать лет и стали добрыми друзьями, бывший лидер союза гитлеровской молодежи попытался выудить у бывшего заместителя фюрера подтверждение этой теории, но его молчаливый собеседник вдруг заявил, что ничего не помнит о каком-то Бормане. Эту же тактику Гесс не раз использовал и в ходе Нюрнбергского процесса. Словом, Шираху не удалось ничего выведать.

{39} В годы первой мировой войны Карл Хаусхофер был генералом армии и немецким военным атташе в Токио.

{40} После покушения на Гитлера в 1944 году Альбрехта вновь заточили в застенки гестапо как участника движения Сопротивления. Незадолго до окончания войны его расстреляли.

{41} Однако один инцидент во время охоты на поклонников оккультизма поставил Бормана в тупик. В мае 1943 года рейхсляйтер Розенберг привлек его внимание к деятельности человека, который называл себя профессором и проводил демонстрации сверхъестественных сил, выглядевшие весьма правдоподобно. Однако, осуществив проверку, партийная канцелярия заявила, что его следует оставить в покое, поскольку он возглавлял исследовательскую группу, занимавшуюся решением военных проблем, а звание профессора ему присвоил сам фюрер по ходатайству командования военно-морского флота.

{42} Год спустя Борман полностью узаконил свои прерогативы, совместно с Ламмерсом закрепив их в постановлении от 16 января 1942 года, согласно которому в его руках также находились все каналы взаимодействия между партией и правительством. Как единовластный официальный представитель НСДАП в правительстве, он имел право от имени партии давать руководящие указания и наставления всем правительственным чиновникам в звании ниже рейхсляйтера, утверждать и отменять их постановления. Кто посмел бы противиться воле партии всемогущего фюрера?

{43} Впрочем, меморандум от 16 июня 1941 года свидетельствовал о согласии, воцарившемся между Борманом и Гиммлером. Предписывалось наделить Гиммлера чрезвычайными полномочиями для проведения любых карательных акций на захваченных территориях. «В течение первых месяцев полиции надлежит действовать жестко и оперативно, не испытывая помех и задержек, которые могут возникнуть вследствие сомнений или нерасторопности гражданских чиновников». Тем самым обеспечивалось неукоснительное исполнение приказа Гитлера: убивать как можно больше, забыть о международных соглашениях. Увидев копию этого документа, Гиммлер поспешил собственноручно написать «дорогому Мартину» послание с выражением «огромной благодарности».

{44} Впоследствии министр оккупированных восточных территорий жаловался, что последний раз беседовал с фюрером наедине аж в 1941 году. В 1942 году Гитлер трижды принимал его, но эти встречи проходили в присутствии Бормана. В действительности в Розенберге уже не было нужды: все, что происходило на Востоке, определялось другими людьми.

Пытаясь оправдаться, незадолго до смерти Розенберг писал, что «стремился установить на Востоке новый европейский порядок, но те, кто занимал ответственные посты, находились под влиянием Бормана и Гиммлера; Гитлер же не пресек их вмешательство». Очевидно, что за двадцать лет политической деятельности бок о бок с Гитлером Розенберг так и не разобрался в характере, в истинных целях и методах своего патрона. Фюрер полагал, что не стоит мешать естественному дарвинскому принципу, и позволял сильному проглотить слабого.

{45} Соответствует званию армейского генерал-майора.

{46} Во время волны арестов, связанных с покушением на фюрера 20 июля 1944 года, Борман вновь отправил Пфаффера за решетку и уже не выпускал из тюрьмы своего бывшего благодетеля.

{47} В мемуарах Шелленберга высказывалось

предположение, что причиной смерти Гейдриха стал приговор высшего «Feme» (Гитлер — Борман — Гиммлер), исполненный наемным убийцей, на роль которого подобрали чеха.

{48} Эта «операция» считается первым массовым убийством с применением специальных средств «техники обезлюживания», подтвержденным документально.

{49} В последний год войны ведомство Бухлера было полностью переведено в подчинение партийной канцелярии, и он — при всех регалиях и высоком ранге — оказался мальчиком на побегушках при Бормане. Однако последнему Бухлер не нужен был и в этой роли; о нем забыли и в сумерках, сгущавшихся над фашистским режимом, даже не обратили внимания на его отсутствие. Он же направил свои стопы к Герингу, надеясь хоть ненадолго найти у того защиту от преследований Бормана. Когда американцы попытались арестовать Бухлера в австрийском Целль-ам-Зее, он и его жена покончили с собой.

{50} «Воля и сила».

{51} После этого случая Борман строго предупредил всех гауляйтеров о том, что ни в коем случае не следует обращаться к фюреру с предложениями смягчить курс в отношении евреев.

{52} Гитлер.

{53} Шпеер полагал, что уже на том этапе Борман решил оттеснить Геринга и стать официальным преемником фюрера.

{54} Mischlinge — метис, полукровка.

{55} Это неудивительно: Борман привык к тому, что все рычаги власти послушны его манипуляциям. Если порой «заедало», он производил соответствующий «ремонт». Он всегда мог предвидеть помехи на уровне высшего руководства третьего рейха, а пронизавшая все общество сеть осведомителей верного ему гестапо, казалось, надежно защищала от любых насильственных выпадов противников снизу. И вдруг 20 июля 1944 года плоды его многолетнего труда повисли на волоске!

{56} Фрау Тодт — вдова министра вооружений, погибшего в авиационной катастрофе. Фрау Клюге — вдова писателя Курта Клюге, которому Борман благоволил.

{57} В соответствии с планом Бормана вскоре после разгрома Германии Мессершмитт возобновил свои работы под «крышей» небольшого предприятия по выпуску скобяных изделий в Испании.

{58} Один из списков таких «крыш» попал в руки американской разведки. В нем насчитывалось около 750 фирм — от Швейцарии до Ближнего Востока и Латинской Америки.

{59} По-видимому, эта работа велась с большим размахом, поскольку в некоторых случаях были выбраны недостаточно

надежные хранители. Так, крестьянин Йозеф Пухер сдал две запаянные металлические коробки, в которых оказалось десять тысяч золотых монет. По его признанию, коробки вручили ему на хранение представители службы Кальтенбруннера.

{60} После разгрома группы армий «Центр» советские войска подошли к границам Восточной Пруссии, и Кох привлек огромные массы населения к рытью противотанковые рвов и окопов.

{61} Численность ополчения постепенно падала, поскольку умудренные старики предпочитали незаметно дезертировать. Подросткам же, прошедшим «школу» гитлерюгенда и воспитанным в духе фанатизма, была уготована роль пушечного мяса. В конце концов из писем Бормана жене исчезло выражение «мой фольксштурм». Лишь такой профан в военном деле, как Борман, впервые оказавшийся на передовой лишь в последние дни войны, мог надеяться, что создание фольксштурма спасет ситуацию.

{62} В середине февраля 1945 года Борман посоветовал жене с началом весны собирать как можно больше дикорастущей зелени, пригодной в пищу. Он зачастую отсылал домой с ежедневно курсировавшими между Берлином и Оберзальцбергом курьерами продукты собственного рациона, упакованные в металлические контейнеры.

{63} По данным американских спецслужб, в 1941 году Германия имела в Южной Америке около миллиона человек. Из немецких колонистов формировались батальоны и роты, которые можно было легко вооружить и превратить в мощную армию. Очевидно, нацисты готовили в Южной Америке трамплин для прыжка на север — в США и Канаду.

{64} Существует версия о том, что американцы обнаружили часть спрятанного золота (точнее, после достижения договоренности места им указали сами нацисты). Однако вывезти богатства якобы не удалось — эшелон с золотом был взорван в тоннеле в Альпах, в результате чего оказался безнадежно заваленным осевшей вершиной.

Иллюстрации

Герда Борман (спиной к камере) с детьми и гувернантками в гостях у Гитлера и Евы Браун. В центре снимка — крестный сын Гитлера Адольф Борман

Адольф Гитлер и Мартин Борман на встрече с будущими матерями «Лебенсборна»

Любовница Мартина Бормана — актриса Маня Беренс

Мартин Борман и его секретарша Герда Кристиан

Жена Бормана — Герда

Свадебный кортеж. Адольф Гитлер — свидетель на свадьбе Мартина Бормана и Герды Бух. Рядом с невестой — ее отец Вальтер Бух

На праздновании дня рождения Адольфа Гитлера в 1938 году. Рядом с Гитлером и Евой Браун — Мартин и Герда Борман

Генерал СС Генрих Мюллер (его инициалы Г. М. трактовали как «Гестапо Мюллер»)

Нашумевшее «открытие» — захоронение «Гестапо Мюллера». На поверку могила оказалась пустой

Адольф Гитлер и Мартин Борман в Оберзальцберге

Сын Мартина Бормана Адольф в баварском госпитале после автомобильной аварии, происшедшей в Южной Америке, где он работал в миссии Ватикана

notes

Notes